

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ
ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

2024. Т. 20. № 3

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

**REPORTS
of the LABORATORY
of ANCIENT TECHNOLOGIES**

2024. Vol. 20. No. 3

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2024

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2024. Т. 20. № 3

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)

Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)

Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)

Крадин Н.Н., академик РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)

Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного технического университета (Астрахань, Россия); профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)

Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)

Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Смирнов Н.Н., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); заведующий отделом Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Тетенькин А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Эрдэнэбаатар Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <https://ildtistu.elpub.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: ildt@yandex.ru

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 3

Editorial board

Editor-in-Chief - Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief - Kharinskii A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)
Kradin N.N., Academician of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russia); Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchenkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Smirnov N.N., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); Head of Department of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)
Teten'kin A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: <https://ildtistu.elpub.ru>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication - 4 times a year.

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"

The subscription code in Ural-Press LLC: 41510

The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.

Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2024. Т. 20. № 3

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Молчанов Д.Н., Песков С.А., Стерхова И.В., Клементьев А.М. Верхнепалеолитическое местонахождение Столбова 3 (долина р. Куды)	8
Ташак В.И., Ковычев Е.В. Палеолитический памятник Сухотино-2: коллекция каменных артефактов из раскопа 1969 г. и её место в палеолите Восточного Забайкалья	25
Вострецов Ю.Е. Реконструкция эволюционных изменений в технологии рыболовства в заливе Петра Великого в среднем голоцене	37
Эрдэнэпүрэв П., Идэрхангай Т.-О., Тишкин А.А. «Оленные» камни в центре сомона Улзийт (Архангайский аймак, Монголия)	50
Ченхе Янг, Номоконова Т., Лозей Р.Дж., Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А., Оргилбаяр С., Ливерс А.Р. Анализ травмы в биоархеологии: обзор и примеры исследований из Прихубсугуля и Тункинской долины	64

ИСТОРИЯ

Шафоростов А.И. История становления мировоззренческой направленности философии	90
Иванов В.Ф. Старатели золотоносных приисков Забайкалья (середина XIX – середина XX в.)	99
Гакгуев Р.Г., Новиков П.А. «Усиленно знакомятся»: Взаимовосприятие иностранных военнопленных и сибирского населения во время Первой мировой и начала Гражданской войн (по запискам И.И. Серебренникова)	108
Петров И.В. Таможенная политика антибольшевистских правительств в 1918–1922 гг.	120
Саранчук А.В. Рынок товаров и услуг в Иркутске в период от Гражданской войны до НЭПа: проблемы нехватки продуктов и роста цен	130
Трухин М.А. «Теневая экономика» ГУЛАГа: на примере Западной Сибири в 30-е годы XX в.	140
Васёнкин А.В. Исторические аспекты развития философии в период правления И.В. Сталина	149
Ожиганов А.Н. Антирелигиозная деятельность и пропаганда в Хакасской автономной области во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х гг.	157
Чжан Пэйюань, Дацышен В.Г. Китаеведение и российско-китайское межрегиональное сотрудничество на примере регионов Сибири	169

РЕЦЕНЗИЯ

Пученков А.С. Российское православие в годы революционного перелома	179
--	-----

НЕКРОЛОГ

О нем будет помнить не одно поколение	183
---	-----

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 3

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Molchanov D.N., Peskov S.A., Sterkhova I.V., Klementyev A.M. The Upper Paleolithic Stolbova 3 site in the Kuda River valley	8
Tashak V.I., Kovychyev E.V. Paleolithic site Sukhotino-2: the collection of stone artifacts from excavations of 1969 and its place in the Paleolithic of Eastern Transbaikalia	25
Vostretsov Yu.E. Reconstruction of technology of fishing during of the Middle Holocene in the Peter the Great Bay	37
Erdenepurev P., Iderkhangai T.-O., Tishkin A.A. “Deer” stones in the center of Ulzyit somon (Arkhangai aimag, Mongolia)	50
Chenhe Yang, Nomokonova T., Losey R.J., Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Portniagin M.A., Orgilbayar S., Lieverse A.R. Trauma analysis in bioarchaeology: a review and case study from Khuvsgul and the Tunka Valley	64

HISTORY

Shaforostov A.I. The history of the formation of the worldview orientation of philosophy	90
Ivanov V.Ph. Gold miners of of Transbaikalia (the middle of the XIX th - the middle of the XX th century)	99
Gagkuev R.G., Novikov P.A. “Intensive acquaintance”: Mutual perception of foreign prisoners of war and the Siberian population during the First World War and the beginning of the Civil War (from notes by I.I. Serebrennikov)	108
Petrov I.V. Customs policy of anti-Bolshevik governments in 1918-1922	120
Saranchuk A.V. The market of goods and services in Irkutsk in the period from the Civil War to the New Economic Policy (NEP): Problems of food shortages and rising prices	130
Trukhin M.A. “The shadow economy of the Gulag”: on the example of Western Siberia in the 30s of the XX century	140
Vasenkin A.V. Historical aspects of the development of philosophy during the reign of J.V. Stalin	149
Ozhiganov A.N. Anti-religious activities and propaganda in the Khakass Autonomous Region in the second half of the 1940s - first half of the 1960s	157
Zhang Peiyuan, Datsyshen V.G. Sinology and Russian-Chinese interregional cooperation using the example of Siberian regions	169

REVIEW

Puchenkov A.S. Russian Orthodoxy in the Years of the Revolutionary Turning point	179
---	-----

OBITUARY

He will be remembered for generations to come	183
---	-----

*The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age.
Excavations by A.V. Kharinskii. Photo by A.B. Danilov*

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2024. Т. 20. № 3

Уважаемые читатели!

**Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».**

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

- история,
- археология,
- этнология,
- рецензия,
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 3

Dear Readers!

**We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».**

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

- History,
- Archaeology,
- Ethnology,
- Review,
- Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Научная статья
УДК 903(571.53)"6325"
EDN: AFNKZQ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-8-24>

Верхнепалеолитическое местонахождение Столбова 3 (долина р. Куды)

Д.Н. Молчанов¹, С.А. Песков², И.В. Стерхова³, А.М. Клементьев⁴

¹ Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

² Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области, Иркутск, Россия

³ Служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области, Иркутск, Россия

⁴ Институт земной коры СО РАН, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования однослойного местонахождения раннего верхнего палеолита Столбова 3, расположенного в нижнем течении долины р. Куды, в 12 км к северо-западу от г. Иркутска в окрестности д. Столбова. В 2012–2013 и 2019 годы на местонахождении проводились геоархеологические исследования, в результате которых получены относительные и абсолютные определения возраста культуросодержащих отложений комплекса. Данные, полученные в результате палеопедологических и палеонтологических исследований в совокупности с абсолютными датировками C^{14} определяют возраст стоянки позднекаргинским временем. Немногочисленная каменная индустрия комплекса характеризуется простым плоскостным расщеплением местного галечного сырья для получения сколов отщеповых пропорций. Орудийный набор коллекции представлен: тремя резцами, оформленными на галечных сколах, одним фрагментом унифасиального орудия и плоской галькой-отбойником. Стратегия использования каменных ресурсов и первичное расщепление находят аналогии в индустриях позднекаргинских комплексов Предбайкалья (Мамоны 2 (2 ур.), Герасимова 1 (2 ур.) и Спартак 1). Материалы стоянки Столбова 3 открывают проблематику индустрий позднекаргинского времени долины р. Куды. Солифлюцированные культуросодержащие отложения стоянки, отражающие природные события прошлого и характерные для синхронных местонахождений этого времени в регионе, на объекте обладают достаточной информативностью, что позволит в дальнейшем рассматривать его опорным для Кудинской долины. Исследуемый объект количественно и качественно дополняет и территориально расширяет круг археологических местонахождений раннего верхнего палеолита Предбайкалья, определяя долину р. Куды, как обширную и перспективную территорию для дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: юг Средней Сибири, Предбайкалье, каргинский интерстадиал, ранний верхний палеолит, бассейн р. Ангара, Кудинская долина, каменная индустрия, стратиграфия, кварц

Для цитирования: Молчанов Д.Н., Песков С.А., Стерхова И.В., Клементьев А.М. Верхнепалеолитическое местонахождение Столбова 3 (долина р. Куды) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 8–24. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-8-24. EDN: AFNKZQ.

Archaeology

Original article

The Upper Paleolithic Stolbova 3 site in the Kuda River valley

Dmitrii N. Molchanov¹, Sergey A. Peskov², Inga V. Sterkhova³, Alexey M. Klementyev⁴

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

² Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russia

³ Service for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russia

⁴ Institute of the Earth's Crust Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia

Abstract. The article presents results of a study of the single-layer Early Upper Paleolithic site Stolbova 3 located in the lower reaches of the Kuda River valley 12 km northwest of Irkutsk in the vicinity of the village of Stolbova. Geoarchaeological studies were conducted at the location in 2012-2013 and 2019. As a result of which relative and absolute age determinations of the cul-

ture-containing deposits of the site were made. The data obtained as a result of paleopedological and paleontological studies, taken together with absolute C14 dating, determine the age of the site as the Late Karga (late MIS 3) time. The limited lithic industry of the complex is characterized by simple planar splitting of local pebble raw materials in order to produce chips of flake proportions. The stone tool set of the collection is presented here by three burins made on pebble chips, a fragment of a unifacial tool and a flat pebble bump. The strategies of using lithic resources and primary splitting technologies have analogies in the industries of the Late Karga assemblages of the Western Baikal region, namely in the level 2 of the Mamony 2 site, the level 2 of the Gerasimova 1 site and the Spartak 1 site. The materials of the Stolbova 3 site reveal the problems of the industries of the Late Karga period of the Kuda River Valley. The soliflucated culture-containing sediments of the site, reflecting natural events of the past and characteristic of synchronous locations of this time in the region, have sufficient information content at the site, which will allow it to be considered a reference for the Kuda valley in the future. The Stolbova 3 site under study quantitatively and qualitatively complements and territorially expands the range of the known Early Upper Paleolithic archaeological sites of the Western Baikal region, defining the Kuda River valley as a vast and promising territory for further investigations.

Keywords: South of Middle Siberia, Western Baikal region, the Karga interstadial, Upper Early Paleolithic, the Angara river valley, the Kuda river valley, stone tool industry, stratigraphy, quartz

For citation: Molchanov D.N., Peskov S.A., Sterkhova I.V., Klementyev A.M. (2024) The Upper Paleolithic Stolbova 3 site in the Kuda River valley. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 8-24. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-8-24. EDN: AFNKZQ.

Введение

Исследования палеолита р. Куды, крупного правого притока р. Ангары, никогда не носили систематический характер, обуславливались эпизодическими и, в какой-то мере, случайными работами, проводимыми на разных геолого-геоморфологических участках долины. Геоморфологическое устройство долины р. Куды определяется её принадлежностью к юго-западной части Предбайкальского прогиба, называемой Кудинская мульда, которая характеризуется мягким пологохолмистым рельефом с небольшими (до 300 м) относительными превышениями водораздельных пространств над днищами крупных речных долин. Абсолютные отметки водоразделов составляют 500–700 метров, постепенно увеличиваясь к северу и востоку к истоку реки. В осевых частях депрессий высоты обрамления не превышают 480–500 м. В северо-восточном простирании долина приурочена к широкой эрозионно-тектонической депрессии ящикообразной формы с обратной асимметрией пологими и средней крутизны склонами северо-западного борта и крутыми (до 20–30°) юго-восточными (рис. 1).

Первое случайное открытие палеолита в бассейне водотока сделано в 1934 г., когда при копке котлована под овощехранилище в д. Бутырки, расположенной в 35-ти км к северо-востоку от Иркутска, найдены грубые каменные изделия палеолитического облика, и фауна, в составе которой выделялись кости мелкого хищника и фрагменты зуба трогонтериевого слона (Соколов, Тюменцев, 1949; Береговая,

1960; Бердникова, Медведев, 1990; Medvedev, 1998). Местонахождение, получившее название Малый Кот, приурочено к высокой правобережной устьевой террасе одноимённой речки, являющейся левосторонним притоком р. Куды. Местонахождение стало пятым палеолитическим объектом, после Военного госпиталя, Верхоленской горы, Переселенческого пункта и Мальты, открытыми, на тот момент, на юге Средней Сибири (Черский, 1872; Уваров, 1881; Овчинников, 1906; Герасимов, 1926; Герасимов, 1931; Медведев, 1983¹; Sitlivy, Medvedev, Lipnina, 1997). Хронологически отнесено к мустьерскому времени и до обнаружения 1969 г. на высоких террасовидных поверхностях правого борта р. Ангары местонахождений поверхностного залегания эолово-коррадированных материалов занимал наиболее древнюю позицию в палеолите Предбайкалья (Medvedev, 1998; Деревянко, 2017). Малый Кот остался загадкой сибирской археологии: коллекция утрачена, точное местоположение забыто, попытки переоткрытия местонахождения не дали положительных результатов (Бердникова, Медведев, 1990). Факт обнаружения этого, любопытного по своему содержанию комплекса, вызывал интерес археологов к дальнейшему изучению долины реки Куды.

В период с 1936 по 1966 гг. в среднем течении р. Куды, в 12–15 км на север, северо-восток от п. Усть-Ордынский открыта группа стратиграфиче-

¹ Медведев Г.И. Палеолит Южного Приангарья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Г.И. Медведев. Новосибирск, 1983. 41 с.

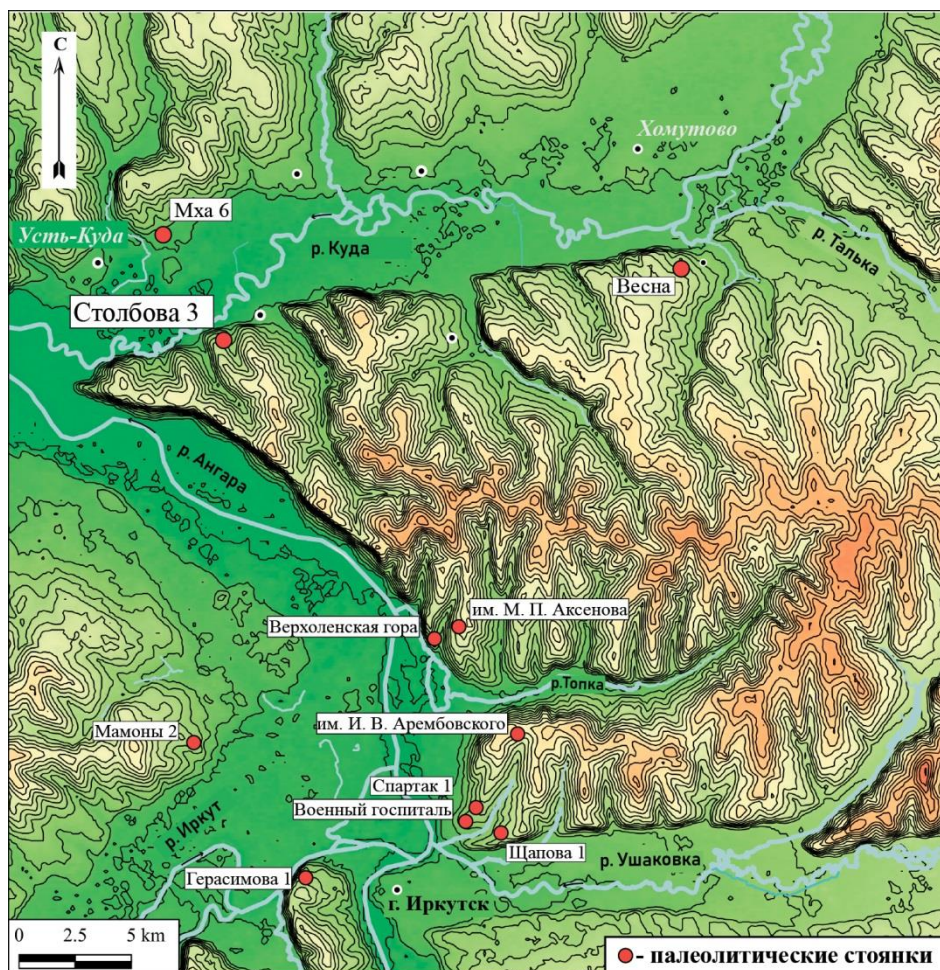

Рис. 1. Схема расположения местонахождения Столбова 3 в контексте ближайших палеолитических объектов
Fig. 1. Layout of the Stolbova 3 site in the context of the nearby Paleolithic sites

ски схожих археологических местонахождений: Базой, Манхай и Укыр (Береговая, 1960; Аксенов, 1971). Материалы местонахождения Укыр М.П. Аксеновым предварительно соотнесены с нижними горизонтами Верхоленьской горы на Ангаре и с нижним слоем Макарово 2 на Лене, определяемыми на сегодняшний день финальным этапом верхнего палеолита.

В последующие годы и до конца XX века продолжают эпизодические исследования в Кудинской долине, выявляются новые местонахождения, представленные в основном пунктами поверхностного залегания материала с различной степенью сохранности поверхностей, также фиксируются единичные стратифицированные находки в шурфах (Свинин, 1979²; Зубков, 1980³; Роговской, 1996а; Роговской, 1996b; Роговской, 1997; Роговской, 1998).

В 1978, 1979 гг. в окрестностях улуса Булуса открыто два местонахождения (Булуса 1, Булуса 2), локализованных на высоких (35–50 метров) поверхностях склонов. Булуса 1 выделено по наличию экспонированного археологического материала, среди находок: крупный бифасиально обработанный наконечник-нож. На местонахождении Булуса 2 обнаружено кварцитовое скребло-нож; в результате шурфовочных работ на контакте распахши и подстилающего слоя зафиксированы трехплощадочный нуклеус из окремненной гальки, обломок ножа с бифасиальной ретушью и массивный кварцитовый скол с негативами предшествующих снятий. В одном из шурфов предметы имели следы четко выраженной ветровой коррозии, свидетельствующей о достаточной древности находок, кото-

² Свинин В.В. Отчет об археологической разведке в долине реки Куды в зоне Кудинской оросительной системы в 1978 г. Иркутск, 1979. Архив ИА АН СССР, р–1.

³ Зубков В.С. Археологические исследования в долине р. Куды в зоне Кудинской оросительной системы в 1979 году. Иркутск, 1980. Архив ИА АН СССР, р–1.

рые, вероятно, были перемещены с более высоких отметок данного участка (Зубков, 1980)⁴.

В 1994, 1995 гг. в среднем течении р. Куды, на водораздельных высоких поверхностях Куды и рек, впадающих в ее бассейн: Куды – Ордушки, Мурын – Куры и Куды – Хульше-Гол, также отдельно стоящей возвышенности, с северной стороны ограниченной р. Булусы, было выявлено представительное количество местонахождений поверхностного залегания археологического материала: Красная Горка 1–5, Харлик 1–3, Таганхой 1, Харанут, Саган-Лагай 1, Гурбыл, Яня-шен, Унхыр, Даха-Ялга, также обследованы ранее известные местонахождения: Булен, Дарбайская степь 1. Материалы местонахождений с различной сохранностью поверхностей каменных находок располагались на высоких гипсометрических отметках поверхностей 70–120 м относительно долин водотоков, в каменных коллекциях отмечено преобладание долечного, радиального и субпараллельного расщепления. На основании анализа морфологических признаков, степени корразии и геоморфологической позиции для местонахождений предложены приблизительные рамки их датирования: 100–80 тыс. л. н.; 50–35 тыс. л. н.; 25–15 тыс. л. н. (Роговской, 1996а; Роговской, 1996b; Роговской, 1997; Роговской, 1998).

Таким образом, к началу XXI века, постепенно расширяется археологическая источниковая база палеолита долины р. Куды, формируется проблематика корразированных и экспонированных местонахождений, ставится проблема хроностратиграфической привязки открытых экспонированных местонахождений, остро проявляется отсутствие стратифицированных комплексов.

В начале XXI века качественно дополнились данные по палеолиту Кудинской долины в связи с открытием и первоначальным изучением в нижнем течении Куды группы стратифицированных местонахождений – Весна, Столбово 3, Мха 6, материалы которых поэтапно вводятся в научный оборот (Песков, Клементьев и др., 2018, Молчанов, Песков и др., 2021, Rybin, Mescherin et al., 2023,

Рыбин, Хаценович, 2023; Песков, 2013⁵; Песков, 2014⁶; Молчанов, Николаев, Песков, 2021).

Целью данной статьи ставится публикация всех имеющихся на сегодняшний день материалов местонахождения Столбово 3, которые позволяют встроить его в контекст существующих палеолитических комплексов юга Средней Сибири в целом и Кудинской долины в частности.

Материалы

Местонахождение Столбово 3 находится южнее д. Столбова и в 12 км к северо-западу от г. Иркутска, расположено в нижнем течении левобережья долины р. Куды, на склоне северо-восточной экспозиции левого устьевого мыса безымянной пади с высотными отметками 23–32 м относительно поймы водотока (рис. 1).

Стоянка открыта в 2012 г. в результате шурфовочных работ, проведенных в границах участка под новое малоэтажное строительство (Песков, 2013)⁷. На поверхности склона на незначительном удалении друг от друга выполнена серия из 6 шурфов, в трех из которых зафиксированы каменные орудия и колотые кости плейстоценовых животных (рис. 2). Установлено, что материальные остатки связаны с субэзральными делювиальными отложениями.

В 2013 г. проведены работы по уточнению границ местонахождения (Песков, 2013)⁸. Выполнено 15 шурфов, в семи из которых обнаружены колотые кости животных и предметы из камня, залегающие в аналогичной стратиграфической ситуации, зафиксированной в 2012 г. (рис. 2).

⁵ Песков С.А. Отчет О проведении археологических научно-исследовательских работ в Иркутской области: в Иркутском, Шелеховском, Качугском, Жигаловском районах, Баяндаевском районе Усть-Ордынского Бурятского национального округа в 2012 году. Иркутск, 2013. Т. 1, 2. Архив ИА РАН.

⁶ Песков С.А. Отчет о проведении археологических научно-исследовательских работ в Иркутской области: в Шелеховском, Иркутском и Качугском районах в 2013 году по Открытому Листу № 573 от 20.06.2013 г. Иркутск, 2014. Архив ИА РАН.

⁷ Песков С.А. Отчет О проведении археологических научно-исследовательских работ в Иркутской области: в Иркутском, Шелеховском, Качугском, Жигаловском районах, Баяндаевском районе Усть-Ордынского Бурятского национального округа в 2012 году. Иркутск, 2013. Т. 1, 2. Архив ИА РАН.

⁸ Там же.

⁴ Зубков В.С. Археологические исследования в долине р. Куды в зоне Кудинской оросительной системы в 1979 году. Иркутск, 1980. Архив ИА АН СССР, р–1.

В 2019 г. проведены работы по уточнению стратиграфии и генезиса отложений (Молчанов, Николаев, Песков, 2021). В центральной части площади местонахождения, на участке с наиболее информативной стратиграфией (рис. 2), выполнен шурф № 22 с целью отбора образцов для проведе-

ния геохимического анализа отложений. Стратиграфия шурфа 22 представлена следующим образом (рис. 3):

Слой 1. Суглинки средние, гумусированные, серого цвета с фрагментами светло-бурого цвета запаханного нижележащего слоя 2. Слой нарушен в

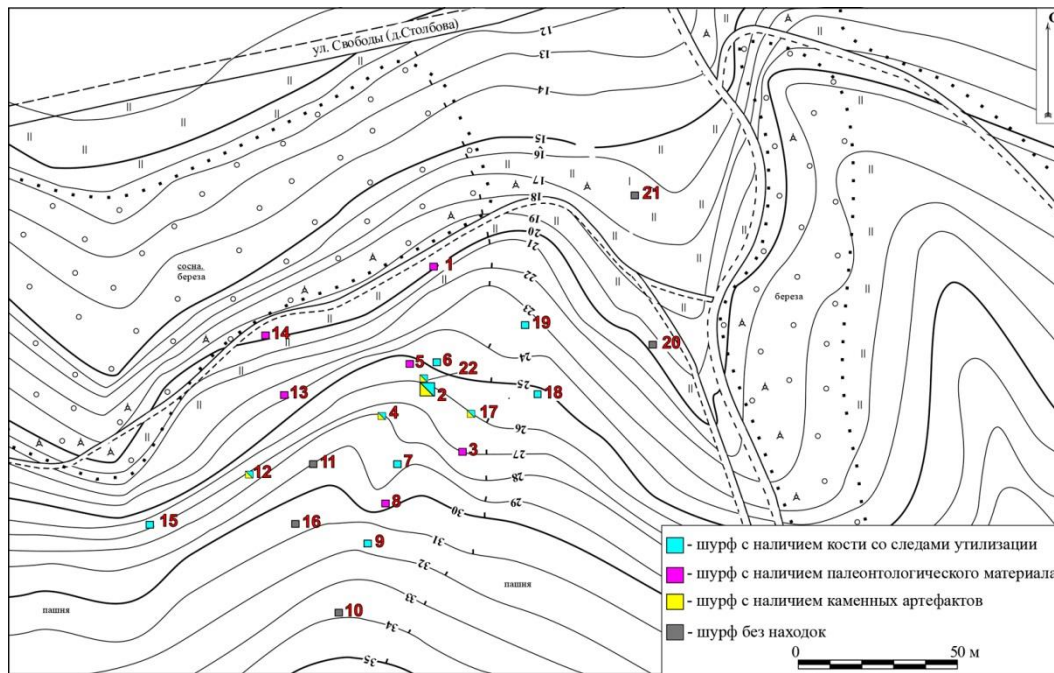
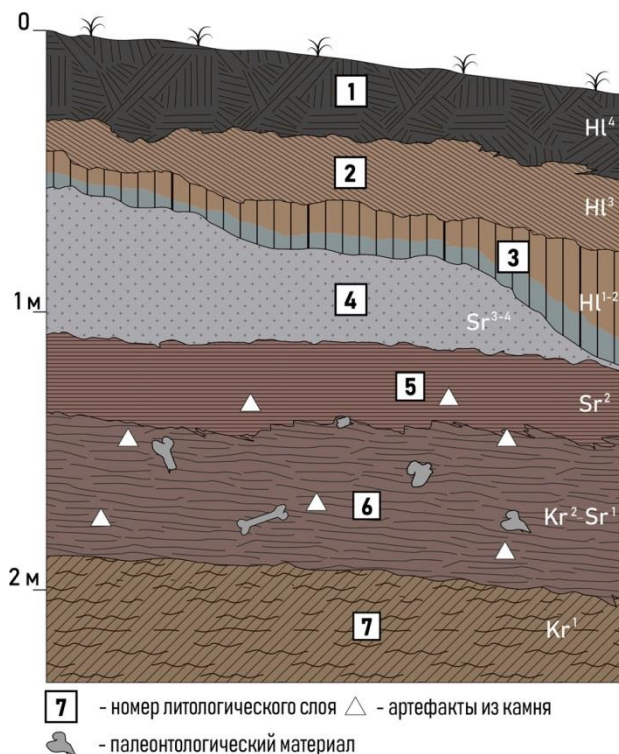

Рис. 2. Схема местонахождения Столбова 3 с указанием мест закладки разведочных шурфов
Fig. 2. Layout diagram of the Stolbova 3 site indicating location of the test-pits

1-12 - места отбора образцов для геохимического анализа отложений

Рис. 3. Сводный стратиграфический разрез местонахождения Столбова 3
Fig. 3. Summary stratigraphic section of the Stolbova 3 site

прошлом перепашкой. Слой не уплотнён, с включениями в виде корней травяной растительности. Переход в нижележащий слой явный, резкий, граница волнистая, неровная, по перепашке (индекс горизонта: AY-AEL-BT)_{tr}; номер отбора образца: 1). Мощность: 0,2–0,3 м.

Слой 2. Суглинки средние, светло-бурого цвета. Слой сохранился частично из-за вовлечения его кровли в перепашку. Слой влажноватый, плотный. Включения в виде единичных корней травяной растительности и кротовин. Новообразования не зафиксированы. Переход в нижележащий слой неясный, граница волнистая (индекс горизонта: BT; номер отбора образца: 2). Мощность: 0,1–0,3 м.

Слой 3. Суглинки средние, буроватые (вероятно, погребённая почва?) и сизоватые (оглеённые). Слой плотный, влажноватый, нарушен криогенными процессами по подошве. Включения в виде единичных корней травяной растительности. Новообразования не зафиксированы. Переход в нижележащий слой явный, граница неясная, рваная, маркируется по уровню высыхания карбонатов (индекс горизонта: Cg (hh); номер отбора образца: 3, 4). Мощность: 0,1–0,2 м.

Слой 4. Суглинки средние, светлые сизоватые (оглеённые и сильноокарбоначенные), при высыхании – с белёсыми карбонатными пятнами. Присутствуют новообразования – в виде обильных карбонатных стяжек и псевдомицелия. Слой плотный, сухой, местами трещиноватый. В подошве и кровле нарушен криогенными процессами – разорван и переслаивается с вышележащим слоем. Переход в нижележащий слой явный, граница неровная (индекс горизонта: C_{ca}; номер отбора образцов: 5, 6). Мощность: 0,2–0,5 м.

Слой 5. Суглинки средние, бурые, тонкослоистые. Слой плотный, влажноватый. Слой нарушен криогенными процессами. Присутствуют новообразования в виде мицелярных карбонатов. Переход в нижележащий слой неясный, граница волнистая (индекс горизонта: C_{dl}; номер отбора образца: 7). Мощность: 0,1–0,25 м.

Слой 6. Суглинки тяжёлые, тёмно-бурые, солифлюцированные. Слой плотный, влажноватый, крупнослоистый. В толще зафиксированы прослойки тёмно-серого гумусированного материала – замкнутые фрагменты древних почв. Слой нарушен криогенными процессами. Присутствуют характер-

ные для солифлюксия новообразования – мицелярные карбонаты, железистые конкреции. Переход в нижележащий слой явный, граница волнистая (индекс горизонта: C_{sol}; номер отбора образцов: 8, 9). Мощность: 0,5–0,6 м.

Слой 7. Суглинки средние, сизоватые (оглеённые) и желтоватые. Подслои залегают субпараллельно. В кровле нарушены криогенной трещиной, заложённой из вышележащего слоя 5. Новообразования – в виде карбонатных стяжек и мицелия, пятен окисленного железа. Слой прослеживается по западной и южной стенкам шурфа. По северной и восточной – уходит ниже уровня криогенной трещины (индекс горизонта: C_{dl}; номер отбора образцов: 10, 11, 12). Вскрытая мощность до 0,4 м.

Археологические и палеонтологические материалы фиксируются в составе делювиально-солифлюцированных суглинков, в слоях 5, 6 вышеописанного разреза.

Свойства почв и отложений

По особенностям состава и строения в разрезе выделяется голоценовая часть, представленная современной почвой (слои 1–3) и доголоценовая часть (слои 4–7), представленная позднеплейстоценовыми отложениями сартанского и каргинского возраста.

Особенностью верхней голоценовой части отложений является нарушенность верхних горизонтов перепашкой, которая, вероятно, производилась однократно (первичная глубокая вспашка), т. к. субстрат в слое 1 плохо перемешан, фиксируются фрагменты исходных горизонтов. Перепашка была произведена достаточно давно, т. к. поверхность слоя 1 уже хорошо задернована.

Гранулометрический состав отложений представлен в табл. 1. В голоценовой толще, состав слоя 1 более лёгкий, супесчаный по отношению к нижележащим отложениям в слоях 2, 3. Далее по профилю состав – суглинистый, содержание физической глины – от 17 до 31 %. В профиле доминирует содержание фракции мелкого песка (55–76 %).

Почвы обладают очень сильной текстурной дифференциацией профиля. Коэффициент текстурной дифференциации (КД) = 2,46. Иллювирирование пылеватых частиц возможно за счет очень рыхлого сложения слоя 1 и его супесчаного состава.

Гранулометрический состав позднеплейстоценовых отложений в основном супесчаный (со-

Таблица 1. Гранулометрический состав отложений местонахождения Столбова 3
Table 1. Granulometric composition of sediments at the Stolbova 3 site

Слой, индекс гор-та	№ обр.	Размер фракций в мм, содержание в %							Название гранулометрического состава
		Песок крупный и средний 1–0,25	Песок мелкий 0,25–0,05	Пыль крупная 0,05–0,01	Пыль средняя 0,01–0,005	Пыль мелкая 0,005–0,001	Ил грубый и тонкий <0,001	Сумма фракций <0,01	
1 (AY-AEL-BT) _{tr}	1	22,9	56,4	7,4	2,2	4,2	6,9	13,3	Средне-мелкопесчаные супеси
2	2	1,0	45,2	22,8	3,7	10,3	17,0	31,0	Крупно-пылевато-мелкопесчаные лёгкие суглинки
3 Cg(hh)	3	1,0	55,8	15,8	7,2	8,2	12,0	27,4	Крупно-пылевато-мелкопесчаные лёгкие суглинки
	4	1,0	76,0	5,9	1,0	6,5	9,6	17,1	Мелко-песчаные супеси
4 C _{Ca}	5	2,4	52,5	14,6	4,5	10,1	15,9	30,5	Иловато-мелкопесчаные средние суглинки
	6	7,2	64,2	9,2	4,0	7,6	7,8	19,4	Мелкопесчаные супеси
5 C _{dl}	7	5,0	78,0	3,6	0,9	5,3	7,2	13,4	Мелкопесчаные супеси
6 C _{sol}	8	4,4	82,0	2,1	1,0	4,3	6,2	11,5	Мелкопесчаные супеси
	9	4,0	79,5	0,8	1,3	3,4	11,0	15,7	Мелкопесчаные супеси
7 C _{dl}	10	3,7	78,0	3,8	1,7	4,8	8,0	14,5	Мелкопесчаные супеси
	11	3,7	77,2	4,0	2,2	5,2	7,7	15,1	Мелкопесчаные супеси
	12	25,5	62,1	4,6	1,5	2,3	4,0	7,8	Средне-мелкозернистые пески

держание частиц <0,01 мм 11–19 %), за исключением верхней части слоя 4 (суглинки) и подстилающих отложений в слое 7 (пески). Во всей толще данных отложений также значительно доминирует содержание фракции мелкого песка (52–82 %).

Максимальное содержание фракции крупной пыли характерно для верхней части вскрытых отложений (слои 1–4). Здесь её содержание варьирует от 5,9 до 22,8 %. Минимальное содержание крупной пыли приурочено к позднеплейстоценовой толще (слои 5–7) – 0,8–4,6 %. Это свидетельствует о том, что в период формирования данных

отложений были активны эоловые процессы, влияние которых уменьшилось в голоценовое время.

Результаты химических исследований почвы представлены в табл. 2. Вся толща отложений является нейтрально-слабощелочной, pH варьирует от 6,80 до 7,75. В голоценовых почвенных отложениях (слои 1–3) реакция pH нейтральная (6,80–7,05), что является нормой.

В плейстоценовой толще pH слабощелочная (7,40–7,75), что объясняется присутствием большого количества карбонатов, сконцентрированных в основном в слое 4 вскрытой рыхлой толщи. В этом

Таблица 2. Химические свойства отложений местонахождения Столбова 3
Table 2. Chemical properties of sediments from the Stolbova 3 site

Слой, индекс гор-та	№ обр.	pH _{H2O}	Гумус, %	Обменные основания, ммоль/100 г			
				Ca ²⁺	Mg ²⁺	ΣCa ²⁺ Mg ²⁺	Ca ²⁺ /Mg ²⁺
1 (AY-AEL-BT) _{tr}	1	6,80	1,55	21,00	4,00	25,00	5,25
2 BT	2	7,05	0,13	19,00	8,00	27,00	2,38
3 Cg(hh)	3	7,05	0,22	17,50	8,50	26,00	2,06
	4	6,95	0,57	19,95	6,52	26,47	3,06
4 C _{Ca}	5	6,90	0,51	19,30	3,90	23,20	4,95
	6	7,40	0,58	17,15	6,40	23,55	2,68
5 C _{dl}	7	7,70	1,05	22,15	6,70	28,85	3,31
6 C _{sol}	8	7,50	1,23	25,00	7,15	32,15	3,50
	9	7,75	0,88	20,70	6,05	26,75	3,42
7 C _{dl}	10	7,50	0,53	17,50	4,30	21,80	4,07
	11	7,50	0,77	15,70	3,90	19,60	4,03
	12	7,55	0,20	9,95	2,85	12,80	3,49

слое наблюдается присутствие обильных новообразований карбонатов – пятна, полосы и в виде псевдомицелия. Наибольшие щелочные показатели pH зафиксированы в делювиально-солифлюцированных слоях 5, 6 плейстоценового периода – 7,70–7,75.

Распределение гумуса в отложениях имеет закономерную картину убывания его вниз по профилю. Однако особенностью является его очень низкое содержание в верхнем гумусированном слое 1. Вероятно, это связано с тем, что слой турбированный и на общее содержание в нём гумуса повлиял вовлечённый перепашкой нижележащий горизонт BT, обеднённый гумусом.

В позднплейстоценовой толще отложений содержание гумуса также довольно низкое (0,20–0,88 %), за исключением делювиально-солифлюцированных слоёв 5, 6, где содержание гумуса немного возрастает и составляет 1,05–1,23 %. Это объясняется наличием в данных слоях замкнутых фрагментов древних каргинских почв (Kr² 41–24 тыс. л. н. – верхнеосинские почвы Os²).

Содержание суммы обменных катионов Ca²⁺ и Mg²⁺. Как известно, Ca²⁺ и Mg²⁺ являются биогенными элементами и накапливаются растениями, произрастающими в период благоприятных климатических условий. В данной толще наибольшие значения содержания Ca²⁺ и Mg²⁺ приурочены к

верхнему гумусированному горизонту (слой 1), а также к слоям с фрагментами погребённых почв (слои 5, 6), маркируя слои со следами почвообразования. Такая же закономерность прослеживается по сумме обменных Ca и Mg. Максимальное содержание элементов фиксируется в верхних голоценовых отложениях и в слоях 5, 6 плейстоценовой толщи.

Соотношение Ca²⁺/Mg²⁺ имеет максимальное значение в верхнем слое 1, что указывает на хорошую биологическую активность современных почв, т. к. кальций является более биофильным элементом, чем магний.

Интерпретация стратиграфии и генезиса отложений

Стратиграфия отложений рассматривается по аналогии с опорными разрезами Приангарья, в рамках существующей климатостратиграфической схемы региона (Воробьева, 2010).

Слои 1–4 – почва серая текстурно-дифференцированная турбированная глееватая, формировавшаяся на сартанских делювиальных и солифлюцированных супесях. Формула профиля почвы (AY-AEL-BT)_{tr}-BT-C. Генезис минерального субстрата делювиальный, возраст отложений – голоценовый, за исключением горизонта C_{Ca} (Слой 4).

Самый верхний слой – горизонт (AY-AEL+BT)tr – это турбированный горизонт AY +AEL с частично вовлечённым нижележащим горизонтом BT. Слой 2 – горизонт BT сформирован в среднем голоцене (Hl^{2-3}) – 8,0–6,5 тыс. л. н.

Слой 3 – горизонт Cg(hh) – раннеголоценовая примитивная погребённая почва, имеющая ранне-голоценовый возраст (Hl^1) – 10,3–8,0 тыс. л. н.

Слой 4 – горизонт Csa – имеет средне-позднесартанский возраст (Sr^{3-4}) – от 16–14 тыс. л. н. до 14–10,3 тыс. л. н., и эолово-делювиальный генезис.

Слой 5 – горизонт Cdl имеет делювиальный генезис и сформирован в раннесартанское время (Sr^{1-2}) – 24–18–16 тыс. л. н.

Слой 6 – горизонт Csol – солифлюцированный субстрат с седиментами каргинских почв, сформированный в позднекаргинский-раннесартанский период (Kr^2 – Sr^1) – 42–24 тыс. л. н. – 24–21 тыс. л. н.

Слой 7 – горизонт Cdl – каргинский делювиальный субстрат (Kr^1), сформированный в период 42–55 тыс. л. н.

Археозоологический контекст

На местонахождении зафиксирован многочисленный и представительный палеонтологический материал общим количеством 154 ед., происходящий из 16 шурфов и техногенной подрезки склона (кость мамонта). Большая часть костей является неопределимой (63,64 %), среди определимых установлено присутствие шести видов крупных млекопитающих (35,5 % от общей коллекции): первобытный бизон (*Bison priscus* – 20,13 %), ископаемая лошадь (*Equus ferus* – 7,79 %), северный олень (*Rangifer tarandus* – 3,25 %), благородный олень (*Cervus canadensis* – 3,25 %), шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis* – 1,30 %; *Mammuthus primigenius* – 0,65 %). Несмотря на естественные видоизменения костей в процессе тафономизации (выветренность, следы сапротрофов), 15 % костей несут ясные следы искусственного раскалывания (рис. 4).

Наиболее обильными являются остатки первобытного бизона, представленного костями конечностей от двух разных особей (установлено по односторонним пяточным костям задней конечности). Обе пяточные кости лишены пяточного бугра при силовом воздействии на этот отдел кости (сле-

ды погрызов отсутствуют). Кости принадлежали взрослым особям.

Одна из особей представлена почти полным набором костей голеностопного сустава (отсутствует лишь заплюсневая (2+3) кость). По всей вероятности, данный сустав был погребен целиком и разрушился при последующем формировании слоя. На костях этого сустава наблюдаются следы разных воздействий. На большой берцовой кости в области разрушения диафиза наблюдаются следы радиальных изломов, сильно измененные при тафономизации (заглаженность, следы сапротрофов). У фрагмента плюсневой кости на краевых частях диафиза по всему периметру наблюдается серия сколов, образовавшихся при ударном воздействии (вероятно, при выколачивании костного мозга). Поверхности сколов с характерными для намеренных снятий углублениями и изломом. Кости собственно сустава (таранная и лодыжковая), кроме пяточной, являются целыми и несут следы почвенных сапротрофов. Кости голеностопного сустава имеют экзостозные разрастания, что говорит о старом возрасте особи.

Элементы скелета других млекопитающих единичны и предоставляют немного информации. Кости носорога и благородного оленя (анатомически последовательные фаланги) сильно повреждены с поверхности почвенными сапротрофами. На эпифизарных участках локтевой кости носорога имеются хорошо выраженные каверны от погрызов мелких млекопитающих. Дистальный фрагмент большой берцовой кости северного оленя явно является продуктом раскалывания целой кости. Несколько неопределимых фрагментов костей также являются продуктами искусственного расщепления (раскола).

Каменная индустрия

Коллекция каменных артефактов представлена 37 предметами, происходящими из 5 шурфов (№ 2, 4, 12, 17, 22), основная часть из которых найдена в шурфе № 12 (4 м²), где наряду с одиночно рассеянными по площади находками, было обнаружено скопление кварцевых предметов (рис. 5). Компактная тафономия скопления может быть обусловлена микрозападиной в палеорельефе, выступившем «накопителем» для предметов, изначально локализовавшихся рядом, либо залеганием

Рис. 4. Кости плейстоценовых животных со следами искусственного воздействия, зафиксированные на местонахождении Столбова 3

Fig. 4. Bones of Pleistocene animals with traces of artificial influence found at the Stolbova 3 site

предметов *in situ*, которые не были вовлечены в солифлюкцию. В шурфе зафиксирован вертикальный разброс находок по солифлюкционным отложениям в пределах 45 см, отмечена аппликация предмета из скопления и кварцевого нуклеуса, залегающего выше по отложениям на 40 см (рис. 6.5,7).

В плане использования каменных ресурсов в индустрии отмечается преобладание белого, беложелтого, бело-розового и серого кварца (70,3 %), остальное сырьё представлено в меньшем количе-

стве, это – эффузив (8,1 %), кремль, окварцованный песчаник, окремненный аргиллит и порфир в равном соотношении (5,4 %). Наличие сколов декорткации позволяет уверенно судить о плитчатом происхождении аргиллитового сырья и галечном кварцевом, эффузивном, порфировом субстрате.

Нуклевидные предметы в коллекции представлены 5 экз. В их числе три типологически определенных нуклеуса плоскостного принципа расщепления (рис. 6.1–3), два предмета классифицированы как чопперы-нуклевидные (Васильев, Бозински

Рис. 5. Скопление кварцевых артефактов, зафиксированное в шурфе № 12
Fig. 5. A cluster of quartz artifacts found in the test-pit No. 12

и др., 2007)⁹, отражающие тот же плоскостной принцип расщепления.

Плоскостные монофронтальные нуклеусы радиального скалывания представлены 2 экз. (рис. 6.5, 6). Оба оформлены на гальках кварца. Предметы имеют овальную форму в плане и близкие размер. На поверхностях скалывания нуклеусов читаются негативы сколов с пропорциями отщепов, нанесенные радиально, снятиями с неподготовленных галечных поверхностей – контрфронта. Вероятней всего, в данных случаях для нуклеусов были использованы гальки размером не более 10 см. Аппликация нуклеуса и резца, оформленного на галечном сколе (рис. 6.5, 7), демонстрирует, что для нуклеуса была использована каплевидная по форме галька.

Плоскостной монофронтальный нуклеус продольного скалывания зафиксирован в единственном экземпляре (рис. 6.19), оформлен на порфировой гальке. На его поверхности скалывания фикси-

руются негативы снятий с пропорциями отщепов, нанесенные с противоположных неподготовленных галечных площадок. На латерелях фиксируется оформляющие снятия, возможно, декортикации гальки.

Чопперы-нуклевидные в коллекции 2 экз. Первый оформлен на кремневой подтреугольной в поперечном сечении гальке, на поверхности поперечного раскола фиксируются три негатива снятий, два из которых имеют пропорции удлинённого отщепа. На этом же предмете фиксируется одно короткое снятие с поверхности раскола по естественной грани гальки (рис. 6.1). Второй предмет оформлен на кварцитовой овальной в поперечном сечении гальке, на поверхности поперечного раскола фиксируются негативы радиальных снятий сколов отщеповых пропорций (рис. 6.18).

Гальки со сколом апробации в коллекции представлены 2 экз. Первая представлена уплощенной, каплевидной по форме галькой из эффузивного сырья. Вторая – овальной по форме галькой кварца (рис. 6.17).

Индустрия сколов составляет 26 экземпляров. Среди них в наибольшем количестве преобладают отщепы – 23 экз. (88,4 %). Первичные отщепы

⁹ Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гиля Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с.

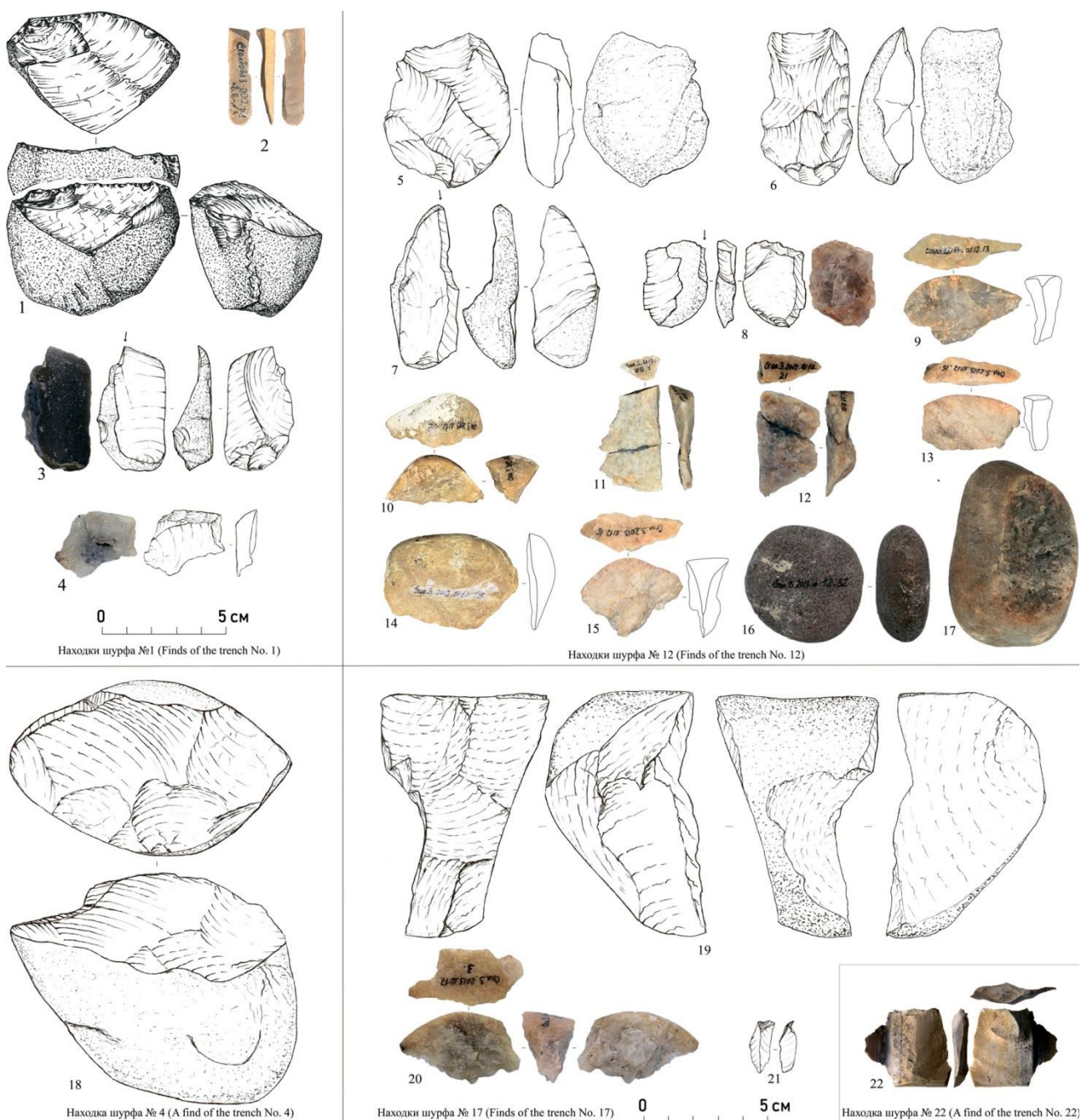

Рис. 6. Археологический материал местонахождения Столбова 3: 1-4 – находки шурфа № 4; 5-17 – находки шурфа № 12; 18 – находка шурфа № 4; 19-21 – находки шурфа № 17; 22 – находка шурфа № 22

Fig. 6. Archaeological material from the Stolbova 3 site: 1-4 - finds of the test-pit No. 4; 5-17 - finds of the test-pit No. 12; 18 - a find of the test-pit No. 4; 19-21 - finds of the test-pit No. 17; 22 - a find of the test-pit No. 22

представлены в количестве 5 экз., вторичные – 17 экз., полупервичный отщеп представлен в единственном экземпляре. Целых отщепов 17 экз., по соотношению длины и ширины среди них преобладают укороченные отщепы. По форме в плане преобладают треугольные, в меньшем количестве фиксируются отщепы сегментовидных, овальных, прямоугольных, трапециевидных, ромбовидных и аморфных очертаний. Отщепы с сохранившимися

талонами (17 экз.) в 14 случаях сохраняют естественную галечную поверхность (рис. 6.15), в двух случаях талон фасетированный, в одном случае двугранный.

Сколы с пропорциями пластин 3 экз. (11,6 % от общего кол-ва сколов) представлены: одной первичной пластиной, снятой с плитки аргиллита (рис. 6.2); одним проксимальным фрагментом полупервичной широкой пластины с фасетированным

талоном (рис. 6.22); одним фрагментом краевой кремневой пластины, снятой с нуклеуса параллельного скалывания (рис. 6.2).

Орудия в коллекции представлены 5 экземплярами.

Резцы 3 экз. Первый резец выполнен на удлинённом кварцевом сколе, снятом с галечного нуклеуса, резцовый скол нанесен с неподготовленной галечной поверхности на правый маргинал заготовки. Левый маргинал и проксимальный сегмент орудия сохраняют естественную галечную поверхность – обушок (рис. 6.7). Второй резец оформлен на полупервичном отщепе, как и у первого орудия, резец сформирован по правому маргиналу сколом с предварительно оформленной крутыми снятиями поверхности. На проксимальном конце предмета фиксируются круто нанесённые снятия, вероятно, для уплощения основание орудия (рис. 6.8). Третий резец выполнен на толстом кварцевом отщепе. Резцовый скол сформирован по левому маргиналу заготовки, кроме него на двух участках предмета фиксируются следы вторичной обработки. Диагностируется скол по вентральному фасу, уплощающий и заостряющий край правого маргинала предмета (где локализуется резцовый скол), также фиксируются сколы уплощения проксимального сегмента предмета – точки вероятного насада орудия (рис. 6.3).

Фрагмент унифасиального орудия. На одном из краев отщепе локализуется круто оформленный дорсальной ретушью участок, вероятно, предмет является фрагментом скребкового орудия (рис. 6.4).

Галечный отбойник, для изготовления которого использована округло-уплощенная галька с шершавой галечной поверхностью. По краям предмета фиксируются участки забитости. Предмет зафиксирован в шурфе № 12, из которого происходит основная часть кварцевых нуклеусов и сколов (рис. 6.16).

Обсуждение

Исследования стратиграфии местонахождения с проведением анализа химических свойств отложений позволяют датировать культуровмещающие отложения комплекса в хронодиапазоне 24–41 тыс. л. н. Данные отложения деформированы в ранне-сартанское время процессами солифлюксия (Sr^1), в

состав вовлечены почвы позднекаргинского периода (Kr^2), вероятно, верхнеосинские почвы (Воробьева, 2010). Фаунистический состав не противоречит палеопедологическим данным и представлен основными видами фауны позднекаргинского времени: первобытный бизон, ископаемая лошадь, шерстистый носорог, мамонт, северный олень, благородный олень. Доминирующими видами являются характерные для этого времени представители – первобытный бизон и лошадь (Клементьев, 2013). Совокупные выводы палеопедологических и палеонтологических исследований подкрепляются данными радиоуглеродного датирования образцов искусственно колотой кости животных, являвшихся, вероятно, объектами охоты – 31060 ± 580 (GV 3403); 32850 ± 591 (GV 3402).

На местонахождении материальные остатки связаны исключительно с солифлюцированными отложениями, которые в вертикальном профиле исследуемого участка распространяются неравномерно, где-то выклиниваются вверх к дневной поверхности, либо западают по трещинам. Данные особенности обусловлены сетью полигональных структур, формировавшихся на этой поверхности в первой половине сартанского периода (конфигурацию полигонов и их размеры можно проследить только при изучении памятника большой площадью). Анализ пространственного распространения находок позволяет предполагать единство комплекса, на что указывает сырьевое предпочтение. Схожий по петрографии кварц зафиксирован в четырех шурфах: в трех, расположенных близко друг от друга (№ 2, 4, 17), и одном шурфе (№ 12), удаленном от них на расстояние около 50 м. Кроме этого, наблюдаются схожие технико-типологические характеристики в каменной индустрии, схожая техника скола, применяемая к сырью (кварцу, порфиру и кварциту, имевшему во всех случаях галечное происхождение). Нуклеусы из данного сырья утилизировались без подготовки ударных площадок, скалывание производилось с естественных неподготовленных галечных поверхностей в плоскостном принципе расщепления, в радиальной, либо субпараллельной системе скалывания, с минимальной подготовкой исходной заготовки. Фактически из данных субстратов не зафиксировано ни одной пластины. Производимые с них заготовки – сколы отщеповых пропорций,

составляют почти 90 % от общего количества сколов, у 82 % сколов с сохранившимися талонами они представлены естественной галечной поверхностью, что также демонстрирует преобладание данного расщепления.

В каменной индустрии в незначительном количестве присутствует пластинчатый компонент, представленный снятиями, с пропорциями асимметричных пластин, выполненных из кремня и окремненного аргиллита и произведенных, вероятно, с нуклеусов, требующих более специализированной подготовки. Орудийный набор индустрии немногочислен, представлен тремя резцами, фрагментом скребкового орудия и галечным отбойником. Резцовые формы орудий, преобладающие в индустрии комплекса, являются характерными для верхнего палеолита предметами. В целом наиболее выразительным в индустрии является преобладание кварцевого сырья и техника скола.

Наиболее близкие аналогии рассматриваемой индустрии усматриваются в позднекаргинских местонахождениях: Спартак 1, Мамоны 2 (ур. 2), Герасимова 1 (ур. 2), расположенных в радиусе 13–16 км от Столбова 3. Каменное производство этих комплексов базируется на простом расщеплении местного галечного сырья, направленном на получение сколов отщеповых пропорций, с минимальной подготовкой нуклеусов (Семин, Когай, Роговской, 2014, Липнина, Когай, 2015, Когай, Роговской, 2017). В сырьевом плане, наибольшее количество непосредственно кварца фиксируется в индустрии Герасимова 1 (ур. 2), составляет чуть более 20 %, на Мамоны 2 в меньшем количестве 3,6 %, на Спартак 1 – 0,36 %.

Заключение

Исследования последних десятилетий, проводимые в Кудинской долине, позволили выявить в нижнем ее течении стратифицированные местонахождения палеолита. Характер седиментации культуросодержащих отложений этих комплексов позволяет определить их относительный и радиоуглеродный возраст. Фаунистические ассоциации и каменные коллекции, полученные на этих место-

нахождениях, делают возможным вписать их в уже существующий контекст палеолита региона.

Столбова 3 является вторым комплексно исследованным местонахождением верхнего палеолита в Кудинской долине. Согласующиеся палеопедологические и палеонтологические данные оценивают возраст комплекса позднекаргинским временем. Эти выводы подкрепляются радиоуглеродными датировками, полученными по образцам искусственно колотых костей: 31 060±580 л. н. (GV 3403); 32 850±591 л. н. (GV 3402).

Каменная индустрия Столбова 3 демонстрирует простое плоскостное расщепление галечного сырья, направленное на получение сколов отщеповых пропорций. Схожая стратегия использования каменного сырья отражает индустрии позднекаргинских комплексов раннего верхнего палеолита на территории Предбайкалья – Мамоны 2, Герасимова 1 и Спартак 1.

Полученные ранее радиоуглеродные определения возраста Герасимова 1 (уровень 2) охватывают широкий диапазон: 26985±345 (COAH–7221), 28240±370 (COAH–7329), 28300±270 (COAH–7331), 28350±300 (COAH–7539), 28700±260 (COAH–7222), 29110±285 (COAH–7538), 32110±260 (KGM–857), 33610±370 (COAH–7540), 35890±420 (COAH–7541), 36750±380 (KGM–856), Мамоны 2 (уровень 2), представлены тремя датами: 31 400±150 л. н. (ГИН–8480), 33 080±1138 л. н. (NskA–s418), 40 700±1300 л. н. (OxA–27848) (Липнина, Когай, 2015, Когай, Роговской, 2017). Определения C^{14} , полученные для Столбова 3, коррелируются со средними значениями дат Герасимова 1 и более молодыми датами Мамоны 2.

Материалы стоянки Столбова 3 открывают проблематику индустрий позднекаргинского времени долины р. Куды. Солифлюцированные культуросодержащие отложения стоянки, отражающие природные события прошлого и характерные для синхронных местонахождений этого времени в регионе, на Столбова 3 обладают достаточной информативностью, что позволит в дальнейшем рассматривать объект опорным для Кудинской долины.

Список источников

Аксенов М.П. Находки на горе Укыр (долина реки Куды) // Вопросы истории Сибири. Учёные записки / Географическое общество СССР. Восточно-Сибирский отдел.

References

Aksenov M.P. (1971) Finds on Mount Ukyr (Valley of the Kuda River). *Scientific Notes of the Irkutsk Regional Museum of Local History*. Irkutsk : Tipografiya No. 1. Iss. 4. Pt. 1. Ques-

Иркутский областной музей краеведения. Иркутск : Тип. № 1, 1971. Вып. IV. Ч. 1. С. 128–131.

Бердникова Н.Е., Медведев Г.И. Малый Кот // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири : К XIII Конгрессу ИНКВА (Китайская Народная Республика, 1991). Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета. 1990. С. 81–83.

Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. М.-Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. 218 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 81).

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2010. 205 с. EDN: QLBDAX.

Герасимов М.М. Палеолитические находки у переселенческого пункта в Иркутске // Краеведение в Иркутской губернии. 1926. № 3. С. 22–28.

Герасимов М.М. Мальта. Палеолитическая стоянка: (предварительные данные). Результат работ 1928/29 г. Иркутск : Тип. изд. «Власть труда», 1931. 34 с.

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. II: Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. 883 с. EDN: YKVVFS.

Клементьев А.М. Фауны позднекаргинского времени Иркутского амфитеатра // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1. С. 30–43. EDN: QBKEDZ.

Когай С.А., Роговской Е.О. Каменная индустрия местонахождения Мамоны II в контексте позднекаргинских – раннесартанских материальных комплексов Иркутска // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 22. С. 3–26. EDN: YVJLNW.

Липнина Е.А., Когай С.А. Каменная индустрия позднелеполитического местонахождения им. М.М. Герасимова (Герасимова I) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 14. С. 3–23. EDN: VODZAB.

Молчанов Д.Н., Николаев В.С., Песков С.А. Археологические исследования в г. Иркутске, Иркутском, Баяндаевском и Качугском районах Иркутской области // Археологические открытия. 2019 год. М. : Институт археологии РАН, 2021. С. 445–450. EDN: ETRSNH.

Молчанов Д.Н., Песков С.А., Стерхова И.В., Клементьев А.М. О возрасте и месте верхнелеполитического местонахождения Весна в палеолите юга Средней Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 38. С. 34–58. DOI: 10.26516/2227-2380.2021.38.34. EDN: BUHNEW.

Овчинников М.П. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1906. Т. 35. № 3. С. 62–76.

tions of the history of Siberia. P. 128-131. (In Russ.).

Berdnikova N.E., Medvedev G.I. (1990) Malyi Kot site. *Stratigraphy, Paleogeography and Archaeology of the South of Central Siberia*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 81-83. (In Russ.).

Beregovaya N.A. (1960) Paleolithic localities of the USSR. Vol. 81. *Materials from the Study of Archeology of the USSR*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 218 p. (In Russ.).

Vorobyova G.A. (2010) Soil as a chronicle of natural events in the Baikal region: problems of evolution and classification of soils. Irkutsk : Irkutsk State University. 205 p. (In Russ.). EDN: QLBDAX.

Gerasimov M.M. (1926) Paleolithic finds at the Perese-lenchesky Punkt site in Irkutsk. *Local history in the Irkutsk province*. No. 3. P. 22-28. (In Russ.).

Gerasimov M.M. (1931) Malta. Paleolithic site: (Preliminary data). The result of the work of 1928/29. Irkutsk:Tip. izd. "Vlast' truda". 34 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P. (2017) Three global human migrations in Eurasia. Novosibirsk: *Institute of Archeology and Etnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences*. Vol. II. The Original peopling on Northern, Central and Western Central Asia. 883 p. (In Russ.). EDN: YKVVFS.

Klement'ev A.M. (2013) Fauna of the Late Karga Period of the Irkutsk Amphitheater. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. No.1. P. 30-43. (In Russ.). EDN: QBKEDZ.

Kogai S.A., Rogovskoi E.O. (2017) Lithic industry of Mamony 2 site in the context of Late Karga (mis 3) - Early Sartan (mis 2) material complexes of Irkutsk. *Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. Vol. 22. P. 3-26. (In Russ.). EDN: YVJLNW.

Lipnina E.A., Kogai S.A. (2015) Lithic industry of Upper Paleolithic site Gerasimova I. *Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. Vol. 14. P. 3-23. (In Russ.). EDN: VODZAB.

Molchanov D.N., Nikolaev V.S., Peskov S.A. (2021) Archaeological research in Irkutsk, Irkutsk, Bayandai and Kachug districts of the Irkutsk region. *Archaeological Discoveries*. 2019. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. P. 445-450. (In Russ.). EDN: ETRSNH.

Molchanov D.N., Peskov S.A., Sterkhova I.V., Kliment'ev A.M. (2021) About the age and place of the upper Paleolithic site Vesna in the Paleolithic of the South of Middle Siberia. *Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. Vol. 38. P. 34-58. (In Russ.). DOI: 10.26516/2227-2380.2021.38.34. EDN: BUHNEW.

Ovchinnikov M.P. (1906) Materials for the study of ancient sites in the vicinity of Irkutsk. *News of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society*. Vol. 35. No. 3. P. 62–76. (In Russ.).

Песков С.А., Клементьев А.М., Молчанов Д.Н., Стерхова И.В., Молчанов Г.Н. Новое геoaрхеологическое местонахождение верхнего плейстоцена в долине р. Куды // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 9–22. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-9-22. EDN: XRGCGD.

Роговской Е.О. К изучению палеолитических местонахождений Кудинской долины // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока : тезисы докладов XXXVI Региональной археологической конференции студентов «Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока» (Иркутск, 10–15 февраля 1996 года). Иркутск : Иркутский государственный университет, 1996а. Ч. 1. С. 90–93. EDN: TNOGCI.

Роговской Е.О. Работы Кудинского палеолитического отряда // Археологические открытия 1995 года. М. : Ин-т Археологии РАН, 1996b. С. 364–365.

Роговской Е.О. Новые сведения о палеолите Куды (бассейн Ангары) // Археологические открытия 1996 года. М. : Ин-т археологии РАН, 1997. С. 349–350.

Роговской Е.О. Проблемы и перспективы стратиграфической привязки экспонированных палеолитических объектов долины реки Куды (бассейн Ангары) // Экология Байкала и Прибайкалья : тезисы докладов, представленных на Всероссийский научно-практический симпозиум. Иркутск : Иркутский государственный университет, 1998. С. 116.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М. Начальный верхний палеолит Южной Сибири и Центральной Азии: концепции, хронология и пути распространения // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. № 4. С. 1039–1071. DOI: 10.21638/spbu02.2023.413. EDN: JHLWEC.

Семин М.Ю., Когай С.А., Роговской Е.О. Спартак I – новое палеолитическое местонахождение в Иркутске // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 34–45. EDN: TMMAXX.

Соколов Н.И., Тюменцев Н.В. К вопросу о находке *Elephas trogontherii* Poll. в бассейне р. Ангары // Доклады Академии наук СССР. 1949. Т. 69. № 3. С. 413–415.

Уваров А.С. Археология России. Каменный период. М. : Синод. тип., 1881. Т. 1. [2], х, 439 с.

Черский И.Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1872. Т. 3. № 3. С. 167–172.

Medvedev G. The lower Paleolithic of Eastern Siberia // Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations. Urbana : University of Illinois Press, 1998. P. 27–35.

Rybin E.P., Mescherin M.N., Klementiev A.M., Khatsenovich A.M. Beyond 55° North latitude: Expanding the northern boundary of initial upper Paleolithic dispersal. Ar-

Peskov S.A., Kliment'ev A.M., Molchanov D.N., Sterkhova I.V., Molchanov G.N. (2018) New geoaarchaeological Upper Pleistocene site in the Kuda River valley. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 2. P. 9–22. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-9-22. EDN: XRGCGD.

Rogovskoi E.O. (1996a) To the study of Paleolithic localities of the Kuda Valley. *Arkheologiya, paleoekologiya i etnografiya Sibiri i Dal'nego Vostoka: Tez. dokl. k XXXVI RASK (Irkutsk, 10–15 fevralya 1996 goda) = Archeology, Paleoeecology and Ethnography of Siberia and the Far East: Abstracts. to XXXVI (Irkutsk, February 10–15, 1996)*. Irkutsk: Irkutsk State University. Pt. 1. P. 90–93. (In Russ.). EDN: TNOGCI.

Rogovskoi E.O. (1996b) Works of the Kuda Paleolithic detachment. *Arkheologicheskie otkrytiya 1995 goda = Archaeological Discoveries of 1995*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P. 364–365. (In Russ.).

Rogovskoi E.O. (1997) New information about the Paleolithic of Kuda (Angara basin). *Arkheologicheskie otkrytiya 1996 goda = Archaeological Discoveries of 1996*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P. 349–350. (In Russ.).

Rogovskoi E.O. (1998) Problems and prospects of stratigraphic reference of exposed Paleolithic objects of the Kuda River valley (Angara basin). *Ekologiya Baikala i Pribaikal'ya. Tez. dokl., predstav. na Vserossiiskoi nauch.-prakt. molodezh. Simpozium = Ecology of Baikal and the Baikal Region: Proceedings of All-Russian Scientific-Practical Youth Symposium*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 116. (In Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. (2023) The concepts, chronology and dispersal routes of the initial Upper Paleolithic of South Siberia and Central Asia. *Bulletin of St. Petersburg University. Story*. Vol. 68. No. 4. P. 1039–1071 (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu02.2023.413. EDN: JHLWEC.

Semin M.Yu., Kogai S.A., Rogovskoi E.O. (2014) Spartak I – the new Paleolithic site in Irkutsk. *Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. Vol. 9. P. 34–45. (In Russ.). EDN: TMMAXX.

Sokolov N.I., Tyumentsev N.V. (1949) On the issue of finding *Elephas trogontherii* Pohl. in the Angara River basin. *Reports of the USSR Academy of Sciences*. Vol. 69. No. 3. P. 413–415. (In Russ.).

Uvarov A.S. (1881) Archeology of Russia. Stone period. Moscow: Sinod. Tip. Vol. 1. 439 p. (In Russ.).

Cherskii I.D. (1872) A few words about Stone period artifacts excavated in Irkutsk. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva = News of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society*. Vol. 3. No. 3. P. 167–172. (In Russ.).

Medvedev G. The lower Paleolithic of Eastern Siberia. Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations. Urbana : University of Illinois Press, 1998. P. 27–35.

Rybin E.P., Mescherin M.N., Klementiev A.M., Khatsenovich A.M. Beyond 55° North latitude: Expanding the northern boundary of initial upper Paleolithic dispersal. Ar-

chaeological Research in Asia, 36 (2023) 100480.
DOI: 10.1016/j.ara.2023.100481.

Sitlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A. Les civilisations préhistoriques d'Asie Centrale. 1. Le Paléolithique de la rive occidentale du lac Baikal. Musée Royaux d'art et d'histoire, Bruxelles. 1997. 86 p.

Информация об авторах

Молчанов Дмитрий Николаевич,
старший лаборант учебно-научно-исследовательской
лаборатории археологии, этнологии, проблем
палеоэкологии и эволюции человека,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
e-mail: dmi_molchanov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2789-6316>

Песков Сергей Александрович,
главный специалист отдела подготовки и реализации
мероприятий по охране объектов культурного наследия
(археология),
Центр по сохранению историко-культурного наследия
Иркутской области,
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 2, Россия,
e-mail: ippeskov@mail.ru

Стерхова Инга Владимировна,
почвовед, главный специалист-эксперт отдела
археологии,
Служба по охране объектов культурного наследия
Иркутской области,
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 2, Россия,
e-mail: stinga.78@mail.ru

Клементьев Алексей Михайлович,
кандидат географических наук, научный сотрудник,
Лаборатория геологии мезозоя и кайнозоя,
Институт земной коры СО РАН,
664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128, Россия,
e-mail: klem-al@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2129-7072>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 мая 2024 г.;
одобрена после рецензирования 2 августа 2024 г.;
принята к публикации 12 августа 2024 г.

chaeological Research in Asia, 36 (2023) 100480.
DOI: 10.1016/j.ara.2023.100481.

Sitlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A. Les civilisations préhistoriques d'Asie Centrale. 1. Le Paléolithique de la rive occidentale du lac Baikal. Musée Royaux d'art et d'histoire, Bruxelles. 1997. 86 p.

Information about the authors

Dmitrii N. Molchanov,
Senior laboratory assistant of the educational and research
Laboratory of Archaeology, ethnology, problems of
paleoecology and human evolution,
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: dmi_molchanov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2789-6316>

Sergey A. Peskov,
Leading specialist of the Department of Preparation and
Implementation of Measures for the Protection of Cultural
Heritage (Archaeology),
Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage
of the Irkutsk Region,
2, 5th Army St., Irkutsk 664025, Russia,
e-mail: ippeskov@mail.ru

Inga V. Sterkhova,
Pedologist, Leading specialist-expert of the Department of
Archeology,
Service for the Protection of Cultural Heritage of the Irkutsk
region,
2, 5th Army St., Irkutsk 664025, Russia,
e-mail: stinga.78@mail.ru

Alexey M. Klementiev,
Cand. Sci. (Geography), Senior researcher, Laboratory of
Mesozoic and Cainozoic Geology,
Institute of the Earth's Crust Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences,
128, Lermontov St., Irkutsk 664033, Russia,
e-mail: klem-al@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2129-7072>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted May 28, 2024; approved after
reviewing August 2, 2024; accepted for publication August 12,
2024.

Научная статья

УДК 902.01

EDN: GBNJNJ

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-25-36>

Палеолитический памятник Сухотино-2: коллекция каменных артефактов из раскопа 1969 г. и её место в палеолите Восточного Забайкалья

В.И. Ташак¹, Е.В. Ковычев²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

² Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Аннотация. Во второй половине 1960-х гг. на южной окраине г. Читы (Забайкальский край) исследовались три археологических местонахождения: Сухотино-1; -2; -3. Местонахождения располагались на террасовидных уступах у подножия южных склонов Титовской сопки, на левобережье р. Ингоды. Материалы новых археологических объектов послужили основой для создания относительной хронологии или периодизации памятников каменного века Титовской сопки. В дальнейшем данные этих местонахождений вошли в схемы развития каменного века Сибири и Забайкалья. Материалы Сухотино-1 были охарактеризованы как содержащие большой процент леваллуазских элементов и заняли наиболее древнюю позицию в предлагаемой периодизации. Сухотино-2, по результатам раскопок 1969 г., было отнесено к позднему этапу верхнего палеолита, а Сухотино-3 датировано эпохой перехода от палеолита к неолиту. В 1972 г. у подножия Титовской сопки начались исследования крупного многослойного археологического местонахождения – Сухотино-4, которое также как и Сухотино-2 было датировано поздним этапом верхнего палеолита. Сравнительный анализ показал, что каменные артефакты этих двух памятников демонстрируют существенные различия. Например, основу каменной индустрии Сухотино-2 составляют крупные торцовые нуклеусы типа юбецу и двухплощадочные подпризматические нуклеусы, которые отсутствуют в материалах Сухотино-4 или редко встречаются в других формах. В 1988 г. раскапывались нижние горизонты Сухотино-2, которые предварительно были датированы ранним этапом верхнего палеолита. Материалы нового раскопа Сухотино-2 в основной массе также отличались от материалов Сухотино-2 из раскопа 1969 г. Все это ставит вопрос о месте Сухотино-2 (раскоп 1969 г.) в периодизации памятников Титовской сопки и Восточного Забайкалья. Согласно указанному анализу предположено, что материалы Сухотино-2 (раскоп 1969 г.) могут быть отнесены к началу среднего этапа верхнего палеолита Забайкалья.

Ключевые слова: верхний палеолит, археологическая культура, каменная индустрия, каменные орудия, Западное Забайкалье, Восточное Забайкалье, Барун-Алан-1, Сухотино-2, Сухотино-4

Благодарности. Работа выполнена в рамках НИР ИМБТ СО РАН (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» № 121031000241-1).

Для цитирования: Ташак В.И., Ковычев Е.В. Палеолитический памятник Сухотино-2: коллекция каменных артефактов из раскопа 1969 г. и её место в палеолите Восточного Забайкалья // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 25–36. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-25-36. EDN: GBNJNJ.

Archaeology

Original article

Paleolithic site Sukhotino-2: the collection of stone artifacts from excavations of 1969 and its place in the Paleolithic of Eastern Transbaikalia

Vasiliy I. Tashak¹, Evgeniy V. Kovychev²

¹ Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

² Transbaikalian State University, Chita, Russia

© Ташак В.И., Ковычев Е.В., 2024

Abstract. In the 2d part of the 1960s on the southern slopes of the Chita city (Transbaikalian Territory) there were three archaeological sites under investigations: Sukhotino-1, -2, -3. Sites were discovered on the terrace-like steps at the foot of the Titovskaya Sopka Mountain southern slopes, on the Ingoda River left bank. Materials of these new sites served the base for the relative chronology or periodization of the Stone Age sites situated on the Titovskaya Sopka Mountain. Further on, data obtained from these sites was engaged into the schemes of the development on the Siberian and Transbaikalian Stone Age. Sukhotino-1 materials were characterized as containing a large percent of Levallois elements and became the most ancient in the suggested periodization. Based on results of excavations conducted in 1960, Sukhotino-2 was referred to the late stage of the Upper Palaeolithic and Sukhotino-3 was dated back to the transitional period from Palaeolithic to Neolithic. In 1972 the investigations of a large multilayered archaeological site – Sukhotino-4 has begun; the site along with Sukhotino-2 was dated to the late stage of the Upper Palaeolithic. Comparative study of this research shows the stone industries of these two sites have significant differences. For example, the base of the Sukhotino-2 stone industry consists of large end-cores of yubetsu type and bipolar subprismatic cores, which are absent in the Sukhotino-4 site or have significant differences. In 1988 Sukhotino-2 lower layers were excavated; these layers preliminary were dated back to the early stage of the Upper Palaeolithic. Materials of new excavations of 1988 for the most part were also dissimilar with materials of 1969 excavations. These facts raise a question about the place of Sukhotino-2 (excavations of 1969) in the periodization of Titovskaya Sopka Mountain sites as well as sites of Eastern Transbaikalia. According to the conducted study materials of the Sukhotino-2 (excavations of 1969) are suggested to be of the beginning of the middle stage of the Transbaikalian Upper Palaeolithic.

Keywords: Upper Palaeolithic, archaeological culture, stone industry, stone tools, Eastern Transbaikalia, Western Transbaikalia, Barun-Alan-1, Sukhotino-2, Sukhotino-4

Acknowledgements. This article was carried out within the framework of the state task (project “Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states”, No. 121031000241-1).

For citation: Tashak V.I., Kovychyev E.V. (2024) Paleolithic site Sukhotino-2: the collection of stone artifacts from excavations of 1969 and its place in the Paleolithic of Eastern Transbaikalia. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 25-36. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-25-36. EDN: GBNJNJ.

Введение

Среди забайкальских археологических местонахождений, датируемых эпохой палеолита, хорошо известны памятники, носящие название Сухотино с добавлением порядкового номера конкретному памятнику. Все эти местонахождения расположены на южной окраине города Читы (рис. 1), занимая различные высотные уровни у южного подножия Титовской сопки на левобережье реки Ингоды (рис. 2). Первые подъёмные сборы каменных артефактов на склонах Титовской сопки осуществлялись ещё в начале XX в. (Разгильдеева, 2020). Но история изучения археологических объектов, получивших наименование Сухотино, начинается в 1966 г. с первыми раскопными работами на местонахождении, названном Сохатино-1 (Кириллов, 1973). Стоит отметить, что на первом этапе раскопных работ на склонах Титовской сопки, выявленные археологические памятники именовались Сохатино. С 1980-х гг. в публикациях стало применяться наименование Сухотино, которое полностью утвердилось в настоящее время. В 1969 г. началось исследование таких памятников как Сухотино-2 и Сухотино-3 (Там же). В 1972 г. открыт многослойный памятник Сухотино-4 (Оклад-

ников, Кириллов, 1980. С. 41; Кириллов, 1986). Это крупнейшее местонахождение среди археологических объектов Титовской сопки, по объёму проведённых работ и полученных археологических, а также палеонтологических материалов (Кириллов, 2003). Именно материалы Сухотино-1, -2 и -4, в первую очередь, привлекались исследователями в качестве аналогий при рассмотрении палеолита Забайкалья и Восточной Сибири. Эти материалы привлекались и для создания общих схем развития каменного века Забайкалья (Кириллов, 1984; Кириллов, 1987; Кириллов, 2011). При этом значительная часть публикаций об археологических материалах сухотинских стоянок представляет собой тезисы и предварительные сообщения, не получившие дальнейшего развития. В небольшом разделе монографии (Окладников, Кириллов, 1980. С. 41–51) впервые представлены обобщающие данные по материалам Сухотино-4, где показаны только материалы верхних слоёв. В этой монографии указывается только один слой потому, что на тот момент слои 1, 2, 3 рассматривались как происходящие из одного культурного горизонта (Каспаров, 1986). В указанной монографии Сухотино-2 уделено несколько строк (Окладников, Кириллов,

Рис. 1. Схема расположения археологических местонахождений Сухотино (обозначено цифрой 1) в Восточном Забайкалье

Fig. 1. Scheme map of the Sukhotino archaeological sites (indicated by number 1) in Eastern Transbaikalia

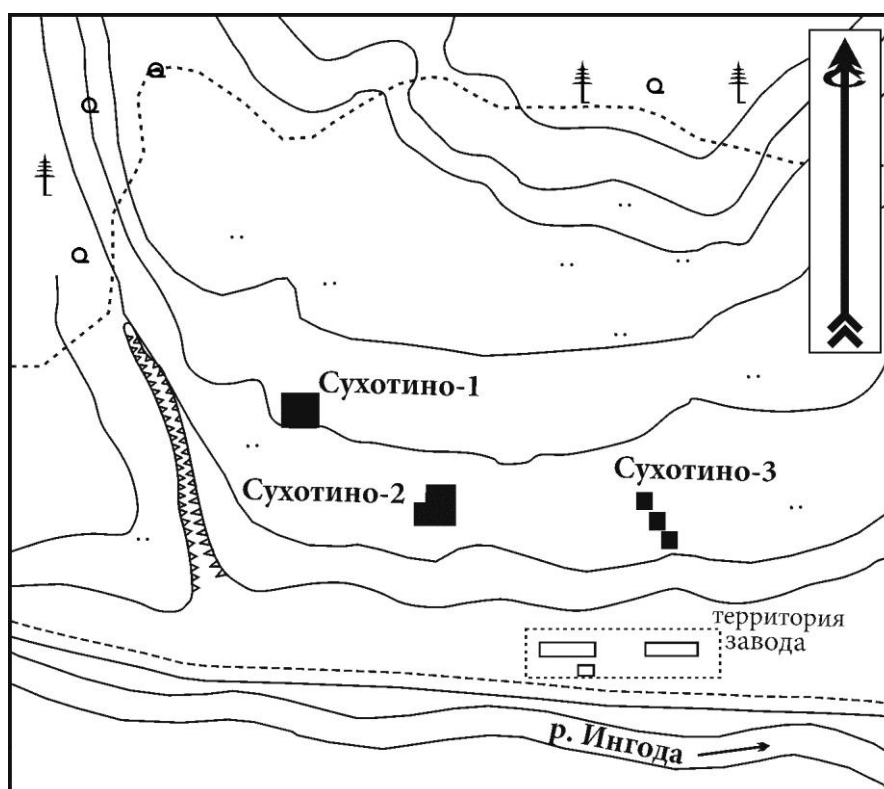

Рис. 2. Схема расположения местонахождений Сухотино-1, -2, -3 у южного подножия горы Титовская сопка. Рисунок Ташака В.И. выполнен по: (Кириллов, 1973. С. 170. Рис. 1). Высоты горизонталей не показаны на оригинальном рисунке

Fig. 2. Situational scheme-map of the archaeological sites Sukhotino-1, -2, -3 under the southern bottom of the Titovskaya Sopka Mountain

1980. С. 41). Немногочисленные последующие публикации материалов и данных по этим памятникам касались некоторых частных, но не давали полной характеристики хотя бы какой-либо одной категории в рамках каменной индустрии. В связи с этим сложилась парадоксальная ситуация, при которой сухотинские археологические местонахождения, активно исследовавшиеся с конца 1960-х гг. по 1990-е гг., получили известность, но с очень ограниченной конкретной информацией об их материалах (Разгильдеева, 2020).

Основу всех этих объектов составляют археологические материалы второй половины верхнего палеолита. Как было указано, наиболее масштабным исследованиям с раскопками больших площадей подвергалось местонахождение Сухотино-4, в культурных горизонтах которого обнаружено несколько десятков тысяч каменных артефактов, а также предметы древнего искусства (Кириллов, 2003). Археологическое местонахождение Сухотино-2 также раскапывалось, но в меньшей степени, чем Сухотино-4. Результаты первого сравнительного анализа археологических материалов раннего этапа исследований сухотинских памятников (Сухотино-1, -2, -3) были опубликованы в 1973 г. (Кириллов, 1973). Согласно полученным данным стоянка Сухотино-1 заняла самую древнюю позицию, а её материалы были охарактеризованы как леваллуазские. Для материалов Сухотино-2 было указано господство призматической техники, направленной на производство пластин. Выявление общих черт у материалов Сухотино-2 и у материалов финально-палеолитических памятников Сибири, позволило датировать Сухотино-2 этим периодом. Материалы Сухотино-3, согласно результатам исследования, были отнесены к этапу перехода от палеолита к неолиту (Там же).

В 1988 г. возобновились раскопки на Сухотино-2, но эти работы не явились продолжением исследований 1969 г., поскольку у подножия Титовской сопки была развёрнута бурная хозяйственная деятельность, и в результате строительства овощехранилища на месте археологических памятников все верхние слои на участке расположения стоянки оказались уничтоженными. На новом этапе раскопкам подвергались два участка с нижними слоями, сохранившимися в зоне расположения памят-

ника (Кириллов, Каспаров, 1990). Как оказалось, археологические материалы из нижних слоёв значительно отличались от материалов коллекции 1969 г. и были отнесены исследователями к началу верхнего палеолита (Кириллов, Каспаров, 1990; Черенщиков, 2013. С. 51). В 1969 г. раскапывался только верхний слой, который залегал, по данным автора исследований, «на незначительной глубине – около 15–30 см от современной поверхности...» (Кириллов, 1973. С. 169). В 1988 г. верхние слои уже были уничтожены хозяйственной деятельностью на глубину более чем на метр. В связи с этим установить стратиграфическую последовательность залегания верхних и нижних слоёв на Сухотино-2 крайне сложно. Кроме того, участок раскопа 1969 г. со всеми его слоями уничтоженный строительством территориально не совпадал с участками раскопа 1988 г. Таким образом, в ходе исследований Сухотино-2, проводившихся в разные годы, были получены две различные коллекции каменных артефактов, значительно различающихся между собой по типологии и морфологии. Различие материалов было объяснено с позиции хронологии, и материалы Сухотино-2 из нового раскопа были датированы началом верхнего палеолита. В настоящей статье предлагается детальное рассмотрение материалов Сухотино-2 из раскопок 1969 г. и их сравнительная характеристика с материалами Сухотино-4, которые вместе с материалами Барун-Алана-1 и ряда других местонахождений послужили основой для выделения самостоятельной археологической культуры позднего палеолита, названной хэнгэрэктэ-сухотино (Ташак, 2020; Ташак, 2023). Согласно данным радиоуглеродного датирования, возраст культурных слоёв Сухотино-4 (8–1 слои) укладывается в диапазон 17–12 тыс. л. н. (Лисицын, Свеженцев, 1997). Согласно новейшим хронологическим исследованиям, культура хэнгэрэктэ-сухотино развивалась, как минимум, на протяжении всего сартанского похолодания (Ташак, 2023. С. 113). В связи с тем, что материалы Сухотино-2 раскопок 1969 г., согласно опубликованным данным, датируются поздним этапом верхнего палеолита, и возраст всех слоёв Сухотино-4 также укладывается в рамки позднего этапа верхнего палеолита, предложен сравнительный анализ материалов этих местонахождений.

Археологические материалы

Коллекция каменных артефактов Сухотино-2 раскопок 1969 г., доступная для изучения в фондах Забайкальского государственного университета, насчитывает 437 предметов. В составе этой коллекции 16 нуклеусов и нуклевидных форм. Торцовые нуклеусы представлены в 6 экземплярах, из них 4 – клиновидные. Один экземпляр с обработкой дистальной части, но без выраженного клина (рис. 3.4). Шестой экземпляр – это полностью подготовленная к расщеплению заготовка с ровной ударной площадкой и гребнем на контрфронте, а также намеченным фронтом скалывания на торце. Клин у этого артефакта не оформлен.

У пяти нуклеусов, в том числе и у заготовки без клина, площадки оформлены однотипно: крупными продольными сколами – первоначально краевыми, а затем лыжевидными (рис. 3.1), оформлялась гладкая удлинённая поверхность ударной площадки (рис. 3.3). В одном случае наблюдается подправка площадки парой крупных сколов, направленных диагонально её продольной оси (рис. 3.2). У всех клиновидных нуклеусов площадки в разной степени скошены к контрфронту. У одного из пяти нуклеусов на фронтальной поверхности чётко прослеживаются негативы от микропластин. В остальных случаях представлены негативы снятия пластинок, шириной превышавших размерные характеристики микропластин. У нуклеуса с негативами микропластинчатых снятий ударная площадка оформлена одним продольным сколом и затем тщательно подправлена с одного края, чем напоминает нуклеусы Сухотино-4, но детальный анализ показывает, что ретушь по краю площадки нанесена с целью создания вогнутого скребкового лезвия, которое плавно переходит на угол. Таким образом, здесь имеет место комбинированное изделие или, что более вероятно, переоформление нуклеуса в орудие. Первоначальным был торцовый нуклеус для микропластин, затем на углу между контрфронтом и ударной площадкой было оформлено лезвие скребка и скобель с вогнутым лезвием на месте ударной площадки. Два из пяти торцовых нуклеусов демонстрируют выраженную кареноидность – фронт скалывания по дуге изгибается или резко скошен к дистальной части. У нуклеуса с негативами микропластинчатых снятий такой изгиб фронта скалывания выражен в меньшей степени. В

целом, все торцовые нуклеусы представлены массивными экземплярами с шириной ударной площадки от 25 до 32 мм.

Следующую типологическую группу составляют подпризматические нуклеусы. В их числе одним экземпляром представлен одноплощадочный, монофронтальный нуклеус, узкий в поперечном сечении. В трёх экземплярах представлены подпризматические монофронтальные нуклеусы с двумя противоположащими ударными площадками, с которых осуществлялось встречное скалывание пластинчатых заготовок. Один из этих нуклеусов также близок к торцовым, поскольку нуклеус узкий в сечении и фронт скалывания оформлен на узкой грани, негативы сколов пластин распространяются частично на одну латераль. Вторая латераль перпендикулярна фронту скалывания и сохраняет естественную поверхность (рис. 4.2). У двух других нуклеусов фронт скалывания шире. У одного из них на фронтальной части наблюдаются негативы снятия пластинок и микропластин. При этом одна из латералей сохраняет естественную корку и также перпендикулярна фронту скалывания (рис. 4.1). У второго экземпляра, представленного на последней стадии расщепления, наблюдаются хаотичные сколы, повредившие фронт скалывания с негативами пластинчатых снятий. В целом среди подпризматических нуклеусов наблюдается стандарт, выраженный в сохранении перпендикулярной фронту скалывания одной из латералей и выхода фронта скалывания на другую латераль. Все подпризматические нуклеусы оформлялись на массивных сколах с минимальной предварительной подготовкой, представленной в оформлении ударных площадок одним или несколькими сколами.

В одном экземпляре представлен нуклеус с веерообразным фронтом скалывания, предназначенный для снятия пластинок. Также в коллекции имеется кубовидный многофронтальный нуклеус с ортогональным принципом расщепления – это единственный экземпляр, чётко демонстрирующий скалывание отщепов.

Кроме указанных артефактов в коллекции насчитывается три нуклевидных обломка и фронтальный скол с плоскофронтального нуклеуса с негативами пластинчатых снятий.

Основную массу коллекции каменных артефактов составляют отщепы, среди которых целые и

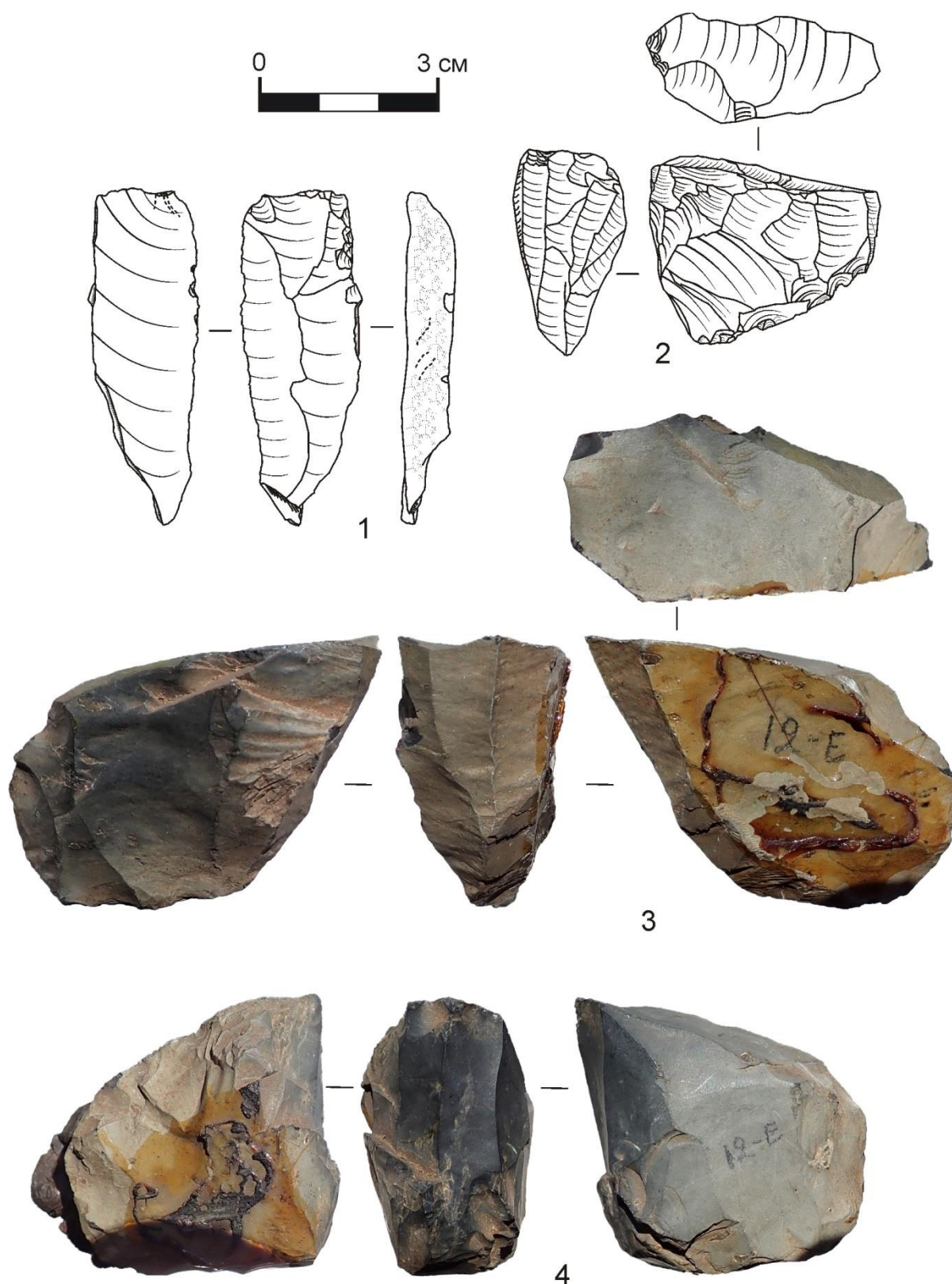

Рис. 3. Сухотино-2. Артефакты: 1 – лыжевидный скол подправки ударной площадки; 2–3 – клиновидные нуклеусы; 4 – торцовый нуклеус

Fig. 3. Suhotino-2. Artifacts: 1 - ski-like spall of striking platform trimming; 2-3 - wedge shaped cores; 4 - end core

Рис. 4. Сухотино-2. Подпризматические нуклеусы
Fig. 4. Sukhotino-2. Subprismatic core

фрагментированные отщепы – 351 экземпляр. Отщепы размером от 1 x 1 до 3 x 3 см наиболее многочисленные – 200 экземпляров. Группа отщепов размером более 3 x 3 см – 151 экземпляр. Также в коллекции представлены: треугольные в сечении продольные краевые сколы – 10; реберчатые сколы – 5; фрагменты пластинок – 10; фрагменты пластинок – 6; бесформенные обломки – 37; продольный первичный скол подживления ударной площадки крупного торцового нуклеуса – 1. Два краевых скола из группы реберчатых маркируют начало

скалывания пластинок с фронта торцового нуклеуса, у этих сколов в проксимальной части дорсальной поверхности наблюдаются мелкие продольные сколы, предназначенные для переноса места приложения скалывающего усилия от реберчатого продольного края в глубину ударной площадки.

Орудийный набор невелик – 3 экземпляра. Одно орудие – это оббитая по краю естественная плитка с выпуклым лезвием, оформленным полукруглой ретушью. Второе изделие – это скребло с краевым и концевым лезвиями, оформленное на

одном из крупных отщепов. Третье – указанный концевой скребок, оформленный на нуклеусе.

Не менее 90 % каменных артефактов Сухотино-2 из коллекции 1969 г. патинированы. Пatina покрывает как все поверхности у ряда артефактов, так и только частично у других артефактов. Наличие патины на артефактах указывает на их долгое пребывание на поверхности земли. Несмотря на это большая часть коллекции однородна и различные категории артефактов гармонично связаны друг с другом. Большинство сколов коллекции являются продуктами подготовки и расщепления нуклеусов, подобных тем, что представлены в этой же коллекции.

Обсуждение

Согласно мнению И.И. Кириллова, много лет возглавлявшего изучение сухотинских археологических памятников, материалы верхнего культурного слоя Сухотино-2, полученные в результате раскопок 1969 г., датировались поздним палеолитом (Кириллов, 1973). В этой связи можно было бы ожидать идентичности материалов Сухотино-2 с материалами Сухотино-4, которые залегают в литологических слоях, сформировавшихся в течение всего сартанского похолодания (Ташак, 2020). Коллекции каменных артефактов этих памятников различаются количественно – 437 предметов в Сухотино-2 и несколько десятков тысяч в Сухотино-4. Тем не менее в обеих коллекциях присутствуют категории артефактов, которые могут быть привлечены к сравнительному анализу на уровне морфологии, типологии и техники обработки каменного сырья.

Наиболее выразительная часть коллекции Сухотино-2 представлена нуклеусами, среди которых торцовые и подпризматические. Все торцовые нуклеусы, предназначенные для получения пластинок и микропластинок, имеют выраженные отличия от основной массы торцовых нуклеусов из Сухотино-4, в большинстве однотипных во всех культурных слоях. Отличие выражено, в первую очередь, в массивности нуклеусов из Сухотино-2, при измерении их ширины (от латерали до латерали) минимальная ширина составила 20 мм, максимальная 32 мм. В Сухотино-4 нуклеусов шириной 18–20 мм, с негативами от микропластин, всего 4. Все они не являются торцовыми. Ширина большинства торцо-

вых нуклеусов в Сухотино-4 находится в диапазоне 7–11 мм – 244 экз. Кроме этого, подавляющее большинство торцовых нуклеусов Сухотино-4 изготавливались по стандартной схеме, в которой на начальной стадии готовился бифас или унифас как заготовка для нуклеуса высокой формы, а на месте ударной площадки создавался гребень, часть которого обычно сохранялась и на последних стадиях утилизации нуклеуса. В Сухотино-2 ударные площадки горизонтально удлинённых торцовых нуклеусов оформлялись продольными сколами, на начальной стадии скалывался продольный реберчатый скол или массивный край-обушок с поперечными сколами. Последующие сколы подправки характеризуются как лыжевидные. Ударные площадки при этом становились гладкими, и на некоторых нуклеусах подправлялись дополнительно также продольными или диагональными сколами. В целом торцовые нуклеусы Сухотино-2 напоминают юбецoidные, которые широко распространены на востоке Азии (Деревянко, Маркин, Васильев, 1994. С. 269). При этом юбецoidные нуклеусы Сухотино-2 – массивные и грубо оформленные в сравнении с юбецoidными нуклеусами Сухотино-4, где их единицы – 7 экз. Среди семи юбецoidных нуклеусов Сухотино-4 только 4 предмета сравнимы по внешнему виду, но не по размерам, с нуклеусами Сухотино-2. Максимальная ширина для нуклеусов Сухотино-4, имеющих сходство с юбецoidными нуклеусами, составляет 13–14 мм, один экземпляр 17 мм. Для нуклеусов Сухотино-4 использовалось различное, кремнистое и яшмовидное (цветное) сырьё. Почти все артефакты Сухотино-2, в том числе все нуклеусы, оформлены из кремнистого сланца, по определению автора раскопок (Кириллов, 1973). Судя по известным данным, сланец и другое каменное сырьё, не только собирались, но и добывались на склонах Титовской сопки уже в эпоху палеолита, что являлось одним из важных факторов освоения древними людьми этой территории (Астахов, 2018; Мороз, Курганович и др., 2020). Согласно анализу фронтальной поверхности, только на одном торцовом нуклеусе из Сухотино-2 фиксируются негативы от снятия микропластин шириной до 7 мм, в остальных случаях торцовые нуклеусы служили для снятия пластинок шириной от 8 до 12 мм. В Сухотино-4 все торцовые нуклеусы служили для получения микропластинок, сколы

шириной от 8 мм получались случайно в процессе расщепления таких нуклеусов. Намеренно пластинки в Сухотино-4 скалывались с призматических нуклеусов. Это также в корне различает торцовые нуклеусы и подход к производству пластинок в двух местонахождениях.

Из 4-х подпризматических нуклеусов, представленных в коллекции Сухотино-2, 3 являются двухплощадочными, монофронтальными. В целом двухплощадочные подпризматические нуклеусы характерны для раннего этапа верхнего палеолита Забайкалья, встречаются в среднем этапе верхнего палеолита, и совсем редки для финала верхнего палеолита. В Сухотино-4, как и во всей индустрии культуры хэнгэрэктэ-сухотино, широко применялось скалывание пластинчатых отщепов с одноплощадочных однофронтальных нуклеусов, преобладающее количество которых было с широким уплощённым фронтом. Пластины с ровной огранкой снимались с призматических нуклеусов, в том числе, с клиновидной дистальной частью.

Как указано, в составе коллекции присутствуют краевые реберчатые сколы, два из которых маркировали начало расщепления крупных торцовых нуклеусов, другие, судя по размерам, являются первыми сколами с подпризматических нуклеусов.

Фрагменты пластин и пластинок, представленные в коллекции, соответствуют негативам сколов на торцовых и подпризматических нуклеусах – с неровной огранкой и краями. Пластины с ровными краями и огранкой единичны. Микропластинки в коллекции отсутствуют. Учитывая наличие кареноидных торцовых нуклеусов в Сухотино-2, можно было бы предполагать наличие и специфических пластинок со слегка скрученным профилем, как, например, в палеолитических индустриях Средней Азии с кареноидными нуклеусами. При изучении этих материалов сделано интересное наблюдение, согласно которому кареноидные нуклеусы и пластинки со скрученным профилем, характерные для ранних этапов верхнего палеолита, уже в среднем этапе заменяются призматическим расщеплением и пластинками с прямым профилем (Колобова, Кривошапкин, Павленок, 2014. С. 7). Поскольку пластинки в Сухотино-2 фрагментированы, установить наличие скрученного профиля у них проблематично. С другой стороны, в Сухотино-4 почти во всех слоях присутствуют микропластинки

со скрученным профилем, полученные с нуклеусов с прямым фронтом скалывания. Эти факты не позволяют проследить эволюционное развитие от кареноидных нуклеусов к призматическим, т. е. выдвинуть предположение о большей древности материалов Сухотино-2 в связи с такой эволюцией.

Согласно опубликованным данным (Кириллов, 1973), некоторые артефакты, по современному состоянию, в коллекции отсутствуют. В частности, это «нож с овальным рабочим краем...» (Там же. С. 174), судя по описанию это бифас из яшмовидной породы коричневого цвета. Это единственный предмет из всей коллекции, который может быть сопоставлен с материалами Сухотино-4 и определён как сегментовидный бифас, характерный для культуры хэнгэрэктэ-сухотино (Ташак, 2011), следовательно, и для Сухотино-4 (Ташак, Ковычев, 2020). Почти все археологические материалы Сухотино-2 1969 г. патинированы, что указывает на их долгое пребывание на поверхности. Кроме этого, артефакты залегают на небольшой глубине (не более 30 см) от современной поверхности. С учётом этого не исключено попадание более поздних артефактов в компактную массу материалов Сухотино-2.

Кроме этого бифаса, согласно опубликованным данным, а также по современному состоянию, в коллекции отсутствует фрагмент крупной пластины максимальной ширины 40 мм, с дорсальной краевой ретушью по двум краям (Кириллов, 1973. С. 175. Рис. 4.14), а также скребок на краевом сколе. Следует отметить, что пластины такой ширины единичны во всей многотысячной коллекции Сухотино-4, но судя по наличию подпризматических нуклеусов, вполне вписываются в индустрию, демонстрируемую коллекцией каменных артефактов из раскопок 1969 г. Сухотино-2.

Заключение

Рассмотренные материалы демонстрируют отличия индустрии Сухотино-2 (коллекция 1969 г.) от материалов Сухотино-4 в целом, и для каждого из культурных слоёв, в частности. Массивные торцовые клиновидные нуклеусы, подготовленные в юбецойдной технике, не встречены во всей массе торцовых клиновидных нуклеусов Сухотино-4. Кроме массивности нуклеусы Сухотино-2 отличаются некоторой грубостью в подготовке формы в сравне-

нии с нуклеусами Сухотино-4. Нечто похожее – массивные и крупные торцовые и торцовые клиновидные нуклеусы зафиксированы в уровне 7в литологического слоя 7 Барун-Алана-1 (Западное Забайкалье), который датирован финалом каргинского интерстадиала – около 30–32 тыс. кал. л. н. (Ташак, 2023. С. 113). Также в уровне 7в слоя 7 Барун-Алана-1 ещё встречаются двухплощадочные подпризматические нуклеусы, которые, по большей части, происходящие из слоя 7г (самостоятельный литологический слой), были переиспользованы в период формирования уровня 7в. Следует заметить, что в уровне 7в Барун-Алана-1 уже появляются редкие свидетельства использования бифасиальных орудий. В нижних культурных слоях Сухотино-4 бифасы-орудия также не многочисленны. На основании этого можно предполагать, что бифас из коллекции Сухотино-2 появился в её составе вместе с остальными артефактами, а не был

привнесён позднее. Тем не менее это единичный артефакт, имеющий общие характеристики с артефактами Сухотино-4. Учитывая все изложенные ранее факторы, можно предположить, что коллекция каменных артефактов Сухотино-2 раскопок 1969 г. относится, как минимум, к началу среднего этапа, а не к позднему этапу верхнего палеолита, как было предположено ранее. Видимой преемственности у материалов Сухотино-2 (коллекция 1969 г.) с материалами Сухотино-4 не наблюдается, за исключением одного бифаса. Нет выраженной общности и с материалами уровня 7в Барун-Алана-1. В этой связи материалы Сухотино-2 (коллекция 1969 г.) выглядят обособленно при рассмотрении их в сравнении с Сухотино-4. Возможно, проследить эволюцию материалов Сухотино-2 1969 г. позволит всесторонний сравнительный анализ с материалами Сухотино-2 (раскопки 1988 г.), где, на первый взгляд, такая взаимосвязь не прослеживается.

Список источников

Астахов С.Н. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской сопке // Записки Института истории материальной культуры. 2018. № 19. С. 13–19. DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-13-19. EDN: YRSHWX.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск : Наука, 1994. 284, [3] с. EDN: SEUCIH.

Каспаров А.К. Остатки млекопитающих из позднепалеолитического поселения Сухотино-4 в Забайкалье // Труды Зоологического института АН СССР. 1986. № 149. С. 98–106.

Кириллов И.И. Палеолитические стоянки Сухотино (Титовская Сопка) // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита: Фил. Чит. обл. тип. Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Чит. облисполкома. 1973. Вып. 1. С. 168–183.

Кириллов И.И. Забайкальский палеолит в свете новых открытий // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее) : тезисы докладов Краевой конференции (12–18 сентября 1984 г.). Красноярск, 1984. С. 46–48.

Кириллов И.И. Новые данные о поселении древнекаменного века Сухотино-4 из Восточного Забайкалья // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока : сборник научных трудов. Новосибирск : Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1986. С. 143–147.

Кириллов И.И. Толбагинская палеолитическая культура Забайкалья и её корреляция с культурами сопредельных территорий // Древности Сибири и Дальнего Востока. История и культура востока Азии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 68–73.

Кириллов И.И. Хозяйственно-бытовые комплексы и некоторые группы артефактов как свидетельства развития

References

Astakhov S.N. (2018) Paleolithic stone quarry mines on Titovskaya Sopka. *Transactions of the Institute for the History of Material Culture*. No. 19. P. 13–19. (In Russ.). DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-13-19. EDN: YRSHWX.

Derevyanko A.P., Markin S.V., Vasil'ev S.A. (1994) Paleolithic studies: introduction and basics. Novosibirsk: Nauka. 284, [3] p. (In Russ.). EDN: SEUCIH.

Kasparov A.K. (1986) Mammalian remains from Late Upper Palaeolithic settlement Sukhotino-4 in Transbaikalia. *Proceedings of the Zoological Institute of AS USSR*. No. 149. P. 98–106. (In Russ.).

Kirillov I.I. (1973) Palaeolithic sites of the Sukhotino (Titovskaya Mountain). *Voprosy kraevedeniya Zabaikal'ya*. Chita: Upravlenie izdatel'stv, tipographii i knizhnoi trgovli Chitinskogo oblispolkoma. Iss. 1. P. 168–183. (In Russ.).

Kirillov I.I. (1984) Transbaikalian Palaeolithic age in the light of new discoveries. *The Research Problems of the Eurasian Stone Age. Tezisy dokladov Kraevoi konferentsii (12–18 sentyabrya 1984 g = Proceedings of Regional Conference (September 12–18, 1984))*. Krasnoyarsk. P. 46–48. (In Russ.).

Kirillov I.I. (1986) New data about settlement of ancient Stone Age Sukhotino-4 from Eastern Transbaikalia. *The sites of the ancient cultures in Siberia and Far East*. Novosibirsk: Institute of History, Philosophy and Philology of the Siberian of AS USSR. P. 143–147. (In Russ.).

Kirillov I.I. (1987) Tolbaga Paleolithic culture of Transbaikalia and its correlation with the cultures of adjacent territories. *Drevnosti Sibiri i Dal'nego Vostoka. Istoriya i kul'tura vostoka Azii. = Antiquities of Siberia and Far East. History and culture of East Asia*. Novosibirsk: Science. P. 68–73. (In Russ.).

Kirillov I.I. (2003) Household units and some groups of artifacts as evidences of the spiritual culture development

духовной культуры и зарождения научных знаний в позднем палеолите (на примере многослойного поселения Сухотино-4) // Культурно-исторические формы поведения человека : сборник статей. Чита : Поиск, 2003. С. 3–11.

Кириллов И.И. Сквозь мглы тысячелетий и веков. Рассказы археолога о забайкальских древностях. Чита : Забайкальский гос. гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, 2011. 138, [1] с.

Кириллов И.И., Каспаров А.К. Археология Забайкалья: проблемы и перспективы (эпоха палеолита) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки : доклады Международного симпозиума. Новосибирск : Наука, 1990. С. 194–198.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К. Технологическая и типологическая вариабельность кареноидных изделий в верхнем палеолите Средней Азии // Российская Археология. 2014. № 4. С. 5–18. EDN: TECWLV.

Лисицын Н.Ф., Свеженцев Ю.С. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Северной Азии // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб. : ИИМК РАН, 1997. С. 67–108. EDN: PIPQXN.

Мороз П.В., Курганович К.А., Босов М.А., Юргенсон Г.А., Разгильдеева И.И., Кочев Д.В. Геоархеологическое картирование памятников каменного века и выходов минерального сырья Титовской сопки (Восточное Забайкалье): практический аспект // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26. № 9. С. 13–23. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-13-23. EDN: BUDHYR.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск : Наука, 1980. 177 с.

Разгильдеева И.И. История исследований памятников Титовской сопки: к юбилею открытия палеолитических стоянок Сухотино-2 и Сухотино-4 // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 4. С. 9–23. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-4-9-23. EDN: ALXGEN.

Ташак В.И. Бифасиальные изделия в палеолите Забайкалья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока : сборник научных статей. Уссурийск : Изд-во Уссурийского гос. пед. ин-та, 2011. С. 130–140.

Ташак В.И. Археологическая культура с бифасами в верхнем палеолите Забайкалья // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 3 (31). С. 119–133. DOI: 10.14258/tpai(2020)3(31).-10. EDN: BNWWOA.

Ташак В.И. Верхнепалеолитическая археологическая культура хэнгэрэктэ-сукотино в Забайкалье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 3. С. 109–115. DOI: 10.17746/1563-0102.2023.51.3.109-115. EDN: CCHYDR.

and the origination of the science knowledge in the Late Palaeolithic (on the example of the multilayered settlement Sukhotino-4). *Kul'turno-istoricheskie formy povedeniya cheloveka: sbornik statei* = Cultural and historical forms of human behavior. Collection of the articles. Chita: Poisk. P. 3-11. (In Russ.).

Kirillov I.I. (2011) Through the darkness of millennia and centuries. Stories of an archaeologist about Transbaikalian antiquities. Chita: Zabaikal'skii gos. humanitarno-pedagogicheskii universitet im. N.G. Chernyshevskogo. 138, [1] p. (In Russ.).

Kirillov I.I., Kasparov A.K. (1990) Archeology of Transbaikalia: problems and prospects (Paleolithic era). *Khronostratigrafiya paleolita Severnoi, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii i Ameriki : Doklady mezhdunarodnogo simpoziuma* = Chronostratigraphy of the Paleolithic of North, Central and East Asia and America. Proceedings of International Conference. Novosibirsk: Nauka. P. 194-198. (In Russ.).

Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Pavlenok K.K. (2014) Technological and typological variability of the carenoid works in the Upper Paleolithic in the Middle Asia. *Russian Archeology*. No. 4. P. 5-18. (In Russ.). EDN: TECWLV.

Lisitsyn N.F., Svezhentsev Yu.S. (1997) Radiocarbon chronology of the Upper Palaeolithic of Northern Asia. *Radiouglerodnaya khronologiya paleolita Vostochnoi Evropy i Severnoi Azii. Problemy i perspektivy* = Radiocarbon Chronology of the Palaeolithic of the Eastern Europe and Northern Asia. Problems and Prospects. St. Petersburg: IIMK RAN. P. 67-108. (In Russ.). EDN: PIPQXN.

Moroz P.V., Kurganovich E.A., Bosov M.A., Yurgenson G.A., Razgildeeva I.I., Kochev D.V. (2020) Geoarchaeological mapping of Stone Age sites and mineral outputs of Titovskaya sopka (Eastern Transbaikalia): a practical aspect. *Transbaikalian State University Journal*. Vol. 26. No. 9. P. 13-23. (In Russ.). DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-13-23. EDN: BUDHYR.

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. (1980) *South Eastern Transbaikalia in Stone Age and Early Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka. 177 p. (In Russ.).

Razgil'deeva I.I. (2020) History of research of Titovskaya Sopka sites: anniversary of discovery of Paleolithic sites Sukhotino-2 and Sukhotino-4. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 9-23. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2020-4-9-23. EDN: ALXGEN.

Tashak V.I. (2011) Bifacial products in the Paleolithic of Transbaikalia. *The actual problems of the archaeology of Siberia and the Far East*. Ussuriysk: Izd-vo UGPI. P. 130-140. (In Russ.).

Tashak V.I. (2020) Archaeological culture with bifaces in the Upper Palaeolithic of Transbaikalia. *Theory and practice of archaeological research*. No. 3. P. 119-133. (In Russ.). DOI: 10.14258/tpai(2020)3(31).-10. EDN: BNWWOA.

Tashak V.I. (2023) Khengerekte-Sukhotino - an Upper Paleolithic culture in Transbaikalia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Vol. 51. No. 3. P. 109-115. (In Russ.). DOI: 10.17746/1563-0102.2023.51.3.109-115. EDN: CCHYDR.

Ташак В.И., Ковычев Е.В. Бифасиальные орудия в каменной индустрии Сухотино-4 (Восточное Забайкалье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 9–31. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-3-9-31. EDN: ORHKDR.

Черенщиков О.Ю. Камень на ладони. Чита : Экспресс-издательство, 2013. 236 с.

Информация об авторах

Ташак Василий Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
e-mail: tvi1960@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>

Ковычев Евгений Викторович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет,
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, Россия,
e-mail: kovychevevgeniy@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8737-5280>

Вклад авторов

Ташак В.И. и Ковычев Е.В. выполнили исследовательскую работу, Ташак В.И. на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, авторы имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 июня 2024 г.; одобрена после рецензирования 8 июля 2024 г.; принята к публикации 29 июля 2024 г.

Tashak V.I., Kovychhev E.V. (2020) Bifacial tools of the stone industry of Sukhotino-4 site (Eastern Transbaikalia). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 9-31. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2020-3-9-31. EDN: ORHKDR.

Cherenshchikov O.Yu. (2013) *Stone on the palm*. Chita: Express Publishing House. 236 p. (In Russ.).

Information about the authors

Vasily I. Tashak,
Cand. Sci. (History), Associate Professort, Leading Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russia,
e-mail: tvi1960@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>

Evgeniy V. Kovychhev,
Cand. Sci. (History), Associate professor of the Department of History,
Transbaikal State University,
30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russia,
e-mail: kovychevevgeniy@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8737-5280>

Contribution of the authors

Tashak V.I. and Kovychhev E.V. made the research work, Tashak V.I. on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, authors own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 10, 2024; approved after reviewing July 8, 2024; accepted for publication July 29, 2024.

Научная статья
УДК 903'12(571.63)
EDN: ITAMYF
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-37-49>

Реконструкция эволюционных изменений в технологии рыболовства в заливе Петра Великого в среднем голоцене

Ю.Е. Вострецов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия

Аннотация. Морские адаптации у населения в Восточной Азии прослеживаются с плейстоцена, около 40000 лет назад. Вряд ли широкое использование морских ресурсов могло происходить без каких-либо технико-технологических средств. Основными стимулами развития технологий были скорее всего рыболовство и потребность в коммуникациях. Свидетельства ловли океанических рыб на Японских островах появляются около 9000 лет назад. Добыча на разных поселениях некоторых видов рыб таких как треска свидетельствует о наличии снастей, позволяющих ловить рыбу на глубинах более 20 метров. Примерно, этим же временем датируются находки лодок-долбленок. Техничко-технологические потребности рыболовства древнего населения залива Петра Великого определялись ландшафтной структурой морского побережья и ее динамикой. Характер береговой линии морского побережья постоянно менялся в результате морской трансгрессии и регрессии голоцене. На максимуме атлантической трансгрессии по всему миру и на побережье залива Петра Великого формируется максимальное количество лагун. В результате рыболовство в регионе становится в основном специализированным – лагунным (18 видов рыб – ластоногие, дельфины, киты). После 5000 л. н. в результате регрессии лагуны исчезают и население вынуждено перейти на рыболовство в открытом море. Основная тенденция последующих природных изменений – это выравнивание береговой линии и упрощение ландшафтной структуры морского побережья. После этого рубежа количество вылавливаемых рыб и усложнение технико-технологических возможностей происходит относительно постепенно. Около 3 тыс. л. н. произошло появление крупных грузил для ставных сетей как реакция на увеличение населения на побережье и необходимость интенсификации рыболовства. Уже 2,4 тыс. л. н. население янковской культуры железного века вылавливало 49 видов рыб и демонстрировало максимум разнообразия орудийного комплекса эксплуатации морских ресурсов.

Ключевые слова: Восточная Азия, Японское море, залив Петра Великого, Приморье, палеоэкология, ландшафтные изменения на побережье, рыболовство, видовой состав рыб, технология

Благодарности. Автор признателен за помощь, оказанную при подготовке статьи, Р.А. Артемкину, Е.И. Гельман, М.С. Верешкевой, А.И. Панкиной.

Для цитирования: Вострецов Ю.Е. Реконструкция эволюционных изменений в технологии рыболовства в заливе Петра Великого в среднем голоцене // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 37–49. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-37-49. EDN: ITAMYF.

Archaeology

Original article

Reconstruction of technology of fishing during of the Middle Holocene in the Peter the Great Bay

Yuri E. Vostretsov

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East Far Eastern Branch of Russian academy of Sciences, Vladivostok, Russia

Abstract. Sea adaptations of the population in East Asia are traced from the Pleistocene, about 40,000 years ago. It is unlikely

that the widespread use of marine resources could occur without any technical and technological means. The main incentives for the development of technologies were most likely fishing and the need for communications of evidence of oceanic fishing in the Japanese islands about 9000 years ago. The extraction of some species of fish, such as cod, indicates the presence of gear allowing fish at depths of more than 20 meters. Approximately the same time, finds of dugout canoes date back. The technical and technological needs of the fisheries of the ancient population of the Peter the Great bay were determined by the landscape structure of the sea coast and its dynamics. The nature of the coastline of the sea coast was constantly changing as a result of sea transgression and regression of the Holocene. At the maximum of the Atlantic transgression around the world and on the coast of the Peter the Great Bay, the maximum number of lagoons is formed. As a result, fishing in the region becomes mainly specialized - lagoon (18 species of fish, pinnipedes, dolphins, whales). After 5000 BP as a result of regression, the lagoons disappear and the population is forced to switch to open sea fishing. The main trend of subsequent natural changes is the alignment of the coastline and the simplification of the landscape structure of the sea coast. After this line, the number of fish weaved and the complication of technical and technological capabilities occurs relatively gradually. About 3 ka BP. the appearance of large sinkers for the shifting networks took place as a reaction to an increase in the population on the coast and the need to intensify fishing. Already 2.4 ka BP the population of the Yankovsky culture of the Iron Age caught 49 species of fish and demonstrated a maximum of the diversity of the tools complex of operation of marine resources.

Keywords: East Asia, the Sea of Japan, the bay of Peter the Great, Primorye, Paleoeology, landscape changes on the coast, fishing, species composition of fish, technology

Acknowledgements. Author grateful to R.F. Artemkin, E.I. Gelman, M.S. Vereshkina, A.I. Pankina for help with preparing this paper.

For citation: Vostretsov Yu.E. (2024) Reconstruction of technology of fishing during of the Middle Holocene in the Peter the Great Bay. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 37-49. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-37-49. EDN: ITAMYF.

Введение

Освоение ловли рыб и развитие технологий, связанных с этой деятельностью было одним из важных шагов к увеличению свободы и разнообразия пищевого поведения человека.

Так сложилось, что роль рыболовства в поведенческой эволюции человека недооценена в современных археологических исследованиях по сравнению с охотой (Man the Hunter, 1968), земледелием (Шнирельман, 2012a), скотоводством (Шнирельман, 2012b) и собирательством растений (Woman the Gatherer, 1981). Известные немногочисленные исследования ориентированы в большей степени на изучение орудий лова, а не собственно рыб, их поведения и продуктивности как ресурса для человека. Мы в наших исследованиях рыболовства в заливе Петра Великого старались исправить этот недостаток (Беседнов, Вострецов, 1997).

Неизвестно, когда человек начал вылавливать рыбу, тем не менее это знакомство состоялось, вероятно, гораздо раньше, чем мы можем проследить это археологически. Рост эффективности ловли рыб зависел от уровня развития технологии промысла, но археологически проследить процесс развития технологии вылова довольно сложно. Имеющиеся археологические артефакты дают бед-

ные свидетельства об уровне технологии рыболовства. Одна из возможностей оценки заключается в анализе остатков костей рыб, их биологии и экологии. Это весьма опосредованный исследовательский путь, тем не менее он дает возможность реконструкции некоторых тенденций в эволюции технологий рыболовства.

Одной из интересных областей бассейна Японского моря является залив Петра Великого, который следует рассматривать как отдельный природный регион, оказывающий влияние на формирование уникальных доисторических культур. Эта область характеризуется: зоной смешения теплого и холодного морских течений; сложным континентальным рельефом и морским побережьем; муссонной циркуляцией климата; комбинацией субтропических и субарктических характеристик климата, формирующих высокое разнообразие и продуктивность морских и наземных экосистем.

Климат, растительность, рельеф береговой линии, разнообразие и продуктивность морских и наземных ландшафтов постоянно менялись, оказывая решающее влияние на жизнь древнего населения залива Петра Великого, в том числе и на рыболовную деятельность.

Исследования, проведенные в последнее десятилетие, позволяют проанализировать тенден-

ции и динамику поведения человека, на которое влияют существенные факторы меняющейся с течением времени среды прибрежной зоны, такие как колебания уровня моря и изменение формы береговой линии. Эти процессы приводили к изменениям в продуктивности и разнообразии окружающей среды, которые можно напрямую сравнить с изменениями в технологиях эксплуатации ресурсов и системах жизнеобеспечения.

О нижней границе начала рыболовства в Восточной Азии известно, что еще в плейстоцене около 40000 лет назад у человека, обитавшего в пещере Тяньюань (Tianyuan Cave) под Пекином рыба была основным продуктом питания. Это выяснилось на основе анализа коллагена костей (Yaowu Hu, Hong Shang et. al., 2009).

Палеогеография и рыболовство в заливе Петра Великого

Сведения о рыболовстве в заливе Петра Великого имеются только из голоценовых памятников. Ландшафты начала голоцена кардинально отличались от современных. Еще 12 тыс. л. н. уровень мо-

ря был около 80–100 метров ниже современного, большинство современных континентальных шельфов были равнинами, в том числе и шельф Японского моря. Современный континентальный шельф залива Петра Великого представлял собой прибрежную наклонно-ступенчатую равнину. По равнине протекали реки с быстрым течением, образуя глубокие каньоны в районах впадения в море (Короткий, 1994; Короткий, Вострецов, 1998).

С конца плейстоцена происходило глобальное потепление климата и интенсивный подъем уровня моря, который к началу нашей эры стабилизировался на уровне, близком к современному (Короткий, Караулова, Троицкая, 1980; Короткий, 1994). Однако подъем уровня моря был неравномерным, поэтому попытаемся выделить в нем этапы и соотнести их с имеющимися данными о рыболовстве в заливе Петра Великого (рис. 1).

Первый этап занимал интервал от 12 тыс. л. н. до, примерно, 6,5–6,0 тыс. л. н., когда происходил интенсивный подъем уровня моря с –80 до +3 м относительно современного. Процесс подъема уровня моря не был линейным. В интервале от 9,7

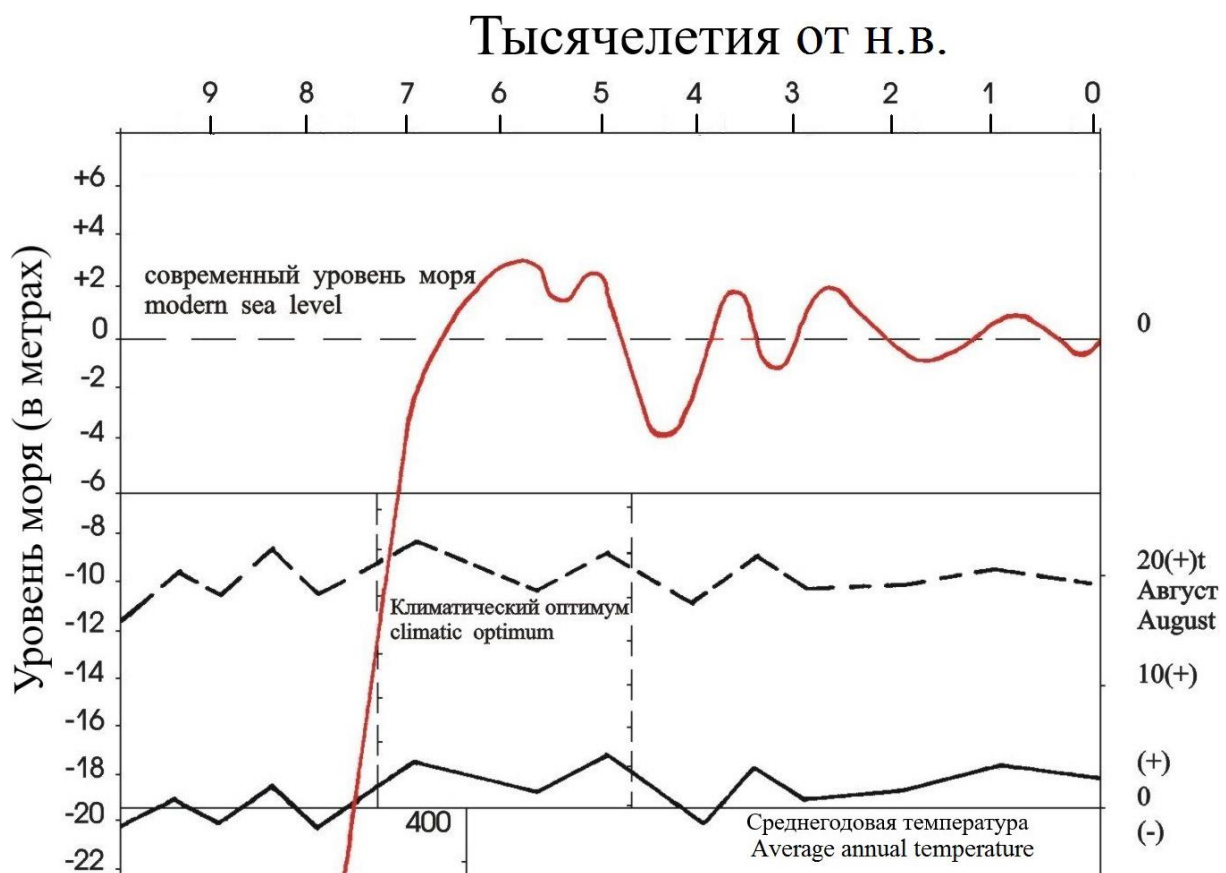

Рис. 1. Изменения климата и уровня моря в Японском море в голоцене (по: Короткий, Вострецов, 1998)

Fig. 1. Changes of climate and sea level of the Sea of Japan during the Holocene (by: Korotky, Vostretsov, 1998)

до 9,3 тыс. л. н. произошла кратковременная стабилизация уровня моря. Это явление сопровождалось заболачиванием приустьевых участков рек, образованием сложных, ветвящихся дельт, а также многочисленных озер и лагун. Тем самым на морском побережье создавались оптимальные условия для эксплуатации водных ресурсов.

К этому периоду относится раковинная куча на поселении Натушима в Токийском заливе, датированная 9,5 тыс. л. н. В ней были обнаружены свидетельства рыболовства в виде костных остатков. Остатки относились, по меньшей мере, к 17 видам рыб, среди которых прослеживались как рыбы, обитающие в бухтах (черный морской лещ, морской окунь и др.), так и обитающие в эпипелагии (полосатый тунец). Помимо костных остатков в раковинной куче встречались рыболовные крючки, представлявшие из себя заостренные костяные палочки. Предполагается, что еще одна подобная стабилизация произошла в интервале от 8,2–7,8 тыс. л. н. (Короткий, Вострецов, 1998). Разумно ожидать, что сопоставимыми технологиями, позволяющими добывать широкий спектр морских ресурсов, владели и обитатели континентального побережья бассейна Японского моря.

Около 7,5 тыс. л. н. голоцен вступил в оптимальную фазу, а 6,5–6,0 тыс. л. н. уровень моря установился на 3 м выше современного (рис. 1). Прибрежная равнина полностью исчезла под водой и стала шельфом, береговая линия приобрела контуры, близкие к современным очертаниям.

Количество сведений о рыболовстве увеличивается ближе к концу этого этапа. Это объясняется тем, что большинство прибрежных археологических памятников конца плейстоцена – начала голоцена оказывается под водой на континентальном шельфе. В этот период обитатели поселения Сопхохан-1, располагавшегося на берегу древней лагуны в устье р. Туманган, собирали устриц и добывали акул и тюленей, используя для этого костяные гарпуны, остроги, составные крючки, заостренные костяные палочки. Тюленей в этот период в большом количестве можно было добывать на песчаной косе палеолагуны атлантического периода. Также могли охотиться на ластоногих на ледовой кромке, так как лагуны замерзали даже на пике потепления (Короткий, Вострецов, 1998. С. 18). Добыча акул требовала использования плав-

средств, сетевых средств и орудий гарпунного типа. Наличие лодок документируется находками лодок-долбленок в неолите Японии (Kobayashi, 2004. Р. 78). Для отложений этого периода на памятнике Сопохан нет радиоуглеродных дат, однако керамический стиль Сопохан 1 типологически датируется как предшествующий керамической традиции Бойсмана. Это поместило бы их керамическую традицию в период времени, предшествующий 7,5 тыс. л. н.

Их последователи (Сопхохан-2), кроме собирания моллюсков, среди которых доминировали устрицы, с помощью сетей и острог ловили разнообразных рыб, в том числе и треску, добывали акул и китов (?) (Ларичев, 1978). К сожалению, полный список рыб не опубликован авторами раскопок, но в отношении трески можно утверждать, что ее лов требовал обязательного использования плавсредств. Треска в основном глубоководная рыба, которая подходит близко к берегу для прокорма на глубины в 20–70 метров после нереста, заканчивающегося в апреле. С прогревом вод она опять уходит на глубину (Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2011. С. 88–89). Таким образом, оптимальное время для вылова трески приходилось на холодную весну. Поэтому, помимо плавсредств, древнее население должно было использовать орудия лова, позволявшие вести добычу на подобной глубине. Примеры подобных орудий известны в тихоокеанской этнографии. Так алеутами использовались костяные крючки, привязываемые к лесе из морской капусты (Ляпунова, 1975. Рис. 5). Исходя, из расчета диаметра связки, длина подобной леси могла достигать от 60 до 150 м.

Что касается остатков китов, то древние обитатели побережий могли получать китов двумя способами, либо используя выбросившихся на берег особей, либо как-то охотясь на них. По поводу возможности охоты на китов в неолите существовал большой скепсис. Тем не менее количество сведений о находках остатков китов в регионе растет. Так на петроглифах Пангудэ в заливе Ульсан на Юго-Востоке Корейского полуострова выделяются 40 рисунков, изображающих морскую фауну, большую часть из них составляют морские млекопитающие – китообразные и сцены охоты на них (Чжан, 2015. С. 202). Анализ петроглифов, проведенный А.И. Панкиной, показывает их многослой-

ность, то есть создание за продолжительный интервал времени. В то же время анализ динамики состава морской фауны позволяет предполагать, что, вероятнее всего, петроглифы создавались в период максимума атлантической трансгрессии в интервале 6,5–5 тыс. л. н., когда уровень моря был, примерно, на +3 метра выше современного и лагунные условия были максимально близки к памятнику Пангудэ (Панкина, 2022. С. 116). Среди сюжетов на памятнике выделяются сцены китобойного промысла нескольких видов китов и китообразных, в том числе с изображением использования водного транспорта и орудий лова (первый стилистический слой). Лодки с количеством человек от 6 до 12 преследуют крупных млекопитающих и соединены с ними тонкими линиями – вероятные изображения охотничьих линий. В некоторых случаях возле фигур китообразных изображены круглые необычные предметы, которые можно определить как охотничьи поплавки (Панкина, Соколова, Казаков, 2022. С. 158). Во время добычи морского зверя такие поплавки, привязанные целыми связками к наконечникам гарпунов, не позволяли загарпуненному животному уйти глубоко под воду (Богораз, 1991. С. 60).

Относительно добычи китов, можно предполагать известные из этнографии способы. Если это был серый кит, который обитает в бухтах и лагунах, где он кормится бентосом с ноября по апрель, он мог выбрасываться на берег, что периодически наблюдалось в разные эпохи. Также его могли добывать с использованием очень простых плавающих средств, например, как это делали айны. Они обстреливали ядовитыми стрелами серого кита, который подходил близко к берегу, используя яд аконита, произрастающий в Приморье и Приамурье повсеместно. Через некоторое время у кита яд аконита вызывал страшные судороги, и он выбрасывался на берег (Крашенинников, 1948. С. 135). Такой способ добычи оптимизировал доставку туши кита на побережье. Кроме того, тогда же попутно могли добывать акул, которые набрасывались на кита, погибавшего на мелководье. Известно 25 видов аконита, произрастающих в Приморском крае, и 37 видов, произрастающих на Дальнем Востоке России. Все виды аконита очень ядовиты, и коренные народы Дальнего Востока регулярно использовали их в качестве яда.

Подтверждением существования охоты можно считать находку на близком по времени неолитическом памятнике Хвансандон (Ульсан), расположенном относительно недалеко от петроглифов, позвонка кита с застрявшим в нем обломком гарпуна (Kang, 2020).

Находки на археологических памятниках костей китов, дельфинов, ластоногих в Японском море в раннем голоцене не редкость и их количество возрастает. В интервале до 7,5 тыс. л. н. на островном поселении Тонсамдон около г. Пусан были обнаружены зубы акул, кости тунца, красного морского карася, кита, дельфина и калифорнийского морского льва (Sample, 1974).

Второй этап изменения уровня моря приходится на интервал от 6,5 до 5,0 тыс. л. н.

При стабилизации уровня моря на пике атлантической трансгрессии в интервале от 6,5 до 6,2 тыс. л. н. (уровень моря был на 2,5–3,0 м выше современного). В результате произошло формирование обширных ингрессионных заливов, лагун (типа Бойсмана и Адими), прибрежных озер, а также архипелага в районе р. Туманган и островов в пределах залива Петра Великого. Береговая линия была очень изрезанной и обеспечивала большое разнообразие морских и прибрежных ландшафтов (рис. 2; Короткий, Вострецов, 1998. Рис. 1.13). На этом отрезке времени мы наблюдаем максимальную для голоцена продуктивность морских ландшафтов залива Петра Великого.

На пике атлантической трансгрессии, примерно, 6,5–5 тыс. л. н. по побережью залива Петра Великого расселяется население бойсманской культурной традиции, в которой выделяется пять этапов (6,7–4,8 тыс. л. н.). Это население было адаптировано к жизни на морских побережьях, преимущественно около лагун. Рыболовство третьего этапа (5,7–5,4 тыс. л. н.) на памятнике Бойсмана-1 было в основном лагунным. Бойсманцы вылавливали 18 видов рыб, из которых 90–80 % костных остатков принадлежали пиленгасу.

Вылов пиленгаса в лагунах чаще всего осуществлялся с помощью различных загородей, заколов, ловушек и не требовал качественных плавающих средств. Он мог осуществляться и сетевой снастью (Stewart, 1977). На поселении третьего этапа мы обнаружили грузила и поплавки для сетей, крючки, грузила и поплавки для удочковой

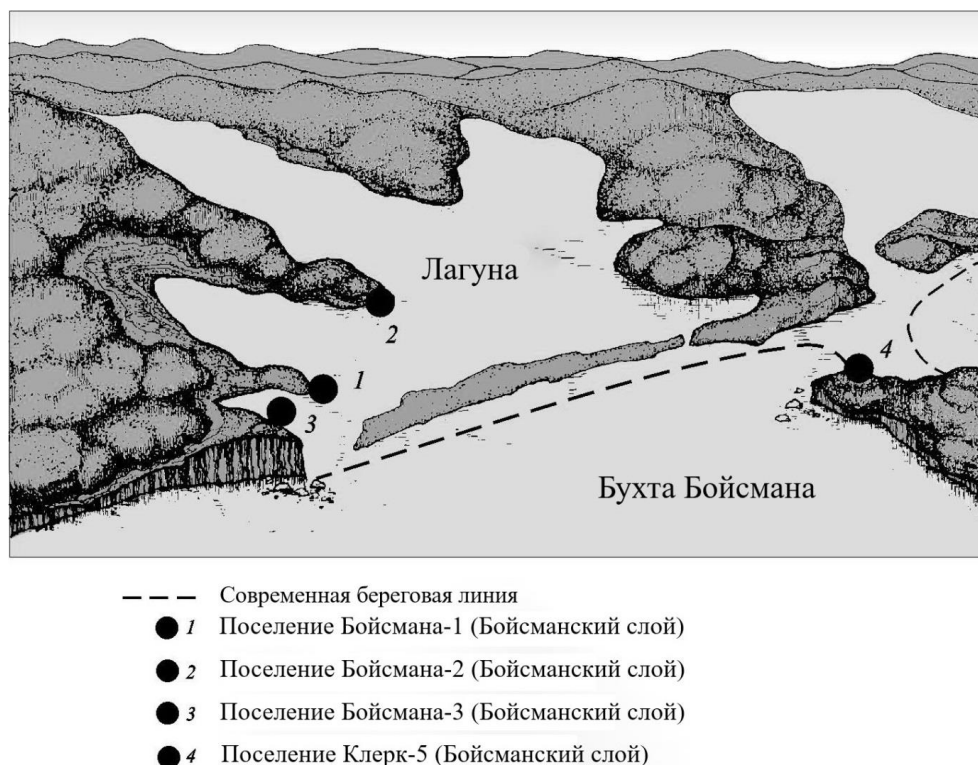

Рис. 2. Реконструкция ландшафта бухты Бойсмана около 6000 л. н.
Fig. 2. Reconstruction of landscape of the Boisman Bay at 6000 BP

снасти, а также разнообразные остроги (Беседнов, Вострецов, 1998). К концу третьего этапа существования БКТ около 5,4 тыс. л. н. происходило небольшое похолодание и регрессия моря (рис. 1). В течение регрессии происходило обмеление лагуны и заполнение ее наносами. Наблюдаются кризисные явления в рыболовстве: вылов молоди пиленгаса и красноперки и некоторый сдвиг в сторону морского рыболовства. Люди начали вылавливать сельдь, сардину, скумбрию и треску. Вылов этих видов рыб определенно требует усовершенствования лодок и расширения спектра рыболовных средств и технологий. Кроме того, в течение этого этапа наблюдается уменьшение доли охоты на наземных млекопитающих и увеличение доли добычи морских. Это были дельфины и киты, добыча которых требует надежных плавсредств (рис. 3; Вострецов, 1998. С. 376. Рис. 9.3).

На пятом этапе существования бойсманской культурной традиции произошел переход к третьему этапу рыболовства. После 5 тыс. л. н. началось следующее, продолжительное и значительное похолодание, которое сопровождалось падением уровня моря и заполнением лагун наносами (рис. 4). В результате происходит значительный

сдвиг от лагунного к морскому рыболовству. Уже на пятом этапе существования бойсманской культурной традиции население памятника Клерк-5, обитавшее на палеоострове в б. Бойсмана, переходит преимущественно к открытому морскому рыболовству. Основу уловов у них составляли сельдь и сардина (61,27 %), а также красноперка (22,16 %). Кроме того, увеличился вылов скумбрии (7,03 % по сравнению с 0,13 % у бойсманцев третьего этапа), а также окуней, бычков и камбал (9,09 % по сравнению с 3,3 % у бойсманцев третьего этапа). В то же время пиленгаса они вылавливали всего 0,18 % по сравнению с 89,08 % у бойсманцев третьего этапа. Кроме того, увеличение количества грузил на поселении Клерк-5 свидетельствует об изменении объектов и технологии рыболовства. В могильнике памятника Бойсмана-2 обнаружено две модели лодок-долбленок из рога оленя (Бродянский, Раков, 2003. С. 42, 43).

Это демонстрирует кардинальные изменения характера рыболовства у населения одной культурной традиции, обусловленное ландшафтно-климатическими изменениями в начале перехода от атлантического периода голоцена к суббореальному. Ловля большинства открыто-морских рыб требует применения надежных плавсредств.

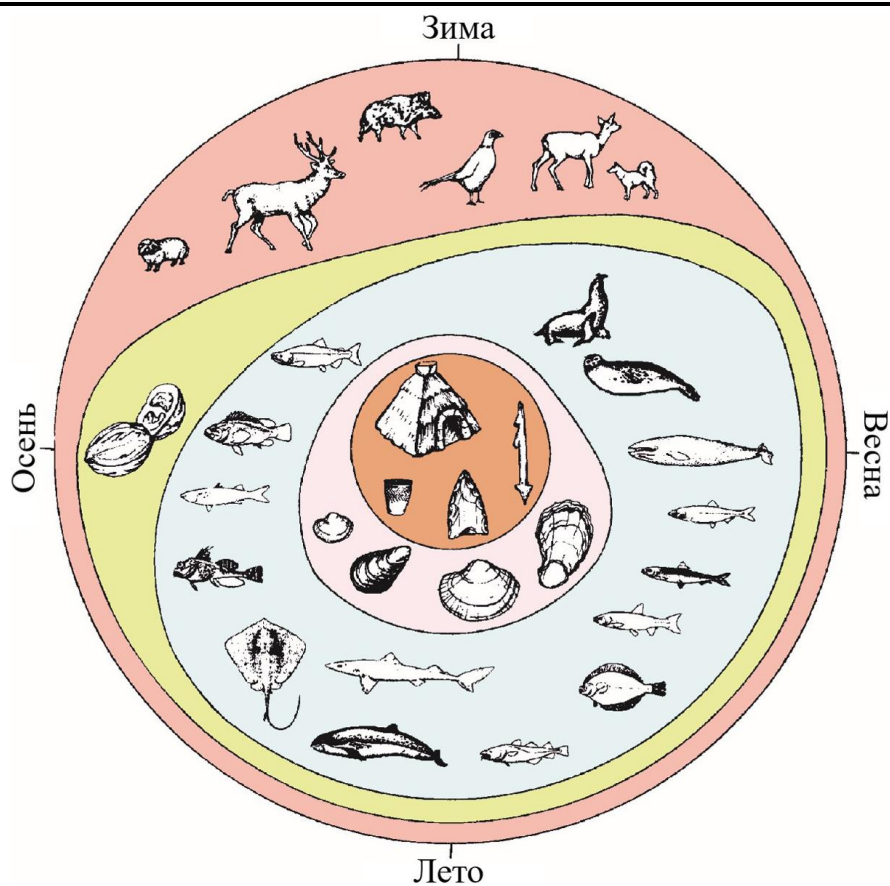
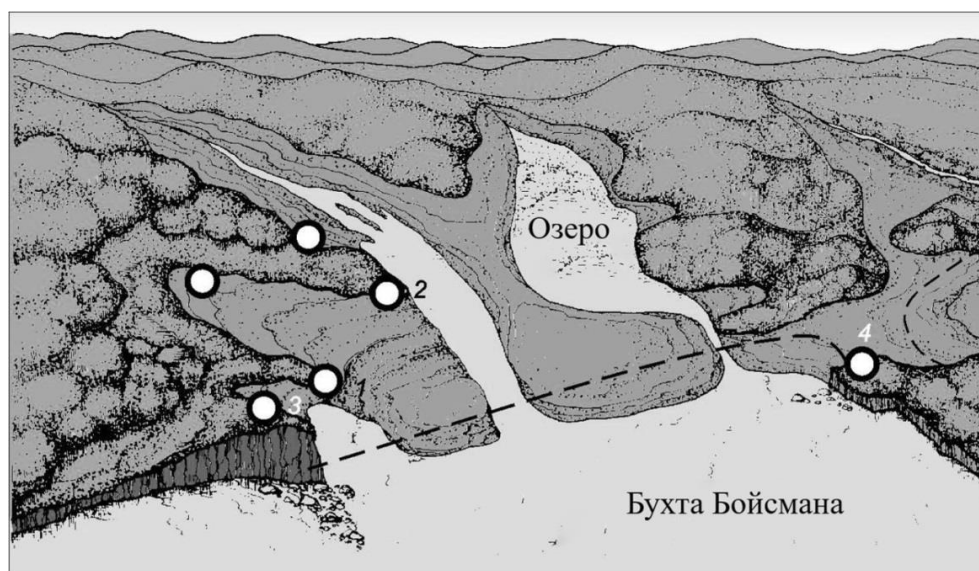

Рис. 3. Цикл жизнеобеспечения населения памятника Бойсмана-1 третьего этапа бойсманской культурной традиции
 Fig. 3. Annual subsistence cycle at the Boisman1 site (third stage of Boisman cultural tradition)

- Современная береговая линия
- 1 Поселение Бойсмана-1 (Зайсановский слой)
 - 2 Поселение Бойсмана-2 (Зайсановский слой)
 - 3 Поселение Бойсмана-3 (Зайсановский слой)
 - 4 Поселение Клерк-5 (Зайсановский слой)
 - Памятники Зайсановской культурной традиции

Рис. 4. Реконструкция ландшафта бухты Бойсмана около 4500 л. н.
 Fig. 4. Reconstruction of landscape of the Boisman Bay at 4500 BP

Дальнейшие изменения в рыболовстве носили более плавный, количественный характер и были связаны с переселением нескольких волн нового, земледельческого населения на морское побережье (Вострецов, 2018). В первую половину переходного периода к суббореальному времени, когда произошла регрессия уровня моря, побережье выравнивается, и большинство лагун исчезает (рис. 4). Так, ближе к пику регрессии моря обитатели памятника Зайсановка-7 (около 4,5 тыс. л. н.) (б. Экспедиции) вылавливали 26 видов рыб, преимущественно в открытом море (рис. 5). Формируются экономики смешанного типа: земледельцы-рыболовы-охотники-собиратели. В восточной части залива Петра Великого, на памятнике Волчанец-1 (б. Восток) вылавливали 17 видов рыб в интервале 4,8–4,2 тыс. л. н. При этом наблюдается переход от вылова теплолюбивых рыб к холодолюбивым, что согласуется с ландшафтно-климатическими изменениями этого интервала (рис. 6).

Во вторую половину переходного периода в интервале 4,5–4,1 тыс. л. н. назад климат стал теплее, что привело к повышению уровня моря от –4 м до, примерно, 1 м. выше современного уровня (рис. 1). Исчезнувшие в предыдущий период лагуны и мелководные заливы могли частично восстановиться, что могло повлиять на структуру рыболовства. Так, на памятнике Клерк-5 в данный период возросло количество остатков камбаловых с 9,38 % до 19,14 %, а количество остатков краснопёрки увеличилось от 7,64 % до 16,01 %.

О рыболовстве населения залива Петра Великого в эпоху раннего палеометалла почти не осталось свидетельств. Возможно, частично они могли быть уничтожены при подъеме уровня моря после третьего похолодания климата в интервале 3,4–3,2 тыс. л. н. Одним из таких немногочисленных свидетельств являются раковинные отложения памятника Клерк-5, датируемые около 3,1 тыс. л. н. В сравнении с более ранними слоями с данного памятника, соотношение остатков показывает иной тип

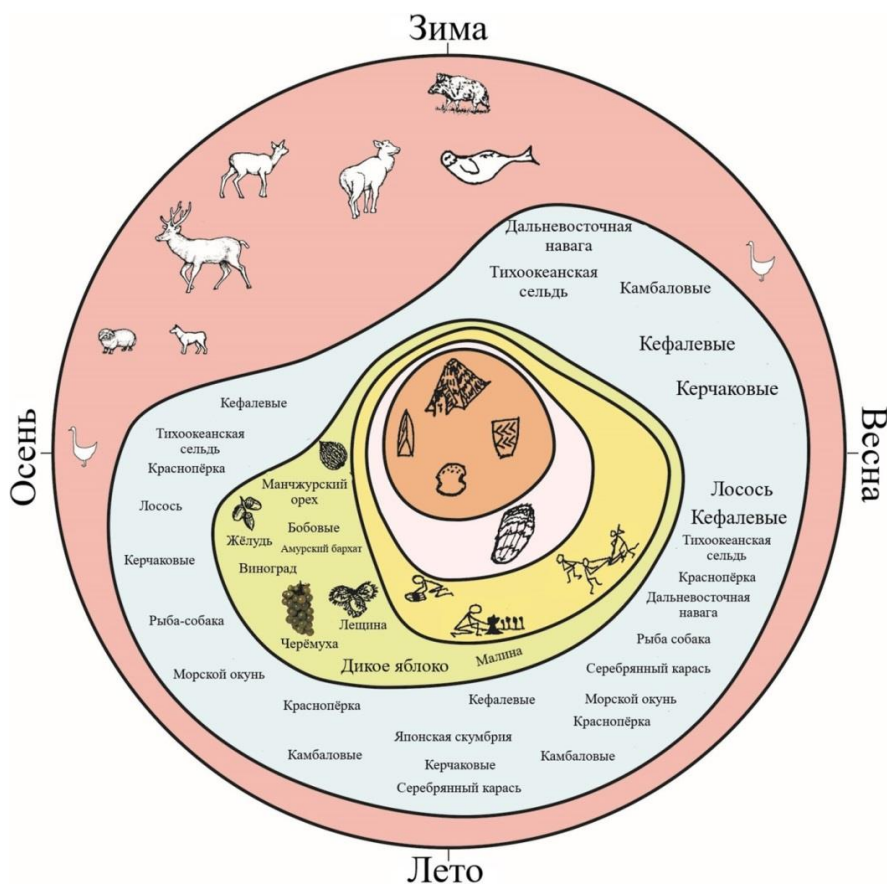

Рис. 5. Цикл жизнеобеспечения населения памятника Зайсановка-7 (посетская группа памятников зайсановской культурной традиции)

Fig. 5. Annual subsistence cycle at the Zaisanovka 7 site (Zaisanovsky cultural tradition)

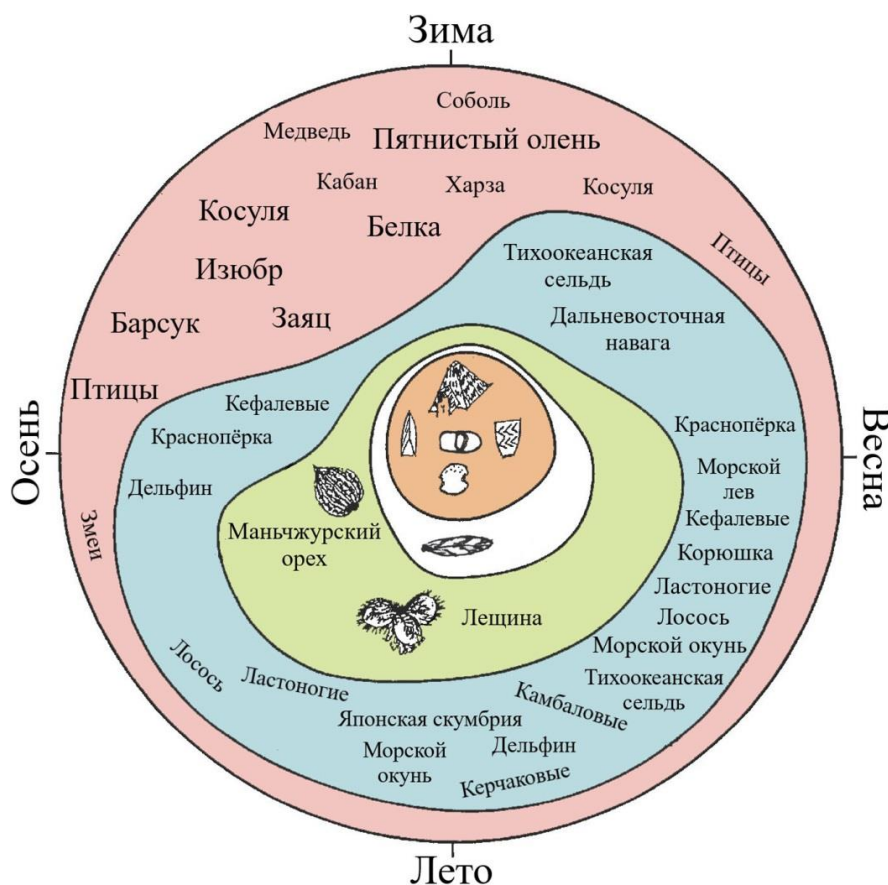

Рис. 6. Цикл жизнеобеспечения населения памятника Волчанец-1 (валентиновская группа памятников зайсановской культурной традиции)

Fig. 6. Annual subsistence cycle at the Volchanets1 site (Valentinovsky group of sites of Zaisanovsky cultural tradition)

ориентации рыболовства, направленный в большей степени на мелководья и каменистые участки берега. Это проявляется в виде значительного уменьшения сельди среди костных остатков рыб. На её фоне прослеживается увеличение остатков камбаловых и морского окуня.

В позднем палеометалле, во время существования янковской культуры (8–1 вв. до н. э.), которое приходится на «похолодание железного века», после теплой фазы климата мы наблюдаем признаки интенсификации рыболовства за счет применения новых технологий – появляются большие круглые грузила для ставных сетей. Появление этих грузил вызвано увеличением численности населения на морском побережье и усилением давления на ресурсы. Янковское население вылавливало уже 49 видов рыб в открытом море. На этом этапе рыболовство достигает своего пика в среднем голоцене. Оно было ориентировано на сравнительно холодолюбивые виды рыб, такие как камбаловые, сельдевые, тресковые, а так же теплолюбивые виды, такие как скумбровые, саргановые, карповые.

На многих памятниках встречаются кости тунцов, дельфинов, китов (Беседнов, Вострецов, 1997). Помимо расширения видового разнообразия, расширился и спектр используемых орудий. Так, на памятниках Песчаный-1 и Черепаха-7 было обнаружено большое количество грузил разного размера, от 80 гр. до 3 кг. Очевидно, подобное разнообразие говорит об использовании древним населением различных типов сетей и, возможно, использовании некоторых в качестве якорей для лодок. Типологическое разнообразие орудий рыбной ловли достигает своего максимума. Аналогичные тенденции прослеживаются в этот же период в рыболовстве на Японских островах (Ikawa-Smith, 1986).

Во время «похолодания железного века» возрастает конкуренция на морских побережьях. Поселения начинают располагать на высоких местах для контроля территории и акватории. Подобная стратегия наблюдается по всему бассейну Японского моря. В хрониках этого времени есть упоминания о набегах на Японию и Китай пиратов с севера, связываемых с племенами илоу (Матвеев, 1929).

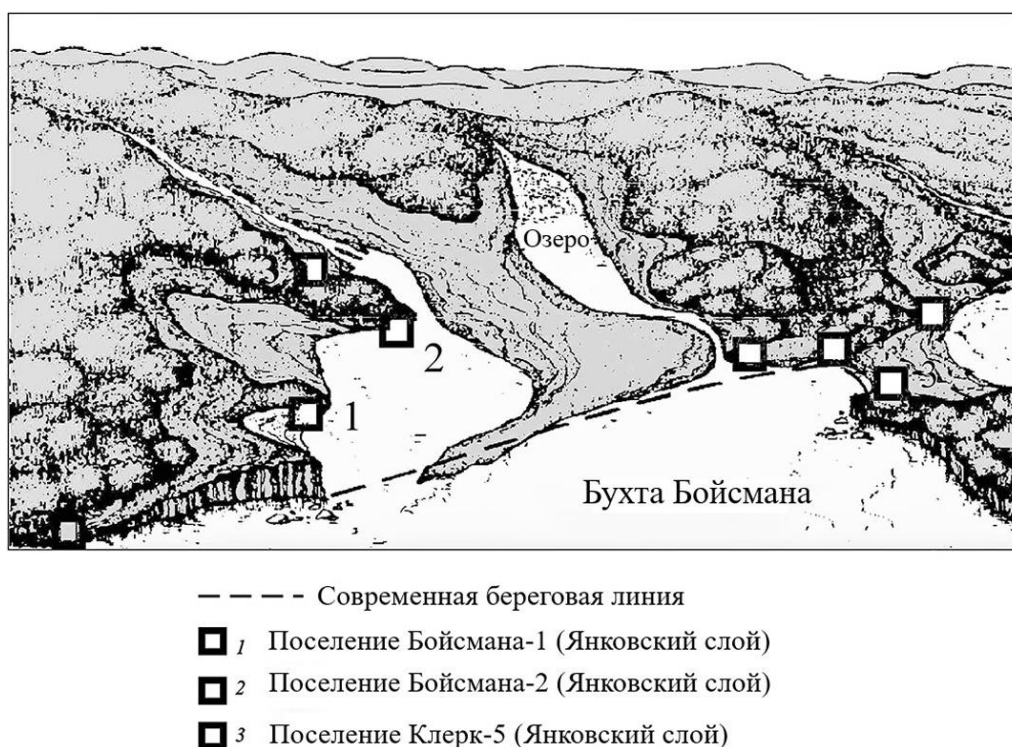

Рис. 7. Реконструкция ландшафта бухты Бойсмана около 2500 л. н. (янковская культура)
Fig. 7. Reconstruction of landscape of the Boisman Bay at 2500 b. p. (Yankovsky culture)

С. 12). Эти племена связываются в Приморье с польцевско-ольгинским населением предшествующим мохэ. В первые века нашей эры качество плавсредств и мореходное искусство возросло настолько, что мохэские пираты совершали набеги на Японские острова, Корею, Китай (Матвеев, 1929. С. 12).

Выводы

Основная тенденция геоморфологических изменений в береговой зоне за последние 6 тыс. л. заключалась в выравнивании береговой линии и упрощении ландшафтной структуры акватории (рис. 1; 2; 4; 7). В начале суббореального периода голоцена эта тенденция проявлялась максимально. Параллельно население развивало и совершенствовало технологии рыболовства. Признаки интенсификации в технологии рыболовства наблюдаются в начале похолодания климата около 2,9–2,7 тыс. л. н., когда появляются большие грузила для ставных сетей как адаптивная реакция на деградацию ресурсной базы рыболовства, обусловленную падением уровня моря.

Динамика рыболовства в среднем голоцене. Имеющиеся в нашем распоряжении данные по видовому составу рыб в промысловых уловах жителей древних поселений бойсманской, зайсановской и янковской культур позволяют проследить изменения в ориентации на основные объекты рыболовства.

У обитателей поселений бойсманской культурной традиции (19 видов) доминировали в уловах кефалевые (90–80 %). Жители поселений зайсановской культурной традиций (26 видов) в основном ловили стайных пелагических рыб, преимущественно теплолюбивых, таких как скумбрия (33 %). Рыболовство в янковское время (49 видов) было ориентировано на представителей таких семейств, как камбаловые, скумбриевые, саргановые, карповые, сельдевые и тресковые (Беседнов, Вострецов, 1997).

Таким образом, качественные изменения в рыболовстве произошли быстро на границе атлантического и суббореального периодов у населения бойсманской культуры. В дальнейшем изменения происходили медленно и носили скорее количественный характер и были связаны с развитием техники и технологии рыболовства.

Список источников

Беседнов Л.Н., Вострецов Ю.Е. Морской промысел рыб и млекопитающих в раннем и среднем голоцене в бассейне Японского моря // Известия ТИНРО. 1997. Т. 122. С. 117–130.

Беседнов Л.Н., Вострецов Ю.Е. Рыболовство // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток : ДВО РАН, 1998. С. 276–320. EDN: YLOOHB.

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей / авториз. пер. с англ. послесл. и примеч. И.С. Вдовина. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991. 224 с.

Бродянский Д.Л., Раков В.А. Древнейшие лодки и мореходы Северо-Западной Пасифики // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С. 41–47. EDN: CUUFMA.

Вострецов Ю.Е. Реконструкция образа жизни, жизнеобеспечения и динамики заселения б. Бойсмана в неолите // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана / отв. ред. Ю.Е. Вострецов. Владивосток : ДВО РАН, 1998. С. 371–389. EDN: YLOSTJ.

Вострецов Ю.Е. Хронология и пространственное распределение памятников зайсановской культурной традиции в Приморье в контексте природных изменений // Труды института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2018. Т. 20. С. 40–65. EDN: FGJWFF.

Короткий А.М. Колебания уровня моря и ландшафты прибрежной зоны (этапы развития и тенденции) // Вестник ДВО РАН. 1994. № 3. С. 29–42.

Короткий А.М., Вострецов Ю.Е. Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого // Первые рыболовы залива Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток : ДВО РАН, 1998. С. 9–29. EDN: YLONYB.

Короткий А.М., Караулова Л.П., Троицкая Т.С. Четвертичные отложения Приморья (стратиграфия и палеогеография). Новосибирск : Наука. 1980. 233 с.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М. : Географгис, 1948. 296 с.

Ларичев В.А. Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск : Наука. 1978. С. 9–87.

Ляпунова Р.Г. Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII – первая половина XIX в.). Ленинград : Наука, 1975. 197 с.

References

Besednov L.N., Vostretsov Yu.E. (1997) Fishing and sea mammal hunting in early and middle Holocene in Japan sea basin. *Transactions of the Pacific Research Institute of Fisheries and Oceanography*. Vol.122. P. 117-130. (In Russ.).

Besednov L.N., Vostretsov Yu.E. (1998). Fishing. *Pervye rybolovy zaliva Petra Velikogo. Priroda i drevnii chelovek v bukhte Boismana = First fishermen in the Peter the Great Bay. Environment and Man in Boisman Bay*. Vladivostok: Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 276-320. (In Russ.). EDN: YLOOHB.

Bogoraz V.G. (1904) Material culture of Chukchi. (Russ.ed. Material'naya kul'tura chukchei. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 1991. 224 p.)

Brodyanskii D.L., Rakov V.A. (2003) Ancient boats and sailors of North-West Pacific. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. No. 2. P. 41-47. (In Russ.). EDN: CUUFMA.

Vostretsov Yu.E. (1998) Dynamics of environmental and cultural adaptation in the Boisman inlet. *Pervye rybolovy v zalive Petra Velikogo. Priroda i drevnii chelovek v bukhte Boismana = First fishermen in the Peter the Great Bay. Environment and Man in Boisman Bay*. Vladivostok: Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 371-389. (In Russ.). EDN: YLOSTJ.

Vostretsov Yu.E. (2018) Cronology and spatial distribution of sites of Zaisanovskaya cultural tradition in Primorye region in context of changes of natural conditions. *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN = Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. Vladivostok: IIAE DVO RAN. Vol. 20. P. 40-65. (In Russ.). EDN: FGJWFF.

Korotkii A.M. (1994) Sea level fluctuations and coastal zone landscapes: Stages and trends. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of sciences*. No 3. P. 29-42. (In Russ.).

Korotkii A.M., Vostretsov Yu.E. (1998) Geographical environmental and cultural dynamics in the middle Holocene in the Peter the Great Bay. *Pervye rybolovy zaliva Petra Velikogo. Priroda i drevnii chelovek v bukhte Boismana = First fishermen in the Peter the Great Bay. Environment and Man in Boisman Bay*. Vladivostok: Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 9-29. (In Russ.). EDN: YLONYB.

Korotkii A.M., Karaulova L.P., Troitskaya T.S. (1980) Quaternary deposits of Primorye (stratigraphy and paleogeography). Novosibirsk: Nauka. 233 p. (In Russ.).

Krashennnikov S.P. (1948) Discription of the land of Kamchatka. Moscow: Geografgis. 296 p. (In Russ.).

Larichev V.A. (1978) Neolithic and Bronze age of Korea. *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti: Neolit epokha paleometalla = Siberia, Central and East Asia in ancient time. Neolithic - Paleometall Age*. Novosibirsk: Nauka. P. 9-87. (In Russ.).

Lyapunova R.G. (1975) Essay on ethnography of Aleuts (end of the 18th - first half of the 19th century). Leningrad: Nauka. 197 p. (In Russ.).

Матвеев З.Н. Бохай (Из истории Восточной Азии VIII–X вв.) // Труды Дальневосточного государственного университета. Серия 6. № 8. Владивосток : Изд-во Дальневосточного государственного ун-та, 1929. 34 с.

Панкина А.И. Реконструкция палеоэкологических условий в период создания наскальной живописи в Дэкоре: к методике исследования // Тихоокеанская археология: новые материалы, проекты, исследования : тезисы докладов, Владивосток, 06–09 мая 2022 года. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2022. С. 112–117. EDN: ZOSEKI.

Панкина А.И., Соколова О.Ю., Казаков В.В. Аprobация многопользовательского веб-приложения с настраиваемой системой наложения прорисовок петроглифов на примере плоскости Пангудэ (Ульсан, Южная Корея) // Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.) : материалы Международной археологической конференции молодых исследователей (Новосибирск, 21–25 ноября 2022 г.) / ред. В.И. Молодин, Д.В. Селин, М.А. Кудинова. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 152–161.

Соколовский А.С., Соколовская Т.Г., Яковлев Ю.М. Рыбы залива Петра Великого. Изд. 2-е, испр. и доп. Владивосток : Дальнаука, 2011. 431 с. EDN: QKTXBP.

Чжан С.Х. Петроглифы Дэкоре (Бангудэ) в Ульсане // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19–23 октября 2015 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург. 2015. С. 194–210.

Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. Очаги древнего земледелия. Изд. 2-е, доп. М. : URSS, 2012a. 442, [2] с.

Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. Культурно-историческая проблема. Изд. 2-е, доп. М. : URSS, 2012b. V, 331, [3] с.

Ikawa-Smith F. Late Pleistocene and Early Holocene technologies // Windows on the Japanese Past: Studies in Archaeology and Prehistory. Pearson R.J. (ed.). Center for Japanese Studies, The University of Michigan. Michigan University Press, 1986. P. 199-216.

Kobayashi T. Jomon Reflections: Forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago. S. Kaner, O. Nakamura (eds). Oxbow Books, 2004. 240 p. DOI: 10.2307/j.ctv2p7j5rc.

Man the Hunter: The First Intensive Survey of a Single, Crucial Stage of Human Development—Man's Once Universal Hunting Way of Life. Lee R.B., DeVore I. (eds). Chicago: Aldine

Matveev Z.N. (1929) Bokhai. The State Bohai. From the history of Eastern Asia from the 8th to the 10th century. *Trudy Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya 6 = Publications of the Far Eastern State University. Series 6.* Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo un-ta. No. 8. 34 p. (In Russ.).

Pankina A.I. (2022) Reconstruction of environment of paleoecological conditions during creation of rock art of Daegokory petroglyphs: to method of study. *Tikhookeanskaya arkheologiya: novye materialy, proekty, issledovaniya: tezisy dokladov, Vladivostok, 06–09 maya 2022 goda = The Pacific Archaeology: New Materials, Projects, Investigations: Proceedings of Report, Vladivostok, 06–09 of May, 2022.* Vladivostok: Far Eastern Federal University. P. 112-117. (In Russ.). EDN: ZOSEKI.

Pankina A.I. Sokolova O.Yu., Kazakov V.V. (2022) Aprobation of multi-use web applications with a customizable overlay system drawing of petroglyphs on the example of the Bangudae rock art site (petroglyphs on the example of the Bangudae, South Korea. *Arkheologicheskie kul'tury Sibiri v kontekste kross-kul'turnykh kontaktov v Evrazii: k 300-letiyu pervykh nauchnykh arkheologicheskikh raskopok v Sibiri (1722 g.): materialy Mezhdunarodnoi arkheologicheskoi konferentsii molodykh issledovatelei (Novosibirsk, 21-25 noyabrya 2022 g.) = Archaeological Cultures of Siberia in context of Cross-Cultural Contacts in Eurasia: Dedicated to the 300th Anniversary of the First Scientific Archaeological Excavations in Siberia (1722). Proceedings of the International Archaeological Conference of Young Researcher (Novosibirsk, November 21-25, 2022).* Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. P. 152-161. (In Russ.).

Sokolovskii A.S., Sokolovskaya T.G., Yakovlev Yu.M. (2011) Fishes of the Peter the Great Bay. Vladivostok: Dal'nauka. 431 p. (In Russ.). EDN: QKTXBP.

Jang S.H. (2015) Petroglyphs of Daegokory (Bangudae) in Ulsa. *IV Severnyi arkheologicheskii kongress: doklady. 19-23 oktyabrya 2015, g. = IV Northern Archaeological Congress. Papers. October 19-23, 2015.* Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg. P. 194-210. (In Russ.).

Shnirel'man V.A. (2012a) Appearance of producing economy. Centers of ancient agriculture. Moscow: URSS. 444 p. (In Russ.).

Shnirel'man V.A. (2012b) Origin of animal husbandry. Cultural-historical problem. Moscow: URSS. 334 p. (In Russ.).

Ikawa-Smith F. Late Pleistocene and Early Holocene technologies // Windows on the Japanese Past: Studies in Archaeology and Prehistory. Pearson R.J. (ed.). Center for Japanese Studies, The University of Michigan. Michigan University Press, 1986. P. 199-216.

Kobayashi T. Jomon Reflections: Forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago. S. Kaner, O. Nakamura (eds). Oxbow Books, 2004. 240 p. DOI: 10.2307/j.ctv2p7j5rc.

Man the Hunter: The First Intensive Survey of a Single, Crucial Stage of Human Development—Man's Once Universal Hunting Way of Life. Lee R.B., DeVore I. (eds). Chicago: Aldine

1968. 432 p. DOI: 10.4324/9780203786567.

Sample L.L. Tongsamdong: a contribution to Korean Neolithic culture history // Arctic Anthropology. 1974. Vol. 11. No. 2. P. 1-125.

Stewart H. Indian fishing. Early Methods on the North-West Coast. Seattle and London: The University of Washington Press, 1977. 192 p.

Woman the Gatherer. Dahlberg, F. (ed). New Haven, Conn.: Yale University Press. 1981. 250 p.

Yaowu Hu, Hong Shang, Haowen Tong, Olaf Nehlich, Wu Liu, Chaohong Zhao, Jincheng Yu, Changsui Wang, Erik Trinkaus, and Michael P. Richards. Stable isotope dietary analysis of the Tianyuan 1 early modern human. // PNAS. July 7, 2009. Vol. 106. No. 27. P. 10971-10974. DOI: 10.1073/pnas.09048261.

Kang B.W. Reexamination of the Chronology of the Bangudae Petroglyphs and Whaling in Prehistoric Korea: A Different Perspective // Journal of Anthropological Research. 2020. Vol. 76. No. 4. P. 480-506. (In Korean). DOI: 10.1086/711104.

Информация об авторе

Вострецов Юрий Евгеньевич,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора первобытной археологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия, e-mail: vost54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3717-4528>

Вклад автора

Вострецов Ю.Е. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 августа 2024 г.; одобрена после рецензирования 5 сентября 2024 г.; принята к публикации 16 сентября 2024 г.

1968. 432 p. DOI: 10.4324/9780203786567.

Sample L.L. Tongsamdong: a contribution to Korean Neolithic culture history // Arctic Anthropology. 1974. Vol. 11. No. 2. P. 1-125.

Stewart H. Indian fishing. Early Methods on the North-West Coast. Seattle and London: The University of Washington Press, 1977. 192 p.

Woman the Gatherer. Dahlberg, F. (ed). New Haven, Conn.: Yale University Press. 1981. 250 p.

Yaowu Hu, Hong Shang, Haowen Tong, Olaf Nehlich, Wu Liu, Chaohong Zhao, Jincheng Yu, Changsui Wang, Erik Trinkaus, and Michael P. Richards. Stable isotope dietary analysis of the Tianyuan 1 early modern human. // PNAS. July 7, 2009. Vol. 106. No. 27. P. 10971-10974. DOI: 10.1073/pnas.09048261.

Kang B.W. Reexamination of the Chronology of the Bangudae Petroglyphs and Whaling in Prehistoric Korea: A Different Perspective // Journal of Anthropological Research. 2020. Vol. 76. No. 4. P. 480-506. (In Korean). DOI: 10.1086/711104.

Information about the author

Yuri E. Vostretsov,

Dr. Sci (History), leading researcher of Primitive Archaeology department, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East Far Eastern Branch of Russian academy of Sciences, 89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia, e-mail: vost54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3717-4528>

Contribution of the author

Vostretsov Yu.E. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted August 12, 2024; approved after reviewing September 5, 2024; accepted for publication September 16, 2024.

Научная статья
УДК 903.01(517.3)
EDN: KZBXIW
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-50-63>

«Оленные» камни в центре сомона Улзийт (Архангайский аймак, Монголия)

П. Эрдэнэпурэв¹, Т.-О. Идэрхангай², А.А. Тишкин¹

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

² Монгольский национальный университет, Улаанбаатар, Монголия

Аннотация. В августе 2022 г. в рамках плановой работы монголо-российской экспедиции, организованной Улаанбаатарским и Алтайским государственными университетами, проводилась археологическая разведка в Архангайском аймаке для выявления «оленных» камней на территории Центральной Монголии. В ходе обследований осуществлялись мониторинг и повторное изучение археологического комплекса Хушуутийн дэнж, находящегося на окраине центра Улзийт сомона. Там в советское время известным исследователем В.В. Волковым были обнаружены и описаны четыре «оленных» камня, которые опубликованы в его монографии. Но представленные графические иллюстрации даны без масштаба и полностью не отражают все имеющиеся петроглифы. В ходе дальнейшего осмотра указанного памятника монгольскими специалистами производилась фотофиксация древних изваяний, в том числе двух новых, изучение которых было предпринято Ц. Турбатом. В первом томе каталога, изданном в 2021 г. в Монголии, отражены демонстрационные снимки только пяти «оленных» камней, и дана краткая информация о них, включая ссылки на публикации. Основной целью повторного обследования комплекса летом 2022 года являлось дальнейшее документирование «оленных» камней и получение графических иллюстраций изваяний, что было выполнено с учетом имеющихся сведений, а также при помощи использования светотеней в разное время суток. В ходе работ оказалось, что на комплексе отсутствует «оленный» камень, которому В.В. Волков присвоил номер 4. При осмотре краеведческого музея в центре Улзийт сомона выяснилось, что там хранится «оленный» камень, сведения о котором ранее не были введены в научный оборот. В статье представлены результаты проведенных исследований и обозначены перспективы дальнейшей работы.

Ключевые слова: Центральная Монголия, Улзийт сомон, Хушуутийн дэнж, «оленный» камень, археологическая разведка, повторное обследование, фотоснимки, графические изображения, краеведческий музей

Благодарности: экспедиция, научная обработка материалов и подготовка статьи осуществлялась при частичной финансовой поддержке РФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», руководитель А.А. Тишкин).

Для цитирования: Эрдэнэпурэв П., Идэрхангай Т.-О., Тишкин А.А. «Оленные» камни в центре сомона Улзийт (Архангайский аймак, Монголия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 50–63. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-50-63. EDN: KZBXIW.

Archaeology

Original article

“Deer” stones in the center of Ulzyit somon (Arkhangai aimag, Mongolia)

Purevdorj Erdenepurev¹, Tumur-Ochir Iderkhangai², Alexey A. Tishkin¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russia

² Mongolian National University, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. In August 2022, as part of the planned work of the Mongolian-Russian expedition organized by Ulaanbaatar and Altai State Universities, an archaeological survey was conducted in Arkhangai aimag to identify ‘deer’ stones in Central Mongolia. The surveys monitored and re-examined the archaeological complex of Khushuutiin Denj, located near the center of Ulzyit Somon.

© Эрдэнэпурэв П., Идэрхангай Т.-О., Тишкин А.А., 2024

There, in Soviet times, the famous scientist V.V. Volkov discovered and described archaeological sites in the center of Ulziyt Somon. Volkov discovered and described four "deer" stones, which were published in his famous monograph. But the presented graphic illustrations are given without scale and do not fully reflect all available petroglyphs. In the course of further inspection of the site, Mongolian specialists photographed ancient sculptures, including two new ones, the study of which was undertaken by Ts. Turbat. The first volume of the catalogue published in 2021 in Mongolia contains demonstration photos of only five "deer" stones and brief information about them, including references to publications. The main objective of the re-survey of the feature in the summer of 2022 was to further document the "deer" stones and to obtain graphic illustrations of all the sculptures, which were carried out taking into account the available information and using light shading at different times of the day. In the course of the work it turned out that there is no "deer" stone on the complex, which V.V. Volkov assigned number 4. During the inspection of the local history museum in the center of Ulziyt Somon it turned out that the "deer" stone, information about which had not been previously introduced into the scientific turnover, was kept there. The article presents the results of the conducted research and outlines the prospects for further work.

Keywords: Central Mongolia, Ulziyt Somon, Khushuutiin Denzh, "deer" stone, archaeological exploration, re-examination, photographs, graphic images, Museum of Local Lore

Acknowledgements: expedition, scientific processing of materials and preparation of the article was supported financially by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00470 "The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy", supervisor A.A. Tishkin).

For citation: Erdenepurev P., Iderkhangai T.-O., Tishkin A.A. (2024). "Deer" stones in the center of Ulziyt somon (Arkhangai aimag, Mongolia). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 50-63. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-50-63. EDN: KZBXIW.

Введение

Центральную часть Монголии занимают Хангайские горы, которые являются крупным регионом, благоприятным для животноводства, начиная с далекой древности. Поэтому на этой территории имеется огромное число различных объектов историко-культурного наследия. В ходе многолетних экспедиционных работ выявлены археологические памятники эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья, о чем свидетельствуют отчеты, монографии, каталоги, статьи и сообщения исследователей. В такой ситуации Центральную Монголию можно считать относительно изученной. Интенсивность новых открытий особенно увеличилась в последние десятилетия. Также стали осуществляться неоднократные обследования уже известных комплексов, что позволяет получить важную дополнительную информацию. Данный процесс приобретает определенную закономерность, что связано с разными обстоятельствами, в том числе с использованием современных методов и приборов.

В 2022 году монголо-российской экспедицией были проведены повторные обследования комплекса «оленных» камней Хушуутийн дэнж, расположенного на западном берегу р. Орхон, на окраине центра Улзийт сомона Архангайского аймака Монголии (рис. 1). Географические координаты этого местонахождения, полученные с помощью

GPS-приемника, следующие: N – 48°6'048", E – 102°33'4377". Высота над уровнем моря, зафиксированная тем же прибором, составляет 1299 м. Основной задачей работ, запланированных экспедицией, являлся мониторинг состояния указанного памятника и начало его современного документирования, а также поиск других «оленных» камней на ближайшей местности. Как показывает практика, почти всегда имеются возможности для выявления ранее неизвестных древних изваяний. В данной статье будут представлены полученные результаты, которые дополняют имевшуюся научную информацию и обозначают перспективы дальнейших исследований.

История изучения «оленных» камней в местности Хушуутийн дэнж

Судя по имеющимся публикациям, комплекс из «оленных» камней, обозначенный как Хушуутийн дэнж, состоит из древних изваяний разной степени сохранности. Четыре из них были обнаружены советским археологом В.В. Волковым на территории небольшого могильника, состоявшего из разрушенных плиточных могил. «Оленный» камень, получивший номер 1, стоял глубоко вкопанным, а остальные лежали в 15 м к югу от него и оказались засыпаны мусором и землей. Описание их, а также рисунки отдельных плоскостей, некоторых предметов и животных трех древних изваяний

Рис. 1. Вид из космоса на расположение комплекса Хушуутийн дэнж
Fig. 1. View from space location of the Khushuutiin Denge complex

без масштаба введены в научный оборот (Волков, 1981; Волков, 2002. С. 39–40. Табл. 17; 18.1, 2; 19). Ко времени первого обследования поверхность «оленного» камня № 1 частично отслоилась, только на одной широкой стороне были видны изображения рогов и маленькая фигурка оленя. Иллюстрации этого изваяния в указанной монографии не приведены, и какие-либо параметры отсутствуют. Довольно подробно описан «оленный» камень № 2. Учитывались все его стороны, хотя на опубликованном рисунке даны только две широкие плоскости, а также увеличенные изображения кинжала в ножнах, чекана, ножа и козлика. К перечисленным петроглифам можно добавить описанные и демонстрируемые фигуры крупных и маленьких оленей, «колючко-серьгу» и «диск-зеркало». Кроме этого, упомянуты фигурка оленя и выбитый крючок на передней тонкой части плиты, а также щит на противоположной стороне, под которым отмечено незаконченное, по мнению В.В. Волкова, изображение оленя. Но какие-либо иллюстрации их не приведены. «Оленный» камень № 3 был детально представлен в описательном плане. Указаны два его параметра (длина 2,55 м, ширина 0,77 м). Даны рисунки только на широких плоскостях, где изображены животные разных размеров, диск-зеркало

и кинжал, который представлен еще отдельно в увеличенном виде, как и мелко представленные фигурки зверей. На иллюстрациях отсутствовали передняя и задняя стороны, где были «двойной крючок» и щит («маленькая пятиугольная решетчатая фигура»). Отмечены некоторые особенности выявленных изображений. «Оленный» камень № 4 оказался обломком длиной около одного метра, на котором сохранились петроглифы, характерные для нижней части древнего изваяния. Они в монографии В.В. Волкова (Волков, 2002. Табл. 18.2) отражены на двух графических иллюстрациях. На одной демонстрируется сторона, где выявлена вся оставшаяся композиция: кинжал, оселок и «... какой-то инструмент, похожий на нож с крючкообразной ручкой», а также фигура маленького оленя и задняя половина более крупного (Волков, 2002. С. 39). На второй иллюстрации указанные предметы материальной культуры даны в увеличенном виде без масштаба. Что было на другой плоскости, не показано. Нет и описания ее. Кратко представленная информация об обнаруженных «оленных» камнях, по сути, являлась исходной, но требующей более детального наполнения и комплексного анализа.

В рамках реализации программы «Историко-культурные недвижимые памятники Монголии»

Национальный центр культурного наследия Монголии проводил обследования на территории всех сомонов Архангайского аймака. В ходе такой деятельности изваяния, расположенные в местности Хушуутийн дэнж, были задокументированы фото-снимками, и только рисунок «оленного» камня № 2 нашел отражение в публикации (Энхбат и др., 2013. С. 66)¹. Дальнейшее изучение рассматриваемого комплекса продолжилось в 2016 г. монгольским археологом Ц. Турбатом, под руководством которого проводилась регистрация «оленных» камней в Увурхангайском и Архангайском аймаках в рамках уже другого проекта («Проблемы и инновационные решения при исследованиях эпохи бронзы и раннего железного века Монголии»). Помимо трех «оленных» камней, сохранившихся на указанном комплексе, в отчете также отмечено наличие обломков от еще двух принесенных древних изваяний (Төрбат и др., 2016. С. 22–23)².

В изданном в 2021 г. первом томе крупного иллюстрированного каталога «Культура оленных камней Монголии и соседних регионов» вместе с фотографиями опубликована совсем краткая информация о пяти статуях на памятнике Хушуутийн дэнж (Монгол ба бүс..., 2021. С. 123–125)³. В том же издании напечатаны графические прорисовки двух изваяний (№ 2 и 3), взятые из указанной монографии В.В. Волкова (Волков, 2002. Табл. 17, 18.1).

Летом 2022 г. авторы статьи осуществили повторное обследование комплекса и предприняли документирование изваяний традиционными методами для получения графических изображений на всех плоскостях. При этом отмечалось современное состояние их сохранности (Эрдэнэпүрэв,

2023а). В ходе работы были обнаружены некоторые особенности рисунков на «оленных» камнях, не отмеченные предыдущими исследователями. Поэтому в данной публикации будет проведен сравнительный анализ изображений «оленных» камней, отраженных в монографии В.В. Волкова (Волков, 2002) и использовавшихся в других изданиях. Это должно продемонстрировать состояние петроглифов и новые детали у них, а также ранее не показанные рисунки.

Монгольский археолог Ц. Турбат провел повторные обследования памятника Хушуутийн дэнж и зафиксировал там еще два «оленных» камня. Он сделал их описания и фотоснимки, что нашло отражение в указанном научном отчете. По замечанию исследователя, один «оленный» камень сохранился плохо, так как был поврежден при сносе фундамента здания. Изображения на нем плохо просматривались. Эти два древних изваяния детально обследовались в 2022 г., получены фотоснимки и микалентные копии, что позволило выявить изображения. Так как «оленные» камни располагались в ограде, то на некоторых приводимых ниже иллюстрациях остались тени от металлической конструкции. Для описания использовалась нумерация, аналогичная тому порядку, какой отражен в опубликованном каталоге «Культура оленных камней Монголии и соседних регионов» (Монгол ба бүс..., 2021. С. 123–125)⁴. «Оленный» камень, хранящийся в краеведческом музее центра сомона Улзийт (Эрдэнэпүрэв, 2023b), получил номер 6. Отсутствующий на памятнике фрагмент древнего изваяния, опубликованный В.В. Волковым (Волков, 2002. Табл. 18.2), в перечне не учитывался.

Хушуутийн дэнж. Описание изваяний

«Оленный» камень № 1 (рис. 2) был изготовлен из голубовато-серого слоистого песчаника, местами с красноватыми участками на поверхности (рис. 2.1a–d). Его высота от современного уровня земли составляет 1,19 м, ширина – 0,87 м, толщина – 0,34 м. Сохранность изваяния плохая. На это по-

¹ Энхбат Г., Анхсанаа Г., Даваацэрэн Б. Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал. Х дэвтэр Архангай аймаг. Улаанбаатар : Соёлын өвийн төв, 2013. 117 х. (на монг. яз.).

² Төрбат Ц., Гантулга Ж., Энхбаяр Г. “Монголын хүрэл ба түрүү төмрийн үеийн судалгааны тулгамдсан асуудлууд ба шинэлэг шийдлүүд” сэдэвт ажлын хүрээнд хийгдсэн Өвөрхангай, Архангай аймгуудын нутаг дахь буган хөшөөдийн бүртгэл, баримтжуулалтын ажлын тайлан. ШУА-ийн Түүх, Археологийн хүрээлэн. Улаанбаатар, 2016. 68 с. (на монг. яз.).

³ Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть I / Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Батболд Н., Идэрхангай Т., Энхбаяр Г., Өмирбек Б., Төрбат Ц. Улаанбаатар: Адмон, 2021. 496 с. (на монг. яз.).

⁴ Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть I / Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Батболд Н., Идэрхангай Т., Энхбаяр Г., Өмирбек Б., Төрбат Ц. Улаанбаатар: Адмон, 2021. 496 с. (на монг. яз.).

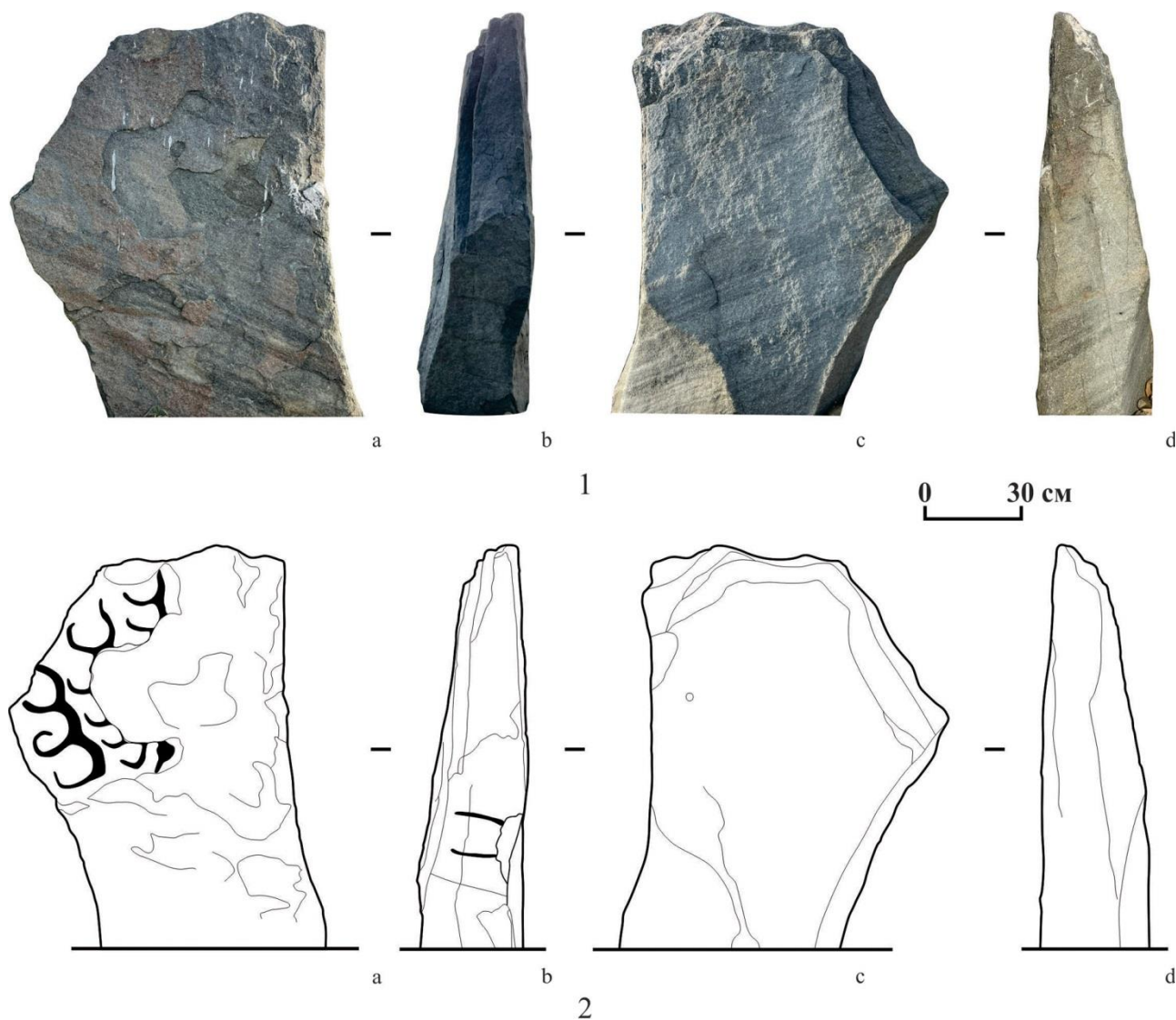

Рис. 2. Хушуутийн дэнж. «Олений» камень № 1
Fig. 2. Khushuutiin Denzh. "Deer" stone No. 1

влияли природно-климатическое воздействия, а также наличие птичьего помета. Рядом лежат отслоившиеся части от поверхности стелы. «Олений» камень, по всей видимости, имел изображения на всех четырех сторонах, но из-за разрушений они уже не просматриваются. Только на одной из широких плоскостей вверху можно увидеть более-менее отчетливые рога оленей (рис. 2.1а, 2.2а). На узкой грани отмечены линии, идущие от крупного скола (рис. 2.1б, 2.2б). На других сторонах ничего не выявлено (рис. 2.1с–д, 2.2с–д). Верхняя часть изваяния, судя по имеющимся сломам, была давно отбита.

«Олений» камень № 2 (рис. 3) сделан из серого гранита с красноватыми участками на поверхности (рис. 3.1). Он вкопан вертикально. Размеры данного изваяния такие: длина 1,74 м (от видимого

основания), ширина 1,19 м, толщина 0,22 м. Несмотря на наличие трещины и отслоившиеся куски корки камня (рис. 3.1а, с), его сохранность можно обозначить как удовлетворительную. Видимую часть одной из широких плоскостей (рис. 3.1а, 3.2а) почти полностью занимают стремящиеся вверх стилизованные фигуры трех крупных оленей, а в оставшемся свободном пространстве изобразили четырех оленей аналогичных силуэтов, но маленького размера. Среди завитков рогов нижнего большого оленя расположена схематичная фигурка козла с длинным рогом. В нижнем углу выбит кинжал в украшенных ножнах. У него хорошо видны характерное перекрестие и рукоять с оформленным навершием, выше которого имеются два маленьких изображения (возможно, что это лук и колчан без стрел или оселок). Почти в центре ли-

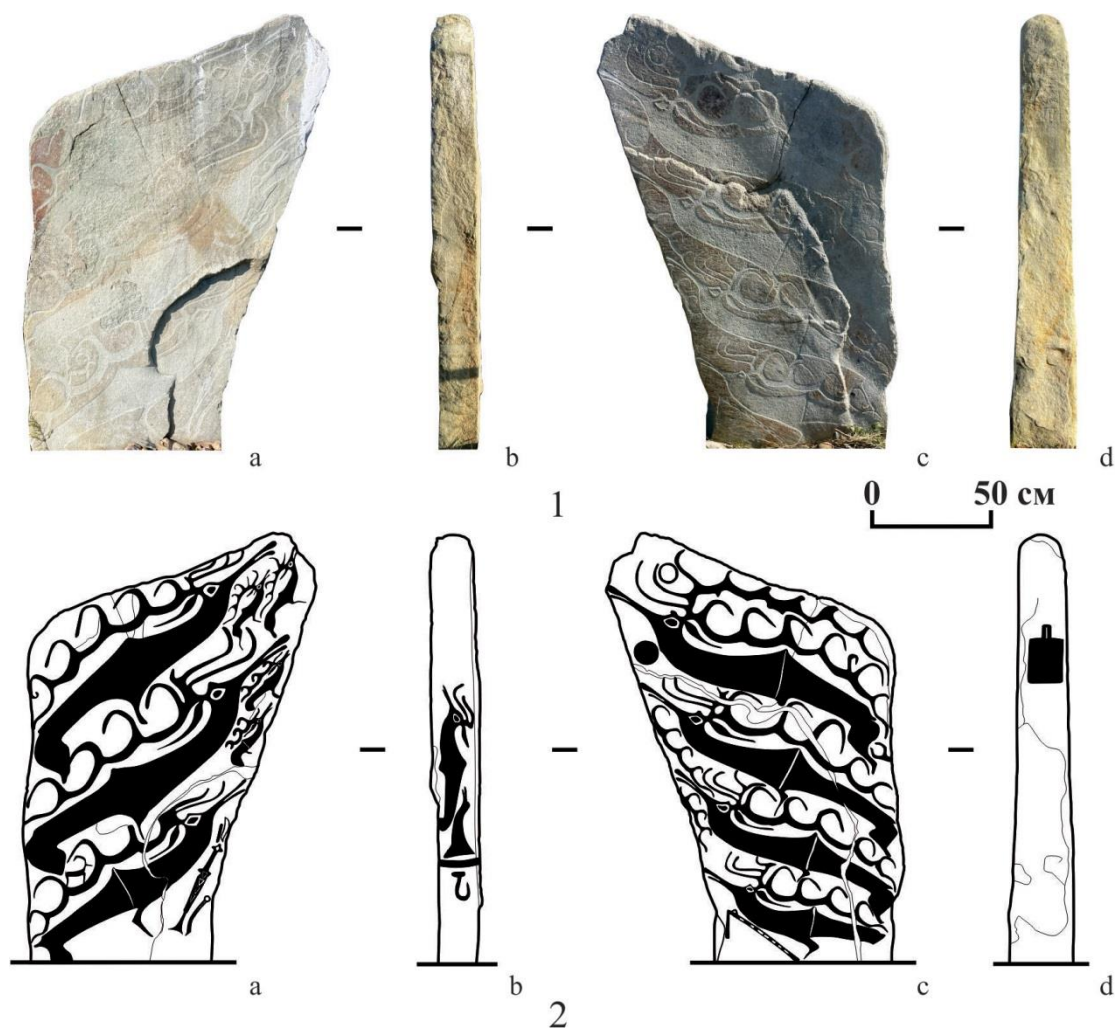

Рис. 3. Хушуутийн дэнж. «Оленный» камень № 2
 Fig. 3. Khushuutiin Denzh. "Deer" stone No. 2

цевой стороны (рис. 3.1b, 3.2b) расположено изображение стремящегося вверх оленя, а под ним – изображение только части такого же животного, которое кажется незавершенным. Ниже от них выбита узкая полоса, демонстрирующая пояс, и отдельно показан крюк. На второй широкой плоскости (рис. 3.1c, 3.2c) изображены четыре крупные фигуры оленей, которые на уровне плеча разделены вертикальными и более глубокими линиями. Особенность данной композиции в том, что верхняя фигура оленя имеет двойные рога, между начальными завитками которых выбита серьга, а под шеей животного – круглая дисковидная впадина (зеркало). Под мордами двух центральных оленей изображены рога, которые, судя по всему, принадлежат незаконченным фигурам, зафиксированным на лицевой узкой стороне. Внизу рассматриваемой плоскости высечен крупный боевой топор с орнаментированной рукоятью и с подтре-

угольной петлей на втулке. В верхней части на задней стороне изваяния (рис. 3.1d, 3.2d) прослеживается уникальная форма прямоугольного щита с выступом, в центре которого показано отверстие. Указанное В.В. Волковым (Волков, 2002. С. 39) «незавершенное изображение оленя» ниже щита, выявить не удалось.

«Оленный» камень № 3 (рис. 4) выполнен из серого гранитного блока. Он установлен вертикально и имеет такие размеры: длина 1,92 м (от видимого основания), ширина 0,8 м, толщина 0,27 м. Края неровные, верхушка отбита, некоторые изображения повреждены. В широкой части с правой стороны изваяния (рис. 4.1a, 4.2a) в общей сложности были размещены шесть больших фигур оленей, обращенных головами вверх и вниз. Один силуэт (второй снизу) своеобразен: задняя часть животного, частично поврежденная сколом, повернута почти в противоположном направлении.

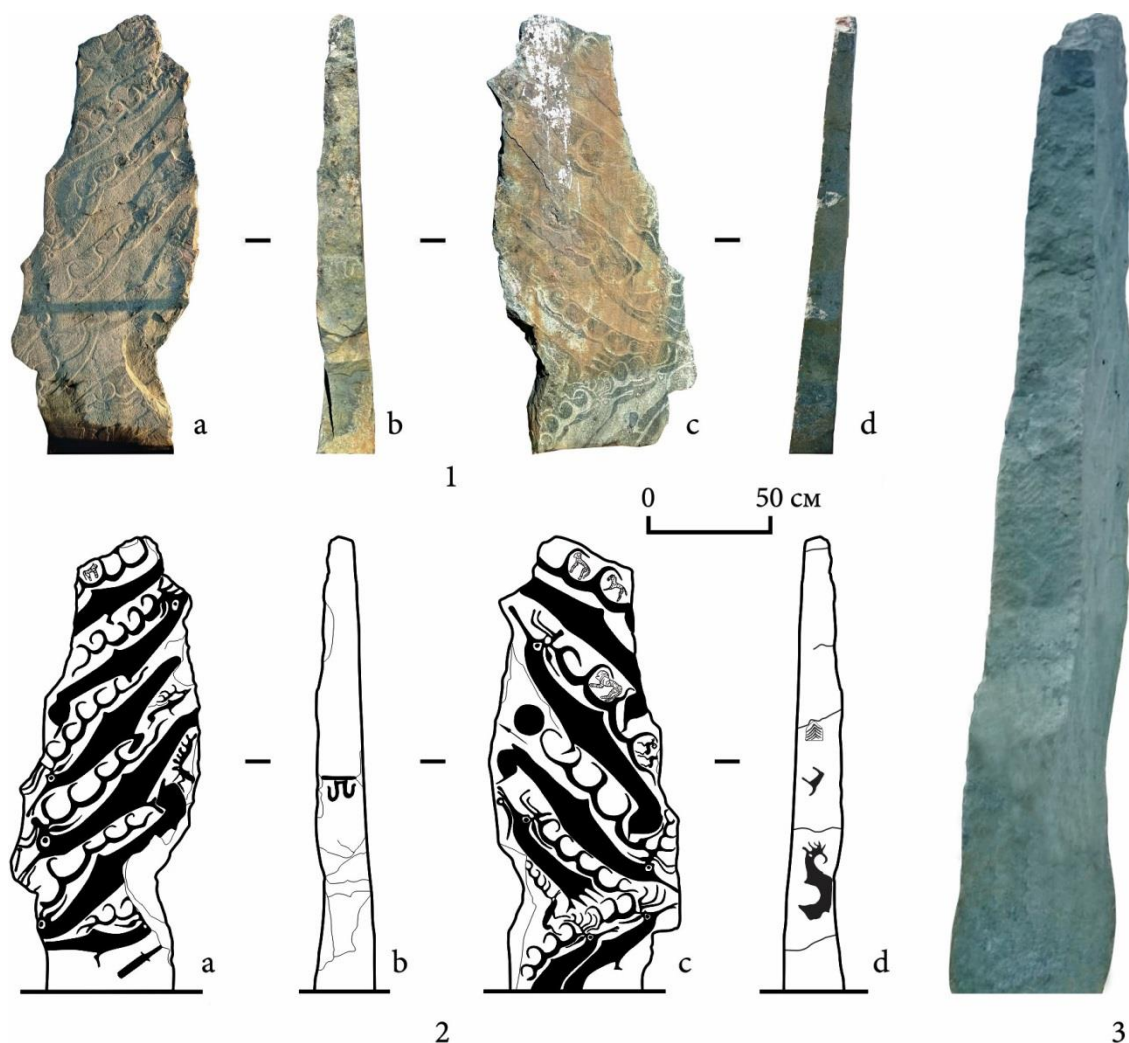

Рис. 4. Хушуутийн дэнж. «Олений» камень № 3
Fig. 4. Khushuutiin Denzh. "Deer" stone No. 3

Между большими изображениями оленей выбиты малые фигуры, одна из которых также демонстрирует оленя, а вторая (с вертикально расположенными рогами) больше похожа на лося. В самом верху, среди частично сохранившихся рогов, имеется рисунок зверя, который может быть идентифицирован как леопард. В нижней части композиции изображение кинжала в ножнах сохранилось не полностью. В центре узкой лицевой части изваяния (рис. 4.1b, 4.2b) выбит двойной крюк, свисающий с узкой полосы пояса. На широкой плоскости с левой стороны (рис. 4.1c, 4.2c) также были изображены шесть больших оленей, смотрящих вверх (5) и вниз (1). Четвертая сверху фигура выполнена весьма своеобразно. Туловище показано наполовину и с тремя зубьями на окончании. Под мордой-клювом этого полуоленя находится нож с изогнутым клинком и с кольцевым навершием на рукояти, а под частью туловища выбит маленький силуэт

оленя с вертикально расположенными рогами. На этой же плоскости имеется крупный «диск-зеркало», а под ним изображен, вероятно, дротик. Между завитков рогов у двух верхних оленей помещены маленькие фигурки разных животных: тигра с длинным хвостом, два горных козла с длинными ногами и два пятнистых животных, напоминающих леопардов (?). Поскольку узкая задняя сторона сохранилась хуже (рис. 4.1d, 4.2d, 3), то изображения в этом месте оказались нечеткими. Выявлена «маленькая пятиугольная решетчатая фигура», которая, несомненно, демонстрирует наличие щита.

«Олений» камень № 4 (рис. 5) представлен двумя крупными обломками, которые перенесли на памятник и положили к предыдущим изваяниям после их обнаружения в фундаменте здания старой школы. Верхушка статуи отбита. Две стороны оказались наиболее сильно повреждены. Размеры

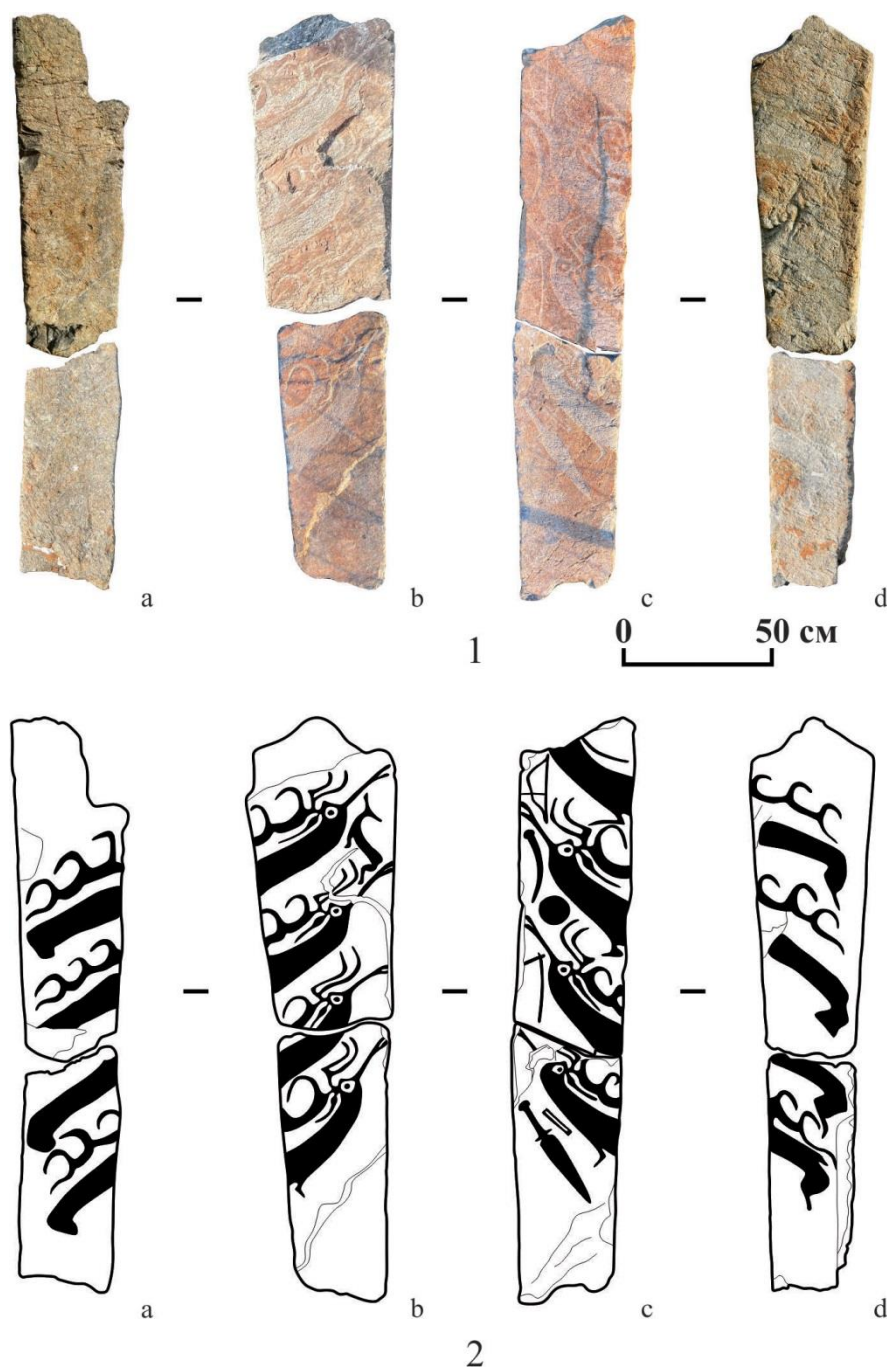

Рис. 5. Хушуутийн дэнж. «Олений» камень № 4
 Fig. 5. Khushuutiin Denzh. "Deer" stone No. 4

одной (верхней) части такие: длина 0,86 м, ширина 0,36 м, толщина 0,26 м. Параметры другого обломка следующие: длина 0,75 м, ширина 0,29 м, толщина 0,27 м. Изваяние было сделано из серого мелко-зернистого песчаника с прожилками и с красноватой поверхностью. Выбитые изображения в некоторых местах видны плохо (рис. 5.1а, 5.2а). Всего на камне высечены крупные фигуры восьми оленей и один малый силуэт такого же животного (рис. 5.1b–d, 5.2b–d). На одной из плоскостей (рис. 5.1с, 5.2с) в верхней части изображен натяну-

тый лук со стрелой, а ниже – выгнуто-обушковый нож с грибовидным навершием на рукояти, округлое зеркало и боевой топор. В самом низу демонстрируется хорошо сохранившийся крупный контур кинжала с листовидным клинком, выделенным перекрестием и также с грибовидным навершием на рукояти. Рядом с ним выбит небольшой прямоугольный предмет, похожий на оселок.

«Олений» камень № 5 (рис. 6) представляет собой крупную часть древнего изваяния, которую также нашли под фундаментом старого здания

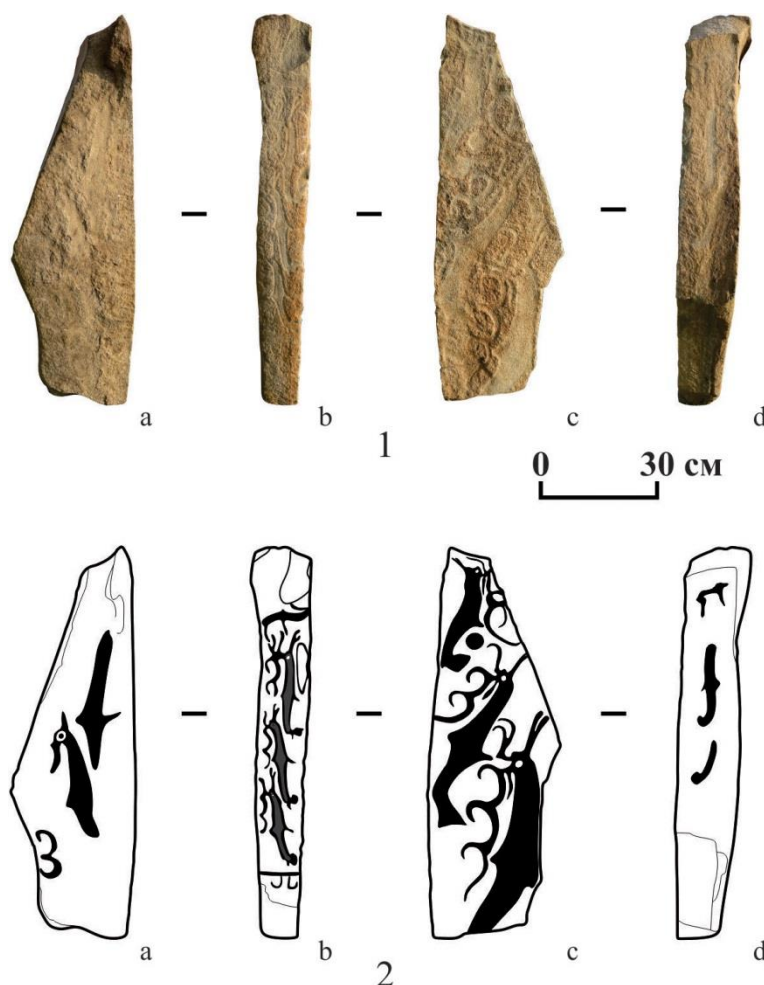

Рис. 6. Хушуутийн дэнж. «Оленный» камень № 5
Fig. 6. Khushuutiin Denzh. "Deer" stone No. 5

школы и доставили на имеющуюся площадку комплекса. Размеры обнаруженного обломка, который свободно лежит на земле, такие: длина 1,11 м, ширина 0,37 м, толщина 0,14 м. Сохранность его плохая. На одной широкой плоскости выявлены две неполные фигуры оленей и, вероятно, остатки рогов (рис. 6.1a, 6.2a). На лицевой стороне изваяния (рис. 6.1b, 6.2b) выбитой полосой изображен пояс с двойным крюком, от которых вертикально идут три фигуры оленей. Рядом с верхним из этих животных находится лук, а выше – часть силуэта небольшого оленя, расположенного горизонтально и пострадавшего из-за скола. На другой широкой плоскости (рис. 6.1c, 6.2c) сохранились фигуры трех оленей. У самого верхнего животного задняя нога и круп вывернуты почти в противоположном направлении по отношению к передней части тела. Ниже этого изображения находится выбивка, демонстрирующая округлое зеркало. Задняя узкая сторона (рис. 6.1d, 6.2d)

сохранилась хуже. На ней обнаруживаются части фигур животных.

«Оленный» камень № 6 (рис. 7) был сделан из мелкозернистого песчаника с красноватой поверхностью. Сохранилась только верхняя часть древнего изваяния, которая была обнаружена в 2009 г. при строительстве общежития школы (рис. 1). Размеры находки, ныне хранящейся в Краеведческом музее Улзийт сомона (Эрдэнэпүрэв, 2023a; Эрдэнэпүрэв, 2023b), такие: длина 0,62 м, ширина 0,39 м, толщина 0,12 м. Найденный обломок демонстрирует характерную скошенность. На правой широкой плоскости (рис. 7.1a, 7.2a) имеется трещина, выше которой выбита серьга, а ниже – части двух фигур оленей. У одного животного морда в виде птичьего клюва наклонена вниз, а у другого закинута вверх. На лицевой (плохо сохранившейся) стороне изображений не выявлено (рис. 7.1b, 7.2b). На левой широкой плоскости (рис. 7.1c, 7.2c) в верхней части находится крупное изображение

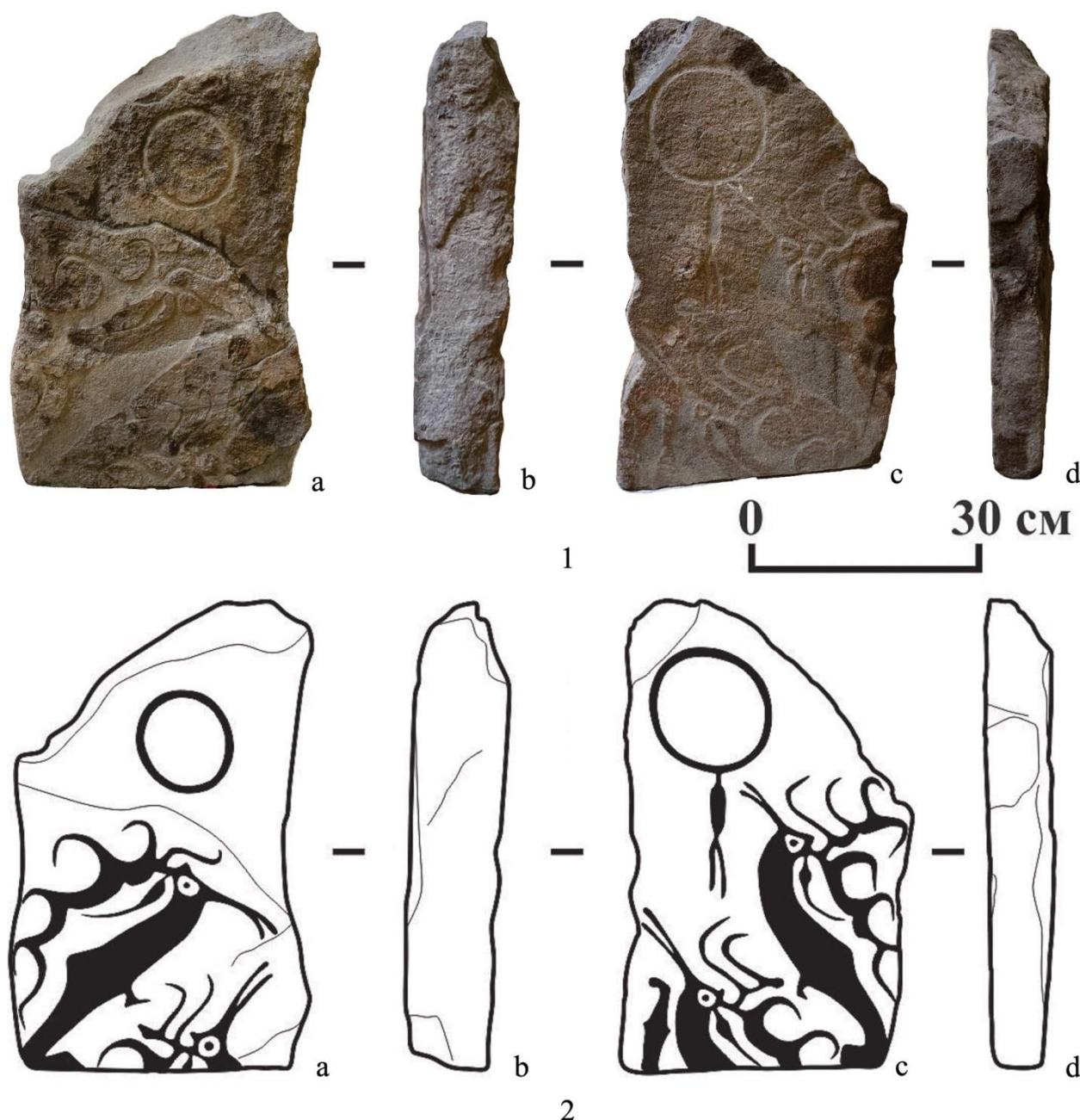

Рис. 7. Хушуутийн дэнж. «Олений» камень № 6
 Fig. 7. Khushuutiin Denzh. "Deer" stone No. 6

серьги с подвеской, а в нижней – остатки фигур двух оленей и фрагмент еще одной. На задней стороне (рис. 7.1d, 7.2d) рассматриваемого обломка «оленного» камня видимые петроглифы отсутствуют.

Обсуждение полученных результатов

По состоянию на 2021 г. опубликованы сведения о 1318 древних изваяниях в трехтомном иллюстрированном каталоге под названием «Культура оленных камней Монголии и соседних регионов» (Төрбат и др., 2021. С. 278). По внешнему виду и

имеющимся изображениям исследователи обозначили различные классификации «оленных» камней (Членова, 1962. С. 30–33; Маннай-Оол, 1968. С. 139; Волков, 1981; Новгородова, 1989. С. 185; Ольховский, 2005. С. 8–14; Баярсайхан, 2017. С. 71–74; Төрбат и др., 2021. С. 34–47; и др.). Рассмотренные выше шесть таких статуй имеют аналогии среди изваяний так называемого монголо-забайкальского типа. Стоит отметить, что накопленный к настоящему арсенал «оленных» камней позволяет вернуться к проблеме их классификации и типологии. Кроме этого, аналогичное изучение

необходимо для отдельных изображений и их комплексов, что позволит не только определить хронологию таких находок в разных местах Внутренней Азии, но и более детально реконструировать материальную культуру, мировоззрение, социальную структуру и систему жизнеобеспечения древних кочевников. Также особое внимание надо уделить многочисленным фигурам оленей и других животных, несмотря на то, что данные исследования уже неоднократно предпринимались (Окладников, 1964. С. 168–174; Кубарев, 1979. С. 71–83; Цэвээндорж, 1979. С. 66; Дулам, 1989. С. 31; Савинов, 1994; Савинов, 1999; Идэрхангай, Ганбаатар, 2011; Черемисин, 2012; Константинов, 2015; Баярсайхан, 2017. С. 85; Төрбат и др., 2021. С. 135–148; и др.). В целом, изучая «оленные» камни, важно учитывать такую фиксируемую традицию: древние мастера изображали объемные вещи в основном углубленной сплошной выбивкой, то есть как бы наоборот, искажая реальную действительность (Тишкин, 2016).

Полученные результаты обследований позволяют осуществить сравнительный анализ с материалами предыдущих исследований на памятнике Хушуутийн дэнж. При рассмотрении рисунков, опубликованных в монографии В.В. Волкова (Волков, 2002. С. 132–134. Табл. 17–19), выяснилось, что на них отражены только две плоскости у двух изваяний (№ 2 и 3) и одна сторона ныне отсутствующего обломка. Изображения на передней и задней частях не приведены. Данное обстоятельство потребовало осуществления новой графической фиксации, что было выполнено с учетом уже имеющихся данных и при использовании светотеней в разное время дня. В первую очередь, необходимо остановиться на пропущенных изображениях. Что касается «оленного» камня № 1, то описание, данное В.В. Волковым, в определенной мере соотносится с вышеприведенным текстом и впервые демонстрируемым рисунком (рис. 2), на котором отсутствует ранее упомянутая «маленькая фигурка оленя» (Волков, 2002. С. 39). Изображения на втором и третьем изваяниях дополнены и уточнены. Среди них отметим прорисовку двух маленьких изображений (возможно, этот лук и колчан без стрел или оселок) на широкой плоскости «оленного» камня № 2 (рис. 3.2а). Стоит указать, что на этой же стороне только у нижнего оленя обозначена

вертикальная линия, идущая по центру туловища от горбика к животу. В монографии В.В. Волкова (Волков, 2002. Табл. 17) она показана у всех трех крупных фигур. На другой широкой плоскости в нашей прорисовке добавлены два изображения рогов (рис. 3.2с), которые связываются с двумя силуэтами на лицевой части изваяния, но только один из них упоминался в предыдущем описании (Волков, 2002. С. 39). Узкие стороны с петроглифами у «оленного» камня № 2 также впервые демонстрируются в публикуемой прорисовке (рис. 3.2b, d). На лицевой стороне дополнительно показаны неполная фигура оленя и выбитая линия пояса, которые ранее не были отмечены. Особенно важным является необычная форма щита. Такое изображение еще не находили в Монголии. По крайней мере, его нет в опубликованных обобщающих монографиях монгольских специалистов (Баярсайхан, 2017. С. 169–173; Төрбат и др., 2021. С. 176–179).

В случае с «оленным» камнем № 3, на правой широкой плоскости В.В. Волковым не было отражено маленькое изображение пятнистого животного (леопарда), на лицевой стороне не указан узкий пояс, а на задней – другие видимые силуэты. На левой широкой плоскости не нарисован дротик и нож.

Что касается «оленных» камней № 4 и 5, то краткое научное описание их с фотографиями опубликовано в иллюстрированном каталоге «Культура оленных камней Монголии и соседних регионов» (Монгол ба бүс..., 2021. С. 124–125)⁵. Там написано, что сохранность находок плохая, много повреждений, на обнаруженных частях имеется несколько фигурок оленей и предметов. Осуществленное документирование позволило впервые представить обломки от древних изваяний в необходимом виде.

Заключение

Таким образом, повторные обследования комплекса Хушуутийн дэнж дали новые результаты. В ходе работ были детально изучены пять изваяний, обнаружены и вводятся в научный оборот

⁵ Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть I / Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Батболд Н., Идэрхангай Т., Энхбаяр Г., Өмирбек Б., Төрбат Ц. Улаанбаатар: Адмон, 2021. 496 с. (на монг. яз.).

ранее не демонстрировавшиеся изображения на «оленных» камнях. Кроме этого, изучен фрагмент древней статуи, хранящийся в Краеведческом музее сомона Улзийт. Он не размещен в выставочном зале, а хранится в фондах. Строительные работы на территории поселка проходят без предварительных обследований. Возможно, что на месте, где сейчас находится общежитие школы (рис. 1), был еще один комплекс из «оленных» камней. Дело в том, что обломки изваяний под номером № 4 и 5, которые доставили на Хушүүтийн дэнж, найдены в

фундаменте при сносе старого здания школы. Не исключено, что другие части и пропавший обломок, сведения о котором опубликовал В.В. Волков (Волков, 2002. С. 40. Табл. 18.2), оказались уничтоженными. Поэтому важно не только изучить «оленные» камни, но и обеспечить защиту таких памятников. Перспективным является их документирование с помощью геоинформационных и цифровых технологий. После этого будет осуществлен комплексный анализ выявленных многочисленных изображений.

Список источников

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор : Изд-во Академии наук МНР, 1981. 253 с. EDN: MQPAIT.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М. : Научный мир, 2002. 248 с. EDN: SXNOUB.

Константинов М.В. Олений камень как гуманистический символ древних этносов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2015. Т. 13. С. 18–24. EDN: UKONCP.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 120 с. EDN: SXOLOT.

Маннай-Оол М.Х. Оленные камни Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1968. Вып. XIII. С. 138–149.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 384 с.

Окладников А.П. Олень Золотые Рога. Л.; М. : Искусство, 1964. 240 с.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М. : Наука, 2005. 299 с. EDN: QPAVON.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1994. 208 с. EDN: SFVAPP.

Савинов Д.Г. Первичные материалы и стиль саяно-алтайских изображений раннескифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий : сб. науч. ст. конф. Барнаул, 24–27 марта 1999 г. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. С. 154–158. EDN: HBTOUT.

Тишкин А.А. Изображения на «оленных» камнях Монгольского Алтая как источник для реконструкции материальной культуры аржано-майэмирского времени // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) : материалы межд. конф. (Кемерово, 19–21 октября 2016 года). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2016. С. 211–214. EDN: ZBHSCB.

References

Volkov V.V. (1981) "Deer" stones of Mongolia. Ulan Bator: Publishing House of the Academy of Sciences of the Mongolian People's Republic. 253 p. (In Russ.). EDN: MQPAIT.

Volkov V.V. (2002) "Deer" stones of Mongolia. Moscow: Science World. 248 p. (In Russ.). EDN: SXNOUB.

Konstantinov M.V. (2015) Deer stone as a symbol of humanism of ancient ethnic groups. *Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"* Vol. 13. P. 18–24. (In Russ.). EDN: UKONCP.

Kubarev V.D. (1979) Ancient sculptures of Altai (Deer stones). Novosibirsk: Nauka. 120 p. (In Russ.). EDN: SXOLOT.

Mannai-Ool M.Kh. (1968) "Deer" stones of Tuva. *Scientific Notes of TNIIJRLI*. Iss. XIII. P. 138–149. (In Russ.).

Novgorodova E.A. (1989) Ancient Mongolia (Some problems of chronology and ethno-cultural history). Moscow: Science. Main Editorial Office of Oriental Literature. 384 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1964) Deer golden horns. Leningrad; Moscow: Art. 240 p. (In Russ.).

Ol'hovskii V.S. (2005). Monumental sculpture of the population of the western part of the Eurasian steppes of the Early Iron Age. Moscow: Nauka. 299 p. (In Russ.). EDN: QPAVON.

Savinov D.G. (1994) "Deer" stones in the culture of Eurasian nomads. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 208 p. (In Russ.). EDN: SFVAPP.

Savinov D.G. (1999) Original materials and style of the Sayano-Altai depictions belonging to the early-scythian period. *Itogi izucheniya skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii = Results of the Study of the Scythian Epoch of Altai and Adjacent Territories*. Barnaul: Altai State University. P. 154–158. (In Russ.). EDN: HBTOUT.

Tishkin A.A. (2016) Images on "Deer" stones of Mongolian Altai as a source for reconstruction of material culture of Arzhan-Mayemir period. *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noi Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya). Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Kemerovo, 19–21 oktyabrya 2016 goda = Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation. Proceedings of the International Conference, October, 19–21, 2016. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. P. 211–214. (In Russ.). EDN: ZBHSCB.*

Черемисин Д.В. Петроглифы в стиле оленных камней на Алтае: новые находки и размышления // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2012. Т. 18. С. 310–315. EDN: PJPDLV.

Членова Н.Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 27–35.

Эрдэнэпүрэв П. Новые находки «оленных» камней в Центральной Монголии // Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение: материалы VII конференции молодых ученых (Москва, 21–23 марта 2023 года). М.: Институт археологии РАН, 2023а. С. 66–67.

Эрдэнэпүрэв П. «Олений» камень в Краеведческом музее Улзийт сомона Архангайского аймака (Монголия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2023b. Вып. XXIX. С. 259–262. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.39. EDN: HXXNDK.

Баярсайхан Ж. Монголын умард нутгийн буган хөшөөд. Улаанбаатар: Интерпресс, 2017. 323 с. (на монг. яз.).

Дулам С. Монгол домог зүйн дүр. Улаанбаатар, 1989. 192 с. (на монг. яз.).

Идэрхангай Т., Ганбаатар Ч. Буган чулуун хөшөөнд дүрсэлсэн бэлгэт гөрөөсийн тухайд // Нүүдэлчдийн өв судлал. Т. XI. Fasc. 2. Улаанбаатар, 2011. С. 98–112. (на монг. яз.).

Төрбат Ц., Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Төрбаяр Н., Эрдэнэ-Очир Н., Батболд Н., Цэлхагарав Ц. Монгол бас нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть III. Улаанбаатар: Мүнхийн үсэг, 2021. 448 с. (на монг. яз.).

Цэвээндорж Д. Монгол нутгаас олдсон зарим буган чулуу хөшөө // Studia Archeologica. Том. VII. Fasc. 13. Улаанбаатар, 1979. С. 36–85. (на монг. яз.).

Информация об авторах

Эрдэнэпүрэв Пүрэвдорж,

аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, Россия; e-mail: eegiip48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>

Идэрхангай Тумур-Очир,

кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры технологий и инноваций, Улаанбаатарский парк науки и технологии, Монгольский национальный университет, 13343, Улаанбаатар, Баянзүрх район, ул. Лувсанцэвээнэ, Монголия, e-mail: iderkhangai2022@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>

Cheremis D.V. (2012) Petroglyphs in the style of “Deer” stones in Altai: new findings and reflections. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Vol. 18. P. 310–315. (In Russ.). EDN: PJPDLV.

Chlenova N.L. (1962) “Deer” stones of Mongolia and Siberia. *Mongolian Archaeological Collection*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. P. 27–35. (In Russ.).

Erdenepurev P. (2023a) New finds of “Deer” stones in Central Mongolia. *Novye materialy i metody arheologicheskogo issledovaniya: istoriya VS istochnikovedenie. Materialy VII konferentsii molodykh uchenykh. Moskva, 21–23 marta 2023 goda = New materials and methods of archaeological research: history VS source study. Proceedings of the VII Conference of Young Scientists, Moscow, March, 21–23, 2023*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P. 66–67. (In Russ.).

Erdenepurev P. (2023b) “Deer” stones in the Local History Museum of Ulziit Somon Arkhangay Aimak (Mongolia). *Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. Iss. XXIX. P. 259–262. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.39. EDN: HXXNDK.

Bayarsaikhan J. (2017) “Deer” stones of Northern Mongolia. Ulaanbaatar: Interpress. 323 p. (In Mong.).

Dulam S. (1989) Mongolian mythological character. Ulaanbaatar. 192 p. (In Mong.).

Iderkhangai T., Ganbaatar Ch. (2011) Regarding the symbolic antelope depicted on the “Deer” stone statue. *Nyydelchdijn өв судлал = Nomadic Heritage Studies*. Ulaanbaatar. Vol. XI. Fasc. 2. P. 98–112. (In Mong.).

Turbat Ts., Gantulga J., Bayarkhuu N., Batsukh D., Turbayar N., Erdene-Ochir N., Batbold N., Tselkhagarav Ts. (2021) “Deer” stones culture of Mongolia and neighboring regions / Editor Ts. Turbat. Vol. III. Ulaanbaatar: Munkhiin useg. 448 p. (In Mong.).

Tseveendorzh D. (1979) Some “Deer” stone statues found in Mongolia. *Arkheologiin судлал = Archaeological Research*. Vol. VII. Fasc. 13. P. 36–85. (In Mong.).

Information about the authors

Purevdorj Erdenepurev,

postgraduate student of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, 61, Lenin Avenue, Barnaul 656049, Russia, e-mail: eegiip48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>

Tumur-Ochir Iderkhangai,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Technology and Innovation Ulaanbaatar Science and Technology Park, Mongolian National University, Luvsantsaveena Street, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar 13343, Mongolia, e-mail: iderkhangai2022@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>

Тишкин Алексей Алексеевич,

доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой археологии, этнографии и музеологии,
Алтайский государственный университет,
656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, Россия,
e-mail: tishkin210@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

Alexey A. Tishkin,

Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of
Archaeology, Ethnography and Museology,
Altai State University,
61, Lenin Avenue, Barnaul 656049, Russia,
e-mail: tishkin210@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 июня 2024 г.; одобрена после рецензирования 20 июля 2024 г.; принята к публикации 29 июля 2024 г.

Article info

The article was submitted June 15, 2024; approved after reviewing July 20, 2024; accepted for publication July 29, 2024.

Original article
УДК 569.9,904
EDN: LQHQTC
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-64-89>

Trauma analysis in bioarchaeology: a review and case study from Khuvsgul and the Tunka Valley

Chenhe Yang¹, Tatiana Nomokonova¹, Robert J. Losey^{1,2}, Artur V. Kharinskii^{3,5},
Diimaajav Erdenebaatar⁴, Matvei A. Portniagin³, Samdantsoodol Orgilbayar⁴,
Angela R. Lieverse¹

¹ University of Saskatchewan, Saskatoon, Canada

² University of Alberta, Edmonton, Canada

³ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

⁴ Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia

⁵ Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. This article presents a review of trauma analysis in bioarchaeology. It starts with an introduction on what trauma is and what permanent markers it can leave on bones, even after recovery. Studies of trauma allow bioarchaeologists to evaluate the mechanism of injury and possibly reveal the cause of trauma, which may inform on individuals' interactions with their environments and sociocultural contexts. Trauma also can be incidental or intentional in origin, often reflecting cultural practices. Furthermore, this article focuses on the classification and interpretation of injuries in past populations, such as fracture, dislocation, ossification of soft tissues, and abnormal shape or contour of the bone. It describes different types of force trauma and defines dislocation and hematomas that may occasionally lead to ossification of adjacent soft tissues and can manifest as bony projections. This is followed by a case study utilizing trauma data to elucidate past human experiences. Human remains from twelve individuals excavated from Lake Khuvsgul, Mongolia, and three individuals from the adjacent Tunka Valley, Russian Federation, were examined. All skeletons were dated between the mid-11th and 14th centuries CE. Fatigue injuries on the spine were the most frequent, suggestive of strenuous activities, such as habitual horseback riding. There was some evidence of upper limb trauma, but limited lower body and violent trauma. A potential explanation of this pattern is that people in this area were frequently engaged in pastoral activities, but conflict rarely impacted their daily lives.

Keywords: paleopathology, trauma, bone, fracture, Khitan-Mongol period, northern Mongolia, pastoralism, horseback riding, Lake Khuvsgul, Tunka Valley

Acknowledgements. Funding for this work was supported by the Social Sciences and Humanities Research Council of Canada (IDG 430-2021-00013). The authors would like to thank the expedition participants for their hard work on the excavations of Khuvsgul cemeteries and Mondy.

For citation: Chenhe Yang, Nomokonova T., Losey R.J., Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Portniagin M.A., Orgilbayar S., Lieverse A.R. (2024) Trauma analysis in bioarchaeology: a review and case study from Khuvsgul and the Tunka Valley. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 64-89. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-64-89. EDN: LQHQTC.

Анализ травмы в биоархеологии: обзор и примеры исследований из Прихубсугуля и Тункинской долины

Ченхе Янг¹, Т.Ю. Номоконова¹, Р.Дж. Лозей^{1,2}, А.В. Харинский^{3,5}, Д. Эрдэнэбаатар⁴,
М.А. Портнягин³, С. Оргилбаяр⁴, Анжела Р. Ливерс¹

¹ Университет Саскатчевана, Саскатчеван, Канада

² Университет Альберты, Эдмонтон, Канада

³ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

⁴ Улан-Баторский государственный университет, Улан-Батор, Монголия

⁵ Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Данная статья представляет обзор анализа травм в биоархеологии. Она описывает, что такое травмы и какие постоянные следы от них остаются на костях человека даже после их заживления. Исследование травм также позволяет биоархеологам оценить механизмы повреждений и, возможно, узнать их причины, что может дать информацию о взаимодействии людей с окружающей средой и социокультурным контекстом. Такие травмы могут быть случайными или преднамеренными по своему происхождению, часто отражая культурные традиции. Кроме того, в этой статье особое внимание уделяется классификации и интерпретации травм, таких как переломы, вывихи, отвердения мягких тканей и аномальные форма и контур кости, у древних населений. Описываются различные виды силовых травм и приводятся определения вывихов и гематом, которые иногда могут приводить к отвердению прилегающих мягких тканей и проявляться в виде костяных выступов. Приводятся примеры исследования травм на останках людей с могильников, расположенных на озере Хубсугул в Монголии (12 человек) и в Тункинской долине на территории России (3 человека). Останки людей датируются между серединой XI и XIV веков н. э. Наиболее частые виды травм на костях – это повреждения позвоночника, указывающие на требующую усилия активность, такие как постоянная езда на лошадях. Также зафиксированы случаи травм на руках и в меньшей степени на ногах. Повреждения в виде насильственных травм – очень редки. Возможное объяснение таких случаев связано с постоянным участием в скотоводческой деятельности. Конфликт редко был причиной повседневной жизни.

Ключевые слова: палеопатология, травма, кость, повреждение, Киданьско-Монгольский период, Северная Монголия, скотоводство, езда на лошади, озеро Хубсугул, Тункинская долина

Благодарности. Исследование осуществлено при поддержке гранта Social Sciences and Humanities Research Council of Canada (№ IDG 430-2021-00013). Авторы также выражают благодарность участникам экспедиций за их работу при раскопках могильников на берегу озера Хубсугул и в Мондах.

Для цитирования: Ченхе Янг, Номоконова Т., Лозей Р.Дж., Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А., Оргилбаяр С., Ливерс А.Р. Анализ травмы в биоархеологии: обзор и примеры исследований из Прихубсугуля и Тункинской долины // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 64–89. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-64-89. EDN: LQHQTC.

1. Introduction

Trauma is injury to living body tissues caused by external forces (Lovell, 1997; Lovell and Grauer, 2019). Some injuries, such as fractures, can leave permanent markers on bones even after recovery, allowing bioarchaeologists to evaluate their mechanisms. In turn, understanding the mechanism of injury can reveal the cause of trauma, which may inform on individuals' interactions with their environments and sociocultural contexts (Lovell and Grauer, 2019). This article will review trauma analysis in bioarchaeology (paleotrauma), including types of trauma and their interpreta-

tions. It will then present a case study to demonstrate how trauma analysis can contribute to understanding the past. The case study will focus on human remains excavated from four Lake Khuvsgul cemeteries (n=12) and two cemeteries from the adjacent Tunka Valley (n=3). All date to the Khitan-Mongol period (mid-11–14th centuries CE).

2. Trauma Analysis in Bioarchaeology

2.1 Types of Trauma

Because archaeological human remains are usually limited to skeletal tissues, paleotrauma typically

reflects injuries present on bones (Judd and Rederfen, 2012). Ortner (Ortner, 2003. P. 120) proposed four types of bone injuries for archaeological remains: a partial or incomplete break, abnormal displacement of joints, disruption in nerve and/or blood supply, and artificially induced abnormal shape or contour of the bone. Lovell and Grauer (Lovell and Grauer, 2019) integrated this work with that of other scholars (Lovell, 1997; Ortner, 2003. P. 119-120; Roberts, 2006; Roberts and Manchester, 2007. P. 214-217) and introduced one of the most popular categorizations of paleotrauma: fracture, dislocation, ossification of soft tissues, and extrinsically induced abnormal shape or contour of the bone.

Fracture

Technically, the term “fracture” is broad, referring to any antemortem discontinuity of bone and encompassing breaks, blunt and sharp force trauma, and high-velocity projectile injuries (Christensen et al., 2019. P. 352-363; Galloway et al., 2014b). All fractures reflect both extrinsic factors, such as the direction, magnitude, and rate of force applied, and intrinsic factors, reflecting the bone’s ability to resist failure (e.g., tissue composition, bone geometry, individual age, and underlying pathological conditions; Brickley and Mays, 2019; Christensen et al., 2019. P. 343-345; Redfern and Roberts, 2019). Among these factors, the direction of the force can suggest the mechanism of injury. For instance, a direct collision between a rigid object and bone typically produces depressed, transverse, and comminuted (more than two fragments) fractures, with trauma location reflecting the impact site (Redfern and Roberts, 2019). In contrast, indirect forces, often resulting from twisting, tension, or compression, transform and propagate to affect other bone regions, commonly giving rise to oblique and spiral fractures, avulsion injuries (at tendon or ligament attachments), and fracture-dislocations (Lovell and Grauer, 2019; Redfern and Roberts, 2019).

Depending on the size, shape, and velocity of objects generating the force, fractures can be classified into blunt force trauma (BFT), sharp force trauma (SFT), high-velocity projectile trauma, or combinations thereof (Christensen et al., 2019. P. 352). High-velocity projectile trauma pertains to injuries caused by bullets, a phenomenon that only emerged following the widespread use of firearms. BFT is typically caused by low-velocity forces delivered by broad and blunt sur-

faces and tends to propagate along paths of least resistance until the energy generated by the force has been dissipated (Spatola, 2015). BFT usually produces depression in the cranium and transverse fractures in the post-cranial skeleton (Christensen et al., 2019. P. 345-346; Galloway et al., 2014c). SFT resembles BFT but stems from intense compressive or shearing forces concentrated in a narrow area (Christensen et al., 2019. P. 360-361). Typical examples include cutmarks, penetrating wounds from projectile weapons (e.g., arrows and javelins), and stab wounds, all of which yield discernible modifications such as linear incisions, punctures, gouges, and clefts (Christensen et al., 2019. P. 360-361; Tur et al., 2018; Vanezis, 2021. P. 1). In addition, some objects, such as axes, can produce a combination of BFT and SFT reflecting a sharp cutting edge and substantial weight (Vanezis, 2021. P. 1-2).

Dislocation

Dislocation is the disruption of the normal connections between bones at their joints. Specifically, a dislocation, or luxation, refers to an entire displacement, while subluxation suggests that the joint is partially displaced but retains some contact (Lovell and Grauer, 2019). In bioarchaeology, dislocations can only be directly identified if they persist long enough for bone modifications to occur, such as the development of secondary joints. Such dislocations are most often documented on the hip because its socket is relatively deep and difficult to fully restore (McKenzie et al., 2022; Mitchell and Redfern, 2008; Plischuk et al., 2018; Traversari et al., 2016). Severe joint displacements may also be accompanied by fractures and damage to soft tissues that may be visible on bone. In addition, subluxation and chronic dislocation (e.g., of the shoulder joint) can cause secondary changes to joints and adjacent tissues, resulting in osteoarthritis, soft tissue ossification, and even ankylosis (joint fusion). In these cases, dislocations may be indirectly identified (Mitchell and Redfern, 2008; Nikitovic et al., 2012; Osterholtz et al., 2019; Toritsuka et al., 2007; Thompson, 2001; Zhang et al., 2022).

Ossification of Soft Tissues

Hematomas, or blood clots, usually form after traumatic injuries and facilitate bone healing. However, hematomas may occasionally lead to ossification (mineralization) of adjacent soft tissues, manifesting as irregularly shaped yet smooth bony formations or large bony projections (Redfern and Roberts, 2019;

Waldron, 2020. P. 80). In medical contexts, “myositis ossificans” (MO) is a general term used to denote the formation of bone within skeletal muscles (Walczak et al., 2015). When the condition is triggered by trauma, as is most common, it is referred to as “myositis ossificans traumatica” (MOT) or “traumatic myositis ossification” (Lovell and Grauer, 2019; Walczak et al., 2015). Unfortunately, since many ossifications do not adhere to adjacent bones, they can be easily overlooked during archaeological excavations (Redfern and Roberts, 2019).

Extrinsically Induced Abnormal Shape or Contour of the Bone

Chronic, low-grade compression can modify the normal shape or contour of bone (Redfern and Roberts, 2019). Such trauma can be either incidental or intentional in origin, often reflecting cultural practices. Intentionally induced alterations that produce discernible anatomical changes to bone morphology include cranial modification, foot-binding, and waist training. Such practices are usually initiated early in an individual's life, and these practices involve the sustained application of mild yet persistent compressive forces that ultimately lead to enduring morphological changes (Alfonso-Durrruty et al., 2015; Gibson, 2015; Mayall et al., 2017; Seguchi et al., 2023; Stone, 2012; Stone, 2020; Tiesler, 2012; Zhao et al., 2020).

Antemortem vs. Perimortem vs. Postmortem

Trauma can be categorized as antemortem or perimortem based on its association with the time of death. Antemortem trauma encompasses injuries that occurred before the death, while perimortem trauma transpired in proximity to the time of death and may bear direct relevance to the cause of death (Galloway et al., 2014a; Passalacqua and Rainwater, 2015; Redfern and Roberts, 2019). The primary indicator of antemortem trauma is evidence of bone reaction, such as the formation or removal of bone tissue in the days or weeks following the injury (Christensen et al., 2019. P. 347). In the absence of this, trauma is perimortem or postmortem. However, it is imperative to emphasize that postmortem ‘trauma’ is not genuine trauma because it reflects events that did not disrupt living tissues (Christensen et al., 2019. P. 341). Postmortem disturbances to dry brittle bone (typically years after death) can be identified by jagged, stepped, or irregular margins, flaked cortex, no plastic (smooth) deformation, and/or lighter hues of fracture

margins (Christensen et al., 2019. P. 350-351; Klaus and Lynnerup, 2019; Redfern and Roberts, 2019).

2.2 Trauma Interpretation

The interpretation of paleotrauma primarily relies on contemporary medical and forensic research, and thereby bioarchaeologists must presume that the mechanisms and scenarios of injury in the past are similar to those today (Cheverko et al., 2020). Bioarchaeologists do not simply define an injury as “incidental” or “intentional.” Instead, potential causes are suggested with consideration for anatomical regions, activity patterns, demographic factors, and archaeological or historical contexts.

Cranium

Cranial injuries commonly present as linear fractures, depressions, and penetrations (Galloway and Wedel, 2014a). Injuries to the vault and face are primarily caused by direct, high-velocity impacts, often resulting from assaults or accidental collisions (Barss et al., 1984; Scott and Buckley, 2010). The facial region is a common target in interpersonal conflicts, particularly in instances of domestic violence (Lovell and Grauer, 2019). Among facial bones, nasal fractures are the most prevalent due to the nose's prominent location and relatively fragile structure (Galloway and Wedel, 2014a). Conversely, trauma to the cranial base typically arises from forces indirectly transmitted from impacts to the face or nape (Galloway and Wedel, 2014a; Lovell and Grauer, 2019). In addition to fractures, acute dislocations of the mandible can occur from excessive stress during mastication, physical assaults, or falls where the chin absorbs the impact (Flensburg et al., 2019; Rando and Waldron, 2012; Shorey and Campbell, 2000; Toufeeq et al., 2019).

Vertebrae

Cervical vertebral dislocations and fractures are typically caused by high-energy impacts, such as strangulation and decapitation (Galloway and Wedel, 2014c). Thoracic and lumbar vertebrae, the axis of the human body, are frequently engaged in various activities and therefore vulnerable to stress fractures, especially the more caudally they are positioned (Galloway and Wedel, 2014c; Jurmain, 2013. P. 170-172; Plomp, 2023; Toman et al., 2016; Waldron, 2020. P. 45 and 151). For example, spondylolysis, a cleft in the neural arch, often results from the repetitive impact of the inferior articular process of one vertebra on the arch

of the vertebra below it (Hu et al., 2008; Plomp, 2023; Waldron, 2020. P. 151). Schmorl's nodes are characterized by the compression of the intervertebral disc by the vertebral endplate, leading to the prolapse of the disc's nucleus pulposus into the adjacent vertebral body (Faccia and Williams, 2008; Waldron, 2020. P. 45). Vertebral compression fractures refer to deformations of the vertebral body, distortion ranging from subtle deformation to substantial collapse, depending on the impact position (Genant et al., 1993). Although clinical research indicates that internal factors may predispose some individuals to these injuries, it also suggests that strenuous activities straining the lower back are the primary external factor of vertebral trauma (Bono, 2004; Swård, 1992; Waldron, 2020. P. 45).

Thorax and Pectoral Girdle

The thorax and pectoral girdle include the shoulder (scapulae and clavicles), thoracic vertebrae, sternum, and ribs. Vertebral trauma was discussed above, so is not included here. The predominant cause of trauma to the thorax and pectoral region is blunt force. Rib fractures are most frequently linked to high-velocity collisions, falls, and interpersonal violence, with forces from the front or back generating oblique or transverse fractures on the midshaft or posterior ribs (Beshay et al., 2020; Galloway and Wedel, 2014c). In contrast, clavicles have reduced muscular support and are susceptible to injuries at the midshaft (Galloway, 2014a). Clavicular fractures typically result from compression forces during a fall, often accompanied by fracture-dislocations of the upper limbs and/or ribs (Faldini et al., 2010; Judd and Roberts, 1999; Kihlström et al., 2017). Trauma to the scapula primarily occurs in the shoulder joint (glenoid fossa and acromion process), often including dislocations, as the result of indirect forces such as falling onto an outstretched arm (Cole, 2017; Lovell and Grauer, 2019). Fractures of the scapular body and sternum are relatively uncommon among thorax injuries unless subjected to direct, high-energy impacts, usually produced by severe collisions and violent assaults (Cole et al., 2012; Galloway, 2014a; Galloway and Wedel, 2014b; Lovell and Grauer, 2019).

Upper Limb

Arms and hands make up our upper limbs, allowing us to participate in many daily activities. Direct blows can cause transverse or comminuted fractures,

often on the humeral or ulnar shafts (Galloway, 2014a; Judd, 2008). The indirect forces generated by the forearm and hand can produce rotational or avulsive fractures and dislocations on the distal and proximal ends of bones, typically resulting from falls onto an outstretched hand or when using the arm to twist vigorously (Galloway, 2014a). As the distal ends of our upper extremities, hands are vulnerable to trauma because of their lower muscle mass and their use in manipulating objects and thwarting impacts on the body (Galloway, 2014a). Metacarpal shaft fractures are commonly incurred in modern populations through punching (Brickley and Smith, 2006), while phalangeal dislocations are usually associated with hyperextension of the palm after a fall, direct blows, or twisting (Chen and Kalainov, 2016). Wrist dislocations are often produced by tensile forces from high-energy impacts, causing hyperextension and dorsal (posterior) compression of the wrist (Apergis, 2013. P. 1).

Lower Limb

Given the density of the large lower limb long bones and the muscle mass of the thigh, leg injuries typically result from high-energy impacts. Severe collision accidents can transmit high-energy rotational forces from the knee to the hip, leading to femoral and pelvic fractures and dislocations (Galloway, 2014b; Lovell and Grauer, 2019; Roca et al., 2012). Lower leg trauma often manifests in the middle and distal sections of the tibia and fibula. Direct impacts, such as from high-velocity collisions, can cause transverse or oblique fractures to the tibial shaft and may extend to involve the fibula (Galloway, 2014b). Distal tibial fractures encompass a range of breaks above and within the ankle complex, frequently associated with rotational and compressional forces experienced in collisions and falls on steep slopes (Lovell and Grauer, 2019). Falls can also cause malleolar fractures, commonly occurring when the foot is anchored to the ground and the body lunges forward, resulting in oblique, transverse, or avulsion fractures and often accompanied by dislocations and ligament injuries (Bowyer, 2017). The feet support and propel our bodies, bearing and transmitting up to ten times our body weight when running and jumping (Bowyer, 2017). Fatigue fractures are the most common traumatic injuries documented on pedal bones, particularly affecting the metatarsals and their joints with the pha-

langes of the toes (Bowyer, 2017; Welck et al., 2017). Additionally, fractures of the toes and metatarsals are frequently caused by heavy objects falling on the foot, resulting in blunt force trauma (Bowyer, 2017).

Understanding Trauma Analysis and its Limitations

While the ultimate mechanisms behind paleotrauma cannot be definitively known (Judd and Redfern, 2012), the fundamental goal for bioarchaeologists is to consider all potential causes and provide the most plausible explanations. Violent trauma, for example, can be diagnosed through cranial and facial fractures, defence wounds on forearms, and weapon-induced injuries (Alvrus, 1999; Galloway and Wedel, 2014b; Judd, 2006; Lambert and Welker, 2019; Smith and Knüsel, 2014; Softysiak, 2017). However, it is often impossible to discern whether individuals with such injuries were simply victims of interpersonal conflict or warfare (i.e., non-combatants), or participants in such events (Judd, 2008). Conversely, accidental injuries are usually identified by avulsion, spiral, and oblique fractures on long bones (Alvrus, 1999; Judd and Roberts, 1999; Cole, 2017; Mant et al., 2021). Such injuries may result from accidents, such as a clumsy misstep, but they can also indicate that individuals were exposed to higher levels of hazardous circumstances, potentially influenced by occupations, social inequality, and structural violence (Alvrus, 1999; Bernbeck, 2008; Bright, 2020; Judd and Roberts, 1999; Lambert and Welker, 2019; Mant, 2019; Scott and Buckley, 2010).

Moreover, occupational trauma is typically diagnosed by injuries caused by repetitive and/or strenuous activities, such as vertebral injuries, fatigue fractures on pedal bones, and specific types of trauma related to the social background, such as animal-related trauma in rural or pastoral populations (Berthon et al., 2023; Galloway and Wedel, 2014c; Glosten, 2015. P. 177-182; Karapetian, 2021; Mansfield and Wroten, 2021; Waldron, 2020. P. 45). It can be challenging to distinguish between trauma arising from exploitation associated with social stratification and that resulting from the burdensome demands of seeking out a livelihood to overcome environmental conditions (Klaus, 2012; Knüsel, 2000). Additionally, these injuries are usually nonfatal, making it difficult to accurately estimate the timing or sequence of these antemortem traumatic lesions if all are fully healed (Judd, 2008). Many other factors, such as aging (e.g.,

osteoporosis), genetic susceptibility, and malnutrition, can also contribute to injury, necessitating a more prudent interpretation of paleotrauma (Alghamdi et al., 2014; Cunningham et al., 2016. P. 32; Waldron, 2020. P. 118).

3. Case Study - Lake Khuvsgul and Tunka Valley Cemeteries

3.1 Materials and Methods

Can the analysis of paleotrauma help us understand Khitan-Mongol populations from northern Mongolia and the Tunka Valley? Here, we examine trauma on human remains excavated from the cemeteries of Nagoon Gozgor 1, Urd-Khiar 1 and 2, Zun Khiaryn Denzh 1, and Mondy 1 and 5. The first four sites, situated on the northeastern shore of Lake Khuvsgul, Mongolia (Figure 1), were excavated between the late 1990s and 2019 by researchers from Irkutsk National Research Technical University (INRTU) and Ulaanbaatar University (Kharinskii and Erdenebaatar, 2011; Kharinskii et al., 2020; Orgilbayar et al., 2018; Orgilbayar et al., 2019). Common grave goods include sheep bones and iron weapons and tools, and some individuals were found covered with birch bark or placed in wooden coffins (Kharinskii and Erdenebaatar, 2011; Kharinskii et al., 2020; Kharinskii et al., 2023; Kharinskii 2023; Orgilbayar et al., 2019). The Mondy 1 and 5 cemeteries are located on the west-

Fig. 1. Geographical locations of Lake Khuvsgul cemeteries (K) and Mondy 1 and 5 (M) in the Tunka Valley. Graphed by Google Earth and ArcGIS

Рис.1. Географическое местонахождение могильников на озера Хубсугул (К) и Монды 1 и 5 (М) в Тункинской долине. Карта сделана с использованием Google Earth и ArcGIS

ernmost point of the Tunka Valley, Russia (Figure 1), ~20 km northeast of the Khuvsgul cemeteries. The cemetery was excavated in 2020–21 by scholars from INRTU (Kharinskii and Portniagin, 2021). The Tunka Valley served as an important corridor for migrations and trade between the Baikal Region and northern Mongolia since the late Pleistocene (Kozyrev et al., 2014; Losey et al., 2016; Shchetnikov et al., 2019). Indeed, artifacts from Mondy 1 are highly comparable with those from the Khuvsgul cemeteries, implying their close connection in the past (Kharinskii and Erdenebaatar, 2011; Kharinskii et al., 2020; Kharinskii et al., 2022; Kharinskii et al., 2023).

Twelve individuals were excavated from the Khuvsgul cemeteries, while three came from the Tunka Valley. All deceased were interred in burial pits dating to the Khitan-Mongol period, from the mid-11th through 14th centuries CE (Kharinskii and Erdenebaatar, 2011; Kharinskii et al., 2022; Kharinskii et al., 2023). Age at death estimations focused on cranial and palatal suture closure (Meindl and Lovejoy, 1985), traits of the pubic symphysis (Brooks and Suchey, 1990), and iliac auricular surface (Buckberry and Chamberlain, 2002; Meindl and Lovejoy, 1985) and, for non-adults, on skeletal development (Buikstra and Ubelaker, 1994; Schaefer et al., 2009). Sex estimation was mainly based on morphological features of the cranium, mandible and pelvis (Buikstra and Ubelaker, 1994; Phenice, 1969). Of the 15 individuals, 13 were adults (20+ years), and two were post-pubescent non-adults (15–20 years). Four were estimated to be females, eight to be males, and three were undetermined (Figure 2, Table 1). For each individual, bone representation indices were calculated after Dodson and Wexlar (Dodson and Wexlar, 1979). Trauma documentation was macroscopic and non-invasive. Following the guidance of Redfern and Roberts (Redfern and Roberts, 2019), lesion type, location, healing process, and other noteworthy observations were recorded (Table 1).

3.2 Results and Discussion

A total of 39 injured bones (Figure 3A) were identified from 10 individuals, including seven males, two females, and one of unknown sex. One individual was non-adult, one young adult (25–35 years), and eight were middle or older adults (35+ years). Vertebral lesions were the most prevalent, present on all 10

affected individuals. These vertebral injuries included two cases of spondylolysis, four vertebral compression fractures (VCF), and 24 cases of Schmorl's nodes (Figure 3B). No cranial trauma or perimortem injury was identified. Three individuals exhibited trauma in the thorax and pectoral girdle, two having healed clavicle fractures and the third healed fractures to five right ribs. Finally, two individuals had injuries to the limbs, one on the left radius and the second on a right metatarsal.

Given the limited sample size ($n=15$), discussion will focus on the interpretation of paleotrauma at the individual level. Clear evidence of violence, such as weapon-induced perimortem trauma and defence wounds, was not observed in this study. Historical records suggest that tensions among the tribes of the Mongolian steppe began to escalate in the early 12th century and persisted until 1206 CE, culminating in Chinggis Khan's victory and the establishment of the Mongol Empire (May, 2022; Togan, 2022a; Togan, 2022b). Therefore, the absence of violent trauma in the sample may imply that northern Mongolia and the Tunka Valley experienced less conflict compared to contemporaneous populations further south, and that this relative peace was maintained after the establishment of the Mongol Empire.

The only potentially violent event is suggested by the five fractured ribs of an individual from Urd-Khiar 1 (Figure 4). However, the mechanisms of rib trauma are complex and can result from collisions, falls, interpersonal conflict, and even pathological conditions (Beshay et al., 2020; Brickley and Smith, 2006; Lovell, 1997). Notably, high elevation falls and violent encounters typically result in multiple injuries to the cranium and extremities simultaneously (Judd, 2002; Petaros et al., 2013), a pattern not observed in

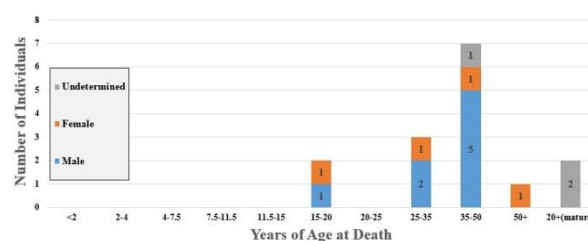

Fig 2. Demographic profile of the Khuvsgul and Tunka Valley cemeteries ($n=15$)

Рис. 2. Демографические данные по могильникам с побережья озера Хубсугул и Тункинской долины (15 человек)

Table 1. Bioarchaeological information for the Khuvsgul and Tunka Valley cemeteries
Таблица 1. Биоархеологическая информация с Хубсугульских и Тункинских могильников

Site and Individual/ Burial (B)	Age at Death (in years)	Sex	Bone Representation Index †	Trauma Documented
Mondy 1 B.1 (Tunka Valley)	17–20	M	0.51	Six L vertebrae; L6 vertebra: bilateral spondylolysis
Mondy 1 B.2 (Tunka Valley)	20+	*	0.03	
Mondy 5 B.1 (Tunka Valley)	25–35	M	0.32	L clavicle: healed fracture of acromial shaft; one L vertebra: Schmorl's node and compression fracture
Nogoon Gozgor 1 B.3 (Khuvsgul)	20+	*	0.06	
Nogoon Gozgor 1 B.4 (Khuvsgul)	25–35	M	0.55	
Nogoon Gozgor 1 B.5 (Khuvsgul)	45–60	F	0.37	Distal L radius shaft: healed fracture; T12–L1, and L5 vertebrae: Schmorl's nodes
Nogoon Gozgor 1 B.6 (Khuvsgul)	16–18	F	0.26	
Urd-Khiar 1 B.9 (Khuvsgul)	35–50	M	0.79	Five R rib shafts (second rib and four mid-level ribs): healed fractures (bony spurs on three); T8–T11 and L1 vertebrae: Schmorl's nodes
Urd-Khiar 2 B.21 (Khuvsgul)	40–50	M	0.61	L5 vertebra: bilateral spondylolysis; three T vertebrae: Schmorl's nodes
Urd-Khiar 2 B.23 (Khuvsgul)	25–35	F	0.65	
Urd-Khiar 2 B.24 (Khuvsgul)	35–50	F	0.74	R clavicle: healed fracture of acromial shaft; one T and one L vertebrae: Schmorl's nodes
Urd-Khiar 2 B.26 (Khuvsgul)	35–50	M	0.42	C6 vertebra: compression fracture with fusion of C5–7; T7–8 vertebrae: Schmorl's nodes
Zun Khiaryn Denzh 1 B.1 (Khuvsgul)	35–50	M	0.72	T11–12 vertebrae: compression fracture; T12 vertebra: Schmorl's node
Zun Khiaryn Denzh 1 B.2 (Khuvsgul)	40–50	M	0.45	T9 vertebra: Schmorl's node
Zun Khiaryn Denzh 1 B.9 (Khuvsgul)	35–45	*	0.35	R metatarsal 2: healed fracture of proximal shaft; four T and L4–5 vertebrae: Schmorl's nodes

Sex: M, male; F, Female; * undetermined. † Bone Representation Index: the absolute presence or absence of individual skeletal elements compared to the number of elements if fully preserved (Dodson and Wexlar, 1979). For example, an index of 1.0 would represent a skeleton with all elements present (though not necessarily complete). Trauma Documented: L, left side; R, right side; C, T, and L vertebrae: cervical, thoracic, and lumbar, respectively.

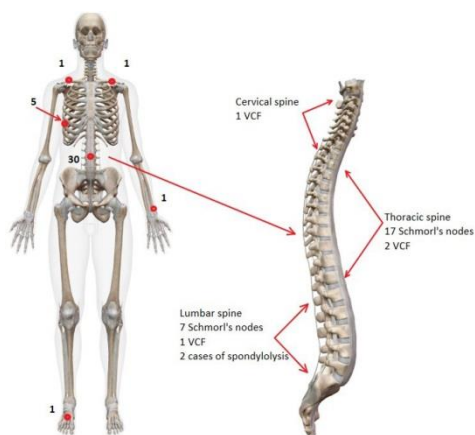

Fig. 3. Locations of observed traumatic lesions within the sample, with number of affected skeletal elements indicated and types of vertebral trauma and their distributions. VCF: vertebral compression fractures. Images were produced by Visible Body Suite (Version 4.31; 2023). Retrieved July 18, 2024, from www.visiblebody.com

Рис. 3. Расположение травматических поражений у анализируемых индивидуумов с указанием количества поражений и видов травм и их распределение. VCF: vertebral compression fractures (позвоночный компрессионный перелом). Рисунок сделан 18 июля 2024 г. с помощью Visible Body Suite (версия 4.31; 2023), www.visiblebody.com

this skeleton. Therefore, it is more likely that a sudden high-energy collision caused the rib fractures. Given that mounted pastoralism was the fundamental subsistence strategy for the Khitan-Mongol populations, interactions with domestic animals, such as being crushed or kicked by large livestock or falling from a galloping horse, could be responsible for such an injury. Contemporary medical records reveal that strikes and kicks from large livestock are common causes of animal-related injuries, with chest trauma being a frequent consequence (Bury et al., 2012; Busch et al., 1986).

The Urd'-Khar 1 individual's rib fractures are fully healed, indicating that they occurred at least several months before death. While it's not possible to say whether they reflect one or more traumatic events, three of the four mid-level ribs have two fractures each on the same region of their anterior midshafts, suggesting a single severe occurrence. Rib trauma is often accompanied by damage to the respiratory and circulatory systems, which can lead to difficulty breathing and vascular disruption, resulting in hemothorax and pneumothorax (Brickley and Smith, 2006;

Fig. 4: Multiple healed right rib fractures, Urd'-Khar 1, Burial 9, anterolateral views. Red arrows indicate fracture calluses. Note that three mid-level ribs each have two fracture calluses on their anterior midshafts (close-up images on the right)

Рис. 4. Множественные сросшиеся переломы правых ребер с Урд'-Хяр 1, погребение 9 (антерио-латеральные проекции). Красные стрелки указывают затвердения переломов. Обратите внимание, что середина каждого из трех ребер имеет по два затвердения от переломов на антериальной стороне (изображения крупным планом справа)

Morgan et al., 2022; Oyetunji et al., 2013; Tumler et al., 2019). Medical records indicate that breaking more than three ribs in a single event is usually associated with severe visceral trauma and even death (Shkrum and Ramsay, 2007. P. 428). Therefore, the presence of healed fractures on five ribs—at least three of which may have occurred simultaneously—suggests that this person received considerable treatment and care from others over an extended period.

Lower limb trauma, a healed metatarsal fracture, was observed on only one individual. Injuries in the lower limbs are typically caused by spiral and bending forces resulting from strenuous activities such as jumping, slipping, kicking, and running (Bowyer, 2017; Galloway, 2014b; Lovell and Grauer, 2019; Roca et al., 2012). Archaeological and historical records indicate that horseback riding was a significant aspect of daily life on the eastern Eurasian steppe since the Bronze Age (Eng, 2016; Honeychurch, 2013; Honeychurch et al., 2021; Kradin, 2011; Taylor et al., 2015), with most equestrian injuries today and in the past occurring on the upper body (Anđelinović et al., 2015; Ball et al., 2007; Berthon et al., 2021; Paix, 1999; Wentz and de Grummond, 2009). Therefore, the low prevalence of lower limb trauma in the skeletal assemblage is consistent with mounted pastoralism and may suggest that horseback riding reduced the risk of injury to the lower body. The single metatarsal fracture could be a fatigue injury, resulting from overexercise, or a blunt force injury, such as from a heavy falling object or a large animal hoof (Bowyer, 2017). Both bioarchaeological and modern clinical studies report cases of animal-induced trauma to pedal bones (Lee and Steenberg, 2008; Pedersen et al., 2019; Watts and Meisel, 2011).

Falls are among the most common causes of fractures and dislocations in bioarchaeology and modern medicine (Alvrus, 1999; Lovell, 1997; Lovell and Grauer, 2019; Unguryanu et al., 2020). In this research, two clavicle fractures and one radius fracture were likely caused by falls. The radius fracture, occurring on the distal shaft (Figure 5), is probably a Colles' or Smith's fracture, because of the dorsal angulation of the bone's distal end. Although it is difficult to determine which because bone remodelling has obscured the fracture line, both types are caused by a strong shearing force against the wrist, typically associated with a

fall onto an outstretched or flexed hand (Judd, 2008). Clavicle fractures typically reflect compression forces resulting from falls where forces impact the shoulder (Judd and Roberts, 1999; Kihlström et al., 2017). It is possible that these three injuries reflect horseback riding accidents. Falling from a galloping horse will throw the rider forward, making the upper body the first to make contact with the ground. While clavicle and facial fractures are the most common, they are followed by trauma to the forearm (Altgärde et al., 2014; Ball et al., 2007; Berthon et al., 2021; Lee and Steenberg, 2008; Wentz and de Grummond, 2009).

All ten injured individuals exhibited vertebral trauma, with seven of them having more than one affected vertebra. Schmorl's nodes (Figure 6.1) were the most frequent type of injury, affecting 17 thoracic and seven lumbar vertebrae in nine individuals. The etiology of Schmorl's nodes is complex. While genetics, age, vertebral shape, and body weight can predispose certain individuals, the primary cause is repetitive and strenuous movement (Jurmain, 2013. P. 165–167; Plomp et al., 2015; Plomp, 2023). Schmorl's nodes typically occur in the lower thoracic and lumbar vertebrae, with activities involving extensive use of the waist and back muscles, such as lifting, loading, and military training, being direct triggers (Burke, 2012; Waldron, 2020. P. 45; Zhang et al., 2017). Additionally, habitual horseback riding may contribute to the high prevalence of Schmorl's nodes in skeletal samples. Experienced riders lower their center of gravity to maintain balance on a galloping horse, causing repetitive hyperextension and rotation of the lower back and hips. This posture can result in the lower spine bearing around 65 % of the rider's weight, making it susceptible to fatigue injuries, such as Schmorl's nodes (Anđelinović et al., 2015; Berthon, 2019; Berthon et al., 2019; Glosten, 2015. P. 177-182).

Four cases of vertebral compression fractures (VCF; Figure 6.2–6.3)—one cervical, two thoracic, and one lumbar—were observed in three individuals. Similar to Schmorl's nodes, VCF often occur in thoracolumbar vertebrae and have multiple etiologies, including age, sex, and pathological conditions such as osteoporosis. However, high-energy trauma that exerts excessive strain on the spine is the primary external cause (Curate, 2014; Genant et al., 1993; McCarthy and Davis, 2016). Contemporary medical records indicate that osteoporosis is the most common cause of

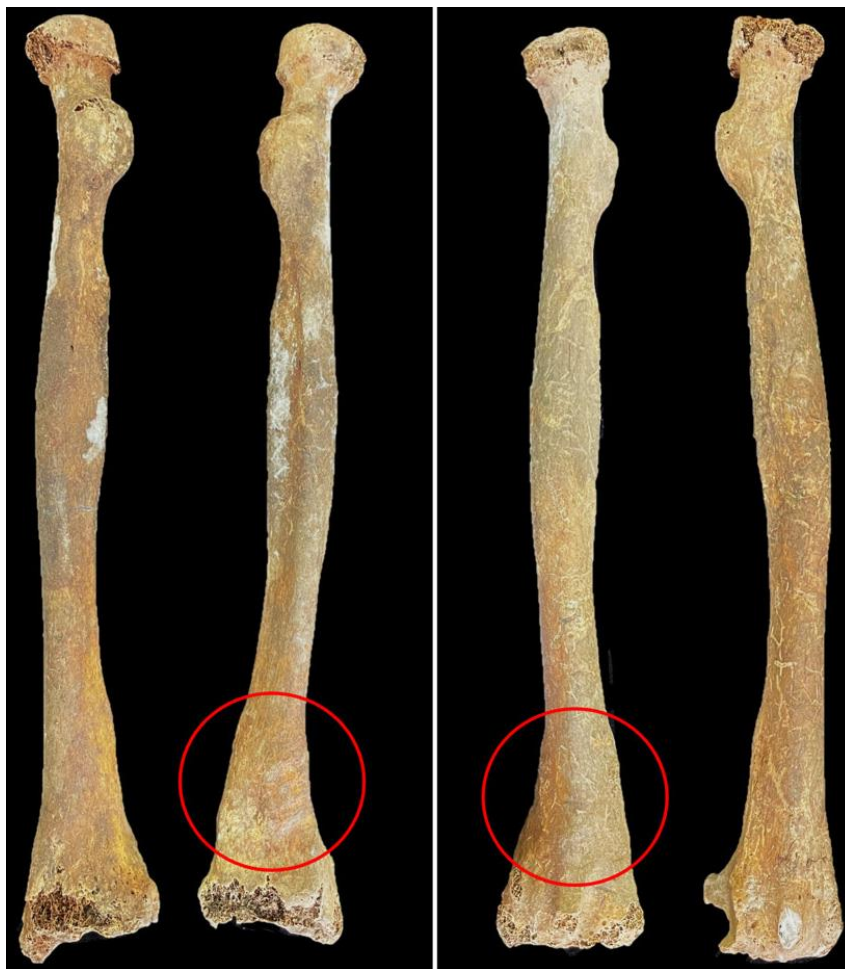

Fig. 5: Anterior (left) and posterior (right) views of the left and right radii of Nogoон Gozgor 1, Burial 5. The left radius exhibits a healed fracture of the distal shaft (indicated by the red circles); the right radius is unaffected

Рис. 5. Антериальный (слева) и постериальный (справа) виды левой и правой лучевых костей с Ногоон Гозгор 1, погребение 5. На левой лучевой кости зафиксирован заживший перелом на дистальной части диафиза (обозначен красными кружками); правая лучевая кость без повреждений

VCF, particularly in females. Among patients younger than 80 years, most VCF result from falls and collisions (Donnally et al., 2023; Hoyt et al., 2020). In bioarchaeology, VCF in non-elderly individuals, especially males, are typically attributed to strenuous activities and prolonged mechanical stress unless relevant pathological conditions are also observed (Jiménez-Brobeil et al., 2010; Kubo et al., 2024; Thomsen, 2022). The three individuals diagnosed with VCF in this research are males aged between 25 and 50 years. Therefore, external forces such as hyperextension, falls, and lifting are more likely to account for the VCF in these cases.

Notably, one case of VCF was observed on the sixth cervical vertebra on an individual with fused C5–7 (Figure 6.3). Cervical compression fractures are rare due to their anatomical shape, low weight bearing, and increased range of motion (Zmurko et al., 2003). Modern clinical reports indicate that most cervical VCF

are caused by hyperflexion or hyperextension during falls and collisions (Galloway and Wedel, 2014b; Leng et al., 2010; Okereke et al., 2021; Zmurko et al., 2003). A plausible explanation for this case is a horseback riding accident. An investigation into equestrian injuries revealed that approximately 25 % of riders who sustained head injuries also had neck injuries (Sandiford et al., 2013). The fusion of the vertebrae is likely a complication following the compression fracture, where blood enters the joint and increases the risk of ankylosis (Waldron, 2020. P. 146), or through ligamentous ossification or abnormal new bone formation during the healing process (Klaus and Lynnerup, 2019). It's also possible that certain joint diseases caused the vertebral fusion, whether related to the injury or not (Sieper et al., 2002; Waldron, 2020. P. 57-59).

Finally, two individuals exhibited spondylolysis (Figure 6.4) on the L5 and L6 vertebrae, respectively.

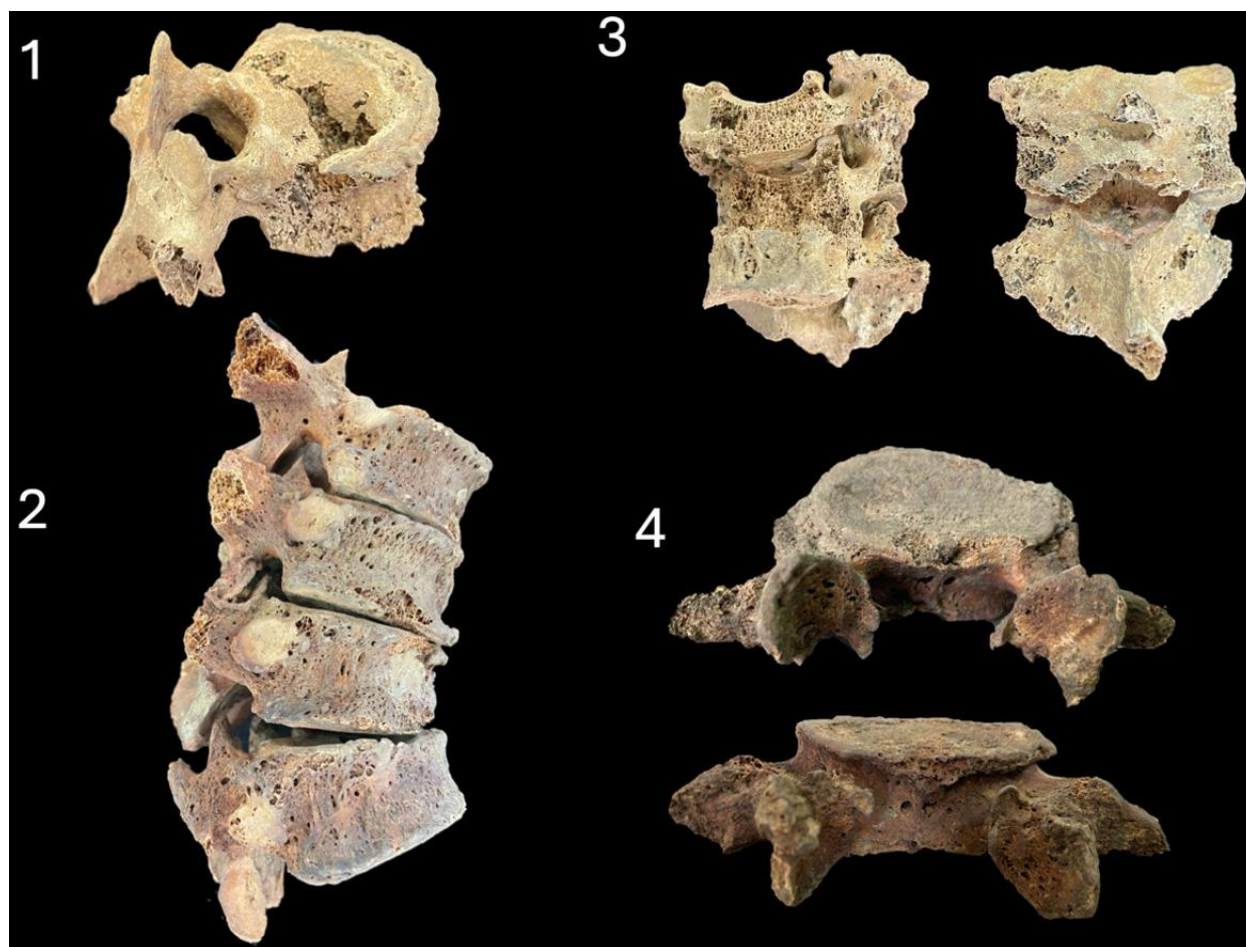

Fig. 6. Examples of vertebral trauma: 1) large Schmorl's node on the superior centrum of T7 vertebra, Urd'-Khiair 2 Burial 26 (right superior view); 2) T9–12 vertebrae, Zun Khiaryn Denzh Burial 1, with compression fracture of T12 (right lateral view); 3) C5–7 vertebrae, Urd'-Khiair 2, Burial 26, with compression fracture of C6 and fusion of C5–7 (anterior left view on left, posterior view on right); 4) L5 vertebra of Urd'-Khiair 2, Burial 21, with complete bilateral spondylolysis and posterior arch missing postmortem (posterior view with superior centrum up in top image and inferior centrum up in bottom image)

Рис. 6. Примеры травм позвоночника: 1) крупный узел Шморля на верхнем центре позвонка Т7 с Урд'-Хяр 2, погребение 26 (вид сверху и справа); 2) Т9–12 позвонки с Зун Хярын Денж, погребение 1, с компрессионным переломом Т12 (вид справа и сбоку); 3) С5–7 позвонки с Урд'-Хяр 2, погребение 26, с компрессионным переломом С6 и сращением С5–7 (вид слева и спереди, справа и сзади); 4) позвонок L5 с Урд'-Хяр 2, погребение 21, с полным двусторонним спондилолизом и отсутствием постериальной дуги (вид сзади: верхний центр вверху на верхнем изображении и нижний центр вверху на нижнем изображении)

Spondylolysis is a condition associated with human bipedalism, triggered by repetitive habitual or strenuous movements involving lateral flexion and hyperextension of the lower back (Hu et al., 2008; Plomp, 2023; Waldron, 2020. P. 151). This type of trauma is prevalent across various societies, including agrarian, foraging, and industrialized communities, and can be caused by a wide range of activities (Fibiger and Knüsel, 2005; Lessa, 2011; Karapetian, 2021; Tipper et al., 2023). Although modern clinical research has not demonstrated a positive correlation between habitual horseback riding and spondylolysis (Kraft et al., 2009), falling from a horse can trigger such an injury (Karatas

et al., 2016), providing additional explanations for its occurrence.

Additionally, the traumatic injuries discussed above may have been caused by various other labour-intensive activities, including seasonal cultivation and metallurgy, which can be traced back to the first millennium BCE (Honeychurch et al., 2021; Hsu et al., 2020; Svyatko et al., 2017; Wilkin et al., 2020). Construction activities may also contribute to the observed trauma, given that some earlier habitation sites in the central Mongolian steppe began to urbanize into sedentary centers following the establishment of the Mongol Empire in the 13th century CE (Kradin et

al., 2016; Erdenebat et al., 2022). These factors should be considered alongside pastoral activities as potential causes of occupation and accidental trauma. Finally, it is worth pointing out that, despite our small sample sizes, males were more likely to exhibit traumatic lesions (7 out of 8, or 88 %) than were females (2 out of 4, or 50 %). This is consistent with both bioarchaeological and clinical research indicating that trauma is more common among males, especially young males, reflecting their more frequent engagement in high-risk activities and occupations (Bono, 2004; Karapetian 2021; Mansfield and Wroten, 2021; Swärd, 1992; Waldron, 2020. P. 45).

4. Conclusion

In summary, this paper reviewed the classification and interpretation of paleotrauma on human re-

mains, demonstrating its value as a tool for better understanding the past. In the case of the Khuvsul and Tunka Valley cemeteries, results indicate that stress fractures on the spine are the most frequently documented lesions. These injuries likely reflect prolonged and strenuous activities. Pastoralists often engage in habitual horseback riding, long-distance movement, and the repeated construction of temporary camps, which could be the origins of the observed vertebral trauma. Most other injuries were concentrated on the upper body, many being consistent with animal-induced accidents such as from horseback riding. No weapon-induced or other violent trauma was identified, and all acute injuries were healed, suggesting a peaceful social environment and care during convalescence.

References

- Alfonso-Durrruty, M.P., Giles, B.T., Misarti, N., San Roman, M. and Morello, F., 2015. Antiquity and geographic distribution of cranial modification among the prehistoric groups of Fuego-Patagonia, Chile. *American journal of physical anthropology*, 158(4), pp.607-623. DOI: 10.1002/ajpa.22832.
- Alghamdi, H.S., van den Beucken, J.J. and Jansen, J.A., 2014. Osteoporosis–fracture healing and osseointegration. *Drug Discovery Today: Disease Models*, 13, pp.3-9. DOI: 10.1016/j.ddmod.2014.10.001.
- Altgärde, J., Redéen, S., Hilding, N. and Drott, P., 2014. Horse-related trauma in children and adults during a two year period. *Scandinavian journal of trauma, resuscitation and emergency medicine*, 22, pp.1-5. DOI: 10.1186/s13049-014-0040-8.
- Alvrus, A., 1999. Fracture patterns among the Nubians of Semna South, Sudanese Nubia. *International Journal of Osteoarchaeology*, 9(6), pp.417-429. DOI: 10.1002/(SICI)1099-1212(199911/12)9:6<417::AID-OA509>3.0.CO;2-4.
- Anđelinović, Š., Anterić, I., Škorić, E. and Bašić, Ž., 2015. Skeleton changes induced by horse riding on medieval skeletal remains from Croatia. *The International Journal of the History of Sport*, 32(5), pp.708-721. DOI: 10.1080/09523367.2015.1038251.
- Apergis, E., 2013. *Fracture-Dislocations of the Wrist*. 1st ed. Springer Milan: Imprint: Springer, pp. 1-305. DOI: 10.1007/978-88-470-5328-1_10.
- Ball, C.G., Ball, J.E., Kirkpatrick, A.W. and Mulloy, R.H., 2007. Equestrian injuries: incidence, injury patterns, and risk factors for 10 years of major traumatic injuries. *The American Journal of Surgery*, 193(5), pp.636-640. DOI: 10.1016/j.amjsurg.2007.01.016.
- Barss, P., Dakulala, P. and Doolan, M., 1984. Falls from trees and tree associated injuries in rural Melanesians. *Br Med J (Clin Res Ed)*, 289(6460), pp.1717-1720. DOI:

Список источников

- Alfonso-Durrruty, M.P., Giles, B.T., Misarti, N., San Roman, M. and Morello, F., 2015. Antiquity and geographic distribution of cranial modification among the prehistoric groups of Fuego-Patagonia, Chile. *American journal of physical anthropology*, 158(4), pp.607-623. DOI: 10.1002/ajpa.22832.
- Alghamdi, H.S., van den Beucken, J.J. and Jansen, J.A., 2014. Osteoporosis–fracture healing and osseointegration. *Drug Discovery Today: Disease Models*, 13, pp.3-9. DOI: 10.1016/j.ddmod.2014.10.001.
- Altgärde, J., Redéen, S., Hilding, N. and Drott, P., 2014. Horse-related trauma in children and adults during a two year period. *Scandinavian journal of trauma, resuscitation and emergency medicine*, 22, pp.1-5. DOI: 10.1186/s13049-014-0040-8.
- Alvrus, A., 1999. Fracture patterns among the Nubians of Semna South, Sudanese Nubia. *International Journal of Osteoarchaeology*, 9(6), pp.417-429. DOI: 10.1002/(SICI)1099-1212(199911/12)9:6<417::AID-OA509>3.0.CO;2-4.
- Anđelinović, Š., Anterić, I., Škorić, E. and Bašić, Ž., 2015. Skeleton changes induced by horse riding on medieval skeletal remains from Croatia. *The International Journal of the History of Sport*, 32(5), pp.708-721. DOI: 10.1080/09523367.2015.1038251.
- Apergis, E., 2013. *Fracture-Dislocations of the Wrist*. 1st ed. Springer Milan: Imprint: Springer, pp. 1-305. DOI: 10.1007/978-88-470-5328-1_10.
- Ball, C.G., Ball, J.E., Kirkpatrick, A.W. and Mulloy, R.H., 2007. Equestrian injuries: incidence, injury patterns, and risk factors for 10 years of major traumatic injuries. *The American Journal of Surgery*, 193(5), pp.636-640. DOI: 10.1016/j.amjsurg.2007.01.016.
- Barss, P., Dakulala, P. and Doolan, M., 1984. Falls from trees and tree associated injuries in rural Melanesians. *Br Med J (Clin Res Ed)*, 289(6460), pp.1717-1720. DOI:

10.1136/bmj.289.6460.1717.

Bernbeck, R., 2008. Structural Violence in Archaeology. *Archaeologies*, 4(3), pp.390-413. DOI: 10.1007/s11759-008-9076-6.

Berthon, W., 2019. *Bioarchaeological analysis of the mounted archers from the Hungarian Conquest period (10th century): Horse riding and activity-related skeletal changes*. Szegedi Tudományegyetem (Hungary), pp. 1-246. DOI: 10.20330/AnthropKozl.2019.61.77.

Berthon, W., Baillif-Ducros, C., Fuka, M. and Djukic, K., 2023. Horse riding and the lower limbs. In: C.S. Hirst, R.J. Gilmour, K.A. Plomp, and F. Alves Cardoso, eds. *Behaviour in our Bones*. Elsevier, pp.219-253. DOI: 10.1016/b978-0-12-821383-4.00007-3.

Berthon, W., Tihanyi, B., Kis, L., Révész, L., Coqueugniot, H., Dutour, O. and Pálfi, G., 2019. Horse riding and the shape of the acetabulum: Insights from the bioarchaeological analysis of early Hungarian mounted archers (10th century). *International Journal of Osteoarchaeology*, 29(1), pp.117-126. DOI: 10.1002/oa.2723.

Berthon, W., Tihanyi, B., Váradi, O.A., Coqueugniot, H., Dutour, O. and Pálfi, G., 2021. Riding for a fall: Bone fractures among mounted archers from the Hungarian Conquest period (10th century CE). *International Journal of Osteoarchaeology*, 31(5), pp.926-940. DOI: 10.1002/oa.3010.

Beshay, M., Mertzlufft, F., Kottkamp, H.W., Reymond, M., Schmid, R.A., Branscheid, D. and Vordemvenne, T., 2020. Analysis of risk factors in thoracic trauma patients with a comparison of a modern trauma centre: a mono-centre study. *World Journal of Emergency Surgery*, 15(1), pp.1-10. DOI: 10.1186/s13017-020-00324-1.

Bono, C.M., 2004. Low-back pain in athletes. *The Journal of Bone and Joint Surgery*, 86(2), pp.382-396. DOI: 10.2106/00004623-200402000-00027.

Bowyer, G., 2017. Injuries of the ankle and foot. In: *Apley & Solomon's System of Orthopaedics and Trauma*. CRC Press, pp.937-963. DOI: 10.1201/b13422-40.

Brickley, M. and Smith, M., 2006. Culturally determined patterns of violence: biological anthropological investigations at a historic urban cemetery. *American Anthropologist*, 108(1), pp.163-177. DOI: 10.1525/aa.2006.108.1.163.

Brickley, M.B. and Mays, S., 2019. Metabolic disease. In: J.E. Buikstra, ed. *Ortner's Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Academic Press, pp.531-566. DOI: 10.1016/b978-0-12-809738-0.00015-6.

Bright, L.N., 2020. Structural violence. In: C.M. Cheverko, J.R. Prince-Buitenhuys, and M. Hubbe, eds. *Theoretical Approaches in Bioarchaeology*. London: Routledge, pp.131-149. DOI: 10.4324/9780429262340-9.

Brooks, S. and Suchey, J.M., 1990. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsádi-Nemeskéri and Suchey-Brooks methods. *Human Evolution*, 5, pp.227-238. DOI: 10.1007/BF02437238.

Buckberry, J.L. and Chamberlain, A.T., 2002. Age estimation from the auricular surface of the ilium: a revised method. *American Journal of Physical Anthropology*, 119(3), pp.231-239. DOI: 10.1002/ajpa.10130.

Buikstra, J.E. and Ubelaker, D.H., 1994. *Standards for*

10.1136/bmj.289.6460.1717.

Bernbeck, R., 2008. Structural Violence in Archaeology. *Archaeologies*, 4(3), pp.390-413. DOI: 10.1007/s11759-008-9076-6.

Berthon, W., 2019. *Bioarchaeological analysis of the mounted archers from the Hungarian Conquest period (10th century): Horse riding and activity-related skeletal changes*. Szegedi Tudományegyetem (Hungary), pp. 1-246. DOI: 10.20330/AnthropKozl.2019.61.77.

Berthon, W., Baillif-Ducros, C., Fuka, M. and Djukic, K., 2023. Horse riding and the lower limbs. In: C.S. Hirst, R.J. Gilmour, K.A. Plomp, and F. Alves Cardoso, eds. *Behaviour in our Bones*. Elsevier, pp.219-253. DOI: 10.1016/b978-0-12-821383-4.00007-3.

Berthon, W., Tihanyi, B., Kis, L., Révész, L., Coqueugniot, H., Dutour, O. and Pálfi, G., 2019. Horse riding and the shape of the acetabulum: Insights from the bioarchaeological analysis of early Hungarian mounted archers (10th century). *International Journal of Osteoarchaeology*, 29(1), pp.117-126. DOI: 10.1002/oa.2723.

Berthon, W., Tihanyi, B., Váradi, O.A., Coqueugniot, H., Dutour, O. and Pálfi, G., 2021. Riding for a fall: Bone fractures among mounted archers from the Hungarian Conquest period (10th century CE). *International Journal of Osteoarchaeology*, 31(5), pp.926-940. DOI: 10.1002/oa.3010.

Beshay, M., Mertzlufft, F., Kottkamp, H.W., Reymond, M., Schmid, R.A., Branscheid, D. and Vordemvenne, T., 2020. Analysis of risk factors in thoracic trauma patients with a comparison of a modern trauma centre: a mono-centre study. *World Journal of Emergency Surgery*, 15(1), pp.1-10. DOI: 10.1186/s13017-020-00324-1.

Bono, C.M., 2004. Low-back pain in athletes. *The Journal of Bone and Joint Surgery*, 86(2), pp.382-396. DOI: 10.2106/00004623-200402000-00027.

Bowyer, G., 2017. Injuries of the ankle and foot. In: *Apley & Solomon's System of Orthopaedics and Trauma*. CRC Press, pp.937-963. DOI: 10.1201/b13422-40.

Brickley, M. and Smith, M., 2006. Culturally determined patterns of violence: biological anthropological investigations at a historic urban cemetery. *American Anthropologist*, 108(1), pp.163-177. DOI: 10.1525/aa.2006.108.1.163.

Brickley, M.B. and Mays, S., 2019. Metabolic disease. In: J.E. Buikstra, ed. *Ortner's Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Academic Press, pp.531-566. DOI: 10.1016/b978-0-12-809738-0.00015-6.

Bright, L.N., 2020. Structural violence. In: C.M. Cheverko, J.R. Prince-Buitenhuys, and M. Hubbe, eds. *Theoretical Approaches in Bioarchaeology*. London: Routledge, pp.131-149. DOI: 10.4324/9780429262340-9.

Brooks, S. and Suchey, J.M., 1990. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsádi-Nemeskéri and Suchey-Brooks methods. *Human Evolution*, 5, pp.227-238. DOI: 10.1007/BF02437238.

Buckberry, J.L. and Chamberlain, A.T., 2002. Age estimation from the auricular surface of the ilium: a revised method. *American Journal of Physical Anthropology*, 119(3), pp.231-239. DOI: 10.1002/ajpa.10130.

Buikstra, J.E. and Ubelaker, D.H., 1994. *Standards for*

Data Collection from Human Skeletal Remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series, 44, p.18.

Burke, K.L., 2012. Schmorl's nodes in an American military population: Frequency, Formation, and Etiology. *Journal of Forensic Sciences*, 57(3), pp.571-577. DOI: 10.1111/j.1556-4029.2011.01992.x.

Bury, D., Langlois, N. and Byard, R.W., 2012. Animal-related fatalities - part I: Characteristic autopsy findings and variable causes of death associated with blunt and sharp trauma. *Journal of Forensic Sciences*, 57(2), pp. 370-374. DOI: 10.1111/j.1556-4029.2011.01921.x.

Busch, H.M. Jr., Cogbill, T.H., Landercasper, J. and Landercasper, B.O., 1986. Blunt bovine and equine trauma. *The Journal of Trauma*, 26(6), pp. 559-560. DOI: 10.1097/00005373-198606000-00013.

Chen, F. and Kalainov, D.M., 2016. Phalanx fractures and dislocations in athletes. *Current Reviews in Musculoskeletal Medicine*, 10, pp.10-16. DOI: 10.1007/s12178-017-9378-7.

Cheverko, C.M., Prince-Buitenhuys, J.R. and Hubbe, M., 2020. Theory in Bioarchaeology, an Introduction. In: C.M. Cheverko, J.R. Prince-Buitenhuys, and M. Hubbe, eds. *Theoretical Approaches in Bioarchaeology*. London: Routledge, pp.1-14. DOI: 10.4324/9780429262340-1.

Christensen, A.M., Passalacqua, N.V. and Bartelink, E.J., 2019. *Forensic Anthropology: Current Methods and Practice*. Academic Press, pp. 1-448. DOI: 10.1016/b978-0-12-815734-3.00006-3.

Cole, A., 2017. The shoulder and pectoral girdle. In: *Apley & Solomon's System of Orthopaedics and Trauma*. CRC Press, pp.351-381. DOI: 10.1201/b13422-21.

Cole, P.A., Gauger, E.M. and Schroder, L.K., 2012. Management of scapular fractures. *JAAOS-Journal of the American Academy of Orthopaedic Surgeons*, 20(3), pp.130-141. DOI: 10.5435/JAAOS-20-03-130.

Cunningham, C., Scheuer, L. and Black, S., 2016. *Developmental Juvenile Osteology*. Academic Press, pp. 1-472. DOI: 10.1016/c2009-0-63841-1.

Curate, F., 2014. Osteoporosis and paleopathology: a review. *Journal of Anthropological Sciences: Rivista di Antropologia*, 92, pp.119-146. DOI: 10.4436/JASS.92003.

Dodson, P. and Wexlar, D., 1979. Taphonomic investigations of owl pellets. *Paleobiology*, 5(3), pp.275-284. DOI: 10.1017/S0094837300006564.

Donnally, C.J. III, DiPompeo, C.M. and Varacallo, M., 2023. *Vertebral compression fractures*. StatPearls Publishing LLC., Treasure Island, FL, USA. PMID: 28846351.

Eng, J.T., 2016. A bioarchaeological study of osteoarthritis among populations of northern China and Mongolia during the Bronze Age to Iron Age transition to nomadic pastoralism. *Quaternary International*, 405, pp.172-185. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.07.072.

Erdenebat, U., Burentogtokh, J. and Honeychurch, W., 2022. The archaeology of the Mongol Empire. In: *The Mongol World*. Routledge, pp.507-533. DOI: 10.4324/9781315165172-42.

Faccia, K.J. and Williams, R.C., 2008. Schmorl's nodes: clinical significance and implications for the bioarchaeological

Data Collection from Human Skeletal Remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series, 44, p.18.

Burke, K.L., 2012. Schmorl's nodes in an American military population: Frequency, Formation, and Etiology. *Journal of Forensic Sciences*, 57(3), pp.571-577. DOI: 10.1111/j.1556-4029.2011.01992.x.

Bury, D., Langlois, N. and Byard, R.W., 2012. Animal-related fatalities - part I: Characteristic autopsy findings and variable causes of death associated with blunt and sharp trauma. *Journal of Forensic Sciences*, 57(2), pp. 370-374. DOI: 10.1111/j.1556-4029.2011.01921.x.

Busch, H.M. Jr., Cogbill, T.H., Landercasper, J. and Landercasper, B.O., 1986. Blunt bovine and equine trauma. *The Journal of Trauma*, 26(6), pp. 559-560. DOI: 10.1097/00005373-198606000-00013.

Chen, F. and Kalainov, D.M., 2016. Phalanx fractures and dislocations in athletes. *Current Reviews in Musculoskeletal Medicine*, 10, pp.10-16. DOI: 10.1007/s12178-017-9378-7.

Cheverko, C.M., Prince-Buitenhuys, J.R. and Hubbe, M., 2020. Theory in Bioarchaeology, an Introduction. In: C.M. Cheverko, J.R. Prince-Buitenhuys, and M. Hubbe, eds. *Theoretical Approaches in Bioarchaeology*. London: Routledge, pp.1-14. DOI: 10.4324/9780429262340-1.

Christensen, A.M., Passalacqua, N.V. and Bartelink, E.J., 2019. *Forensic Anthropology: Current Methods and Practice*. Academic Press, pp. 1-448. DOI: 10.1016/b978-0-12-815734-3.00006-3.

Cole, A., 2017. The shoulder and pectoral girdle. In: *Apley & Solomon's System of Orthopaedics and Trauma*. CRC Press, pp.351-381. DOI: 10.1201/b13422-21.

Cole, P.A., Gauger, E.M. and Schroder, L.K., 2012. Management of scapular fractures. *JAAOS-Journal of the American Academy of Orthopaedic Surgeons*, 20(3), pp.130-141. DOI: 10.5435/JAAOS-20-03-130.

Cunningham, C., Scheuer, L. and Black, S., 2016. *Developmental Juvenile Osteology*. Academic Press, pp. 1-472. DOI: 10.1016/c2009-0-63841-1.

Curate, F., 2014. Osteoporosis and paleopathology: a review. *Journal of Anthropological Sciences: Rivista di Antropologia*, 92, pp.119-146. DOI: 10.4436/JASS.92003.

Dodson, P. and Wexlar, D., 1979. Taphonomic investigations of owl pellets. *Paleobiology*, 5(3), pp.275-284. DOI: 10.1017/S0094837300006564.

Donnally, C.J. III, DiPompeo, C.M. and Varacallo, M., 2023. *Vertebral compression fractures*. StatPearls Publishing LLC., Treasure Island, FL, USA. PMID: 28846351.

Eng, J.T., 2016. A bioarchaeological study of osteoarthritis among populations of northern China and Mongolia during the Bronze Age to Iron Age transition to nomadic pastoralism. *Quaternary International*, 405, pp.172-185. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.07.072.

Erdenebat, U., Burentogtokh, J. and Honeychurch, W., 2022. The archaeology of the Mongol Empire. In: *The Mongol World*. Routledge, pp.507-533. DOI: 10.4324/9781315165172-42.

Faccia, K.J. and Williams, R.C., 2008. Schmorl's nodes: clinical significance and implications for the bioarchaeological

record. *International Journal of Osteoarchaeology*, 18(1), pp.28-44. DOI: 10.1002/oa.924.

Faldini, C., Nanni, M., Leonetti, D., Aciri, F., Galante, C., Luciani, D. and Giannini, S., 2010. Nonoperative treatment of closed displaced midshaft clavicle fractures. *Journal of Orthopaedics and Traumatology*, 11, pp.229-236. DOI: 10.1007/s10195-010-0113-z.

Fibiger, L. and Knüsel, C.J., 2005. Prevalence rates of spondylolysis in British skeletal populations. *International Journal of Osteoarchaeology*, 15(3), pp.164-174. DOI: 10.1002/oa.766.

Flensburg, G., Serna, A. and Prates, L., 2019. Oral Stress and Paleodiet Changes Among Hunter-gatherers from Negro River (northern Patagonia, Argentina) During the Late Holocene. *International Journal of Osteoarchaeology*, 29(6), pp.1060-1071. DOI: 10.1002/oa.2819.

Galloway, A., 2014a. The upper extremity. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.195-243.

Galloway, A., 2014b. The lower extremity. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.245-308.

Galloway, A. and Wedel, V.L., 2014a. Bones of the skull, the dentition, and osseous structures of the throat. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.133-160.

Galloway, A. and Wedel, V., 2014b. Common circumstances of blunt force trauma. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.91-130.

Galloway, A. and Wedel, V., 2014c. The Axial Skeleton. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.161-194.

Galloway, A., Zephro, L. and Wedel, V.L., 2014a. Classification of fractures. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.59-72.

Galloway, A., Zephro, L. and Wedel, V.L., 2014b. Diagnostic criteria for the determination of timing and fracture mechanism. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.47-58.

Galloway, A., Wedel, V. and Zephro, L., 2014c. Processes and procedures for trauma analysis. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.11-31.

Genant, H.K., Wu, C.Y., Van Kuijk, C. and Nevitt, M.C., 1993. Vertebral fracture assessment using a semiquantitative technique. *Journal of Bone and Mineral Research*, 8(9), pp.1137-1148. DOI: 10.1002/jbmr.5650080915.

Gibson, R., 2015. Effects of long term corseting on the female skeleton: A preliminary morphological examination.

record. *International Journal of Osteoarchaeology*, 18(1), pp.28-44. DOI: 10.1002/oa.924.

Faldini, C., Nanni, M., Leonetti, D., Aciri, F., Galante, C., Luciani, D. and Giannini, S., 2010. Nonoperative treatment of closed displaced midshaft clavicle fractures. *Journal of Orthopaedics and Traumatology*, 11, pp.229-236. DOI: 10.1007/s10195-010-0113-z.

Fibiger, L. and Knüsel, C.J., 2005. Prevalence rates of spondylolysis in British skeletal populations. *International Journal of Osteoarchaeology*, 15(3), pp.164-174. DOI: 10.1002/oa.766.

Flensburg, G., Serna, A. and Prates, L., 2019. Oral Stress and Paleodiet Changes Among Hunter-gatherers from Negro River (northern Patagonia, Argentina) During the Late Holocene. *International Journal of Osteoarchaeology*, 29(6), pp.1060-1071. DOI: 10.1002/oa.2819.

Galloway, A., 2014a. The upper extremity. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.195-243.

Galloway, A., 2014b. The lower extremity. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.245-308.

Galloway, A. and Wedel, V.L., 2014a. Bones of the skull, the dentition, and osseous structures of the throat. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.133-160.

Galloway, A. and Wedel, V., 2014b. Common circumstances of blunt force trauma. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.91-130.

Galloway, A. and Wedel, V., 2014c. The Axial Skeleton. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.161-194.

Galloway, A., Zephro, L. and Wedel, V.L., 2014a. Classification of fractures. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.59-72.

Galloway, A., Zephro, L. and Wedel, V.L., 2014b. Diagnostic criteria for the determination of timing and fracture mechanism. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.47-58.

Galloway, A., Wedel, V. and Zephro, L., 2014c. Processes and procedures for trauma analysis. In: *Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma*. 2nd ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, LTD, pp.11-31.

Genant, H.K., Wu, C.Y., Van Kuijk, C. and Nevitt, M.C., 1993. Vertebral fracture assessment using a semiquantitative technique. *Journal of Bone and Mineral Research*, 8(9), pp.1137-1148. DOI: 10.1002/jbmr.5650080915.

Gibson, R., 2015. Effects of long term corseting on the female skeleton: A preliminary morphological examination.

Nexus: The Canadian Student Journal of Anthropology, 23(2), pp.45-60. DOI: 10.15173/nexus.v23i2.983.

Glostén, B., 2015. *The Riding Doctor: A Prescription for Healthy, Balanced, and Beautiful Riding, Now and for Years to Come*. Trafalgar Square Books, pp. 1-218.

Honeychurch, W., 2013. The nomad as state builder: Historical theory and material evidence from Mongolia. *Journal of World Prehistory*, 26, pp.283-321. DOI: 10.1007/s10963-013-9069-2.

Honeychurch, W., Rogers, L., Amartuvshin, C., Diimaajav, E., Erdene-Ochir, N., Hall, M.E. and Hrivnyak, M., 2021. The earliest herders of East Asia: examining Afanasievo entry to Central Mongolia. *Archaeological Research in Asia*, 26, p.100264. DOI: 10.1016/j.ara.2021.100264.

Hoyt, D., Urits, I., Orhurhu, V., Orhurhu, M.S., Callan, J., Powell, J., Manchikanti, L., Kaye, A.D., Kaye, R.J. and Viswanath, O., 2020. Current concepts in the management of vertebral compression fractures. *Current Pain and Headache Reports*, 24, pp.1-10. DOI: 10.1007/s11916-020-00849-9.

Hsu, Y.K., Sabatini, B., Bayarkhuu, N., Turbat, T., Giscard, P.H. and Klein, S., 2020. Discerning Social Interaction and Cultural Influence in Early Iron Age Mongolia through Archaeometallurgical Investigation. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 12(1). DOI: 10.1007/s12520-019-00952-y.

Hu, S.S., Tribus, C.B., Diab, M. and Ghanayem, A.J., 2008. Spondylolisthesis and spondylolysis. *The Journal of Bone and Joint Surgery*, 90(3), pp.656-671. DOI: 10.1016/S0021-9355(08)72966-7.

Jiménez-Brobeil, S.A., Oumaoui, I.A. and Souich, P.D., 2010. Some types of vertebral pathologies in the Argar Culture (Bronze Age, SE Spain). *International Journal of Osteoarchaeology*, 20(1), pp.36-46. DOI: 10.1002/oa.1003.

Judd, M., 2002. Ancient injury recidivism: an example from the Kerma period of ancient Nubia. *International Journal of Osteoarchaeology*, 12(2), pp.89-106. DOI: 10.1002/oa.587.

Judd, M.A., 2006. Continuity of interpersonal violence between Nubian communities. *American Journal of Physical Anthropology*, 131(3), pp.324-333. DOI: 10.1002/ajpa.20401.

Judd, M.A., 2008. The Parry Problem. *Journal of Archaeological Science*, 35(6), pp.1658-1666. DOI: 10.1016/j.jas.2007.11.005.

Judd, M.A. and Roberts, C.A., 1999. Fracture trauma in a medieval British farming village. *American Journal of Physical Anthropology*, 109(2), pp.229-243. DOI: 10.1002/(SICI)1096-8644(199906)109:2<229::AID-AJPA7>3.0.CO;2-Y.

Judd, M.A. and Redfern, R., 2012. Trauma. In: A.L. Grauer, ed. *A Companion to Paleopathology*. Oxford: Wiley Blackwell, pp.359-379. DOI: 10.1002/9781444345940.ch20.

Jurmain, R., 2013. *Stories from the Skeleton: Behavioral Reconstruction in Human Osteology*. Routledge, pp. 1-329. DOI: 10.4324/9780203727072.

Karapetian, M., 2021. Lumbar spondylolysis in ancient Siberian Eskimo. *International Journal of Osteoarchaeology*, 31(2), pp.316-321. DOI: 10.1002/oa.2934.

Karatas, A.F., Dede, O., Atanda, A.A., Holmes Jr, L., Rogers, K., Gabos, P. and Shah, S.A., 2016. Comparison of direct pars repair techniques of spondylolysis in pediatric and

Nexus: The Canadian Student Journal of Anthropology, 23(2), pp.45-60. DOI: 10.15173/nexus.v23i2.983.

Glostén, B., 2015. *The Riding Doctor: A Prescription for Healthy, Balanced, and Beautiful Riding, Now and for Years to Come*. Trafalgar Square Books, pp. 1-218.

Honeychurch, W., 2013. The nomad as state builder: Historical theory and material evidence from Mongolia. *Journal of World Prehistory*, 26, pp.283-321. DOI: 10.1007/s10963-013-9069-2.

Honeychurch, W., Rogers, L., Amartuvshin, C., Diimaajav, E., Erdene-Ochir, N., Hall, M.E. and Hrivnyak, M., 2021. The earliest herders of East Asia: examining Afanasievo entry to Central Mongolia. *Archaeological Research in Asia*, 26, p.100264. DOI: 10.1016/j.ara.2021.100264.

Hoyt, D., Urits, I., Orhurhu, V., Orhurhu, M.S., Callan, J., Powell, J., Manchikanti, L., Kaye, A.D., Kaye, R.J. and Viswanath, O., 2020. Current concepts in the management of vertebral compression fractures. *Current Pain and Headache Reports*, 24, pp.1-10. DOI: 10.1007/s11916-020-00849-9.

Hsu, Y.K., Sabatini, B., Bayarkhuu, N., Turbat, T., Giscard, P.H. and Klein, S., 2020. Discerning Social Interaction and Cultural Influence in Early Iron Age Mongolia through Archaeometallurgical Investigation. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 12(1). DOI: 10.1007/s12520-019-00952-y.

Hu, S.S., Tribus, C.B., Diab, M. and Ghanayem, A.J., 2008. Spondylolisthesis and spondylolysis. *The Journal of Bone and Joint Surgery*, 90(3), pp.656-671. DOI: 10.1016/S0021-9355(08)72966-7.

Jiménez-Brobeil, S.A., Oumaoui, I.A. and Souich, P.D., 2010. Some types of vertebral pathologies in the Argar Culture (Bronze Age, SE Spain). *International Journal of Osteoarchaeology*, 20(1), pp.36-46. DOI: 10.1002/oa.1003.

Judd, M., 2002. Ancient injury recidivism: an example from the Kerma period of ancient Nubia. *International Journal of Osteoarchaeology*, 12(2), pp.89-106. DOI: 10.1002/oa.587.

Judd, M.A., 2006. Continuity of interpersonal violence between Nubian communities. *American Journal of Physical Anthropology*, 131(3), pp.324-333. DOI: 10.1002/ajpa.20401.

Judd, M.A., 2008. The Parry Problem. *Journal of Archaeological Science*, 35(6), pp.1658-1666. DOI: 10.1016/j.jas.2007.11.005.

Judd, M.A. and Roberts, C.A., 1999. Fracture trauma in a medieval British farming village. *American Journal of Physical Anthropology*, 109(2), pp.229-243. DOI: 10.1002/(SICI)1096-8644(199906)109:2<229::AID-AJPA7>3.0.CO;2-Y.

Judd, M.A. and Redfern, R., 2012. Trauma. In: A.L. Grauer, ed. *A Companion to Paleopathology*. Oxford: Wiley Blackwell, pp.359-379. DOI: 10.1002/9781444345940.ch20.

Jurmain, R., 2013. *Stories from the Skeleton: Behavioral Reconstruction in Human Osteology*. Routledge, pp. 1-329. DOI: 10.4324/9780203727072.

Karapetian, M., 2021. Lumbar spondylolysis in ancient Siberian Eskimo. *International Journal of Osteoarchaeology*, 31(2), pp.316-321. DOI: 10.1002/oa.2934.

Karatas, A.F., Dede, O., Atanda, A.A., Holmes Jr, L., Rogers, K., Gabos, P. and Shah, S.A., 2016. Comparison of direct pars repair techniques of spondylolysis in pediatric and

adolescent patients: pars compression screw versus pedicle screw-rod-hook. *Clinical Spine Surgery*, 29(7), pp.272-280. DOI: 10.1097/bsd.0b013e318277cb7d.

Kharinskii, A.V., 2023. Use of Parts of Ram Carcasses in the Funerary Practices of the Baikal Region Population in the 13th–14th Centuries. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 51(1), pp.146-153. DOI: 10.17746/1563-0110.2023.51.1.146-153.

Kharinskii, A.V., Erdenebaatar, D., Portniagin, M.A., Argilbayar, S. and Kichigin, D.E., 2020. Female Burials in the Thirteenth Through Fourteenth Centuries. The Nagoon Gozgor 1 Burial Site in the Northern Khövsgöl Area. *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 59(2), pp.84-111. DOI: 10.1080/10611959.2020.1950476.

Kihlström, C., Möller, M., Lönn, K. and Wolf, O., 2017. Clavicle fractures: epidemiology, classification and treatment of 2,422 fractures in the Swedish Fracture Register; an observational study. *BMC Musculoskeletal Disorders*, 18, pp.1-9. DOI: 10.1186/s12891-017-1444-1.

Klaus, H.D., 2012. The Bioarchaeology of Structural Violence A Theoretical Model and a Case Study. In: D.L. Martin, R.P. Harrod and V.R. Pérez, eds. *The Bioarchaeology of Violence*. Bioarchaeological Interpretations of the Human Past: Local, Regional, and Global. Gainesville: University Press of Florida, pp.29-62. DOI: 10.5744/florida/9780813041506.003.0003.

Klaus, H.D. and Lynnerup, N., 2019. Abnormal bone: considerations for documentation, disease process identification, and differential diagnosis. In: J.E. Buikstra, ed. *Ortner's Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Academic Press, pp.59-89. DOI: 10.1016/b978-0-12-809738-0.00005-3.

Knüsel, C., 2000. Bone adaptation and its relationship to physical activity in the past. In: M. Cox and S. Mays, eds. *Human Osteology in Archaeology and Forensic Science*. London: Greenwich Medical Media, pp.381-402.

Kozyrev, A., Shchetnikov, A., Klement'ev, A., Filinov, I.A., Fedorenko, A. and White, D., 2014. The Early Upper Palaeolithic of the Tunka Rift Valley, Lake Baikal Region, Siberia. *Quaternary International*, 348, pp.4-13. DOI: 10.1016/j.quaint.2014.06.012.

Kradin, N.N., 2011. Stateless Empire: the Structure of the Xiongnu Nomadic Super-Complex Chiefdom. In: U. Brosseder and B.K. Miller, eds. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität, Bonn, pp.77-96.

Kraft, C.N., Pennekamp, P.H., Becker, U., Young, M., Diedrich, O., Lüring, C. and von Falkenhausen, M., 2009. Magnetic resonance imaging findings of the lumbar spine in elite horseback riders: correlations with back pain, body mass index, trunk/leg-length coefficient, and riding discipline. *The American Journal of Sports Medicine*, 37(11), pp. 2205-2213. DOI: 10.1177/0363546509336927.

Kubo, D., Komagino, T. and Matsumura, H., 2024. Prevalent vertebral compression fractures in the lower thoracolumbar spine of the Okhotsk culture human remains from the Moyoro shell mound site, Hokkaido in Japan. *Asian*

adolescent patients: pars compression screw versus pedicle screw-rod-hook. *Clinical Spine Surgery*, 29(7), pp.272-280. DOI: 10.1097/bsd.0b013e318277cb7d.

Kharinskii, A.V., 2023. Use of Parts of Ram Carcasses in the Funerary Practices of the Baikal Region Population in the 13th–14th Centuries. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 51(1), pp.146-153. DOI: 10.17746/1563-0110.2023.51.1.146-153.

Kharinskii, A.V., Erdenebaatar, D., Portniagin, M.A., Argilbayar, S. and Kichigin, D.E., 2020. Female Burials in the Thirteenth Through Fourteenth Centuries. The Nagoon Gozgor 1 Burial Site in the Northern Khövsgöl Area. *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 59(2), pp.84-111. DOI: 10.1080/10611959.2020.1950476.

Kihlström, C., Möller, M., Lönn, K. and Wolf, O., 2017. Clavicle fractures: epidemiology, classification and treatment of 2,422 fractures in the Swedish Fracture Register; an observational study. *BMC Musculoskeletal Disorders*, 18, pp.1-9. DOI: 10.1186/s12891-017-1444-1.

Klaus, H.D., 2012. The Bioarchaeology of Structural Violence A Theoretical Model and a Case Study. In: D.L. Martin, R.P. Harrod and V.R. Pérez, eds. *The Bioarchaeology of Violence*. Bioarchaeological Interpretations of the Human Past: Local, Regional, and Global. Gainesville: University Press of Florida, pp.29-62. DOI: 10.5744/florida/9780813041506.003.0003.

Klaus, H.D. and Lynnerup, N., 2019. Abnormal bone: considerations for documentation, disease process identification, and differential diagnosis. In: J.E. Buikstra, ed. *Ortner's Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Academic Press, pp.59-89. DOI: 10.1016/b978-0-12-809738-0.00005-3.

Knüsel, C., 2000. Bone adaptation and its relationship to physical activity in the past. In: M. Cox and S. Mays, eds. *Human Osteology in Archaeology and Forensic Science*. London: Greenwich Medical Media, pp.381-402.

Kozyrev, A., Shchetnikov, A., Klement'ev, A., Filinov, I.A., Fedorenko, A. and White, D., 2014. The Early Upper Palaeolithic of the Tunka Rift Valley, Lake Baikal Region, Siberia. *Quaternary International*, 348, pp.4-13. DOI: 10.1016/j.quaint.2014.06.012.

Kradin, N.N., 2011. Stateless Empire: the Structure of the Xiongnu Nomadic Super-Complex Chiefdom. In: U. Brosseder and B.K. Miller, eds. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität, Bonn, pp.77-96.

Kraft, C.N., Pennekamp, P.H., Becker, U., Young, M., Diedrich, O., Lüring, C. and von Falkenhausen, M., 2009. Magnetic resonance imaging findings of the lumbar spine in elite horseback riders: correlations with back pain, body mass index, trunk/leg-length coefficient, and riding discipline. *The American Journal of Sports Medicine*, 37(11), pp. 2205-2213. DOI: 10.1177/0363546509336927.

Kubo, D., Komagino, T. and Matsumura, H., 2024. Prevalent vertebral compression fractures in the lower thoracolumbar spine of the Okhotsk culture human remains from the Moyoro shell mound site, Hokkaido in Japan. *Asian*

Journal of Paleopathology, 6, pp.17-23. DOI: 10.32247/ajp2024.6.04.

Lambert, P.M. and Welker, M.H., 2019. Revisiting Traumatic Injury Risk and Agricultural Intensification: Postcranial Fracture Frequency at Cerro Oreja in the Moche Valley of North Coastal Peru. *American Journal of Physical Anthropology*, 169(1), pp.143-151. DOI: 10.1002/ajpa.23801.

Lee, K.H. and Steenberg, L.J., 2008. Equine-Related Facial Fractures. *International Journal of Oral and Maxillofacial Surgery*, 37(11), pp.999-1002. DOI: 10.1016/j.ijom.2008.05.009.

Leng, L.Z., Shajari, M. and Härtl, R., 2010. Management of acute cervical compression fractures in two patients with osteogenesis imperfecta. *Spine*, 35(22), pp.E1248-E1252. DOI: 10.1097/BRS.0b013e3181dfcae5.

Lessa, A., 2011. Spondylolysis and lifestyle among prehistoric coastal groups from Brazil. *International Journal of Osteoarchaeology*, 21(6), pp.660-668. DOI: 10.1002/oa.1172.

Losey, R.J., Ivanov, A.V., Paleskiy, S.V. and Bazaliiskii, V.I., 2016. Geochemical Analyses of Marmot Teeth to Evaluate the Potential for Overlapping Foraging Ranges in Two Siberian Human Cemetery Populations. *Journal of Ethnobiology*, 36(3), pp.493-511. DOI: 10.2993/0278-0771-36.3.493.

Lovell, N.C., 1997. Trauma analysis in paleopathology. *American Journal of Physical Anthropology*, 104(S25), pp.139-170. DOI: 10.1002/(SICI)1096-8644(1997)25+<139::AID-AJPA6>3.0.CO;2-%23.

Lovell, N.C. and Grauer, A.L., 2019. Analysis and interpretation of trauma in skeletal remains. In: M.A. Katzenberg and A.L. Grauer, eds. *Biological Anthropology of the Human Skeleton*. 3rd ed. Oxford: Wiley Blackwell, pp.335-383. DOI: 10.1002/9781119151647.ch10.

Mansfield, J.T. and Wroten, M., 2021. *Pars Interarticularis defect*. In StatPearls. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing. PMID: 30855876.

Mant, M., 2019. Time after Time: Individuals with Multiple Fractures and Injury Recidivists in Long Eighteenth-century (c. 1666–1837) London. *International Journal of Paleopathology*, 24, pp.7-18. DOI: 10.1016/j.ijpp.2018.08.003.

Mant, M., de la Cova, C. and Brickley, M.B., 2021. Intersectionality and trauma analysis in bioarchaeology. *American Journal of Physical Anthropology*, 174(4), pp.583-594. DOI: 10.1002/ajpa.24226.

May, T., 2022. The Rise of Chinggis Khan. In: *The Mongol World*. Routledge, pp.51-67. DOI: 10.4324/9781315165172-6.

Mayall, P., Pilbrow, V. and Bitadze, L., 2017. Migrating Huns and modified heads: Eigenshape analysis comparing intentionally modified crania from Hungary and Georgia in the Migration Period of Europe. *PLoS One*, 12(2), p.e0171064. DOI: 10.1371/journal.pone.0171064.

McCarthy, J. and Davis, A., 2016. Diagnosis and management of vertebral compression fractures. *American Family Physician*, 94(1), pp.44-50. PMID: 27386723.

McKenzie, C.J., Murphy, E.M. and Watt, I., 2022. Considering Care: A Traumatic Obturator Fracture Dislocation of the Hip in a Middle-Aged Man from Gaelic Medieval

Journal of Paleopathology, 6, pp.17-23. DOI: 10.32247/ajp2024.6.04.

Lambert, P.M. and Welker, M.H., 2019. Revisiting Traumatic Injury Risk and Agricultural Intensification: Postcranial Fracture Frequency at Cerro Oreja in the Moche Valley of North Coastal Peru. *American Journal of Physical Anthropology*, 169(1), pp.143-151. DOI: 10.1002/ajpa.23801.

Lee, K.H. and Steenberg, L.J., 2008. Equine-Related Facial Fractures. *International Journal of Oral and Maxillofacial Surgery*, 37(11), pp.999-1002. DOI: 10.1016/j.ijom.2008.05.009.

Leng, L.Z., Shajari, M. and Härtl, R., 2010. Management of acute cervical compression fractures in two patients with osteogenesis imperfecta. *Spine*, 35(22), pp.E1248-E1252. DOI: 10.1097/BRS.0b013e3181dfcae5.

Lessa, A., 2011. Spondylolysis and lifestyle among prehistoric coastal groups from Brazil. *International Journal of Osteoarchaeology*, 21(6), pp.660-668. DOI: 10.1002/oa.1172.

Losey, R.J., Ivanov, A.V., Paleskiy, S.V. and Bazaliiskii, V.I., 2016. Geochemical Analyses of Marmot Teeth to Evaluate the Potential for Overlapping Foraging Ranges in Two Siberian Human Cemetery Populations. *Journal of Ethnobiology*, 36(3), pp.493-511. DOI: 10.2993/0278-0771-36.3.493.

Lovell, N.C., 1997. Trauma analysis in paleopathology. *American Journal of Physical Anthropology*, 104(S25), pp.139-170. DOI: 10.1002/(SICI)1096-8644(1997)25+<139::AID-AJPA6>3.0.CO;2-%23.

Lovell, N.C. and Grauer, A.L., 2019. Analysis and interpretation of trauma in skeletal remains. In: M.A. Katzenberg and A.L. Grauer, eds. *Biological Anthropology of the Human Skeleton*. 3rd ed. Oxford: Wiley Blackwell, pp.335-383. DOI: 10.1002/9781119151647.ch10.

Mansfield, J.T. and Wroten, M., 2021. *Pars Interarticularis defect*. In StatPearls. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing. PMID: 30855876.

Mant, M., 2019. Time after Time: Individuals with Multiple Fractures and Injury Recidivists in Long Eighteenth-century (c. 1666–1837) London. *International Journal of Paleopathology*, 24, pp.7-18. DOI: 10.1016/j.ijpp.2018.08.003.

Mant, M., de la Cova, C. and Brickley, M.B., 2021. Intersectionality and trauma analysis in bioarchaeology. *American Journal of Physical Anthropology*, 174(4), pp.583-594. DOI: 10.1002/ajpa.24226.

May, T., 2022. The Rise of Chinggis Khan. In: *The Mongol World*. Routledge, pp.51-67. DOI: 10.4324/9781315165172-6.

Mayall, P., Pilbrow, V. and Bitadze, L., 2017. Migrating Huns and modified heads: Eigenshape analysis comparing intentionally modified crania from Hungary and Georgia in the Migration Period of Europe. *PLoS One*, 12(2), p.e0171064. DOI: 10.1371/journal.pone.0171064.

McCarthy, J. and Davis, A., 2016. Diagnosis and management of vertebral compression fractures. *American Family Physician*, 94(1), pp.44-50. PMID: 27386723.

McKenzie, C.J., Murphy, E.M. and Watt, I., 2022. Considering Care: A Traumatic Obturator Fracture Dislocation of the Hip in a Middle-Aged Man from Gaelic Medieval

Ballyhanna, Co. Donegal, Ireland. *International Journal of Paleopathology*, 38, pp.115-122. DOI: 10.1016/j.ijpp.2022.07.003.

Meindl, R.S. and Lovejoy, C.O., 1985. Ectocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures. *American Journal of Physical Anthropology*, 68(1), pp.57-66. DOI: 10.1002/ajpa.1330680106.

Mitchell, P.D. and Redfern, R.C., 2008. Diagnostic criteria for developmental dislocation of the hip in human skeletal remains. *International Journal of Osteoarchaeology*, 18(1), pp.61-71. DOI: 10.1002/oa.919.

Morgan, B., Prakash, K., Mayberry, J.C. and Brickley, M.B., 2022. Thoracic Trauma: Clinical and Paleopathological Perspectives. *International Journal of Paleopathology*, 39, pp.50-63. DOI: 10.1016/j.ijpp.2022.09.003.

Nikitovic, D., Janković, I. and Mihelić, S., 2012. Juvenile Elbow Dislocation from the Prehistoric Site of Josipovac-Gravinjak, Croatia. *International Journal of Paleopathology*, 2(1), pp.36-41. DOI: 10.1016/j.ijpp.2012.06.001.

Okereke, I., Mmerem, K. and Balasubramanian, D., 2021. The management of cervical spine injuries—a literature review. *Orthopedic Research and Reviews*, pp.151-162. DOI: 10.2147/ORR.S324622.

Ortner, D.J., 2003. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. 2nd ed. San Diego: Academic Press, pp. 1-647. DOI: 10.1016/b978-012528628-2/50045-4.

Osterholtz, A.J., Harrod, R.P. and Miller, D.S., 2019. Analysis of Pathology and Activity-related Changes to the Patellae of Individuals from Tell Abraq. *International Journal of Osteoarchaeology*, 29(2), pp.294-302. DOI: 10.1002/oa.2739.

Oyetunji, T.A., Jackson, H.T., Obirieze, A.C., Moore, D., Branche, M.J., Greene, W.R., Cornwell III, E.E. and Siram, S.M., 2013. Associated injuries in traumatic sternal fractures: a review of the National Trauma Data Bank. *The American Surgeon*, 79(7), pp.702-705. DOI: 10.1177/000313481307900714.

Paix, B.R., 1999. Rider injury rates and emergency medical services at equestrian events. *British Journal of Sports Medicine*, 33(1), pp.46-48. DOI: 10.1136/bjism.33.1.46.

Passalacqua, N.V. and Rainwater, C.W., 2015. Introduction. In: *Skeletal Trauma Analysis: Case Studies in Context*. John Wiley & Sons, pp.1-6. DOI: 10.1002/9781118384213.ch1.

Pedersen, L.T., Domett, K.M., Chang, N.J., Halcrow, S.E., Buckley, H.R., Higham, C.F.W., O'Reilly, D.J.W. and Shewan, L., 2019. A bioarchaeological study of trauma at Late Iron Age to protohistoric Non Ban Jak, Northeast Thailand. *Asian Perspectives*, 58(2), pp.220-249. DOI: 10.1353/asi.2019.0014.

Petaros, A., Slaus, M., Coklo, M., Sosa, I., Cengija, M. and Bosnar, A., 2013. Retrospective analysis of free-fall fractures with regard to height and cause of fall. *Forensic Science International*, 226(1-3), pp.290-295. DOI: 10.1016/j.forsciint.2013.01.044.

Phenice, T.W., 1969. A newly developed visual method of sexing the os pubis. *American Journal of Physical*

Ballyhanna, Co. Donegal, Ireland. *International Journal of Paleopathology*, 38, pp.115-122. DOI: 10.1016/j.ijpp.2022.07.003.

Meindl, R.S. and Lovejoy, C.O., 1985. Ectocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures. *American Journal of Physical Anthropology*, 68(1), pp.57-66. DOI: 10.1002/ajpa.1330680106.

Mitchell, P.D. and Redfern, R.C., 2008. Diagnostic criteria for developmental dislocation of the hip in human skeletal remains. *International Journal of Osteoarchaeology*, 18(1), pp.61-71. DOI: 10.1002/oa.919.

Morgan, B., Prakash, K., Mayberry, J.C. and Brickley, M.B., 2022. Thoracic Trauma: Clinical and Paleopathological Perspectives. *International Journal of Paleopathology*, 39, pp.50-63. DOI: 10.1016/j.ijpp.2022.09.003.

Nikitovic, D., Janković, I. and Mihelić, S., 2012. Juvenile Elbow Dislocation from the Prehistoric Site of Josipovac-Gravinjak, Croatia. *International Journal of Paleopathology*, 2(1), pp.36-41. DOI: 10.1016/j.ijpp.2012.06.001.

Okereke, I., Mmerem, K. and Balasubramanian, D., 2021. The management of cervical spine injuries—a literature review. *Orthopedic Research and Reviews*, pp.151-162. DOI: 10.2147/ORR.S324622.

Ortner, D.J., 2003. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. 2nd ed. San Diego: Academic Press, pp. 1-647. DOI: 10.1016/b978-012528628-2/50045-4.

Osterholtz, A.J., Harrod, R.P. and Miller, D.S., 2019. Analysis of Pathology and Activity-related Changes to the Patellae of Individuals from Tell Abraq. *International Journal of Osteoarchaeology*, 29(2), pp.294-302. DOI: 10.1002/oa.2739.

Oyetunji, T.A., Jackson, H.T., Obirieze, A.C., Moore, D., Branche, M.J., Greene, W.R., Cornwell III, E.E. and Siram, S.M., 2013. Associated injuries in traumatic sternal fractures: a review of the National Trauma Data Bank. *The American Surgeon*, 79(7), pp.702-705. DOI: 10.1177/000313481307900714.

Paix, B.R., 1999. Rider injury rates and emergency medical services at equestrian events. *British Journal of Sports Medicine*, 33(1), pp.46-48. DOI: 10.1136/bjism.33.1.46.

Passalacqua, N.V. and Rainwater, C.W., 2015. Introduction. In: *Skeletal Trauma Analysis: Case Studies in Context*. John Wiley & Sons, pp.1-6. DOI: 10.1002/9781118384213.ch1.

Pedersen, L.T., Domett, K.M., Chang, N.J., Halcrow, S.E., Buckley, H.R., Higham, C.F.W., O'Reilly, D.J.W. and Shewan, L., 2019. A bioarchaeological study of trauma at Late Iron Age to protohistoric Non Ban Jak, Northeast Thailand. *Asian Perspectives*, 58(2), pp. 220-249. DOI: 10.1353/asi.2019.0014.

Petaros, A., Slaus, M., Coklo, M., Sosa, I., Cengija, M. and Bosnar, A., 2013. Retrospective analysis of free-fall fractures with regard to height and cause of fall. *Forensic Science International*, 226(1-3), pp. 290-295. DOI: 10.1016/j.forsciint.2013.01.044.

Phenice, T.W., 1969. A newly developed visual method of sexing the os pubis. *American Journal of Physical*

Anthropology, 30(2), pp.297-301. DOI: 10.1002/ajpa.1330300214.

Plischuk, M., De Feo, M.E. and Desántolo, B., 2018. Developmental Dysplasia of the Hip in Female Adult Individual: Site Tres Cruces I, Salta, Argentina (Superior Formative Period, 400–1000 AD). *International Journal of Paleopathology*, 20, pp.108-113. DOI: 10.1016/j.ijpp.2017.08.003.

Plomp, K.A., 2023. Behaviour and the bones of the thorax and spine. In: C.S. Hirst, R.J. Gilmour, K.A. Plomp, and F. Alves Cardoso, eds. *Behaviour in our Bones*. Elsevier, pp.173-192. DOI: 10.1016/b978-0-12-821383-4.00004-8.

Plomp, K., Roberts, C. and Vidarsdottir, U.S., 2015. Does the correlation between Schmorl's nodes and vertebral morphology extend into the lumbar spine? *American Journal of Physical Anthropology*, 157(3), pp.526-534. DOI: 10.1002/ajpa.22730.

Rando, C. and Waldron, T., 2012. TMJ osteoarthritis: a new approach to diagnosis. *American Journal of Physical Anthropology*, 148(1), pp.45-53. DOI: 10.1002/ajpa.22039.

Redfern, R.C. and Roberts, C.A., 2019. Trauma. In: J.E. Buikstra, ed. *Ortner's Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. London: Elsevier/Academic Press, pp.211-284. DOI: 10.1016/b978-0-12-809738-0.00009-0.

Roberts, C.A., 2006. Trauma in Biocultural Perspective: Past, Present and Future Work in Britain. In: M. Cox and S. Mays, eds. *Human Osteology in Archaeology and Forensic Science*. Cambridge: Cambridge University Press, pp.337-356.

Roberts, C.A. and Manchester, K., 2007. *The Archaeology of Disease*. Cornell University Press, pp. 1-829.

Roca, M.G., Jiménez Brobeil, S.A., Al Oumaoui, I., Tristán Fernández, J.M. and Molina González, F., 2012. Approach to disability in a population from the Argar Culture. *Trabajos de Prehistoria*, 69(1), pp.162-170. DOI: 10.3989/tp.2012.12086.

Sandiford, N., Buckle, C., Alao, U., Davidson, J. and Ritchie, J., 2013. Injuries associated with recreational horse riding and changes over the last 20 years: a review. *JRSM Short Reports*, 4(5), pp.1-6. DOI: 10.1177/2042533313476688.

Schaefer, M., Black, S. and Scheuer, L., 2009. *Juvenile Osteology, A Laboratory and Field Manual*. New York: Elsevier, pp. 1-382.

Scott, R.M. and Buckley, H.R., 2010. Biocultural interpretations of trauma in two prehistoric Pacific Island populations from Papua New Guinea and the Solomon Islands. *American Journal of Physical Anthropology*, 142(4), pp.509-518. DOI: 10.1002/ajpa.21250.

Seguchi, N., Loftus III, J.F., Yonemoto, S. and Murphy, M.M., 2023. Investigating intentional cranial modification: A hybridized two-dimensional/three-dimensional study of the Hirota site, Tanegashima, Japan. *PLoS One*, 18(8), p.e0289219. DOI: 10.1371/journal.pone.0289219.

Shchetnikov, A.A., Bezrukova, E.V., Matasova, G.G., Kazansky, A.Y., Ivanova, V.V., Danukalova, G.A., Filinov, I.A. et al., 2019. Upper Paleolithic site Tuyana—a multi-proxy record of sedimentation and environmental history during the Late Pleistocene and Holocene in the Tunka rift valley, Baikal region. *Quaternary International*, 534, pp.138-157. DOI:

Anthropology, 30(2), pp.297-301. DOI: 10.1002/ajpa.1330300214.

Plischuk, M., De Feo, M.E. and Desántolo, B., 2018. Developmental Dysplasia of the Hip in Female Adult Individual: Site Tres Cruces I, Salta, Argentina (Superior Formative Period, 400–1000 AD). *International Journal of Paleopathology*, 20, pp.108-113. DOI: 10.1016/j.ijpp.2017.08.003.

Plomp, K.A., 2023. Behaviour and the bones of the thorax and spine. In: C.S. Hirst, R.J. Gilmour, K.A. Plomp, and F. Alves Cardoso, eds. *Behaviour in our Bones*. Elsevier, pp.173-192. DOI: 10.1016/b978-0-12-821383-4.00004-8.

Plomp, K., Roberts, C. and Vidarsdottir, U.S., 2015. Does the correlation between Schmorl's nodes and vertebral morphology extend into the lumbar spine? *American Journal of Physical Anthropology*, 157(3), pp.526-534. DOI: 10.1002/ajpa.22730.

Rando, C. and Waldron, T., 2012. TMJ osteoarthritis: a new approach to diagnosis. *American Journal of Physical Anthropology*, 148(1), pp.45-53. DOI: 10.1002/ajpa.22039.

Redfern, R.C. and Roberts, C.A., 2019. Trauma. In: J.E. Buikstra, ed. *Ortner's Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. London: Elsevier/Academic Press, pp.211-284. DOI: 10.1016/b978-0-12-809738-0.00009-0.

Roberts, C.A., 2006. Trauma in Biocultural Perspective: Past, Present and Future Work in Britain. In: M. Cox and S. Mays, eds. *Human Osteology in Archaeology and Forensic Science*. Cambridge: Cambridge University Press, pp.337-356.

Roberts, C.A. and Manchester, K., 2007. *The Archaeology of Disease*. Cornell University Press, pp. 1-829.

Roca, M.G., Jiménez Brobeil, S.A., Al Oumaoui, I., Tristán Fernández, J.M. and Molina González, F., 2012. Approach to disability in a population from the Argar Culture. *Trabajos de Prehistoria*, 69(1), pp.162-170. DOI: 10.3989/tp.2012.12086.

Sandiford, N., Buckle, C., Alao, U., Davidson, J. and Ritchie, J., 2013. Injuries associated with recreational horse riding and changes over the last 20 years: a review. *JRSM Short Reports*, 4(5), pp.1-6. DOI: 10.1177/2042533313476688.

Schaefer, M., Black, S. and Scheuer, L., 2009. *Juvenile Osteology, A Laboratory and Field Manual*. New York: Elsevier, pp. 1-382.

Scott, R.M. and Buckley, H.R., 2010. Biocultural interpretations of trauma in two prehistoric Pacific Island populations from Papua New Guinea and the Solomon Islands. *American Journal of Physical Anthropology*, 142(4), pp.509-518. DOI: 10.1002/ajpa.21250.

Seguchi, N., Loftus III, J.F., Yonemoto, S. and Murphy, M.M., 2023. Investigating intentional cranial modification: A hybridized two-dimensional/three-dimensional study of the Hirota site, Tanegashima, Japan. *PLoS One*, 18(8), p.e0289219. DOI: 10.1371/journal.pone.0289219.

Shchetnikov, A.A., Bezrukova, E.V., Matasova, G.G., Kazansky, A.Y., Ivanova, V.V., Danukalova, G.A., Filinov, I.A. et al., 2019. Upper Paleolithic site Tuyana—a multi-proxy record of sedimentation and environmental history during the Late Pleistocene and Holocene in the Tunka rift valley, Baikal region. *Quaternary International*, 534, pp.138-157. DOI:

10.1016/j.quaint.2019.02.043.

Shkrum, M.J. and Ramsay, D.A., 2007. Blunt trauma: with reference to planes, trains, and automobiles. In: *Forensic Pathology of Trauma: Common Problems for the Pathologist*. Humana Press Inc., pp.405-518. DOI: 10.1007/978-1-59745-138-3_8.

Shorey, C.W. and Campbell, J.H., 2000. Dislocation of the temporomandibular joint. *Oral Surgery, Oral Medicine, Oral Pathology, Oral Radiology, and Endodontology*, 89(6), pp.662-668. DOI: 10.1067/moe.2000.106693.

Sieper, J., Braun, J., Rudwaleit, M., Boonen, A. and Zink, A., 2002. Ankylosing spondylitis: an overview. *Annals of the Rheumatic Diseases*, 61(Suppl 3), pp.iii8-iii18. DOI: 10.1136/ard.61.suppl_3.iii8.

Smith, M. and Knüsel, C., 2014. Introduction: The Bioarchaeology of Conflict. In: *The Routledge Handbook of the Bioarchaeology of Human Conflict*. Routledge, pp.3-24. DOI: 10.4324/9781315883366.ch1.

Softysiak, A., 2017. Antemortem cranial trauma in ancient Mesopotamia. *International Journal of Osteoarchaeology*, 27(1), pp.119-128. DOI: 10.1002/oa.2478.

Spatola, B.F., 2015. Atypical gunshot and blunt force injuries: wounds along the biomechanical continuum. In: *Skeletal Trauma Analysis: Case Studies in Context*. John Wiley & Sons, Ltd, pp.7-26. DOI: 10.1002/9781118384213.ch2.

Stone, P.K., 2012. Binding women: Ethnology, skeletal deformations, and violence against women. *International Journal of Paleopathology*, 2(2-3), pp.53-60. DOI: 10.1016/j.ijpp.2012.09.008.

Stone, P.K., 2020. Bound to please: The shaping of female beauty, gender theory, structural violence, and bioarchaeological investigations. In: *Purposeful Pain: The Bioarchaeology of Intentional Suffering*. Springer Nature Switzerland AG, pp.39-62. DOI: 10.1007/978-3-030-32181-9_3.

Svyatko, S.V., Polyakov, A.V., Soenov, V.I., Stepanova, N.F., Reimer, P.J., Ogle, N., Tyurina, E.A., Grushin, S.P. and Rykun, M.P., 2017. Stable isotope palaeodietary analysis of the early bronze age Afanasyevo culture in the Altai Mountains, southern Siberia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 14, pp.65-75. DOI: 10.1016/j.jasrep.2017.05.023.

Swärd, L., 1992. The thoracolumbar spine in young elite athletes: current concepts on the effects of physical training. *Sports Medicine*, 13, pp.357-364. DOI: 10.2165/00007256-199213050-00005.

Taylor, W.T.T., Bayarsaikhan, J. and Tuvshinjargal, T., 2015. Equine cranial morphology and the identification of riding and chariotry in late Bronze Age Mongolia. *Antiquity*, 89(346), pp.854-871. DOI: 10.15184/aqy.2015.76.

Thompson, G.H., 2001. Dislocations of the elbow. In: *Rockwood and Wilkins' Fractures in Children*. Philadelphia: Lippincott Williams & Wilkins, pp.530-562.

Thomsen, K.B., 2022. A Bioarchaeological Analysis of Spinal Trauma in an Early Medieval Skeletal Population from Giecz, Poland: The Osteological Evidence for an Agricultural Lifestyle. PhD diss., The Ohio State University.

Tiesler, V., 2012. Studying cranial vault modifications in

10.1016/j.quaint.2019.02.043.

Shkrum, M.J. and Ramsay, D.A., 2007. Blunt trauma: with reference to planes, trains, and automobiles. In: *Forensic Pathology of Trauma: Common Problems for the Pathologist*. Humana Press Inc., pp.405-518. DOI: 10.1007/978-1-59745-138-3_8.

Shorey, C.W. and Campbell, J.H., 2000. Dislocation of the temporomandibular joint. *Oral Surgery, Oral Medicine, Oral Pathology, Oral Radiology, and Endodontology*, 89(6), pp.662-668. DOI: 10.1067/moe.2000.106693.

Sieper, J., Braun, J., Rudwaleit, M., Boonen, A. and Zink, A., 2002. Ankylosing spondylitis: an overview. *Annals of the Rheumatic Diseases*, 61(Suppl 3), pp.iii8-iii18. DOI: 10.1136/ard.61.suppl_3.iii8.

Smith, M. and Knüsel, C., 2014. Introduction: The Bioarchaeology of Conflict. In: *The Routledge Handbook of the Bioarchaeology of Human Conflict*. Routledge, pp.3-24. DOI: 10.4324/9781315883366.ch1.

Softysiak, A., 2017. Antemortem cranial trauma in ancient Mesopotamia. *International Journal of Osteoarchaeology*, 27(1), pp.119-128. DOI: 10.1002/oa.2478.

Spatola, B.F., 2015. Atypical gunshot and blunt force injuries: wounds along the biomechanical continuum. In: *Skeletal Trauma Analysis: Case Studies in Context*. John Wiley & Sons, Ltd, pp.7-26. DOI: 10.1002/9781118384213.ch2.

Stone, P.K., 2012. Binding women: Ethnology, skeletal deformations, and violence against women. *International Journal of Paleopathology*, 2(2-3), pp.53-60. DOI: 10.1016/j.ijpp.2012.09.008.

Stone, P.K., 2020. Bound to please: The shaping of female beauty, gender theory, structural violence, and bioarchaeological investigations. In: *Purposeful Pain: The Bioarchaeology of Intentional Suffering*. Springer Nature Switzerland AG, pp.39-62. DOI: 10.1007/978-3-030-32181-9_3.

Svyatko, S.V., Polyakov, A.V., Soenov, V.I., Stepanova, N.F., Reimer, P.J., Ogle, N., Tyurina, E.A., Grushin, S.P. and Rykun, M.P., 2017. Stable isotope palaeodietary analysis of the early bronze age Afanasyevo culture in the Altai Mountains, southern Siberia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 14, pp.65-75. DOI: 10.1016/j.jasrep.2017.05.023.

Swärd, L., 1992. The thoracolumbar spine in young elite athletes: current concepts on the effects of physical training. *Sports Medicine*, 13, pp.357-364. DOI: 10.2165/00007256-199213050-00005.

Taylor, W.T.T., Bayarsaikhan, J. and Tuvshinjargal, T., 2015. Equine cranial morphology and the identification of riding and chariotry in late Bronze Age Mongolia. *Antiquity*, 89(346), pp.854-871. DOI: 10.15184/aqy.2015.76.

Thompson, G.H., 2001. Dislocations of the elbow. In: *Rockwood and Wilkins' Fractures in Children*. Philadelphia: Lippincott Williams & Wilkins, pp.530-562.

Thomsen, K.B., 2022. A Bioarchaeological Analysis of Spinal Trauma in an Early Medieval Skeletal Population from Giecz, Poland: The Osteological Evidence for an Agricultural Lifestyle. PhD diss., The Ohio State University.

Tiesler, V., 2012. Studying cranial vault modifications in

ancient Mesoamerica. *Journal of Anthropological Sciences*, 90, pp.1-26. DOI: 10.4436/jass.90007.

Tipper, S., Wilson, P. and Roberts, C.A., 2023. Spondylolysis in ancient Nubian skeletal populations. *International Journal of Osteoarchaeology*, 33(5), pp.876-885. DOI: 10.1002/oa.3241.

Togan, I., 2022a. Mongolia before Chinggis Khan. In: *The Mongol World*. Routledge, pp.33-50. DOI: 10.4324/9781315165172-5.

Togan, I., 2022b. The Early Mongol State. In: *The Mongol World*. Routledge, pp.68-86. DOI: 10.4324/9781315165172-7.

Toman, E., Beaven, A., Harland, S. and Porter, K., 2016. Clay-shoveler's fracture: A snapshot. *Trauma*, 18(3), pp.186-189. DOI: 10.1177/1460408616640998.

Toritsuka, Y., Horibe, S., Hiro-Oka, A., Mitsuoka, T. and Nakamura, N., 2007. Medial marginal fracture of the patella following patellar dislocation. *The Knee*, 14(6), pp.429-433. DOI: 10.1016/j.knee.2007.08.002.

Toufeeq, M., Kodali, M.V.R.M., Gunturu, S., Kumar, K. and Surapaneni, K., 2019. Bilateral Dislocation of Mandibular Condyles following General Anesthesia—An Overlooked Problem: A Case Report. *European Journal of Dentistry*, 13(2), pp.291-293. DOI: 10.1055/s-0039-1693528.

Traversari, M., Feletti, F., Vazzana, A., Gruppioni, G. and Frelat, M.A., 2016. Three Cases of Developmental Dysplasia of the Hip on Partially Mummified Human Remains (Roccapelago, Modena, 18th Century): a Study of Palaeopathological Indicators through Direct Analysis and 3D Virtual Models. *Bulletins et Mémoires de La Société D'anthropologie de Paris*, 28(3-4), pp.202-212. DOI: 10.1007/s13219-015-0140-7

Tumler, D., Paladin, A. and Zink, A., 2019. Perimortem Sharp Force Trauma in an Individual from the Early Medieval Cemetery of Säben-Sabiona in South Tyrol, Italy. *International Journal of Paleopathology*, 27, pp.46-55. DOI: 10.1016/j.ijpp.2019.07.005.

Tur, S.S.S., Matrenin, S.S. and Soenov, V.I., 2018. Armed violence among the Altai Mountains pastoralists of the Xiongnu-Sarmatian age. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 46(4), pp. 132-139. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.132-139.

Unguryanu, T.N., Grijbovski, A.M., Trovik, T.A., Ytterstad, B. and Kudryavtsev, A.V., 2020. Mechanisms of accidental fall injuries and involved injury factors: a registry-based study. *Injury Epidemiology*, 7, pp. 1-10. DOI: 10.1186/s40621-020-0234-7.

Vanezis, P., 2021. *Pathology of Sharp Force Trauma*. CRC Press, pp. 1-302. DOI: 10.4324/9780429272462.

Walczak, B.E., Johnson, C.N. and Howe, B.M., 2015. Myositis ossificans. *JAAOS-Journal of the American Academy of Orthopaedic Surgeons*, 23(10), pp. 612-622. DOI: 10.5435/jaaos-d-14-00269.

Waldron, T., 2020. *Palaeopathology*. Cambridge University Press, pp. 1-279. DOI: 10.1017/9781108583961.

Watts, M. and Meisel, E.M., 2011. Cattle associated trauma—A one year prospective study of all injuries. *Injury*, 42(10), pp. 1084-1087. DOI: 10.1016/j.injury.2011.02.019.

ancient Mesoamerica. *Journal of Anthropological Sciences*, 90, pp.1-26. DOI: 10.4436/jass.90007.

Tipper, S., Wilson, P. and Roberts, C.A., 2023. Spondylolysis in ancient Nubian skeletal populations. *International Journal of Osteoarchaeology*, 33(5), pp.876-885. DOI: 10.1002/oa.3241.

Togan, I., 2022a. Mongolia before Chinggis Khan. In: *The Mongol World*. Routledge, pp.33-50. DOI: 10.4324/9781315165172-5.

Togan, I., 2022b. The Early Mongol State. In: *The Mongol World*. Routledge, pp.68-86. DOI: 10.4324/9781315165172-7.

Toman, E., Beaven, A., Harland, S. and Porter, K., 2016. Clay-shoveler's fracture: A snapshot. *Trauma*, 18(3), pp.186-189. DOI: 10.1177/1460408616640998.

Toritsuka, Y., Horibe, S., Hiro-Oka, A., Mitsuoka, T. and Nakamura, N., 2007. Medial marginal fracture of the patella following patellar dislocation. *The Knee*, 14(6), pp.429-433. DOI: 10.1016/j.knee.2007.08.002.

Toufeeq, M., Kodali, M.V.R.M., Gunturu, S., Kumar, K. and Surapaneni, K., 2019. Bilateral Dislocation of Mandibular Condyles following General Anesthesia—An Overlooked Problem: A Case Report. *European Journal of Dentistry*, 13(2), pp.291-293. DOI: 10.1055/s-0039-1693528.

Traversari, M., Feletti, F., Vazzana, A., Gruppioni, G. and Frelat, M.A., 2016. Three Cases of Developmental Dysplasia of the Hip on Partially Mummified Human Remains (Roccapelago, Modena, 18th Century): a Study of Palaeopathological Indicators through Direct Analysis and 3D Virtual Models. *Bulletins et Mémoires de La Société D'anthropologie de Paris*, 28(3-4), pp.202-212. DOI: 10.1007/s13219-015-0140-7.

Tumler, D., Paladin, A. and Zink, A., 2019. Perimortem Sharp Force Trauma in an Individual from the Early Medieval Cemetery of Säben-Sabiona in South Tyrol, Italy. *International Journal of Paleopathology*, 27, pp.46-55. DOI: 10.1016/j.ijpp.2019.07.005.

Tur, S.S.S., Matrenin, S.S. and Soenov, V.I., 2018. Armed violence among the Altai Mountains pastoralists of the Xiongnu-Sarmatian age. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 46(4), pp. 132-139. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.132-139.

Unguryanu, T.N., Grijbovski, A.M., Trovik, T.A., Ytterstad, B. and Kudryavtsev, A.V., 2020. Mechanisms of accidental fall injuries and involved injury factors: a registry-based study. *Injury Epidemiology*, 7, pp. 1-10. DOI: 10.1186/s40621-020-0234-7.

Vanezis, P., 2021. *Pathology of Sharp Force Trauma*. CRC Press, pp. 1-302. DOI: 10.4324/9780429272462.

Walczak, B.E., Johnson, C.N. and Howe, B.M., 2015. Myositis ossificans. *JAAOS-Journal of the American Academy of Orthopaedic Surgeons*, 23(10), pp. 612-622. DOI: 10.5435/jaaos-d-14-00269.

Waldron, T., 2020. *Palaeopathology*. Cambridge University Press, pp. 1-279. DOI: 10.1017/9781108583961.

Watts, M. and Meisel, E.M., 2011. Cattle associated trauma—A one year prospective study of all injuries. *Injury*, 42(10), pp. 1084-1087. DOI: 10.1016/j.injury.2011.02.019.

Welck, M.J., Hayes, T., Pastides, P., Khan, W. and Rudge, B., 2017. Stress fractures of the foot and ankle. *Injury*, 48(8), pp. 1722-1726. DOI: 10.1016/j.injury.2015.06.015.

Wentz, R.K. and de Grummond, N.T., 2009. Life on Horseback: Palaeopathology of Two Scythian Skeletons from Alexandropol, Ukraine. *International Journal of Osteoarchaeology*, 19(1), pp.107-115. DOI: 10.1002/oa.964.

Wilkin, S., Ventresca Miller, A., Miller, B.K., Spengler, R.N., Taylor, W.T., Fernandes, R., Hagan, R.W., Bleasdale, M., Zech, J., Ulziibayar, S. and Myagmar, E., 2020. Economic diversification supported the growth of Mongolia's nomadic empires. *Scientific Reports*, 10(1), pp.1-12. DOI: 10.1038/s41598-020-60194-0.

Zhang, H., Merrett, D.C., Jing, Z., Tang, J., He, Y., Yue, H., Yue, Z. and Yang, D.Y., 2017. Osteoarthritis, labour division, and occupational specialization of the Late Shang China: insights from Yinxu (ca. 1250-1046 BC). *PLoS One*, 12(5), p.e0176329. DOI: 10.1371/journal.pone.0176329.

Zhang, W., Wang, A., Zou, Z., Jakob, T., Chen, P., Alifujiang, N., Zhang, Q. and Wang, Q., 2022. The Impaired Nomad: A Bioarchaeological Study on an Early Iron Age Case of Knee Ankylosis from the Jiaerkenjiaga Cemetery, Northwestern China. *International Journal of Osteoarchaeology*, 32(2), pp.493-508. DOI: 10.1002/oa.3083.

Zhao, Y., Guo, L., Xiao, Y., Niu, Y., Zhang, X., He, D. and Zeng, W., 2020. Osteological characteristics of Chinese foot-binding in archaeological remains. *International Journal of Paleopathology*, 28, pp.48-58. DOI: 10.1016/j.ijpp.2019.12.003.

Zmurko, M.G., Tannoury, T.Y., Tannouty, C.A. and Anderson, D.G., 2003. Cervical sprains, disc herniations, minor fractures, and other cervical injuries in the athlete. *Clinics in Sports Medicine*, 22(3), pp.513-521. DOI: 10.1016/S0278-5919(03)00003-6.

Kharinskii, A.V., Erdenebaatar, D., 2011. Northern Cis-Hovsgol in the beginning of the II millennium CE. *Theory and Practice of Archaeological Investigations*. No. 6, pp. 107-124. (In Russ.). EDN: QCXQNJ.

Kharinskii, A.V., Orgilbayar S., Korostelev A.M., Erdenebaatar, D., Portniagin, M.A., 2023. Zuun Hyaryn Denj 1 Burial Ground of the 11th - 13th Centuries from the Northern Shore of Lake Khubsugul (Mongolia). *Archaeological Volume of the Lower Volga Region*, Vol. 22. No. 1. pp.289-307. (In Russ.). DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2023.1.14. EDN: KYIVLQ.

Kharinskii, A.V., Portniagin, M.A., 2021. To the question of the Tunka cemetery location that was investigated by B.E. Petri in 1920s. *Ancient Cultures of Mongolia, Southern Siberia, and Northern China: Proceedings of the XI International Scientific Conference (September 8-11, 2021) in Abakan*/edited by A.V. Polyakov, M.T. Kashuba, A.D. Tsybiktarov. Abakan: IIMK RAS. pp. 265-270. (In Russ.). DOI: 10.31600/978-5-907298-19-4.265-270. EDN: DEFGAN.

Kharinskii, A.V., Senyurina, Y.A. and Ivanov, G.L., 2022. Fabric from the Collection of Finds of the 13th-14th Centuries Found in the Tunka Valley (Republic of Buryatia). *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 4 (42), pp.74-89. (In Russ.). DOI: 10.24852/pa2022.4.42.74.89. EDN: JYFKDW.

Welck, M.J., Hayes, T., Pastides, P., Khan, W. and Rudge, B., 2017. Stress fractures of the foot and ankle. *Injury*, 48(8), pp. 1722-1726. DOI: 10.1016/j.injury.2015.06.015.

Wentz, R.K. and de Grummond, N.T., 2009. Life on Horseback: Palaeopathology of Two Scythian Skeletons from Alexandropol, Ukraine. *International Journal of Osteoarchaeology*, 19(1), pp.107-115. DOI: 10.1002/oa.964.

Wilkin, S., Ventresca Miller, A., Miller, B.K., Spengler, R.N., Taylor, W.T., Fernandes, R., Hagan, R.W., Bleasdale, M., Zech, J., Ulziibayar, S. and Myagmar, E., 2020. Economic diversification supported the growth of Mongolia's nomadic empires. *Scientific Reports*, 10(1), pp.1-12. DOI: 10.1038/s41598-020-60194-0.

Zhang, H., Merrett, D.C., Jing, Z., Tang, J., He, Y., Yue, H., Yue, Z. and Yang, D.Y., 2017. Osteoarthritis, labour division, and occupational specialization of the Late Shang China: insights from Yinxu (ca. 1250-1046 BC). *PLoS One*, 12(5), p.e0176329. DOI: 10.1371/journal.pone.0176329.

Zhang, W., Wang, A., Zou, Z., Jakob, T., Chen, P., Alifujiang, N., Zhang, Q. and Wang, Q., 2022. The Impaired Nomad: A Bioarchaeological Study on an Early Iron Age Case of Knee Ankylosis from the Jiaerkenjiaga Cemetery, Northwestern China. *International Journal of Osteoarchaeology*, 32(2), pp.493-508. DOI: 10.1002/oa.3083.

Zhao, Y., Guo, L., Xiao, Y., Niu, Y., Zhang, X., He, D. and Zeng, W., 2020. Osteological characteristics of Chinese foot-binding in archaeological remains. *International Journal of Paleopathology*, 28, pp.48-58. DOI: 10.1016/j.ijpp.2019.12.003.

Zmurko, M.G., Tannoury, T.Y., Tannouty, C.A. and Anderson, D.G., 2003. Cervical sprains, disc herniations, minor fractures, and other cervical injuries in the athlete. *Clinics in Sports Medicine*, 22(3), pp.513-521. DOI: 10.1016/S0278-5919(03)00003-6.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований. 2011. № 6. С. 107-124. EDN: QCXQNJ.

Харинский А.В., Оргилбаяр С., Коростелев А.М., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А. Могильник XI-XIII вв. Зуун хярын дэнж 1 на северном побережье озера Хубсугул (Монголия) // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 1. С. 289-307. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2023.1.14. EDN: KYIVLQ.

Харинский А.В., Портнягин М.А. К вопросу о расположении Тункинского могильника, исследованного Б.Э. Петри в 1920-е гг. // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая : Материалы XI Международной научной конференции (8-11 сентября 2021 года, г. Абакан) / отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. Абакан : ИИМК РАН, 2021. С. 265-270. DOI: 10.31600/978-5-907298-19-4.265-270. EDN: DEFGAN.

Харинский А.В., Сенюрина Ю.А., Иванов Г.Л. Ткань из коллекции находок XIII-XIV в., обнаруженных в Тункинской долине (Республика Бурятия) // Поволжская археология. 2022. № 4 (42). С. 74-89. DOI: 10.24852/pa2022.4.42.74.89. EDN: JYFKDW.

Kradin, N.N., Kharinskii A.V., Baksheeva S.E., Kovychев E.V., Prokopets S.D. 2016. Archaeology of Genghis Khan Empire in Mongolia and Transbaikalia. *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*, 6, pp.17-43. (In Russ.). EDN: XMAGVR.

Orgilbayar, S., Erdenebaatar, D., Kharinskii, A.V., 2018. Brief results of the fieldwork conducted by the Mongolian-Russian project of "Archaeology of Central Asia" in the Khankh Sum district of the Cis-Hovsgol region. *Archaeology of Mongolia*– 2017. Ulaanbaatar: Mongol Ulsyn Ih Surguul', pp.120-123. (In Mong.)

Orgilbayar, S., Kharinskii, A.V., Erdenebaatar, D., Mandals ren, N., 2019. Preliminary results of archaeological excavations conducted by the Mongolian-Russian project of "Archaeological Research in Central Asia - 1" in the Khankh Sum district of the Cis-Hovsgol region. *Archaeology of Mongolia* – 2018. Ulaanbaatar: Mongol Ulsyn Ih Surguul', pp.140-146. (In Mong.)

Information about the authors

Chenhe Yang,

MA Graduate Student, Department of Anthropology,
University of Saskatchewan,
55 Campus Drive, Saskatoon, SK, S7N 5B1, Canada,
e-mail: rlz369@mail.usask.ca,
<https://orcid.org/0009-0000-5947-3468>

Tatiana Nomokonova,

PhD, Associate Professor, Department of Anthropology,
University of Saskatchewan,
55 Campus Drive, Saskatoon, SK, S7N 5B1, Canada,
e-mail: tatiana.nomokonova@usask.ca,
<https://orcid.org/0000-0002-8756-1681>

Robert J. Losey,

PhD, Professor, Department of Anthropology
University of Alberta,
13-15 HM Tory Build., Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada,
e-mail: robert.losey@ualberta.ca,
<https://orcid.org/0000-0003-3615-8160>

Artur V. Kharinskii,

Dr. Sci. (History), Professor, Director of the Laboratory of
Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the
Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia;
Irkutsk State University,
1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: kharinsky@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

Diimaajav Erdenebaatar,

Professor, Head Department of the Archaeology,
Ulaanbaatar State University,
5th khoroo, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar, Mongolia,
e-mail: erdenebaatar@usu.edu.mn, ediimaajav@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-0030-064X>

Matvei A. Portniagin,

Laboratory Assistant Researcher of the Laboratory of

Крадин Н.Н., Харинский А.В., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Прокопец С.Д. Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2016. № 6. С. 17–43. EDN: XMAGVR.

Оргилбаяр С., Эрдэнэбаатар Д., Харинский А.В. Монгол-Оросын хамтарсан “Төв Азийн археологи” төслийн Хөвсгөл аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан хээрийн шинжилгээний ажлын товч үр дүнгээс. Монголын археологи – 2017. Улаанбаатар хот, 2018. С.120-123. (На монгольском).

Оргилбаяр С., Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Мандалсүрэн Н. Монгол-Оросын хамтарсан “Төв Азийн археологийн шинжилгээ-1” төслийн Хөвсгөл аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүнгээс. Монголын археологи – 2018. Улаанбаатар хот, 2019. С.140-146. (На монгольском).

Информация об авторах

Ченхе Янг,

аспирант магистратуры, Отделение антропологии,
Университет Саскатчевана,
55 Campus Drive, Saskatoon, SK, S7N 5B1, Canada,
e-mail: rlz369@mail.usask.ca,
<https://orcid.org/0009-0000-5947-3468>

Номоконова Татьяна Юрьевна,

PhD, профессор, Отделение антропологии,
Университет Саскатчевана,
55 Campus Drive, Saskatoon, SK, S7N 5B1, Canada,
e-mail: tatiana.nomokonova@usask.ca,
<https://orcid.org/0000-0002-8756-1681>

Лозей Роберт Дж.,

PhD, профессор, Отделение антропологии,
Университет Альберты,
13-15 HM Tory Build., Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada
e-mail: robert.losey@ualberta.ca,
<https://orcid.org/0000-0003-3615-8160>

Харинский Артур Викторович,

доктор исторических наук, профессор, руководитель
Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем
жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия;
Иркутский государственный университет,
664003 г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
e-mail: kharinsky@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

Эрдэнэбаатар Диймааджав,

профессор, заведующий кафедрой археологии,
Улан-Баторский государственный университет,
Монголия, г. Улан-Батор, ул. Баянзүрх, 5-й хороо,
e-mail: erdenebaatar@usu.edu.mn, ediimaajav@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-0030-064X>

Портнягин Матвей Александрович,

лаборант-исследователь Лаборатории археологии,

Archaeology, Paleoeconomy and Subsistence of Peoples of the Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: matirk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>

Samdantsoodol Orgilbayar,
Master of Historical Sciences, Lecturer, Department of History and Archaeology,
Ulaanbaatar State University,
5th khoroo, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar, Mongolia,
e-mail: orgiob@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5492-2164>

Angela R. Lieverse,
PhD, Professor, Department of Anthropology,
University of Saskatchewan,
55 Campus Drive, Saskatoon, SK, S7N 5B1, Canada,
e-mail: angela.lieverse@usask.ca,
<https://orcid.org/0000-0003-0711-1793>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 3, 2024; approved after reviewing June 27, 2024; accepted for publication July 8, 2024.

палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: matirk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>

Оргилбаяр Самданцоодол,
магистр истории, преподаватель кафедры истории и археологии,
Улан-Баторский государственный университет,
Монголия, г. Улан-Батор, ул. Баянзурх, 5-й хороо,
e-mail: orgiob@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5492-2164>

Ливерс Анжела Р.,
PhD, профессор, Отделение антропологии,
Университет Саскатчеван,
55 Campus Drive, Saskatoon, SK, S7N 5B1, Canada,
e-mail: angela.lieverse@usask.ca,
<https://orcid.org/0000-0003-0711-1793>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 3 июня 2024 г.; одобрена после рецензирования 27 июня 2024 г.; принята к публикации 8 июля 2024 г.

Научная статья
УДК 1010.3
EDN: MSYQFF
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-90-98>

История становления мировоззренческой направленности философии

А.И. Шафоростов^{1, 2}

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматривается мировоззренческий статус философии, связанный с выявлением предметной направленности философии, основных структурных элементов мировоззрения и того, что принимается в философии в качестве фундаментальных (основных) проблем. Становление мировоззренческой направленности зависит от решения двух базовых проблем: «что есть мир?» и «как мир дан человеку»? В статье показываются сложности определения «мира» в силу фундаментальности и всеохватности этого понятия. Особое внимание уделяется проблеме единства мира. Направленность философии на мир предстает как поиски человеком всеобщности в мире. Достижение всеобщности является ключевым моментом обретения целостной идентичности субъектом мировоззрения. Становление мировоззренческой направленности философии включает в себя усложнение видения мира в результате постоянного изменения и развития ценностно-теоретической «призмы», через которую человек смотрит на мир, и размещение себя во вновь открываемых уровнях и горизонтах мира. Рассматривается вопрос – является ли философия *только* мировоззрением или же есть основания говорить о философии как об идеологии? Философски смотреть на мир – значит стремиться увидеть скрытые причины наглядно-данного. Идеология также понимается как некое «смотрение», но связанное с «сокрытием, затемнением» идей и вещей, мешающее выполнению такой важнейшей функции идеологии как оправдание (абсолютизация) избранной идеи. На примере постановки Ф. Энгельсом основного вопроса философии показывается, как одна философская фундаментальная проблема – проблема соотношения мышления и бытия – потеряла по сути свою *проблемность* и перешла на уровень четко сформулированного и имеющего ясное решение *вопроса*. Делается вывод, что становление мировоззренческой направленности философии – сложный процесс, включающий: 1) кто смотрит; 2) на что смотрит; 3) как (чем) смотрит; и 4) где смотрит. «Где» – то есть в каком социальном, культурном и идеологическом пространстве, в составе (или, наоборот, в оппозиции) какого коллективного субъекта.

Ключевые слова: мировоззрение, философия, идеология, мир, единство мира, материальность, закон природы, основной вопрос философии, Энгельс

Для цитирования: Шафоростов А.И. История становления мировоззренческой направленности философии // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 90–98. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-90-98. EDN: MSYQFF.

History

Original article

The history of the formation of the worldview orientation of philosophy

Alexander I. Shaforostov^{1, 2}

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The philosophical status of philosophy is considered, associated with the identification of the subject orientation of philosophy, the main structural elements of the worldview and those aspects which are accepted in philosophy as fundamental (basic) problems. The formation of a worldview depends on solving two basic problems: “what is the world?” and “how is the world given to man”? The article shows the difficulties of defining the “world” due to the fundamental nature and inclusiveness of this concept. Special attention is paid to the problem of the unity of the world. The orientation of philosophy towards the world appears as a man's search for universality in the world. The achievement of universality is the key moment in the formation of a holistic worldview.

tic identity by the subject of the worldview. The formation of the worldview orientation of philosophy includes the complication of the vision of the world as a result of the constant change and development of the value-theoretical "prism" through which a person looks at the world, and the placement of himself in the newly discovered levels and horizons of the world. The considered question - is philosophy only a worldview or is there a reason to talk about philosophy as an ideology? To look at the world philosophically means to seek to see the hidden causes of the visually given. Ideology is also understood as a kind of "looking", but associated with the "concealment, obscuration" of ideas and things, which prevents the fulfillment of such an important function of ideology as justification (absolutization) of a chosen idea. On the example statement by F. Engels of main question of philosophy shows how one philosophical fundamental problem - the problem of the relationship between thinking and being - has essentially lost its problemativeness and has moved to the level of a clearly formulated and clearly solved issue. It is concluded that the formation of the philosophical orientation of philosophy is a complex process, including: 1) who is looking, 2) what is looking at, 3) how (what) is looking at, and 4) where is looking. "Where" - that is, in what social, cultural and ideological space, in the composition (or, conversely, in the position) of which collective entity.

Keywords: worldview, philosophy, ideology, peace, unity of the world, materiality, law of nature, the main question of philosophy, Engels

For citation: Shaforostov A.I. (2024) The history of the formation of the worldview orientation of philosophy. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 90-98. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-90-98. EDN: MSYQFF.

С первых дней своего существования философия стремилась увидеть и осмыслить мир. Обращение именно к целостному миру определяет специфику философии по сравнению с наукой. Стремление увидеть и понять мир заключает в себе две базовые характеристики философии: во-первых, философия предстает как мировоззрение, во-вторых, предметом философии выступает мир. Цель статьи – определить основные пункты становления мировоззренческой направленности философии, а именно – выявления: 1) предметной направленности философии (на что смотрит философия); 2) основных структурных элементов мировоззрения («чем» смотрит философия); и 3) того, что принимается в философии в качестве фундаментальных (основных) проблем, задающих видение мира. Особый интерес вызывает так называемый «основной вопрос философии», сформулированный Ф. Энгельсом в XIX веке и достаточно часто упоминаемый в современной отечественной учебной литературе в качестве главного вопроса всей философии.

Основные вопросы при этом следующие – что определяет, от чего зависит мировоззренческая направленность философии, как сочетаются в философии индивидуальный и коллективный компоненты мировоззрения, в чем выражается мировоззренческая сущность философии. Эти вопросы являются результатом признания противоречивого характера философского мировоззрения, так как философия несет в себе противоречие между стремлением к самостоятельности индивидуально-

го осмысления мира и принятием коллективного мировоззрения.

Мировоззренческий статус философии связан со следующими пунктами: 1) определением направленности философии – то есть мир понимается как предмет исследования; 2) пониманием природы мировоззрения – что же позволяет говорить о философии именно как о мировоззрении?

Мир как предмет философского исследования. Исходная проблема, возникающая при анализе данного утверждения – «философия познает мир» – достаточно проста в своей формулировке: «Что есть мир?». Эта проблема привлекала и продолжает привлекать к себе внимание мыслителей практически с первых дней существования философии, предлагаются различные варианты ее решения. Однако нет однозначности и согласия в принятии какого-либо варианта как достаточного (см.: Кузнецов, 2014). Очевидно, что познание мира предполагает его, мира, данность, доступность для человека.

Здесь возникает вторая фундаментальная проблема: как именно мир дан человеку? Базовое положение, обосновывающее принципиальную возможность человека (философа) видеть мир в целом – это *умозрение*, или, в греческом варианте – теория. Греческое слово *theorem* этимологически происходит из словосочетания *theaesthai* и *horaein*, полученного для обозначения «созерцания» (Хофмайстер, 2006. С. 110). Мир как целостность дается человеку в теории: греческое «теория» (θεωρία) – и есть «созерцание», или *умозрение* в одном из переводов на русский язык. При

этом подчеркивается связь «теории» и «театра»: «Не менее парадоксально и теоретическое расположение человека к миру. Он занимает здесь место, словно, в некоем театре, в зрительном зале, откуда весь мир целиком и все, что ни есть в мире, должны предстать посторонним зрелищем» (Ахутин, 2005. С. 16).

Изначальное видение мира как целостности определяется у греков тем, что умозрение как условие видения целостного мира дополняется социальным фактором: «идея целостности бытия у досократиков всецело социоморфична: макрокосмос покоится на основаниях, аналогичных социальным установлениям» (Семушкин, 1996. С. 174)¹. То есть мир схватывается, видится целостным в силу открытия человеком космического закона, Логоса, действующего подобно закону, устанавливающему и поддерживающему государство (полис). Обращенность философии к миру как всему, что есть, подчеркивается и известным немецким исследователем античной культуры Вальтером Буркертом (1931–2015): «Философия возникает, когда предпринимается попытка одинаковым образом говорить «обо всем», как оно есть на самом деле» (Буркерт, 2004. С. 522).

Мир как всеобщность не дается чувственному опыту. Поэтому понятийное мышление изначально выступает обязательным условием и философии, и философского мировоззрения. Но философское мировоззрение не сводится только к его рациональной составляющей, значимое место в структуре любого типа мировоззрения занимают убеждения, интуиции, верования.

Мир именно как мир, как **все** что есть, а не только окружающая обстановка, виден человеку не благодаря физическому зрению, а в силу наличия в сознании человека *идей*. Именно идеи и производные от них *идеалы* создают базовую структуру мировоззрения. Мировоззренческая направленность философии, тем самым, включает два аспекта: 1) философия стремится увидеть мир в его целостности и 2) философия стремится продумать, систематизировать, при необходимости заменить те идеи и идеалы, с помощью которых видит мир.

Чтобы увидеть мир, необходимо отвлечься от непосредственно чувственного переживания бытия, данного «здесь и сейчас». «Куда» отвлечься? У животных нет такой возможности, они постоянно включены в наличную действительность. Человек способен отстраняться от действительности, уходить во внутренний мир своего сознания. Такое отстранение важно для формирования мировоззрения тем, что позволяет отвлечься от непосредственного окружения и обратиться к перспективе, к максимально целостному видению мира. Важнейшими условиями возникновения греческой философии были социокультурные условия, дававшие мыслителям античного полиса возможность отойти в сторону от насущных проблем политики, религии, быта, чтобы обратиться к созерцанию мирового бытия.

Разные авторы часто повторяют слова Канта о том, что утверждение о существовании мира недоказуемо – «...нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на веру существование вещей вне нас» (Кант, 1994. С. 36). О невозможности доказать существование внешнего мира говорил и Дж. Беркли, которого считают автором концепции субъективного идеализма. Тем самым, утверждая, что мир есть, мы исходим из веры в его существование (или из интуиции, так как интуиция по своей природе менее осознана, более очевидна). То есть, не имея возможности *доказать* существование мира, человек (философ) в качестве исходного (базового) положения принимает существование мира. Основное внимание переносится на вопрос – *что* есть (что такое мир?) и *как* есть?

Мир – это все, что есть. Проблемой здесь является «*есть*», так как именно «*есть*» является главным свойством бытия (мир и бытие в данном случае совпадают): достаточно вспомнить парменидовское «бытие есть, небытия нет». Однако в ходе развития осмысления мира были выявлены неоднозначность и историческая подвижность в понимании того, что же значит в контексте определенной концепции или учения «*всё*» и «*есть*».

В любом случае, фундаментальный предмет для философского рассмотрения определен – это мир («то, на *что* смотрят»). Для того чтобы философское мировоззрение состоялось, необходимы еще два элемента: 1) это человек как субъект ми-

¹ Семушкин А.В. У истоков европейской рациональности : Начало древнегреческой философии : учеб. пособие. М. : Интерпракс, 1996. 192 с.

ровоззрения («кто смотрит») и 2) его сознание, или та «призма», через которую он смотрит на мир. Базовым условием для возникновения философского сознания (соответственно, и философского мировоззрения) является формирование тех идей и принципов, которые направлены на целостный мир и позволяют эту искомую целостность увидеть. Именно эти идеи образуют костяк мировоззрения, задавая – куда надо смотреть и что следует увидеть (то есть определяя идеалы, ценности, убеждения). В итоге философия стремится видеть отдельные вещи, процессы, события как включенные в мир.

Мир становится предметом философского исследования в том случае, когда философия (а затем и наука) направляют свою исследовательскую деятельность на открытие законов бытия. То есть в основе формирования философского мировоззрения лежит, во-первых, обращение к идеям и, во-вторых, поиск идей, заключающих в себе законы природы.

Мировоззрение возможно только в том случае, если субъект признает наличие мира как такового, понимая при этом мир не просто как совокупность отдельных вещей и процессов, но как единство и целостность. То есть мировоззрение есть способность видеть мир как целое. И философское мировоззрение развивает и усиливает эту способность, открывая невидимые, скрытые от физического зрения связи, пронизывающие мир.

Видение мира как единого – исходная интуиция греков, создателей философии. Сложность в том, что и в современной учебной литературе утверждение об единстве мира подается как самоочевидное положение, не требующее доказательств: мир един потому что он материален. Еще Р. Декарт (1596–1650 гг.) указал на фундаментальную проблему связи двух субстанций – души и тела. Две субстанции – значит два независимых друг от друга, самостоятельных начала. Единства здесь нет. Поэтому многие исследователи и в прошлом, и сегодня ставят под вопрос утверждение об единстве мира.

Также в отношении понимания природы материальности сохраняется много неясностей (Шафоростов, 2021. С. 100–101). И хотя термин «материализм» снова входит в моду (Юлина, 2011. С. 155), но не потому, что философы добились яс-

ности и полноты понимания природы материи, а потому что часто используемый термин «физикализм» оказывается недостаточным для рассмотрения разнообразных явлений и событий, происходящих в мире и не сводимых к физической природе. Современный «материализм» получает широкое хождение не столько среди профессиональных философов, сколько среди представителей естествознания. Основная причина обращения к «материализму» – именно неопределенность и размытость термина, позволяющая использовать его предельно широко, исходя из дофилософского интуитивного видения мира.

Далее, понимание субстанционального единства мира сталкивается с проблемой правомерности использования такой фундаментальной философской категории как субстанция (Лакс, Крисп, 2024. С. 122)².

Также в современной философии субстанция становится препятствием в понимании мира как процесса. Хотя следует отметить, что понимание бытия (мира) как процесса не исключает сохранение признания его субстанциональности: так, один из основных тезисов метафизики А.Н. Уайтхеда заключается в том, что «субстанция, она же действительная сущность есть процесс» (Столярова, 2008. С. 94). Один из главных смыслов субстанциональности – неизменность, – сохраняется и без обращения к использованию понятия субстанции: «Для процессуального взгляда неизменность мира – это неизменность действий» (Смирнов, 2023. С. 24).

Так как на уровне субстанциональности говорить об единстве мира достаточно сложно, так как еще в самом начале становления философии возникла проблема связи как минимум двух субстанций – души и тела, – то единство мира возможно утвердить на уровне единых законов бытия.

Однако при обращении к рассмотрению того, что стоит за этим понятием – «законы бытия», – возникает ряд сложностей. Нет однозначности в понимании того, какую сферу охватывают эти законы. Так называют и «законы природы», и «мировые законы», и просто «законы науки». В послед-

² Лакс М.Дж., Крисп Т.М. Метафизика: Современное введение. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 472 с.

нем случае часто происходит подмена понятий «науки как таковой» и «конкретной науки».

Д. Армстронг, известный австралийский философ (1926–2014), в работе, посвященной исследованию законов природы, отмечает, что при обращении к рассмотрению вопроса о связи реальности и законов природы нельзя забывать о неоднозначности прочтения и истолкования понятия *причины*, о чем писал еще Д. Юм. Дело в том, что закон по своей сути есть утверждение необходимой причинно-следственной связи. То есть часто в разговоре о том, какие существуют законы природы и как они себя проявляют, исследователи неправомерно смешивают понятия закона как однозначной необходимой постоянной связи и понятие *регулярности* (часто, но не всегда повторяющейся связи). Следует учитывать, что в мире есть закономерности, но говорить о законах природы у нас нет оснований (Armstrong, 2016. Р. 12).

Направленность философии на мир – это поиски человеком целостности и всеобщности в мире. Важным моментом является то, что мировоззрение аккумулирует те элементы сознания человека, которые в наибольшей степени ответственны за его социализацию. С самого начала становления философии как мировоззрения субъект этого мировоззрения принадлежал полисной системе. Его идентичность зависела от тех горизонтов, которые открывались этим социальным миром (Бергер, Лукман, 1995. С. 215).

То есть становление мировоззренческой направленности философии включает в себя и усложнение видения мира в результате постоянного изменения и развития ценностно-теоретической «призмы», через которую человек смотрит на мир, и размещение себя во вновь открываемых уровнях и горизонтах мира.

В частности, усложнение мировоззрения заключается в изменении очевидного и неочевидного в структуре мировоззрения. Такое изменение связано с верой в авторитеты, с развитием рефлексии и самосознания.

Но если философия представляет собой рациональное мировоззрение, при этом в структуре мировоззрения (любого типа, включая философское) в качестве обязательного элемента есть *убеждения*, то возникает вопрос – как сочетаются рациональность и убеждения? Очевидно, что

должны быть три варианта их сочетания. Первый – главенство рации (прежде всего, это научное мировоззрение); 2) первенство убеждений (религиозное); и ожидаемый третий вариант – союз рации и убеждения. Проблема в том, что представляет из себя этот союз? Наличие множества философских концепций и точек зрения заставляет говорить о первенстве убеждений по отношению к рации в структуре философского мировоззрения.

Если кратко определить основные пункты истории становления предмета философии, то можно отметить следующее. Изначально, на первых стадиях формирования философии, главный предмет философского рассмотрения – то, *что* окружает человек, Космос, внешний мир. С развитием и усложнением культуры внимание смещается с внешнего мира на того, *кто* смотрит, на самого человека, традиционно такой поворот связывается с именем Сократа (V в. до н. э.). И, наконец, внимание философии смещается на то, *чем* смотрят – в достаточно явном виде это происходит в Новое время, начиная с XVII века в работах Декарта, посвященных выработке единого универсального метода познания мира.

Идеология и философия. Признание философского мировоззрения рациональным в своей основе сохраняет определенную неясность, заключающуюся в следующем: является ли философия *только* мировоззрением или же есть основания говорить о философии как об идеологии? Вопрос о мировоззренческой и идеологической составляющей философии связан с постановкой и решением тех проблем, которые являются фундаментальными для философии и, соответственно, в наиболее явном виде выражают ее мировоззренческую значимость для культуры в целом.

Итак, исходное утверждение заключается в том, что философия изучает мир, что «философия – это особая форма общественного сознания и познания мира» (НФЭ, 2010. С. 195)³. Собственно, направленность философии именно на мир, а не на часть мира – и является определяющей специфику философии чертой. Философия изучает мир в целом, наука (точнее – науки) – только определенные фрагменты мира.

³ Новая философская энциклопедия : в 4-х т. М. : Мысль, 2010. Т. 4. 736 с.

Однако сказанного недостаточно для того, чтобы ответить на важнейший вопрос – как философия смотрит на мир, какой исходный смысл мы вкладываем в привычное выражение – «философски смотреть на мир»? Здесь стоит обратиться к античности, к Платону, к его известному утверждению «философия начинается с удивления». Платон говорит об удивлении устами Сократа: «Ибо как раз философу свойственно испытывать такое изумление» (Платон, 1993. С. 208). Более широко известны и часто повторяются слова комментатора Платона – Олимпиодора, – который пишет: «Начало всякой философии – удивление. Удивляясь, ведь мы идем от "чего" к "почему". Философствовать – значит отдавать себе отчет в причинах сущего, если только философия – это познание сущего или само сущее» (Платон, 1993. С. 480).

Удивляться миру – значит видеть в нем проблему, признавать недостаточность «очевидно-данного» и стремится увидеть «сущностно-скрытое». Удивление по своей природе есть сомнение, и сомнение это направлено на достаточность данности, или непосредственной очевидности.

Философски смотреть на мир – значит стремится увидеть скрытые причины наглядно-данного. Идеология так же понимается как некое «смотрение», то есть некая оптическая процедура. Так, К. Манхейм воспринимал идеологию как специфический способ видения или сокрытия вещей от света, затемнения их (Манхейм, 2010. С. 12).

Признание связанности философского мировоззрения с проблематизацией видимого (феноменально данного) важно тем, что дает возможность выделить существенную черту философского мировоззрения, не позволяющую отождествлять философию и идеологию: философия *вопрошает*, идеология *утверждает*.

Идеология как понятие имеет достаточно длительную историческую традицию, что требует отдельного рассмотрения (см.: Малинова, 2023), но если все-таки кратко определить суть идеологии, то на первый план выйдет ее самый существенный – ценностный – аспект, проявляющийся в *оправдании* как важнейшей функции идеологии. Идеология предстает как учение, оправдывающее возвышение и утверждение какой-либо идеи как избранной, особо значимой, в пределе признаваемой *абсолютной* ценностью. Специфика идеологии, по

сравнению с философией, проявляется как раз в том, что идеология стремится устранить процедуры рефлексии, критики и самокритики (Рубцов, 2018. С. 25).

С.С. Неретина, автор ряда интересных работ, посвященных истории философии, отмечает, что завершение советского периода отечественной философии в начале 90-х гг. XX века было связано с ощущением возврата к началам: «Была свободная мысль, когда, наконец, вспомнили, что в философии исходить надо из ее собственных, впервые рождавшихся – вот сейчас – начал, захватывающих мыслителя, *так что ни о какой идеологии в ней не может быть и речи...*» (Неретина, 2023. С. 71). То есть философия, по мнению С.С. Неретиной, становится вне идеологии, если исходит из начал. Философия по своей сути и есть поиск начал. Но здесь важно подчеркнуть *множественность* начал, так как философия начинает сводиться к идеологии в том случае, если утверждается следование (или поиск) только одному началу. Также идеологию можно понимать как «придумывание», создание (конструирование) одного начала. Здесь проявляется отмеченная выше К. Манхеймом такая существенная черта идеологии как «сокрытие вещей». Конечно, поиски первоначала Фалесом и другими древними греками никто не прочитывает как проявление идеологии. Речь о том, что идеология возникает при *целенаправленном* сокрытии (затемнении) уже известных начал в пользу одного.

Яркий пример сведения многообразия мира и множественности начал – это известная постановка *основного вопроса философии* (ОВФ) Ф. Энгельсом, определившая мировоззренческую направленность всей советской философии.

М. Демин, подробно рассматривая историю постановки ОВФ и его направленность, отмечает, что «Пафос сочинения Энгельса состоял в том, что основной вопрос вносит в философские построения такую ясность, на которую не были способны университетские философы», так как «Профессиональные философы, по мнению Энгельса, не в состоянии развивать философию. Ограниченные институциональными рамками государственных университетов, они не могут схватывать сущность проблем и вынуждены прибегать к усложненной и уводящей от сути аргументации» (Демин, 2011. С. 134). То есть ОВФ формулировался для непро-

фессионалов, для рабочих, и цель Энгельса – дать наглядную (упрощенную) классификацию всех философских учений. И эта цель оказалась достигнутой – все философы были разделены на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на вопрос – что первично, материя или дух. Очевидно, что как дидактический прием постановка и решение ОВФ у Энгельса вполне оправданы. Но следует помнить, что ОВФ – это вовсе не исследование предмета философии, ее мировоззренческой направленности. Хотя рассуждения Ф. Энгельса об основном вопросе философии «далеко не лишены смысла» и отражают «концептуальное противостояние материализма и идеализма» (Дубровский, 2002. С. 241).

Упрекать самого Энгельса в целенаправленной идеологизации философии сложно, если вообще возможно. Он стремился дать краткое ясное изложение истории философии для непрофессионалов. С тем же успехом можно упрекать современных авторов учебных методичек по философии в идеологизации, исходя из понимания идеологизации как чрезмерного упрощения. Но идеологизация – это не просто упрощение, а именно закрытие проблем, выделение и утверждение одной идеи, одного аспекта в качестве абсолютной истины. Во многом прав немецкий философ К. Ясперс (1883–1969), писавший, что: «Идеологией называется система идей или представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего оправдания, для маскировки своих подлинных интересов, для того чтобы тем или иным способом уклониться от требуемых решений к своей выгоде в данной ситуации» (Ясперс, 1991. С. 146).

Тем не менее у Энгельса все-таки присутствует заявка на абсолютность. Он пишет не просто об основном вопросе философии⁴: «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бы-

тию» (Энгельс, 1961. С. 282). Энгельс говорит о *великом* вопросе *всей* философии, и у последователей марксизма в советской философии фактически не было выбора в том, что считать основным вопросом всей философии.

Постановка ОВФ – не единственный пример абсолютизации и идеологизации, возникших в марксизме. Абсолютизация и ОВФ, и других положений марксизма происходила уже в советское время под влиянием внефилософских причин. Проблема же в том, что и сегодня предложенная Энгельсом трактовка процессов, проходивших в философии и направленных на выработку мировоззренческой направленности философии, до сих пор подается как единственно верная.

В итоге одна, вполне философская по своему содержанию сути и достаточно фундаментальная проблема, – проблема соотношения мышления и бытия – потеряла по сути свою *проблемность* и перешла на уровень четко сформулированного и имеющего ясное решение *вопроса* (то есть проблема предполагает незавершенность, недостаточность нашего знания в решении какого-либо вопроса). Причем это вопрос, направленный не столько на вопрошание и поиск ответа, сколько на проведение безусловной границы, разделяющей, по мнению автора (Энгельса), *всю* философию на два лагеря. В этом, очевидно, и заключается основная причина жизненности ОВФ в современной учебной и отчасти исследовательской литературе – удобство и однозначность решения.

Между тем, тесная связь идеологии и философии вполне очевидна и в определенной степени объективна. Напомним, мировоззренческая направленность философии несет в себе два неразрывных аспекта: 1) видение целостности мира путем проблематизации очевидного и 2) открытия новых идей, изменяющих мировоззрение. То есть философия невозможна без открытия и оценки теоретической и практической значимости новых идей, а принятие новых идей невозможно без изменения мировоззрения. Идеологичность же философии заключается в том, что она постоянно перестраивает мировоззрение путем открытия новых идей и переоценки старых. Мировоззрение всегда «чье-то», какого социального субъекта, идентифицирующего себя с определенной эпохой и образом жизни.

⁴ Термин «основной вопрос философии» «использовался профессиональными философами значительно раньше, чем это было сделано Энгельсом» (см.: Демин, 2011. С. 135).

Итак, становление мировоззренческой направленности философии – сложный процесс, в котором, кроме указанных выше элементов: 1) кто смотрит; 2) на что смотрит; 3) как (чем) смотрит; свою заметную роль проявляет и такой элемент как 4) где смотрит. «Где» – то есть, в каком социальном, культурном и идеологическом пространстве, в

Список источников

Ахутин А.В. Поворотные времена. СПб. : Наука, 2005. 741 с. EDN: QWKTZH.

Бергер И., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.

Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. СПб. : Алетейя, 2004. 584 с.

Демин М.Р. Еще раз об основном вопросе философии: мышление и бытие в немецкой философии середины 19 в. // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXIX. № 3. С. 133–147. EDN: OEYPIT.

Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М. : Канон+, 2002. 368 с. EDN: SBLEOB.

Кант И. Сочинения. В 8-ми т. М. : Чоро, 1994. Т. 3. 741 с.

Кузнецов В.Ю. Единство мира в постнеклассическую эпоху (к постановке проблемы) // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 150–160. EDN: TDUTFD.

Малинова О.Ю. О методологических трудностях работы с понятием «идеология» // Вопросы философии. 2023. № 2. С. 5–9. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-2-5-9. EDN: GTOLME.

Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М. : Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. 744 с.

Неретина С.С. Философия – не идеология // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 70–74. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-5-70-74. EDN: NVEKSJ.

Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.

Рубцов А.В. Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 18–27. DOI: 10.31857/S004287440000219-5. EDN: ZAMVEF.

Смирнов А.В. Границы философии // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 15–28. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-1-15-28. EDN: KCBWXC.

Столярова О.Е. Реляционная онтология А.Н. Уайтхеда и ее конструктивистская интерпретация // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 84–103. EDN: JUGPXB.

Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 448 с.

Шафоростов А.И. История фундаментальных идей: материя // Известия Лаборатории древних технологий.

составе (или, наоборот, в оппозиции) какого коллективного субъекта. А с учетом усложнения и усиления давления этого пространства на человека как субъекта мировоззрения сохраняет свою актуальность задача философии стремится смотреть на мир критически, избегая абсолютизации одних идей и сокрытия других.

References

Akhutin A.V. (2005) Turning times. St. Petersburg: Nauka. 741 p. (In Russ.). EDN: QWKTZH.

Berger I., Lukman T. (1995) Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium. 323 p. (In Russ.).

Burkert V. (2004) Greek religion: Archaic and classical. St. Petersburg: Alethea. 584 p. (In Russ.).

Demin M.R. (2011) Once again about the main question of philosophy: thinking and being in German philosophy in the middle of the nineteenth century. *Epistemology and Philosophy of Science*. Vol. XXIX. No. 3. P. 133-147. (In Russ.). EDN: OEYPIT.

Dubrovskii D.I. (2002) The problem of the ideal. Subjective reality. Moscow: Canon+. 368 p. (In Russ.). EDN: SBLEOB.

Kant I. (1994) Works. In 8 vol. Moscow: Choro. Vol. 3. 741 p. (In Russ.).

Kuznetsov V.Yu. (2014) The unity of the world. *Voprosy filosofii*. No. 12. P. 150-160. (In Russ.). EDN: TDUTFD.

Malinova O.Yu. (2023) On methodological difficulties when working with the concept “ideology”. *Voprosy filosofii*. No. 2. P. 5-9. (In Russ.). DOI: 10.21146/0042-8744-2023-2-5-9. EDN: GTOLME.

Mankheim K. (2010) Favorites: The diagnosis of our time. Moscow: Publishing house “Russian book”. 744 p. (In Russ.).

Neretina S.S. (2023) Philosophy is not the ideology. *Voprosy filosofii*. No. 5. P. 70-74. (In Russ.). DOI: 10.21146/0042-8744-2023-5-70-74. EDN: NVEKSJ.

Plato. (1993) Collected works: in 4 vol. Moscow: Thought. Vol. 2. 528 p. (In Russ.).

Rubtsov A.V. (2018) The transformations of ideology. The concept of the ideological in the “extreme” expansion”. *Voprosy filosofii*. No. 7. P. 18-27. (In Russ.). DOI: 10.31857/S004287440000219-5. EDN: ZAMVEF.

Smirnov A.V. (2023) The scope of philosophy. *Voprosy filosofii*. No. 1. P. 15-28. (In Russ.). DOI: 10.21146/0042-8744-2023-1-15-28. EDN: KCBWXC.

Stolyarova O.E. (2008) Relational ontology of A. Whitehead and its constructivist interpretation. *Voprosy filosofii*. No. 12. P. 84-103. (In Russ.). EDN: JUGPXB.

Khofmaister X. (2006) What does it mean to think philosophically? (Russ. ed.: Chto znachit myslit' filosofski ? St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 2006. 448 p. (In Russ.).

Shaforostov A.I. (2021) The history of fundamental ideas: matter. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*.

2021. Т. 17. № 4. С. 92–102. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-4-92-102. EDN: XUEHFS.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы. 2-е изд. 1961. Т. 21. С. 269–317.

Юлина Н.С. Физикализм: дивергентные векторы исследования сознания // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 153–166. EDN: OEZAMJ.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Armstrong D.M. What is a Law of Nature? Cambridge, Cambridge University Press, 2016. 168 p.

Информация об авторе

Шафоростов Александр Иванович,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия;
профессор кафедры социальной философии и социологии,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
e-mail: ashafor@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2417-2635>

Вклад автора

Шафоростов А.И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 января 2024 г.; одобрена после рецензирования 22 августа 2024 г.; принята к публикации 2 сентября 2024 г.

Vol. 17. No. 4. P. 92-102. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2021-4-92-102. EDN: XUEHFS.

Engel's F. (1961) Ludwig Feuerbach and the end of German Classical Philosophy. K. Marx, F. Engels. Sobr. op. Moscow: Publishing House of political Literature. Vol. 21. P. 269-317. (In Russ.).

Yulina N.S. (2011) Physicalism: divergent vectors of consciousness research. *Voprosy filosofii*. No. 9. P. 153-166. (In Russ.). EDN: OEZAMJ.

Jaspers K. (1991) The meaning and purpose of history. Moscow: Politizdat. 527 p. (In Russ.).

Armstrong D. M. What is the law of nature? Cambridge, Cambridge University Press, 2016. 168 p.

Information about the author

Alexander I. Shaforostov,
PhD, Associate Professor,
Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia;
Professor of the Department of Social Philosophy and Sociology,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: ashafor@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2417-2635>

Contribution of the author

Shaforostov A.I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 15, 2024; approved after reviewing August 22, 2024; accepted for publication September 2, 2024.

Научная статья
УДК 947:391(571.54)
EDN: NZUPMV
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-99-107>

Старатели золотоносных приисков Забайкалья (середина XIX – середина XX в.)

В.Ф. Иванов

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Статья посвящена старателям приисков Забайкалья, среди которых были представители разных национальностей (русские, буряты, китайцы) и религиозных групп (православные, старообрядцы, буддисты). Автор даёт характеристику разным группам, занятым на приисках: наёмным рабочим, золотничникам, «хищникам». Не менее важной группой золотодобытчиков Забайкалья являлись иностранные подданные – китайцы, труд которых для золотопромышленников был менее затратным и более выгодным в сравнении с местным трудовым резервом. Особое внимание в статье уделено старообрядцам-семейским, которые, являясь крестьянами-земледельцами, в свободное время от хозяйственных работ уходили в отхожий промысел на прииски. Семейские – это группа русского старожилого населения Забайкалья, потомки старообрядцев, выселенные в XVII веке Екатериной II из Польши в Сибирь. Жители сёл Хасурта и Унэгэтэй составляли основной контингент рабочих золотоносного прииска на реке Курбе и её притоках. История образования этих сёл уходит в начало XIX века, когда крещёные буряты, перешедшие в старообрядчество, стали вести оседлый образ жизни и заниматься земледелием и огородничеством. В статье проанализированы причины ухода крестьян на промышленное производство, показана их адаптация на новом месте жительства в глухом таёжном крае. Хронологические рамки охватывают период от создания забайкальских приисков с середины XIX века до Великой Отечественной войны (1941–1945). Исследование основано на документальных материалах Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) и Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), введенных в научный оборот впервые, периодических изданиях, монографиях, воспоминаниях старожилов – свидетелей той эпохи.

Ключевые слова: старообрядцы, семейские, прииск, река Курба, Забайкалье, Хасурта, буряты, китайцы, рудник, золотопромышленник, волостное правление

Для цитирования: Иванов В.Ф. Старатели золотоносных приисков Забайкалья (середина XIX – середина XX в.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 99–107. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-99-107. EDN: NZUPMV.

History

Original article

Gold miners of Transbaikalia (the middle of the XIXth - the middle of the XXth century)

Viktor Ph. Ivanov

Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, Russia

Abstract. The article is dedicated to gold miners of Transbaikalia, who were presented by people of different nationalities – Russians, Buryats, Chinese and various religions - Orthodox Christians, Old-Believers, Buddhists. The author provides features of every group of gold miners – hired workers, *zolotnichniki* (gold miners themselves), “rascals”. One more important group of gold miner foreigners were Chinese. For gold mine owners the work of Chinese was more profitable and less costly if compared with local population. Particular emphasis in the article is paid to Old-Believers, who being cereal growers and husbandry men during their free time were occupied with gold mining. Old-Believers are a group of the Russian long-time residents of Transbaikalia, that are ancestors of old-Believers who were departed from Poland to Siberia by Catherine II in the XVII century. Residents of the villages of Khasurta and Unegetei made the core of miners of goldmines at the Kurba River and its feeders. History of these villages has started from the early XIX century, when Baptized Buryats accepted Old Belief turned to settled way of life

and did farming and gardening. The article provides analysis of reasons of peasants' leave for industrial production, peasants' adaptation to new life conditions is shown. The chronological framework is from establishment of Transbaikal gold mines in the middle of the XIX century till the Great Patriotic War (1941-1945). The research work is based on the documents of the National Archive of the Republic of Buryatia and the National Archive of the Transbaikal Krai, periodicals and research monographs, recollections of old residents.

Keywords: Old-Believers, Semeiskie (the name of Old-Believers in the Transbaikalia), gold mine, the Kurba River, Transbaikalia, Khasurta, Buryats, Chinese, mining camp, owner of gold mines, executive board of a volost

For citation: Ivanov V.Ph. (2024) Gold miners of of Transbaikalia (the middle of the XIXth - the middle of the XXth century). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 99-107. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-99-107. EDN: NZUPMV.

Семейские – это большая группа русских старообрядцев, выселенных Екатериной II в XVII веке из Польши в Забайкалье. В отличие от одиночных переселенцев в Сибирь старообрядцы были выселены целыми семьями, поэтому местное название получили – «семейские». Они отличались крепким физическим здоровьем, отменным трудолюбием и духовной стойкостью. Подробно изучены религиозные, семейно-бытовые, фольклорные и другие стороны жизни старообрядцев, прослежена история заселения и развития Тарбагатайского, Бичурского, Мухоршибирского районов с преобладающим семейским населением (Селищев, 1920; Гирченко, 1922; Попова, 1928; Мотицкий, 1976; Потанина, 1977; Элиасов, 1969; Болонев, 1992; Пыкин, 2021; Костров, 2009; Бураева, 2003; Васильева, 2007). О влиянии забайкальских приисков на жизнь крестьян-старообрядцев писали дореволюционные исследователи Г.М. Осокин, Ю.Д. Талько-Грынцевич и др. (Осокин, 1906; Талько-Грынцевич, 1894). В целом, золотодобыча не раз становилась предметом изучения отечественных исследователей. В работах Л.В. Кальминой, А.М. Плехановой, В.А. Маруева и др. подробно представлена история возникновения и развития приисковой деятельности в Забайкалье (Кальмина, Плеханова, 2015; Маруев, 2017; Маруев, 2018).

К сожалению, работ, посвящённых истории отдельных сёл, особенно тех, где жили потомки старообрядцев и крещёных бурят, практически нет. Это селения – Хасурта и Унэгэтэй, которые административно принадлежали Хоринской Степной думе, в составе отдельного Курбинского общества, в бассейне таёжной реки Курбы (Иванов, 2012)¹. Крещёные буряты, проживая в старообрядческих дерев-

нях, работая у зажиточных крестьян, переходили в старообрядчество. Исследование такого специфического, редкого в истории старообрядчества явления, когда буряты стали исповедовать древлеправославие, переходить на оседлость, заниматься земледелием и животноводством, русские старожилы называли их старообрядцами (семейскими), позволило ввести в научный оборот новые источники, более точно и полно исследовать изучаемые события.

Из-за малоземелья и частых неурожаев, жители этих сёл уходили в отхожий промысел на золотonosные прииски, которых в забайкальской тайге было множество.

Первое золото в истории золотодобычи России было получено из Забайкалья в 1714 году, выплавленное на Нерчинских рудниках из серебряной руды (Данилевский, 1959)². В 1844 году в Восточном Забайкалье на реке Чикой начали работу четыре частных прииска Нерчинского округа – Ивановский, Петропавловский, Никольский и «Дружество». Никольский (или Николаевский) прииск располагался недалеко от старообрядческой станицы Доно (село в современном Калганском районе Забайкальского края). Управляющим Донинскими приисками был крупный золотопромышленник Д.А. Крухновский (Государственный архив Республики Бурятии (ГАРБ). Ф. 169. Оп. 1. Д. 56. Л. 1).

Основной контингент рабочих этого прииска составляли старообрядцы-семейские. Они работали на «отхожем промысле» по добыче золота сезонно, пока не начинались весенне-полевые работы. Трудились добросовестно с большой отдачей. На золотonosные прииски обычно ехали работать молодые парни и одинокие люди. Молодёжи, ко-

¹ Иванов В.Ф. Вглубь уходящие корни : Фотоальбом. Улан-Удэ : НоваПринт, 2012. 247 с.

² Данилевский В.В. Русское золото : учеб. пособие. Москва : Металургиздат, 1959. 380 с.

гда подходило время для прохождения военной службы, приходилось возвращаться в свои селения, где были приписаны. При несвоевременной явке молодых крестьян разыскивали и доставляли на призывной пункт. Наглядным подтверждением является пример с хасуртайским крестьянином Прокопом Кожевниковым, который в 1883 году, находясь на Усурийских золотых приисках, не явился своевременно на пункт военных сборов. По объявленному розыску Кожевникова 10 марта 1884 года доставили на призывной пункт и определили на воинскую службу (ГАРБ. Ф. 169. Оп. 1. Д. 502. Л. 61).

Старшее поколение семейских осуждало работу на приисках, так как, по их мнению, попав в разношёрстную группу приискателей, старообрядец постепенно отходил от своей веры, традиционного уклада крестьянской жизни (Осокин, 1906; Талько-Грынцевич, 1894).

Сельское общество обычно отправляло на прииск одного-двух крестьян для разведки в зимнее время года, когда были завершены земледельческие работы. Приехав на место, они выясняли у подрядчика приисков перечень работ, размер оплаты труда, условия проживания и питания рабочих. Затем по возвращению доверенных разведчиков односельчане собирали группу крестьян, которая отправлялась на старательские работы целой артелью. В 1870 году по поручению жителей Хасуртаевского селения крестьянин Калин Лазаревич Кожевников был откомендован на разведку по приисковым делам, а позже сам устроился по контракту на работу Никольского прииска под управлением отставного штабс-капитана Якимовича (ГАРБ. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 55). По его предложению на сезонный золотоносный промысел были организованы две артели из старообрядцев Хасуртаевского и Унэгэтэйского селений. Несмотря на тяжёлый, изнурительный труд и большую удалённость приисков от деревень, земледельцы-крестьяне охотно соглашались на приисковые работы, так как это значительно улучшало их материальное положение.

Среди жителей сёл Хасурта и Унэгэтэй «ходили слухи» о случаях находки «золотого песка» на реке Курбе, на берегах которой они проживали. В конце XIX века в верховьях реки Курбы по таёжным ключам Молдыгену и Хомою началась разведыва-

тельная работа по поиску золотоносных месторождений. На ключе Мухор-Горхон прииск был открыт в 1886 году, в Хурготе и в Замакте прииски открылись в 1894 году. В 1896 году был разработан прииск Фёдоровский. В 1900 году нашли золото в Малом Молдыгене. Все эти золотоносные участки назывались Курбинскими приисками. Предыстория Курбинских приисков начинается с середины XIX века, когда золотоискатель Сибиряков нашёл в Курбинской тайге небольшие золотоносные жилы и продал их Верхнеудинскому еврейско-золотопромышленнику Абраму Новомейскому. Затем Курбинские прииски отошли другому крупному золотопромышленнику – еврею Герштейну. Занимаясь торговыми делами в Верхнеудинске, отдалённые прииски Герштейн сдал в аренду хасуртайскому крестьянину Анфиногену Ипатовичу Казазаеву, где он работал совместно со своими сыновьями Симоном и Михаилом. Но, из-за недостатка финансовых средств, рабочей силы и труднодоступной местности, крестьяне Казазаевы разорились³. В 1914 году сын Анфиногена Казазаева Михаил вновь попытался открыть собственное дело, подав заявление окружному инженеру Западно-Забайкальского горного округа Медведеву об отводе земли для исследования по ключу Безымянному в Курбинской тайге. В заявлении подробно описывалась таёжная местность и разведывательная работа, в результате чего, по мнению Казазаева, «пробив один шурф по правую сторону ключа, золотоносные пески встречены на глубине 3,5 аршин» (ГАРБ. Ф. 107. Оп. 2. Д. 1128. Л. 3). Открытое золотоносное месторождение промышленник приобретал во временное пользование с последующим правом наследования (Сабурова, 1999). Но начавшаяся I-я Мировая война помешала свершению задуманных планов Казазаева, он был призван на фронт. Служил Михаил Анфиногенович Заурядвоенным чиновником 7 Сибирского артиллерийского запасного батальона на Берёзовке (ГАРБ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1128. Л. 14). После Октября 1917 года участок на Безымянном ключе был национализирован. Так, мечта хасуртаевских старообрядцев Казазаевых стать предпринимателями не осуществилась. Как и не осуществилась мечта братьев

³ Вахрушев Л.М. (1904–1991). Воспоминания записаны автором. Февраль 1986 г. Октябрь 1989 г., с. Хоринск.

Высоцких Александра и Семёна – рабочих Курбинских приисков, переехавших из Хасурты в верховье реки Курбы. Высоцкие – сыновья ссыльнопоселенца, отбывшего каторгу в 1878 году, казака войска Донского Быстрянской станицы Якова Захаровича Высоцкого. Осужден он был за убийство урядника Тихонова и отбыл 8 лет каторги на Нерчинских рудниках (ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 327. Л. 40). Его сыновья женились на хасуртаевских девушках и приняли старообрядческую веру. В 1916 году семьи Высоцких переехали на прииски в Замакту. Дальнейшая судьба Высоцких была трагичной, при земляных работах погибли отец и сын⁴. Работа на приисках не принесла удачи семье Высоцких.

Золотодобыча на приисках велась несколькими категориями приискателей. Первая – наёмные рабочие, которые за свой труд получали повременную заработную плату. Вторая категория – золотники, которые за право работы на приисках выплачивали положенное количество золотников. Третья – наёмные рабочие, которым разрешалось трудиться на прииске во внеурочное время. Четвёртая группа – «хищники», которые нелегально добытое и скрытое золото продавали соседним приискам, представителям банков, агентам других золотопромышленников, китайцам. Работа на частных приисках была выгодной как рабочим, так и хозяину. Общий процент крестьянских хозяйств Забайкалья, занятых на приисковом промысле, в 1898 году составлял 15–20 % (Россия. Комиссия для исследования..., 1898. С. 124). Общий процент крестьянских хозяйств Хасуртаевского и Унэгтэйского селений, задействованных на приисковой работе, составлял 13–14 %. Что было, примерно, в одинаковом соотношении от хозяйств всего Забайкалья в целом (подсчитано автором по: ГАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 211. Л. 5; Ф. 246. Оп. 1. Д. 300. Л. 4).

Чтобы устроиться на золотоносные прииски, крестьянам нужно было получить специальный билет-разрешение от волостного правления или сельского общества, к которому он был причислен. Крестьянин не мог самовольно отлучаться от своего места проживания и уходить на дополнительный заработок без разрешения. Собравшись на сельский сход, староста села и наиболее уважаемые

крестьяне обсуждали кандидатуру желающего отправиться на прииски. В зависимости от общественного решения кандидату выдавался специальный документ на «отлучку» из общества. Чаще всего такой документ выдавался от 2-х до 6-ти месяцев (История Бурятии, 2011).

Так, в начале 1871 года при устройстве на работу в Нерчинских рудниках хасуртайский крестьянин Сысой Иванов получил «Увольнительный билет» от своего общества по месту жительства сроком на шесть месяцев. Унэгтэйское общество отпустило крестьянина Парамона Шурыгина всего на три месяца, старообрядческое общество селения Мухортала разрешило Сафрону Матвееву отлучиться из дома на четыре месяца (ГАРБ. Ф. 169. Оп. 1. Д. 579. Л. 18). Так, власти местного самоуправления вели контроль и поддерживали дисциплину в своих обществах. Жизнь и деятельность человека полностью зависела от общества, в социуме которого он находился.

Закончив сельскохозяйственные работы, собиралась артель из 5–6 крестьян на своих лошадях, с запасом провианта отправлялась в тайгу на прииски. Предпочтение при приёме на работу по добыче золота всегда отдавалось старообрядцам-семейским как отличным и добросовестным труженикам. Кроме того, охотясь в тайге, каждый из них хорошо ориентировался на местности, поэтому руководство приисков определяло их проводниками разведывательных партий. В основном семейские работали в старательских группах по промывке золота. За сезон они получали до 300 рублей, иногда и больше, в зависимости от «фарта» (Белецкий, 1901). Отработав положенный срок, приискатели возвращались в свои селения к семьям, привозя с собой хороший заработок и гостинцы.

К четвёртой категории рабочих на приисках, которых называли «хищники», относились китайцы. Отсутствие постоянной работы у себя на родине, возможность хорошего заработка на добыче золота, заставляло китайских подданных нелегально пересекать российскую границу и идти на прииски. Управляющий приисками или подрядчик заключали с ними трудовые договоры. Китайские рабочие трудились на тяжёлых земляных работах – копали шурфы, отвозили на тачках землю, устанавливали забои. Оплата за их труд составляла вдвое меньше оплаты российского старателя. Подённая

⁴ Бурдуковская С.С. (1899–1995). Воспоминания записаны автором. Ноябрь 1983 г. Апрель 1985 г., с. Хасурта.

плата китайцам приисковой системы Нерчинского округа составляла от 60 копеек до 1 рубля 20 копеек. Русские на этих же приисках получали от 80 копеек до 1 рубля 50 копеек в день (Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10119. Л. 125 об.). В итоге русский старатель ежедневно получал на 20–30 копеек больше. Эти обстоятельства заставляли золотопромышленников отдавать предпочтение китайским подданным, чем соотечественникам (Зиновьев, 1996). Приём китайцев на работу был выгоден для золотопромышленников, не зная русского языка, отсутствие постоянного жилья, заставляло их выполнять самую тяжёлую и чёрную работу, кроме того, китайцы от природы были исполнительными и неприхотливыми.

Отношение правительства Российской империи к китайцам каждый раз менялось в зависимости от международного положения государств. В связи с началом Русско-японской войны и последующим распространением бандитских действий на КВЖД со стороны корейских и китайских диверсантов (хунхузов), 21 июня 1910 года был принят «Закон об установлении в пределах Приамурского генерал-губернатора и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернатора некоторые ограничения лиц, состоящих в иностранном подданстве»⁵. По населённым пунктам волостей Забайкалья были запрошены сведения о проживающих подданных Китая. 15 февраля 1911 года хасуртайский староста Леон Иванов сообщил в Верхнеталецкое волостное правление о проживающих в селе Хасурта шести китайцах, которые открыли небольшие торговые точки в селе (ГАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 449. Л. 5–6). В Хасуртайском селении в эти годы проживало 317 человек. Китайцы составляли 2 % от всех жителей. В соседних селениях: Унэгэтэйском, Мухорталинском, Санномысском и того меньше – 1,4 % (Подсчитано автором по: ГАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 499. Л. 7; ГАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 155. Л. 11). Китайцы, занимаясь торговлей, не оказывали большого влияния на хозяйство местного населения. С началом Первой мировой войны в 1914 году были депортированы в Китай, в сёлах Хасурта и Унэгэтэй осталось только староверческое и православное насе-

ление. Но на приисках Забайкалья труд китайцев использовался вплоть до Великой Отечественной войны, который зачастую был нелегальным. Эксплуатация дешёвого труда китайских рабочих имела и отрицательные последствия для владельцев приисков. Китайцы занимались фальшивомонетничеством, вывозом контрабандного золота. В годы Первой мировой войны на российских границах ужесточился контроль вывоза золота за границу. Горные чиновники требовали запрещения использования труда китайцев на приисках. 27 сентября 1916 года Совмин принял «Правила о найме и перевозке рабочих жёлтой расы»⁶. Эксплуатация китайских приискателей фактически стала нелегальной, но управляющие приисков продолжали держать их у себя в большом количестве. Судьба многих китайских приискателей была трагична. Не все они имели документы, разрешающие жить в России, переходили границу и проживали в России нелегально. Часто подвергались нападению грабителей. Мало кто из китайских приискателей благополучно добирался до своей родины и семьи. Так, по воспоминаниям старожилов, хасуртайский крестьянин Андрон Кожевников встретил на лесной дороге одинокого китайца-приискателя и вызвался его подвести. Через какое-то время Кожевников открыл торговую лавку в селе, а китаец куда-то «пропал». Другой случай произошёл уже в советское время в 1930-е годы. Шёл китаец с Курбинских приисков через Хасурту. При задержании милицией оказал сопротивление, был убит и похоронен здесь же, на краю дороги. Место это возле села Хасурта, стало называться Китайским Бором. Оно отличалось изобилием грибов, но местные жители боялись этого места и обходили стороной⁷.

Жизнь и быт старателей первых лет Советской власти мало чем отличались от жизни старателей до революции. Сохранялся тяжёлый ручной труд. Золото добывали примитивным ручным способом с помощью деревянных лотков, драг и применяя конную тягловую силу.

⁶ Правила о найме и перевозке рабочих жёлтой расы (Высочайше утверждены 27 сентября 1916 г.) // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/72078> (дата обращения: 19.06.2023).

⁷ Бурдуковская С.С. (1899–1995). Воспоминания записаны автором. Ноябрь 1983 г. Апрель 1985 г., с. Хасурта.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1913. Т. XXX. Отд. 1. № 33858. С. 825.

Постепенно жизнь на приисках налаживалась. Начали строить новые отдельные двухквартирные дома. Открывались магазины, столовые, пекарни, общественные бани, был построен клуб и школа. Курбинские прииски после национализации были переименованы в Прибайкальские тресты «Байкалзолота». В 1948 году по Замактинскому избирательному участку № 8 насчитывалось 204 избирателя. Дети учились в местной Прибайкальской неполной семилетней школе. В 1948 году в школе обучалось 33 человека (Архивный отдел МО «Хоринский район». Ф. 14. Оп. 1. Д. 11. Л. 5).

В 1930-х годах с проведением сплошной коллективизации, раскулачиванием жители стали уходить из деревень на прииски. Приисковая деятельность обеспечивала крестьян стабильным заработком, в отличие от колхозных трудодней. Среди семей переселенцев было много и молодёжи. На приисках молодёжь знакомилась, создавала семьи, играла комсомольские свадьбы. В свободное время молодёжь собиралась в клубе, устраивала танцы, вечера отдыха, игры. За хорошую работу старателей премировали, награждали путёвками на курорт «Ангара» в Иркутск⁸.

Федосья Галактионовна Иванова-Косыгина (1928 г. р.) вспоминала, что они переехали из Хасурты на прииск в начале 1930-х годов. Во время Великой Отечественной войны её отец Галактион Афанасьевич в 1942 году был призван на фронт, а в марте 1943 года погиб под Смоленском. У матери осталось на руках шесть детей. Федосья работала вместе со взрослыми на добыче золота. При погрузке породы малолетним старателям не досыпали двух лопат, чтобы легче было катить тачку. Зарплата выдавалась 80 % от зарплаты взрослых. Но подростки всё равно были очень довольны оплатой, так как могли позволить себе купить продукты и одежду⁹. В сравнении с колхозниками близлежащих деревень, старатели приисков, несмотря на тяжёлый труд, имели на руках деньги, были более материально обеспечены.

В 1930-х годах в Бурят-Монголию приехало 106 семей из Воронежской, Томской, Кировской

областей, из Удмуртской АССР, Башкирской АССР. Многие семьи переселенцев устроились на работу на прииски. Основной контингент рабочих Прибайкальского прииска «Байкалзолото» состоял из татар, башкир, азербайджанцев и семейских-старообрядцев из Хасурты, Мухорталы, Унэгэтэя. По воспоминаниям Никандра Дмитриевича Городилова из Башкирии, он работал в бригаде старателей хасуртайских старообрядцев, отмечал их отменное трудолюбие и выносливость¹⁰. Прииск стал местом многонационального общего труда и интернациональной дружбы народов СССР.

С началом Великой Отечественной войны с Прибайкальского прииска на фронт ушли 90 мужчин¹¹. Но жизнь и работа на прииске не остановилась. В годы войны в забое трудились женщины и подростки. Шесть дней в неделю приискатели работали за заработную плату, а седьмой, выходной, трудились бесплатно в фонд обороны. Свыше ста тружеников Прибайкальского прииска были награждены медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (ГАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 1416. Л. 78–79).

За годы советской власти Курбинские прииски стали большим рабочим посёлком с развитой инфраструктурой. По свидетельствам бывших приискателей «жили в Замакте хорошо, дружно. Хотя население посёлка было разнородным по своему составу, не было никаких происшествий, хулиганства». Рабочие приисков не имели возможности заниматься земледелием и огородничеством. Суровые климатические условия не позволяли жителям Замокты выращивать овощи. Хорошая плодородная почва была южнее населённого пункта в местности Усть-Хомой, где находилось подсобное хозяйство. Китайцы-огородники Фун-Бин и Фун-Ся выращивали огурцы в парниках, морковь, репу, брюкву, свёклу, лук, картофель. Местные жители держали скот, занимались промысловой охотой, заготавливали ягоды, грибы, орехи¹².

¹⁰ Городилов Н.Д. (1930–2008). Воспоминания записаны автором. Февраль 1998 г., с. Хоринск.

¹¹ Архив Хоринского районного военного комиссариата. Алфавитная книга призывников в РККА по Хоринскому РВК 1941–1945. Т. 1.

¹² Иванова-Косыгина Ф.Г. (1928 г. р.) Воспоминания записаны автором. Апрель 2020 г., с. Хоринск.

⁸ Мартынова Е.М. (1921–1999). Воспоминания записаны автором. Июнь 1995 г., с. Хоринск.

⁹ Иванова-Косыгина Ф.Г. (1928 г. р.) Воспоминания записаны автором. Апрель 2020 г., с. Хоринск.

Со временем основные запасы золота были исчерпаны, работы на приисках прекратились. Рабочие постепенно стали выезжать за пределы сельсовета на другие объекты. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 июня 1950 года Замактинский сельсовет был ликвидирован (Архивный отдел МО «Хоринский район». Ф. 20. Оп. 1. Д. 8. Л. 4). На месте бывшего прииска осталась метеостанция, которая функционирует по сей день.

Открытие приисков по добыче золота в Забайкалье, начиная с середины XIX в., способствовало освоению новых территорий. Для местного населения прииск был источником дополнительного заработка в период окончания крестьянских сельскохозяйственных работ. Рабочими Курбинских приисков в основном были старообрядцы сёл Хасурта, Унэгэтэй, Мухортала, которые являлись потомками смешанных браков русских с бурятами, которые приняли православие и в дальнейшем перешли в старообрядчество. Занимаясь разведением скота, огородничеством и хлебопашеством,

многие из них уходили из своих сёл в «отхожий промысел» на заработки. На новом месте старообрядцы-семейские отходили от традиционного крестьянского быта и приспосабливались к новым условиям жизни и трудовой деятельности. После выработки золотоносных месторождений и закрытия приисков в таёжных малодоступных местах Забайкалья на их месте образовывались крупные лесозаготовительные участки. Население бывших приисков, среди которых были и семьи старообрядцев, переходило на добычу и переработку древесины. Деревоперерабатывающая промышленность в послевоенные годы стала одной из ведущих отраслей Забайкалья, т. к. стране требовалось большое количество древесины для восстановления разрушенного войной хозяйства. Развитие деревообработки и создание леспромпхозных участков способствовало развитию экономики Забайкалья. Семейские-старообрядцы, отличавшиеся большим трудолюбием и высокой работоспособностью, внесли весомый вклад в освоение и развитие Забайкалья.

Список источников

Белецкий П.К. Забайкальские раскольники // Сибирский сборник : научно-литературное периодическое издание : приложение к «Восточному обозрению». Иркутск : тип. газ. «Восточное обозрение», 1901. Вып. 1. С. 81–87.

Болонев Ф.Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1992. 224 с.

Бураева С.В. «Богодухновенные книги» старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 98 с.

Васильева С.В. Власть и старообрядчество Забайкалья (XVII – начало XX в.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 231 с. EDN: QULZHF.

Гирченко В.П. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск : Кн-во объединенного прибайкальского союза кооперативов, 1922. 20 с.

Зиновьев В.П. Китайские и корейские рабочие на горных промыслах Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. // Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. : сборник статей. Томск : Изд-во Национального исследовательского Томского государственного университета, 1996. С. 79–100. EDN: WIIXOT.

References

Beletzkii P.K. (1901) Transbaikal Dissenters. *Sibirskii sbornik: nauchno-literaturnoe periodicheskoe izdanie: prilozhenie k "Vostochnomu obozreniyu" = Siberian Collection: Scientific and Literary Periodical: Supplement to the "Eastern Review"*. Irkutsk: tip. gaz. "Vostochnoe obozrenie". Iss. 1. P. 81-87 p. (In Russ.).

Bolonev F.F. (1992) Semeiskie: Historical and ethnographic articles. Ulan-Ude: Buryat Publishing House. 224 p. (In Russ.).

Buraeva S.V. (2003) "Inspired Books" of the Old-Believers (Semeiskie) of Transbaikalia. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 98 p. (In Russ.).

Vasil'eva S.V. (2007) Authorities and Old-Believers of Transbaikalia (XVIII - early XXth century. Ulan-Ude: Bureat State University. 231 p. (In Russ.). EDN: QULZHF.

Girchenko V.P. (1922) On the history of migration of Old-Believers to the Baikal region. Verkhneudinsk: Publishing house of the United Baikal Union of co-operative societies. 20 p. (In Russ.).

Zinov'ev V.P. (1996) Chinese and Korean workers at the mining of Siberia and Far East in the late of XIX-XX century. *Voprosy ekonomicheskoi istorii Rossii XVIII–XX vv. Sbornik statei = Questions of Economic History of Russia in XVIII-XX. Collection of articles*. Tomsk: The National Research Tomsk State University. P. 79-100. (In Russ.). EDN: WIIXOT.

История Бурятии : в 3 т. / лит. ред.: чл.-корр. РАН Б.В. Базаров. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Том II. XVII – начало XX в. 624 с.

Кальмина Л.В., Плеханова А.М. Золотодобыча в Западном Забайкалье в 1880–1920-е годы: региональная специфика // Гуманитарный вектор. 2015. № 3 (43). С. 29–35. EDN: UJDYQR.

Костров В.А. Старообрядцы Байкальской Сибири в начале XX века. Иркутск : Оттиск, 2009. 68 с.

Маруев В.А. Съезды золотопромышленников Забайкалья в 1898–1919 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2 (70). С. 58–61. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-58-61. EDN: YTNVCF.

Маруев В.А. Золотодобыча Забайкалья начала XX в. в свете взаимоотношений государственной власти и съездов предпринимателей // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 23. С. 62–69. EDN: YRNYMZ.

Мотицкий В.П. Старообрядчество Забайкалья: прошлое и настоящее. Улан-Удэ : Бурят. кн. из-во, 1976. 80 с.

Осокин Г.М. На границе Монголии: очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1906. [8], 304 с.

Попова А.М. Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. 38 с.

Потанина Р.П. Свадебная поэзия семейских Забайкалья (конец XIX – семидесятые годы XX в.). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1977. 160 с.

Пыкин В.М. Наследники огнепального протопопа. Фамильный состав семейских 1768–1919 гг. Улан-Удэ : НоваПринт, 2021. 175 с.

Россия. Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы / высочайше учрежденная под пред. статс-секретаря Куломзина Комис. для исслед. землевладения и землепользования в Забайкал. обл. ; [предисл. к изд. : Н. Петерсон]. СПб., 1898. Вып. 5. Исторические сведения / сост. А. Щербачев. [4], 147, [1], 325 с.

Сабурова Н. Амурское золото // Родина. 1999. № 3. С. 94–95.

Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск : Гос. Иркутск. ун-т, 1920. [2], 81 с.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье // Протокол обыкновенного общего собрания Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. N 2: Заседание 28 октября 1894 года. Кяхта : Кяхтинская общественная типография, 1894. 29 с.

Элиасов Л.Е. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во. 1969. 175 с.

Bazarov B.V. (2011) History of Buryatia. In 3 vol. Vol. II. XVII - the early of XXth century. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of sciences. 624 p. (In Russ.).

Kal'mina L.V., Plekhanova A.M. (2015) Gold Mining in Western Transbaikalia in 1880-1920: regional specific features. *Humanitarian Vector*. No. 3 (43). P. 29-35. EDN: UJDYQR.

Kostrov A.V. (2009) Old-Believers of the Baikal Siberia in the early of the XXth century. Irkutsk: Ottisk. 68 p. (In Russ.).

Maruev V.A. (2017) The congresses of Transbaikal gold industry entrepreneurs in 1898-1919. *Bulletin of Kemerovo State University*. No 2 (70). P. 58-61. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-58-61. EDN: YTNVCF.

Maruev V.A. (2018) Gold mining in Transbaikalia in the early 20th century in the context of relationship between government and convention of entrepreneurs. *Bulletin of Irkutsk State University. Series History*. Vol. 23. P. 62-69. EDN: YRNYMZ.

Motitskii V.P. (1976) Old-Believers of Transbaikalia: the Past and the Present (XVIII-XX centuries). Ulan-Ude: Buryat Publishing House. 80 p. (In Russ.).

Osokin G.M. (1906) On the Border of Mongolia: Articles and Documents to the South-West Transbaikalia Ethnography. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina. 304 p. (In Russ.).

Popova A.M. (1928) Semeiskie (Old-Believers of Transbaikalia). Verkhneudinsk. 38 p. (In Russ.).

Potanina R.P. (1977) Bridal Poetry of the Semeiskie of Transbaikalia (end of XIX century - 70s of XX). Ulan-Ude: Buryat Publishing House. 160 p. (In Russ.).

Pykin V.M. (2021) Descents of the Disgraced Archpriest. Ancestral Structure of Semeiskie of 1768-1919. Ulan-Ude: Nova Print. 175 p. (In Russ.).

Shcherbachev A. (1898) Russia. Committee for Research of Land Owning and Land Usage in the Transbaikal Region. Collection. Imperially Established under the Chairmanship of State Secretary of Kulomzin. St. Petersburg. Iss. 5. Historical Lights. 325 p. (In Russ.).

Saburova N. (1999) Amur Gold. *Motherland*. No. 3. P. 94-95. (In Russ.).

Selishchev A.M. (1920) Old-believers of Transbaikalia: Semeiskie. Irkutsk: Gos. Irkutsk. un-t. 81 p. (In Russ.).

Talko-Gryntsevich Y.D. (1894) Semeiskie (Old-Believers) of Transbaikalia. *Protokol obyknovennogo obshchego sobraniya Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. N 2. Zasedanie 28 oktyabrya 1894 goda = Minutes of the ordinary general meeting of the Troitskosavsk-Kyakhtinsky Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society. No. 2. Meeting on October 28, 1894. Kyakhta: Kyakhta Public Printing House. 29 p. (In Russ.).

Eliasov L.E. (1969) Traditional poetry of Semeiskie. Ulan-Ude: Buryat Publishing House. 175 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Иванов Виктор Филиппович,
научный сотрудник кафедры «Социально-гуманитарные
науки, реклама и туризм»,
Бурятская государственная сельскохозяйственная
академия им. В.Р. Филиппова,
670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8, Россия,
e-mail: irusikkig@gmail.com

Вклад автора

Иванов В.Ф. выполнил исследовательскую работу, на
основании полученных результатов провел обобщение и
подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 27 мая 2024 г.;
одобрена после рецензирования 22 июля 2024 г.; принята
к публикации 29 июля 2024 г.

Information about the author

Viktor Ph. Ivanov,
Scientific Associate, the Department of Social Sciences and
Humanities, Advertising and Tourism,
Buryat State Academy of Agriculture named after
V.R. Philippov,
8, Pushkin St., Ulan-Ude 670034, Russia,
e-mail: irusikkig@gmail.com

Contribution of the author

Ivanov V.Ph. carried out a research work, based on the
obtained results made the generalization and prepared the
manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Article info

The article was submitted May 27, 2024; approved after
reviewing July 22, 2024; accepted for publication July 29,
2024.

Научная статья

УДК 94(100)

EDN: PWSYAO

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-108-119>

«Усиленно знакомятся»: Взаимовосприятие иностранных военнопленных и сибирского населения во время Первой мировой и начала Гражданской войн (по запискам И.И. Серебренникова)

Р.Г. Гагкуев¹, П.А. Новиков²

¹ Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

² Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В рамках комментирования исторических источников и анализа поведенческого выбора иностранцев между крайностями дистанцирования и вовлеченности в события Гражданской войны авторы обращаются к свидетельствам И.И. Серебренникова по теме взаимовосприятия военнопленных и сибирского населения. Их особая ценность помимо компетентности автора определяется тем, что фиксация информации проводилась «по горячим следам», фрагментами прямой речи, вписанностью в контекст российской и мировой истории. Современными исследователями сделаны важные обобщения о роли военнопленных в Гражданской войне, вводятся в научный оборот исторические источники. В данной статье последовательно рассмотрены воспоминания об интернировании иностранных граждан, упомянуты оценки «немецкого засилья» в России, даны описания первых встреч военнопленных и местного населения с характеристикой взаимного восприятия, затронута тема осведомленности о содержании вражеской пропаганды. Главный вывод И.И. Серебренникова, сделанный в декабре 1914 г.: «Сибирь во всех последних войнах преследует особая удача: во время Русско-японской войны с нашею окраиною познакомилось множество землеробов из Европейской России; теперь усиленно знакомится с нею за граница в лице пленных германцев, австрийцев и турок». Встретившиеся стороны восприняли друг друга достаточно благодушно – иностранцы были восхищены Сибирью вплоть до появления планов остаться в ней после войны, а местное население вело себя в отношении военнопленных дружелюбно. Сообщения о большом количестве сдавшихся в плен врагов поддерживали оптимизм и уверенность российского населения в тылу. Подчеркнута высочайшая нагрузка от размещения военнопленных на городскую и казарменную инфраструктуру Сибири и Дальнего Востока. С конца 1916 г. военнопленные становятся проблемой – «не желают работать, перестают повиноваться». В заключение упомянута драматичная историческая коллизия, когда событиями Великой российской революции была перенесена на просторы Сибири давняя борьба чехословаков и венгров.

Ключевые слова: иностранные военнопленные, население, восприятие, Иван Иннокентьевич Серебренников, Сибирь, Иркутск, Первая мировая война, Гражданская война, повседневность, пропаганда, динамика

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00216, <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>.

Для цитирования: Гагкуев Р.Г., Новиков П.А. «Усиленно знакомятся»: Взаимовосприятие иностранных военнопленных и сибирского населения во время Первой мировой и начала Гражданской войн (по запискам И.И. Серебренникова) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 108–119. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-108-119. EDN: PWSYAO.

«Intensive acquaintance»: Mutual perception of foreign prisoners of war and the Siberian population during the First World War and the beginning of the Civil War (from notes by I.I. Serebrennikov)

Ruslan G. Gagkuev¹, Pavel A. Novikov²

¹ Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. Within the framework of commenting on historical sources and analyzing the behavioral choice of foreigners between the extremes of distancing and involvement in the events of the Civil War, the authors turn to the testimonies of I.I. Serebrennikov on the topic of mutual perception of prisoners of war and the Siberian population. Their special value, in addition to the author's competence, is determined by the fact that the fixation of information was carried out "hot on the trail", fragments of direct speech, inscribed in the context of Russian and World history. Modern researchers have made important generalizations about the role of prisoners of war in the Civil War, and historical sources are introduced into scientific circulation. This article consistently examines the memories of the internment of foreign citizens, mentions assessments of the "German dominance" in Russia, describes the first meetings of prisoners of war and the local population with characteristics of mutual perception, touches on the topic of awareness of the content of enemy propaganda. The main conclusion of I.I. Serebrennikov, made in December 1914: "Siberia has been especially lucky in all recent wars: during the Russian-Japanese war, many earthworms from European Russia got acquainted with our outskirts; now the foreign countries are intensively getting acquainted with it in the person of captured Germans, Austrians and Turks." The parties that met perceived each other quite complacently - foreigners were delighted with Siberia until the appearance of plans to stay in it after the war, and the local population behaved friendly towards prisoners of war. Reports of a large number of surrendered enemies supported the optimism and confidence of the Russian population in the rear. The highest burden from the placement of prisoners of war on the urban and barracks infrastructure of Siberia and the Far East is emphasized. Since the end of 1916, prisoners of war have become a problem - "they do not want to work, they stop obeying." In conclusion, a dramatic historical collision is mentioned, when the events of the Great Russian Revolution transferred the long-standing struggle of Czechoslovaks and Hungarians to the expanses of Siberia.

Keywords: foreign prisoners of war, population, perception, Ivan Innokentievich Serebrennikov, Siberia, Irkutsk, World War I, Civil War, everyday life, propaganda, dynamics

Acknowledgements. This work has been supported by the grant of the Russian Science Foundation, RSF24-18-00216, <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>.

For citation: Gagkuev R.G., Novikov P.A. (2024) "Intensive acquaintance": Mutual perception of foreign prisoners of war and the Siberian population during the First World War and the beginning of the Civil War (from notes by I.I. Serebrennikov). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 108-119. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-108-119. EDN: PWSYAO.

Тема участия иностранцев, ранее плененных русской армией во время Первой мировой войны, в последующей Гражданской войне включает множество важных взаимосвязанных аспектов. Это и взаимодействие военнопленных и принимающего общества; и этнические, и социальные, и политические стороны такого взаимодействия; и механизм выбора и последующей реализации различных стратегий реагирования на внутрироссийский конфликт; и действовавший комплекс идеологического воздействия на пленных с учетом их этнической принадлежности; и разнона-

правленная динамика изменения настроений пленных и т. д.

В советской историографии тема интернациональной солидарности трудящихся, в том числе военной, являлась одной из приоритетных и была широко представлена как в специальных работах, так и отдельных фрагментах и упоминаниях (Вегман, 1927¹; Интернационалисты: Трудящиеся..., 1967; Агалаков, 1968; Познанский, 1973). Интерес

¹ Вегман В. Военнопленные империалистической войны // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 517.

к истории пребывания военнопленных Первой мировой войны в Сибири значительно вырос в постсоветский период (Греков, 1997; Иконникова, 1998; Шлейхер, 2001; Иконникова, 2004; Новиков, 2005; Гергилева, 2007; Ануфриев, 2014; Шиловский, 2015; Ануфриев, Козлов, 2019; Anufriev, Kozlov, Kaba, 2021; Гагкуев, 2022). Предпринимаются настойчивые усилия по преодолению идеологической предвзятости (Новиков, Романов, 2011; Хипхенов, 2018; Хипхенов, 2022).

Современными исследователями сделаны важные обобщения о роли военнопленных в Гражданской войне и постоянно уточняется значение иностранного фактора в ней (Гагкуев, Чжан, 2019). Активно вводятся в научный оборот исторические источники (Ануфриев, 2009; Новиков, 2011), включая бывшие ранее не доступными на русском языке (Ланник, 2021; Гагкуев, 2022). Воспоминания о пребывании в плену повлияли и на зарубежную художественную литературу, в частности на романы Э. Двингера, а через нее оказали значительное влияние на европейскую культуру и политику (Двингер, 2004; Вурцер, 2004).

В рамках предметно-тематического комментирования исторических источников и комплексного научного анализа выбора иностранцами линии их поведения между крайностями дистанцирования и вовлеченности представляется целесообразным обратиться к свидетельствам 1914–1918 гг. об общей атмосфере взаимовосприятия военнопленных и сибирского населения, принадлежащие перу известного иркутского общественного деятеля Ивана Иннокентьевича Серебренникова (годы драматичной жизни которого 1882–1953) (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 609. Оп. 1. Д. 1). Их особая ценность помимо эрудиции и компетентности автора (Новиков, 2009) определяется тем, что фиксация информации проводилась «по горячим следам», фрагментами интересной и содержательной прямой речи, органической вписанностью в контекст российской и мировой истории. Сюжет взаимовосприятия представляется сложным и в достаточной степени самостоятельным, чтобы предметно сфокусироваться в данной статье именно на нем, а важнейшие «выходы» в смежные сюжеты лишь упомянуть и сопроводить библиографическими отсылками на предметно освещающие их

научные публикации. Все даты в статье приводятся по старому стилю.

Открывает иностранную тему в военном дневнике И.И. Серебренникова запись от 4 августа 1914 г., в тот самый день, когда четыре Сибирских стрелковых полка иркутского гарнизона под звуки бодрых песен отправлялись на фронт. Одновременно местные «военнопленные» (германские и австрийские подданные, проживавшие в Иркутске) были заключены под стражу в Воскресенско-Крестовоздвиженском городском начальном училище на Амурской улице. Под присмотром стражи днём они «мирно прохаживались по усадьбе училища, читали на лужайке книги, беседовали друг с другом о военных событиях. Двумя днями ранее – 2 августа через Иркутск по Транссибирской магистрали на восток уже проследовала первая партия из 32 военнопленных, перевозимая в составе обычного поезда (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 526, 530). Напомним, что первые выстрелы на российско-германской границе прозвучали вечером 19 июля под Калишем, на русско-австрийской – 24 июля в Галиции (Керсновский, 1994. С. 178–179).

Примечательна развернутая запись за 9 августа 1914 г.: «Распространяются слухи, что скрылся командующий войсками Степного² военного округа генерал Шмидт³. По-видимому, этот истинно русский генерал был из немцев. Немцы – это население России, половина видных должностей по империи занята ими. В течение почти двухсот лет они наводняют Россию через окно, прорубленное в Европу. До этого в Сибири видные воеводские места занимали князья Гагарины, Трубецкие, Волконские, Барятинские... Но стоило только прорубить окно в Европу, как первым иркутским губернатором оказался немец фон-Фрауендорф. В русско-японскую войну войсками командовали Каульбарсы, Гриппенберги, Бильдерлинги, Мейендорфы, Гершельманы, Гернгроссы, Стессели, Ренненкампы. Et cetera, et cetera.

² Такого военного округа не было, а слухи, естественно, ложные. (Прим. авт.).

³ Правильно Шмит Евгений Оттович (1844–1915), с 1907 г. генерал от кавалерии, с 1908 г. – командующий войсками Омского военного округа, Степной генерал-губернатор и наказной атаман Сибирского казачьего войска. (Прим. авт.).

Это так же дико, как если бы немецкими войсками, сражающимися против нас, командовали теперь генералы Ивановы, Поповы, Собакины, Толстобрюховы. Увы! Я предвижу, что и в настоящую войну во главе наших войск будет много русских немцев.... В Государственном совете заседают Будберг, фон-Валь, Витте, Гербель, фон-Гойнинген-Гюне, Дейтрих, Иксуль-фон-Гильденбандт, фон-Кауфман ... Ну, не довольно ли? Это уже подлинное «инородческое засилье» (Серебренников, 2008. С. 25–26). Но, к сожалению, по Серебренникову, о таком засилье было принято молчать. Таким образом, и в Сибири российская общественность демонстрировала элементы ксенофобии и зерна будущих антинемецких погромов, что случилось спустя 10 месяцев в Москве.

15 августа 1914 г. Серебренников эмоционально замечает и сокрушается: «Боже мой! Как мы далеки от войны! Целые тысячи вёрст отделяют нас, сибиряков, от театра войны. Мы не слышим биение пульса её. Париж отстоит от театра войны в 150–200 верстах, Берлин – в 300–400... Все эти расстояния мизерные на наш сибирский масштаб. И мы можем лишь теоретически понять, что переживают теперь эти мировые центры!

Картина 24 августа – сквозь решётку ограды пленных весьма упорно, внимательно и сосредоточенно и спокойно разглядывают солдаты русской армии. Не слышно каких-либо ругательств, насмешек. «Так вот каковы эти немцы!» – думают наши запасные и приглядываются к врагу... Среди пленных немцы составляют, конечно, большинство, но есть и австрийские чехи. Я разглядывал нескольких своих знакомых: настройщика роялей и энтомолога Отто Г., парикмахера Х., которого иркутяне до войны называли, шутя «Ифан Ифанычем», инструктора скэтинг-ринга Т. и прочие». В завершении сюжета интернированных лиц отметим, что в середине сентября они были высланы на север Иркутской губернии, в Киренский уезд.

Первые встречи

В течение сентября 1914 г. стало известно о вероятном прибытии в Иркутск большой партии из 25000 австрийских военнопленных, которых планировалось разместить в казармах убывших на фронт русских частей. Причем уже 24 сентября Иркутская городская управа обсуждала возмож-

ность использования военнопленных на городских работах и дала отрицательное заключение. С 29 сентября мимо Иркутска следовали уже отдельные эшелоны с военнопленными, до 1500 человек в каждом.

5 ноября 1914 г. в Иркутске размещены военнопленные: австрийцы и германцы, привезённые с театра войны. Переселенческий чиновник рассказывал Серебренникову, что австрийцы, русины, проезжавшие по станциям Сибирской железной дороги, на одном из вокзалов в Иркутской губернии встретились с группой новосёлов, выходцев из пограничных с Австрией губерний Европейской России. Оказались знакомые. Произошёл любопытный обмен мнениями и выражениями удивления. Русины с большим интересом расспрашивали малороссов. Последние хвалили Сибирь. Один из русинов заметил: «Пожалуй, когда кончится война, и я останусь в Сибири и выпишу сюда свою семью».

Серебренников отмечает удивление военнопленных от сибирского простора, от многочисленности русских солдат в городах Сибири, от дешевизны продовольствия. И в заключении делает оптимистичный вывод: «Пройдёт война, возвратятся пленные домой и поведают землякам, что чёрною неправдою было всё то, что им говорили перед войною о России их начальники и о чём писали в газетах. Они вернутся на родину с сознанием величия русского государства и расскажут длинные повести о добродушии русского героя-солдата. Среди пленных нередко можно встретить социал-демократов, которые с любопытством расспрашивают о *parteigenossen* (партийных товарищей) в Сибири» (Серебренников, 2008. С. 62).

18 ноября. Сегодня штаб главнокомандующего сообщает, что всего за первую половину ноября месяца русскими взято в плен до 50 000 австро-венгерских солдат, при 600 офицерах. Серебренников предполагал, что «Сибирь в скором времени будет наводнена военнопленными».

Поскольку динамика численности военнопленных проанализирована в статистической (Россия в мировой войне, 1925)⁴, научной (Brändström,

⁴ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М.: Центральное статистическое управление, отдел военной статистики, 1925. [2], 103 с.

1927) и справочно-энциклопедической литературе, сделаем лишь замечание самого общего характера (Новиков, 2014a⁵; Новиков, 2014b⁶; Новиков, 2014с⁷). В Западной Сибири (Омский военный округ) максимальное число иностранцев в заключении пришлось на первые три четверти 1917 г. и превысило 200000 человек (при населении в 9,25 млн человек или 46 на 1), в Восточной Сибири (Иркутский военный округ) – на лето 1916 г. около 200000 (на 3,11 млн жителей или 16 на 1), на Дальнем Востоке (Приамурский военный округ) – на январь 1916 г. до 47000 (на 840000 местных жителей или 18 на 1). Таким образом можно констатировать высочайшую нагрузку от размещения военнопленных на казарменную инфраструктуру Азиатской России. Во 2-й половине 1916 – 1-й половине 1917 г. часть военнопленных была отправлена из Сибири в Поволжье в пределы Казанского военного округа на сельскохозяйственные работы.

Вернемся к запискам И.И. Серебренникова: «13 декабря 1914 г. Стоят крепкие холода. Солнце повернуло на лето, а зима на мороз. Холода, видимо, заставляют пленных сидеть по местам.... Появились и турецкие пленные. Эти пленные имеют крайне жалкий вид и прикрыты какими-то лохмотьями. **Сибирь во всех последних войнах преследует особая удача: во время русско-японской войны с нашею окраиною познакомилось множество землеробов из Европейской России; теперь усиленно знакомится с нею за граница в лице пленных германцев, австрийцев и турок**» (Серебренников, 2008. С. 73).

Спустя два месяца, 12 февраля 1915 г., Серебренников повторил эту же мысль на фоне оценки мирового контекста «Небо земли завлакивается грозными тучами. Просвета не видно. Чуть не еженедельно возникают осложнения

держав: то Японии с Китаем, то Соединенных Штатов с Японией и даже с Германией. Ожидаются выступления Италии, Румынии и Болгарии. А наша далёкая пока от международной борьбы Сибирь наводняется всё новыми и новыми партиями военнопленных: германцев, австрийцев и турок, снабемых вшами» (Серебренников, 2008. С. 91).

21 декабря 1914 г. Поступила в архив копия с письма одного германского пленного солдата. Это – «письмо на родину» весьма трогательно написано. Пленник трижды уверяет свою жену в том, что ему живётся здесь хорошо... «Die Russen sind noch bessere Leute, wie bei uns. Hore, zwei mal am Tage Fleisch, Suppe, Tee, halbes Brot, Zucker. Ich Sage dir, besser Lebt mancher zu Hause nicht»⁸, – пишет своей жене и своим kinderchen пленный. То-то успокоятся они, когда получат письмо от отца. (Серебренников, 2008. С. 75).

23 декабря. Русские нанесли жестокое поражение туркам у Ардагана – вот существенное событие дня. Бог даст, справимся мы и с турками. Пленных турок уже везут в Сибирь. Мне передавали беседу одного из местных жителей с турком из пленных. Турок рассказывал о том, как шла мобилизация в Малой Азии у нашей границы. Приходил в деревню отряд солдат, затем брали списки запасных, шли по домам, арестовывали призываемых в войска, связывали им руки и в таком виде гнали в Эрзерум, где и заперли в казармы. Назавтра выдали одежду и оружие, причём ружья получила только половина солдат. Остальные были отправлены в поход без ружей. Они должны были подбирать ружья у убитых и раненых. Насколько это верно, Аллах ведает. Но все, видевшие турецких пленных, в один голос заявляют, что вид у них самый ужасный: они почти полуголы! (Серебренников, 2008. С. 76).

Удивительный случай как свидетельство гуманизма

Материалы Серебренникова позволяют охарактеризовать и обращение с военнопленными, определив его как гуманное. Подтверждением

⁵ Новиков П.А. Иркутский военный округ // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. /отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014а. Т. 1. С. 808–811.

⁶ Новиков П.А. Омский военный округ // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. /отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014b. Т. 2. С. 579–580.

⁷ Новиков П.А. Приамурский военный округ // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. /отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014с. Т. 2. С. 859–861.

⁸ «Русские живут лучше, чем наши. Послушай, дважды в день мясо, суп, чай, полбулки хлеба, сахар. Говорю тебе, не каждый дома живет лучше».

тому следующий курьезный случай: В Иркутский госпиталь 19 февраля 1915 г. был доставлен, в числе других больных и раненых военнопленных, один больной, видимо, контуженный австриец. Больной находился в состоянии каталепсии. Посадят его, он сидит; положат – лежит; дадут есть – ест, не дадут – молчит и т. д. На все вопросы решительно отвечал русскими словами: «Так точно!» и ничего другого больше не говорил. Однажды после внимательного осмотра больного доктор Б. заметил в гортани его поранение. Больного подвергли рентгеноскопическому наблюдению. Оказалось, что он был ранен пулей в рот, причём пуля засела недалеко от мозжечка, надавливая на последний. Больному сделали операцию и извлекли пулю. После этого он стал несколько приходить в себя и припоминать прошлое. Больной, прежде всего, удивился, что он лежит среди австрийцев и заявил, что он – сибиряк, уроженец Селенгинского уезда Забайкальской области. Рассказал, что помнит последний раз о том, как он пошёл в атаку брать австрийские окопы, и больше этого в памяти его ничего не сохранилось. Предположительно, раненый солдат остался на поле сражения, и затем мог быть раздет мародером. Когда он был найден нашими, то на него могли одеть костюм и шинель с какого-нибудь убитого австрийца. А дальше, благодаря стечению благоприятных обстоятельств и отсутствию у больного сознания, он в суматохе войны был сочтён вообще за австрияка и отправлен под конвоем в Сибирь. «Почти фантастика, если бы это не было действительностью» (Серебренников, 2008. С. 92–93).

Эхо пропагандистских битв

Первая мировая война отличалась ранее невиданным размахом пропаганды всех стран-участников. В Иркутске получили возможность познакомиться с образцами «изобретательного» творчества Германии по воздействию на противников и нейтралов.

15 февраля 1915 г. И.И. Серебренников получил копию одной из немецких прокламаций к русским солдатам. Обращение гласило: «Русские солдаты! Сдавайтесь. Обещаем вам хорошо с вами обращаться. После заключения мира воротитесь свободно на Родину. Дальнейший спор это только бесполезное проливание крови. Берегите

своё здоровье для ваших старых родителей, добрых жён и любимых детей». Читатель обратил внимание на неграмотность составления. 18 февраля доставлены германские прокламации уже на китайском языке, предназначенные для распространения в Китае.

В собиравшийся Серебренниковым «Архив войны» 21 февраля 1915 г. поступили от действительного члена Восточно-Сибирского отдела императорского Русского Географического Общества Федора Кондратовича Боржимского (подъесаула 1-го Читинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска, позднее награжденного Георгиевским оружием) 22 объявления, воззвания и прокламации немецкой армии, собранных им в пределах Радомской губернии к концу 1914 года. Примечательно объявление на русском языке, выпущенное немцами при вступлении их войск в пределы Радомской губернии в первых числах августа 1914 г.:

«Гмины (низшие органы власти) городские и сельские в неприятельской области, через которую переходили войска армейского корпуса, должны сейчас исправлять ведущие через их поля и местности государственные и уездные шоссе и вообще другие дороги. Офицеры будут через те главные дороги часто переезжать и убеждаться в этом, действительно ли гмины находятся при работе. Управления местностей и имений, которые не последуют этому приказу, будут потянуты к ответственности и строгому наказанию. Жители края должны в их собственном интересе не допускать к таким мероприятиям. Командующий генерал». Доставлен и польский текст этого объявления.

Прокламация к воинам русской армии гласит следующее: «Воины Русской Армии! Уже тысячи ваших братьев находятся в германском плену. Никто из них не жалуется на свою участь. Все рады, что избежали ужасов навязанной им войны. В покое и безопасности они ожидают того момента, в котором мир позволит возвратиться им на родину. Не верьте распространённым меж вас слухам, что в Германии с пленными обращаются плохо и грубо или даже избивают их. Берегите себя в пользу ваших бедных жён и детей – избегайте бесцельных жертв и сдавайтесь в германский

плен полные доверия. Ваши германские сотова-рищи!»

Боржимский затем в письме приводит текст германской прокламации, адресованной к русским солдатам-магометанам и разбрасывавшейся германскими летчиками: «Магометане! Бог говорит в Коране: воюйте за истинного Бога, Он всезнающ и Всемогуш. А Вы, Вы дерётесь и проливаете Вашу кровь в пользу народа, который держит Вас под игом, который мешает Вашей вере и вере Ваших предков, который враг всех магометанских государств и народов. Роумский (Константинопольский) Калиф и Султан уже объявили священную войну против французов, англичан и русских, и все магометанские государства уже начали эту священную войну против этих народов. Германский и Австрийский императоры в союзе с Калифом и наследником пророка (милость и мир Бога с нами!). Ведайте, Вы сотворяете великий грех, если воюете в рядах неприятелей ислама, слушайте нас и ступайте на нашу сторону. Мы Вас со всеми почестями будем провожать в страну Калифа. Поклон и доблесть тем, кто повинуется Богу осветителю. Победоносная германская армия, твёрдо уповающая помощи Бога».

В одном объявлении (на польском языке) от 1 сентября 1914 г. доводится до общего сведения, что германская армия, оперирующая в Западной Пруссии, одержала полную победу над нарвскою русскою армией. Армия эта совершенно уничтожена, в плен взято до 50 000 русских солдат, судьбу последних испытали и предводительствующие русские генералы: генерал-лейтенант Алексеев, стоявший во главе XIII армии, и генерал пехоты Мартос, и начальник XV армии⁹ (Серебренников, 2008. С. 93–95). В коллекции Боржимского было много и других объявлений, касающихся жизни городов, занятых германской армией.

⁹ Явная выдумка, разгрому подверглись не 13-я и 15-я русские армии, а 13-й и 15-й армейские корпуса 2-й русской армии и пленены их командиры генерал-лейтенант Н.А. Ключев и генерал от инфантерии Н.Н. Мартос. Алексеев Михаил Васильевич был командиром 13-го корпуса до 19 июля 1914 г., а затем возглавил штаб Юго-Западного фронта и в Восточной Пруссии не был. (Прим. авт.).

Атмосфера глубокого тыла

Обратимся к наблюдениям И.И. Серебренникова за повседневной жизнью в Сибири: «8 марта 1915 г. в Иркутске – без особых перемен. Если бы не закрытие монополек (кабаков), подорожание товаров, прохождение по улицам пленных, то войны было бы совсем незаметно. В театре опера, вечера, концерты. Всюду полно толпы. Убыли в мужчинах не ощущается, по крайней мере, на беглый взгляд. В лошадный мир мобилизация внесла значительные перемены: извозчики почти все ездят на каких-то низкорослых и худых клячах, лихачи исчезли. Хорошую лошадь встретишь у частного лица, и то сызредка. Бегают два-три автомобиля.

10 марта. Стало известно о капитуляции австрийской крепости Перемышль.

11 марта. Никто не ожидал, что в Перемышле нами будет взята в плен такая большая армия, как в 130 000 человек. Ранее Антанта не знала побед с таким количеством пленных.

17 апреля. Пленные австрийские врачи-офицеры гуляют по Иркутску без конвоя. Все же остальные пленные путешествуют обязательно с конвоем. По обязательному постановлению, изданному генерал-губернатором, им запрещён вход в кухмистерские, рестораны, театры и другие места общественных увеселений. Жителям запрещены под страхом наказаний какие-либо разговоры с ними. Население по-прежнему относится к военнопленным весьма дружелюбно. Ожидается прибытие новых партий из-под Перемышля.

8 сентября 1915 г. Штаб Верховного главнокомандующего сообщает, что за последнее время (конец августа и начало сентября) русскими войсками взято в плен свыше 70000 пленных, преимущественно австрийцев. Пока в союзе с нами пойдут дожди, холода, бездорожье – мы продержимся до весны будущего года. А там Россия ринется в бой, достаточно подготовленная. «В это мы должны верить» (Серебренников, 2008. С. 141).

18 июня 1916 г. Мой брат Иннокентий приехал со станции Даурия, где он в качестве унтер-офицера надзирал за военнопленными. По его наблюдениям, поведение австрийцев и германцев различно: германец не прочь «заехать в морду» своему же собрату, и даже «пырнуть ножом»

(были такие случаи), австриец же себе такого удовольствия не позволяет. Те и другие прекрасно осведомлены о течении военных дел. О многих событиях они узнают даже каким-то образом ранее, чем русские. Так, недавно, когда в Даурии еще не было ни газет, ни телеграмм, австрийские военнопленные уже говорили о разгроме их товарищей по оружию армией генерала Брусилова.

26 июня – наступление русских продолжается, пленные продолжают поступать большими партиями. Наступление англичан и французов не дало еще ярких результатов. Таким образом, содержание записок И.И. Серебренникова четко показывает, что известия о взятии военнопленных служили одним из ключевых факторов поддержания оптимизма и уверенности российского населения в тылу.

Военнопленные становятся проблемой – «не желают работать, перестают повиноваться»

С осени 1916 г. появляются тревожные ноты. 20 октября – неразбериха в тылу растет. Возьмем, например, Сибирские каменноугольные копи, которые теперь снабжают углем не только всю Сибирь, но и Урал... Одно время не было на копиях рабочих. В отчаянии копевладельцы завопили об этом и обратились к кому было только возможно, с просьбой дать им рабочую силу. Кто послал им военнопленных, кто китайцев, кто – инородцев. В результате уже кричат «караул»... Черемховские углепромышленники получили уже и военнопленных и китайцев, вполне восполнив недостаток в рабочей силе (Серебренников, 2008. С. 272).

7 февраля 1917 г. – о фронте почти все забывают и думают. Свершилось: к войне привыкли, она вошла в обиход.

8 февраля – моя работа в Заводском Совете дает мне ясное представление о том, насколько обездолен рабочий рынок страны. Стоит сплошной вопль и стон. Китайцы – плохие рабочие, **военнопленные не желают работать**, мобилизованные инородцы бегут с работ. У предприятий – недопоставки, у железных дорог – недогрузки и прочее.

27 февраля – удивительно, как долго Петроград задерживает ответы. Проходит иногда месяц, два, прежде чем получить ответ... Рабочий кризис в Сибири обостряется. У меня теперь слагается

убеждение, что фронт и Европейская Россия стянули к себе всю свободную рабочую силу: военнопленных и инородцев, и на долю Сибири едва ли что-нибудь останется.

22 апреля 1917 г. Да, революция еще только начинается! Докатывается она и до глухих уголков Сибири. Сегодня я получил две телеграммы от директора Уленского(?) медного дела, инженера Деларю, в Минусинском уезде. Первая телеграмма, гласит следующее: «В виду происходящего волнения среди русского населения рудников, устранить которое я лично не в состоянии, пленные, пользуясь этим обстоятельством, **перестают повиноваться**, отказываются от работ, бегут группами с рудников; предпринимаемые меры не приводят к желательным результатам. Положение крайне тяжелое. Что было возможно, сделано. Больше нет сил. Обращался за содействием к комиссарам Минусинска и Красноярска. Помощи нет. Прошу Вашего содействия. При случившемся положении дела, считаю единственным выходом – это отправить пленных в Красноярск. Телеграфируйте Ваше мнение». Другая телеграмма говорит: «Сегодня прибыли 21 киргиз, устроили буйство. Не имея возможности поддерживать порядок новыми средствами, отправил их обратно. Прошу более инородцев из Омска не присылать». Таково положение предприятия, работающего на оборону страны! Теперь бунтуют даже и военнопленные (Серебренников, 2008. С. 336).

В начале 1918 г. из-за демобилизации русской армии вооруженные силы большевиков лишились одной из опор – солдат тыловых частей. Чтобы противостоять разворачивающемуся белому движению, большевики задействовали бывших военнопленных, преимущественно мадьяр (венгров), предложив им вступить в Красную армию. Уже 26 января 1918 г. советские власти вооружили пленных в Заиркутском Военном городке под Иркутском. В Иркутске военнопленные участвовали в обысках и несли охранную службу. Здесь же 2 апреля под председательством венгра И. Фихтера и членов Центросибири открылся Общесибирский съезд интернационалистов, собравший 60 делегатов от Томска до Хабаровска от 250000 военнопленных. Обсуждалось, как иностранцы готовы помочь Советской власти. Съезд решил издавать газету на венгерском и немецком

языках и избрал исполнительный комитет (Агалаков, 1968. С. 115). 12 апреля делегаты разъехались проинформировать избирателей об итогах работы съезда.

«Большевистско-мадьярские войска» следующие мимо Иркутска на Даурский фронт против сил атамана Г.М. Семенова, мадьярские патрули в Иркутске, особый надежный отряд из мадьяр для охраны Центросибири (Центрального исполнительного комитета Советов Сибири) – вот приметы нового времени – времени Гражданской войны. Всего к концу марта 1918 г. действующие силы Советов Сибири насчитывали 900 красноармейцев, 1500 красновардейцев и 1500 интернационалистов, в основном венгров (Познанский, 1973. С. 94). Таким образом, иностранцы составляли до двух пятых войск Центросибири. В условиях, когда альтернативой вступлению в Красную армию была полуголодная жизнь в лагерях или репатриация на Родину и дальнейшая мясорубка Первой мировой войны, оплачиваемая золотом служба большевикам казалась иностранцам верным решением (Новиков, 2005. С. 38).

Записи Серебренникова, образно заключающие тему военнопленных: «Июнь 1918 г. выяснилось, что большевики потерпели под Нижнеудинском жестокое поражение и отступили к Тулуну. В спешном порядке они начали производить эвакуацию Иркутска. Граждане Иркутска продолжали с нетерпением ожидать прихода в город чехословаков. Город к этому времени был уже не столько во власти большевиков, сколько во власти мадьяр, которым приходилось теперь спасать свою шкуру, ибо на город наступали их лютые враги – чехословаки. **Таков каприз истории, запечатленный теперь и великими войсками и великою русскою революцией.** «Если бы я в начале (Первой мировой) войны начал пророчествовать: пройдут четыре года, и на полях Сибири будут яростно сражаться друг против друга народы одного государства, чехи и мадьяры, меня бы признали сумасшедшим. Однако действительность была такова» (Серебренников, 2008. С. 427).

Список источников

Агалаков В.Т. Подвиг Центросибири. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1968. 152 с.

* * * * *

По сюжету взаимовосприятия иностранных военнопленных и сибирского населения в 1914–1918 гг. можно сделать следующие основные выводы:

Во-первых, встретившиеся стороны восприняли друг друга достаточно благодушно – иностранцы, если верить приведенным свидетельствам, были приятно удивлены и восхищены Сибирью вплоть до появления планов остаться на востоке России после войны. Это же косвенно подтверждает, что местное население не демонстрировало к военнопленным неприязни или враждебности, вело себя дружелюбно, что, учитывая роль части иностранцев в последующей Гражданской войне, вероятнее было отрицательным фактором для «чистоты выбора» будущего России в 1917–1918 гг.

Во-вторых, военнопленные были важным элементом повседневности и общественных настроений в Сибири. Сообщения о большом количестве сдавшихся в плен врагов поддерживали оптимизм и уверенность российского населения в тылу.

В-третьих, тема плена активно использовалась в пропаганде стран-участниц Первой мировой войны, в частности приведены примеры германских обращений к военнослужащим русской армии с призывами к сдаче.

В-четвертых, необходимо комплексно учитывать высочайшую нагрузку от размещения военнопленных на городскую и казарменную инфраструктуру Сибири и Дальнего Востока, чтобы сформировать полное представление об их вкладе в военное строительство и экономическую жизнь России периода Первой мировой войны.

В-пятых, драматичная историческая коллизия, «каприз истории», когда событиями Великой российской революции была перенесена на просторы Сибири давняя межнациональная борьба чехословаков и венгров, заслуживает освещения и осмысления как в контексте мировой истории, так и в рамках рассмотрения Гражданской войны в России.

References

Agalakov V.T. (1968) The feat of Central Siberia. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 152 p. (In Russ.).

Ануфриев А.В. Австро-венгерские военнопленные в Иркутске (обзор фондов Государственного архива Иркутской области) // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2009. Выпуск 5 (17). С. 19–29. EDN: UPBACY.

Ануфриев А.В. Военнопленные мировой войны в Приангарье // Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: исследования и материалы. Коллективная монография. Иркутск : Оттиск, 2014. С. 373–395.

Ануфриев А.В., Козлов Д.В. «Жаль этих славных парней...» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 153–167. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-153-167. EDN: WGTMOE.

Вурцер Г. Судьба немецкого военнопленного Первой мировой войны в России: По страницам романов Эдвина Эриха Двингера // Новый часовой. 2004. № 15–16. С. 201–215.

Гаккуев Р.Г. Рапорт французского капитана Поля Пеллио о ситуации в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке зимой 1918 г. // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 227–250. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.114. EDN: RWMZJK.

Гаккуев Р.Г., Чжан Ю. Китайские добровольцы в Гражданской войне в России: между красными и белыми // Российская история. 2019. № 1. С. 60–71. DOI: 10.31857/S086956870004220-3. EDN: HEGYLO.

Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск : Сибирский гос. технологический ун-т, 2007. 124 с. EDN: QPIXGV.

Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь : сборник статей. Омск : Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей», 1997. С. 154–180. EDN: ZBDIBB.

Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. / пер. с немецкого Е.Н. Захарова. М. : Центрполиграф, 2004. 349, [1] с.

Иконникова Т.Я. Использование труда военнопленных на строительстве дорог в Приморском крае в годы Первой мировой войны // Сибирь в истории и культуре народов зарубежных стран : тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Иркутск : Оттиск, 1998. С. 45–48.

Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918). Хабаровск : Изд-во ГОУ ВПО «Хабаровский гос. пед. ун-т», 2004. (ООО Хабаровское УПП ВОС). 177 с.

Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики. М. : Наука, 1967. Т. 1. 614 с.

Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. М. : Голос, 1994. Т. 3: 1881–1915 гг. 348, [2] с.

Anufriev A.V. (2009) Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk (review of the funds of the State Archive of the Irkutsk region). *Sibirskaya ssylka. Sbornik nauchnykh statei = Siberian Deportation. Collection of Scientific Articles*. Irkutsk: Ottisk. Iss. 5 (17). P. 19-29. (In Russ.). EDN: UPBACY.

Anufriev A.V. (2014) Prisoners of war of the World War in the Angara region. Irkutsk and Irkutsk in the First World War: research and materials. A collective monograph. Irkutsk: Ottisk. P. 373-395. (In Russ.).

Anufriev A.V., Kozlov D.V. (2019) "I wish these nice guys..." (the question of the stay of Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 15. No. 4. P. 153–167. (In Russ.) DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-153-167. EDN: WGTMOE.

Wurzer G. (2004) The fate of a German prisoner of war of the First World War in Russia. Based on the pages of novels by Edwin Erich Dwinger. *New Guard*. No. 15–16. P. 201–215. (In Russ.).

Gagkuev R.G. (2022) A report by French captain Paul Pel-liot on the situation in Eastern Siberia and the Far East in Russia in the winter of 1918. *Modern History of Russia*. Vol. 12. No. 1. P. 227–250. (In Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.114. EDN: RWMZJK.

Gagkuev R.G., Chzhan Yu. (2019) Chinese Volunteers in the Russian Civil War: between the Reds and the Whites. *Russian History*. No. 1. P. 60–71. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086956870004220-3. EDN: HEGYLO.

Gergileva A.I. (2007) Prisoners of war of the First World War in Siberia. Krasnoyarsk: Siberian State Technological University. 124 p. (In Russ.). EDN: QPIXGV.

Grekov N.V. (1997) German and Austrian prisoners of war in Siberia (1914–1917). Germans. Russia. Siberia: Collection of articles. Omsk: Byudzhethnoe uchrezhdenie kul'tury Omskoi oblasti "Omskii gosudarstvennyi istoriko-kraevedcheskii muzei". P. 154-180. (In Russ.). EDN: ZBDIBB.

Dwinger E. (2004) Die Armee hinter Stacheldraht. Diary of a German prisoner of war in Russia 1915–1918. (Russ. ed.: Army behind barbed wire. Diary of a German prisoner of war in Russia 1915–1918. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 349, [1] p. (In Russ.).

Ikonnikova T.Ya. (1998) The use of prisoners of war labor in the construction of roads in the Primorsky Territory during the First World War. *Sibir' v istorii i kul'ture narodov zarubezhnykh stran: Tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = Siberia in the History and Culture of the Peoples of Foreign Countries: Abstracts of Reports and Communications of the International Scientific Conference*. Irkutsk: Ottisk. P. 45–48. (In Russ.).

Ikonnikova T.Ya. (2004) Prisoners of war of the First World War in the Russian Far East (1914–1918). Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University. 177 p. (In Russ.).

(1967) Internationalists: Workers of foreign countries are participants in the struggle for Soviet power in the south and east of the Republic. Moscow: Nauka. Vol. 1. 614 p. (In Russ.).

Kersnovskii A.A. (1994) History of the Russian army. In 4 vol. Moscow: Voice. Vol. 3. 1881-1915. 348, [2] p. (In Russ.).

Ланник Л.В. Начало интервенции на Дальнем Востоке в 1918 году через призму интересов Центральных держав // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 1. С. 240–261. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-1-240-261. EDN: GEAQHH.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 414, [1] с.

Новиков П.А. Сибири ценная потеря: Вечный революционер на чужбине // Родина. 2009. № 4. С. 95–97. EDN: PDQQJF.

Новиков П.А. Список Шиндлера: О роли вещиизма в строительстве нового общества // Родина. 2011. № 2. С. 126–127. EDN: PAQGIJ.

Новиков П.А., Романов А.М. Заготовка жёрнова на собственную шею: Приключения борцов за советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке // Родина. 2011. № 2. С. 98–102. EDN: PAQGGL.

Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 307 с.

Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. 589, [2] с.

Хипхенов Г.И. Герой должен быть один? Ф. Лавров и Н. Каландаришвили // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. С. 150–167. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-150-167. EDN: YIJSTZ.

Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. 611 с.

Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с. EDN: VKHOIT.

Шлейхер И.И. Военнопленные первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири. Вып. 4. Ч. 1. Новосибирск, 2001. С. 53–97.

Anufriev A.V., Kozlov D.V., Kaba E. (2021) Prisoners of war and women: between loyalty and treason (gender aspects of captivity during the First World War). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 226–239. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-1-226-239. EDN: DNUAEV.

Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914–1920. Verlag: Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft f. Politik u. Geschichte, 1927. XVI, 241 S.

Информация об авторах

Гаккуев Руслан Григорьевич,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра военной истории России,
Институт российской истории Российской академии наук,
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Россия,
e-mail: gagkuev@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

Lannik L.V. (2021) The beginning of the intervention on the Russian Far East in 1918 through a lens of the interests of the Central Powers. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 240–261. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2021-1-240-261. EDN: GEAQHH.

Novikov P.A. (2005) The Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf. 415 p. (In Russ.).

Novikov P.A. (2009) Siberia's valuable loss: The Eternal Revolutionary in a foreign land. *Rodina*. No. 4. P. 95–97. (In Russ.). EDN: PDQQJF.

Novikov P.A. (2011) Schindler's List: On the role of materialism in the construction of a new society. *Rodina*. No. 2. P. 126–127. (In Russ.). EDN: PAQGIJ.

Novikov P.A., Romanov A.M. (2011) Harvesting a millstone for your own neck: The adventures of fighters for Soviet power in Siberia and the Far East. *Rodina*. No. 2. P. 98–102. (In Russ.). EDN: PAQGGL.

Posnanskii V.S. (1973) Essays on the history of the armed struggle of the Soviets of Siberia against the counterrevolution in 1917–1918. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. 307 p. (In Russ.).

Serebrennikov I.I. (2008) Has suffered a lot of blows. The diary of 1914–1918. Irkutsk: Publisher Saproinov. 589, [2] p. (In Russ.).

Hipphenov G.I. (2018) A hero should be one? F. Lavrov and N. Kalandarishvili. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 3. P. 150–167. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-150-167. EDN: YIJSTZ.

Hipphenov G.I. (2022) The Collapse of the Central Siberian Railway. Irkutsk: Irkutsk State University. 611 p. (In Russ.).

Shilovskii M.V. (2015) The First World War of 1914–1918 and Siberia. Novosibirsk: Avtograf. 330 p. (In Russ.). EDN: VKHOIT.

Schleiher I.I. (2001) Prisoners of War: The Problems of Capture, Transportation and Detention in Siberian Camps. *From the Past of Siberia*. Iss. 4. Pt. 1. Novosibirsk. P. 53–97. (In Russ.).

Anufriev A.V., Kozlov D.V., Kaba E. (2021) Prisoners of war and women: between loyalty and betrayal (gender aspects of captivity during the First World War). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 226–239. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-1-226-239. EDN: DNUAEV.

Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914–1920. Verlag: Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft f. Politik u. Geschichte, 1927. XVI, 241 S. (In German)

Information about the authors

Ruslan G. Gagkuev,
Dr. Sci. (History), leading research fellow at the Russian
Military History Center,
Institute of Russian History of the Russian Academy of
Sciences,
19, D. Uliyanov St., Moscow 117292, Russia,
e-mail: gagkuev@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

Новиков Павел Александрович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: novikov710@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>

Pavel A. Novikov,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of Chair of the History and
Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: novikov710@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 8 июля 2024 г.;
одобрена после рецензирования 4 августа 2024 г.;
принята к публикации 12 августа 2024 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 8, 2024; approved after reviewing August 4, 2024; accepted for publication August 12, 2024.

История

Научная статья
УДК 93/94
EDN: RVSONG
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-120-129>

Таможенная политика антибольшевистских правительств в 1918–1922 гг.

И.В. Петров

Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема конфликтов, возникающих по причине разного видения своего места и границ собственного политического образования представителями антибольшевистских властей в 1918 г. В фокусе рассмотрения, прежде всего, так называемые «таможенные войны» с помощью которых самые разные политические силы стремились к давлению на своих возникающих «соседей», которые теперь стали субъектами политического противостояния. В первую очередь изучению подвержены два подобных конфликта. Первый – споры между представителями Сибирского правительства и сторонниками Комитета членов Учредительного собрания. С опорой на опубликованные документы, а также на свидетельства очевидцев, показано, каким образом власти схожих по своим задачам политических сил видели вопрос разрешения «таможенных войн», а также пытались использовать вопросы снабжения в качестве рычагов давления. Кроме того, рассмотрен конфликт между Украинской державой гетмана Павла Скоропадского с прогерманским правительством Крыма генерала Матвея Сулькевича. В данном случае показано, насколько абсурдным было это противостояние двух схожих по своему положению и предпосылкам создания новообразований. В завершении анализируется деятельность таможенных органов на территории Дальнего Востока, в том числе на завершающем этапе Гражданской войны. Именно Владивостокская таможня оставалась важным окном в мир для представителей сменяющихся политических режимов, многие из которых придерживались антибольшевистских воззрений. Кроме того, дана краткая оценка японскому влиянию на данный процесс. Материал написан в рамках изучения истории «таможенных конфликтов» на территории России в период распада Российской империи и Гражданской войны.

Ключевые слова: таможенная политика, Гражданская война, Россия, антибольшевизм, Сибирь, Дальний Восток, Поволжье, Крым, Российская революция

Для цитирования: Петров И.В. Таможенная политика антибольшевистских правительств в 1918–1922 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 120–129. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-120-129. EDN: RVSONG.

History

Original article

Customs policy of anti-Bolshevik governments in 1918-1922

Ivan V. Petrov

Russian Customs Academy St. Petersburg Branch named after Vladimir Bobkov, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the problem of conflicts arising due to different visions of their place and the boundaries of their own political formation by representatives of the anti-Bolshevik authorities in 1918. The focus of consideration is primarily the so-called “customs wars” with the help of which a variety of political forces sought to put pressure on are subject to study. The first is disputes between representatives of the Siberian government and supporters of the Committee of Members of the Constituent Assembly. Based on published documents, as well as eyewitness accounts, it is shown how the authorities of political forces similar in their tasks saw the issue of resolving “customs wars”, and also tried to use supply issues as leverage. The conflict between the Ukrainian state of Hetman Pavel Skoropadsky and the pro-German government of Crimea of General Matvey Sulkevich is also considered. In this case, it is shown how absurd this confrontation between two entities similar in their position and prerequisites for the creation of new formations was. Finally, the activities of customs authorities in the Far East, including at the final stage of the Civil War, are analyzed. It was Vladivostok customs that remained an important window to the world for representatives of changing political regimes, many of whom adhered to anti-Bolshevik views. In addition, a brief assessment of the Japanese influence on

this process is given. The material was written as part of the study of the history of “customs conflicts” on the territory of Russia during the collapse of the Russian Empire and the Civil War.

Keywords: customs policy, Civil War, Russia, anti-Bolshevism, Siberia, Far East, Volga region, Crimea, Russian revolution

For citation: Petrov I.V. (2024) Customs policy of anti-Bolshevik governments in 1918-1922. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 120-129. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-120-129. EDN: RVSONG.

Многоаспектная политика антибольшевистской власти в период всероссийского противостояния эпохи Гражданской войны 1918–1922 гг. изучена российскими историками в последние годы довольно подробно. Наиболее интересные работы по всем аспектам истории Гражданской войны в последние годы написали современные российские историки В.Ж. Цветков (Цветков, 2019а; Цветков, 2019b), А.С. Пученков (Пученков, 2021), Р.Г. Гагкуев (Добровольцы, 2022), П.А. Новиков (Хипхенов, Новиков и др., 2020), Г.И. Хипхенов (Хипхенов, 2022), А.В. Посадский (Посадский, 2018; Безгин, Посадский, Сафонов, 2022), Г.К. Гольцева (Гольцева, 2024) и др. При всем обилии множества других работ, чаще всего рассмотрению подвергаются причины организации Белого движения, его отличие от красных, идейные предпосылки и политические лозунги. В гораздо меньшей степени под углом зрения авторов попадают вопросы внутренней политики, то есть те рычаги, с помощью которых противники большевиков могли изменить ход Гражданской войны, ответив на наиболее животрепещущие вопросы повестки дня. Обходит стороной современная российская историография и такой актуальный и важный для страны в ту пору вопрос как национальный, проблему взаимоотношений между российскими противниками большевиков и теми национальными правительствами, которые образовывались на обломках Российской Империи и претендовали на международное признание (хотя некоторые работы, в частности выдерживающее не первое издание, такие как книга петербургского историка Александра Пученкова, проливают свет на «национальную политику Деникина») (Пученков, 2016). Причины такого исследовательского равнодушия представляются вполне понятными: после однобокого и критического рассмотрения событий Гражданской войны в советский период основной упор стал делаться на переиздание вышедшей в русской эмиграции литературы, донесение до читателей той традиции, которая

была долго недоступна. В данном случае фокус сместился с событий, которые можно трактовать как ошибки противников большевиков на героический подвиг, жертвенность и служение Отечеству. В последние десять лет можно четко увидеть две тенденции в изучении Гражданской войны и оценке деятельности антибольшевистских властей – критическую, продолжающую советскую традицию, и ту, которая во многом повторяет особенности эмигрантского и зарубежного взгляда.

Наконец, одним из самых «забытых» историками тем стал вопрос о взаимоотношениях между самими антибольшевистскими правительствами, то есть причины конфликтов между ними, зачастую основывающиеся на идейном противоречии и разном видении национального, крестьянского, рабочего и других вопросов. Сюда же можно отнести и споры с национальными образованиями, которые часто отвергали общероссийские устремления белых и смотрели на свержение большевистской власти в Москве и Петрограде с позиции интересов своего народа или края. В контекст подобных противоречий вплетается и один из самых малоизученных вопросов, а именно проблематика таможенной политики и таможенного противостояния.

На данный момент опубликовано только несколько крупных исследований, так или иначе затрагивающих проблематику таможенной политики антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны, и даже возникавших «таможенных войн».

В работе В.Г. Медведева о правовой политике антисоветских правительств в налоговой сфере в годы Гражданской войны в России косвенно затрагиваются и «таможенные проблемы» (Медведев, 2021).

В многоаспектном, и на данный момент крупнейшем исследовании на русском языке, посвященном взаимоотношениям украинских властей, крымских правительств, большевиков и белых в 1918–1919 гг., автором которого стал петер-

бургский историк доктор исторических наук А.С. Пученков, дана взвешенная и на данный момент самая полная характеристика влияния «таможенного вопроса» в противостоянии Украины и Крыма, своеобразного шантажа, который устраивала украинская сторона, препятствуя развитию экономики полуострова (Пученков, 2013).

Наибольший вклад в изучение таможенной политики в период Белого Приморья в завершающий период Гражданской войны сделала доктор исторических наук Наталья Алексеевна Беляева. В своей статье «Владивостокская таможня в 1921 г.» она не только детально рассмотрела историю таможни в 1921 г., но изучила трансформации таможенной политики разных политических режимов в период военно-политического противостояния, оценила внешнеполитический фактор в их судьбе, а также влияние на развитие таможни иностранных держав, в особенности Японии (Беляева, 2021).

Наконец, отдельные аспекты «таможенного» противостояния можно найти в исследованиях сибирских историков, которые давали оценку возникновению и обострению конфликтов между разными антибольшевистскими властями в период так называемой «демократической контрреволюции» (Сушко, 2014).

При этом большей, специализированной работы, которая бы выходила за рамки или же отдельной статьи по «таможенной тематике» или бы являлась рассмотрением не большего аспекта в рамках монографии, посвященной событиям Гражданской войны или Белого Движения, до сих пор не написано. Причина этого кроется в разбросанности архивного материала, который рассредоточен не только в самых разных российских архивах, но и в архивах зарубежных стран. Недоступность многих из них стала причиной того, что в ходе подготовки к написанию данной статьи ее автор часто прибегал к мемуарной литературе, в которой хорошо передан дух событий того времени и представлены основные побудительные мотивы к возникающим конфликтам.

На подконтрольной большевикам территории процесс национализации внешней торговли и изменение таможенной политики прошел довольно быстро. Так, уже 29 мая 1918 г. вышел декрет СНК «О таможенных сборах и учреждениях».

По нему таможенные органы стали учреждениями центральной советской власти и переходили под контроль Департамента таможенных сборов при Народном комиссариате финансов (через месяц этот департамент перешел в ведение Народного комиссариата торговли и промышленности). Вскоре департамент получил и новое наименование – Главное управление таможенного контроля (Кисловский, 2010. С. 120)¹.

На территории подконтрольной антибольшевистским силам продолжали действовать еще «дофевральские» Таможенный тариф и Устав, однако все чаще между разными политическими силами стали возникать конфликты, обусловленные отсутствием четких границ и разным видением будущего.

Одним из первых в этой череде «таможенных войн» стал конфликт между Украиной, где властвовал в 1918 г. гетман Павел Скоропадский, и крымскими антибольшевистскими властями. В июне 1918 г. в Крыму было организовано Крымское краевое правительство во главе с генерал-лейтенантом Матвеем Сулькевичем, которое, однако, не получило признание со стороны гетманских властей.

Крымский полуостров состоял из пяти уездов ранее существовавшей Таврической губернии, то есть Евпаторийского, Ялтинского, Симферопольского, Перекопского и Феодосийского. После «похабного» Брестского договора статус полуострова оспаривался, ввиду того, что «материк», три северных уезда бывшей губернии, перешли Украине. По емкому замечанию Владимира Дмитриевича Набокова, видного деятеля партии конституционных демократов, в трех северных уездах уже действовали суды и администрация режима Скоропадского (Пученков, 2015. С. 223).

Провозглашение гетманом Украинской державы бывшего командира 1-го Украинского корпуса Павла Петровича Скоропадского на Всеукраинском съезде хлеборобов 28 апреля 1918 г. было напрямую связано с желанием сил, оккупировавших данную территорию после Брестского мира, – кайзеровской Германии и Австро-Венгрии, расши-

¹ Кисловский Ю.Г. История таможенного дела и таможенной политики России : учебник. М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2010. 244 с. EDN: ZVCBAZ.

рить собственное влияние. Руководителем державы с апреля 1918 г. стал выходец из известного рода – П.П. Скоропадский. В своей политике Скоропадский опирался на офицерство и еще на николаевское чиновничество. 3 мая 1918 г. он образовал при себе кабинет министров во главе с деятелем Временного российского правительства Федором Лизогубом.

В сравнении с другими частями бывшей Российской империи, «гетманская» держава производила на очевидцев ошеломляющее впечатление, во многом благодаря своим урожаям. Очевидцы писали, что здесь было довольно чисто, не было того недостатка с едой, который фиксировался в Центральной России. Территория же Крыма была лишена «хлебных районов» в результате действий украинских властей, из-за чего стороны должны были начать переговорный процесс.

После того как крымская делегация, отправленная в Киев, была встречена прохладно председателем Украинской Рады министром Федором Лизогубом, между Киевом и Симферополем началась «таможенная война». В результате этого конфликта между двумя прогерманскими антибольшевистскими правительствами хлеб из северных уездов Таврической губернии перестал поступать на территорию полуострова. Подобная ситуация хорошо описана в работе современного петербургского историка Александра Пученкова. Исследователь определил это противостояние как «таможенную войну», результатом чего стал дефицит фруктов под властью Скоропадского, и отказ от поставок на полуостров хлеба, в результате чего в Крыму в крупных городах была введена карточная система (Пученков, 2013. С. 147). При этом Сулькевич стоял за продолжение независимого поведения своего правительства от киевских властей. Подобная, казалось бы, парадоксальная ситуация сохранялась вплоть до сентября 1918 г., когда Украина ослабила экономическую блокаду полуострова. При этом министр юстиции Крымского краевого правительства А.М. Ахматович утверждал, что полуостров находится в блестящем экономическом положении, а в сентябре 1918 г. его новый визит в украинскую столицу был вызван исключительно отменой «таможенной войны» (Пученков, 2013. С. 148).

Наиболее интересная система таможенной политики сложилась на антибольшевистском Востоке России. Как мы уже упоминали, важным моментом, который необходимо учитывать при характеристике таможенной политики антибольшевистских правительств, стало отсутствие координации их деятельности и частые конфликты. Наиболее конфликтные отношения сложились между Временным областным правительством Урала и организованным в Самаре Комучем. Так, последний требовал от ВОПУ безоговорочного подчинения, также как и от Временного Сибирского правительства, которое не желало признавать какое-либо независимое Уральское правительство, заявляя, что политики Урала должны признать автоматически их главенство. Урал же становился при таком раскладе в крайне уязвленном положении, так как именно территория Сибири для него являлась единственным на тот момент рынком сбыта железа и поставщиком зерна, а сами уральцы, хотя и не считали себя «сибиряками», но связь с Востоком у них была гораздо более сильной, нежели чем с Западом России. Более того Уральское правительство готово было поделиться с сибиряками своими правами в вопросах организации армии и мобилизации, однако долгое время считало невозможным уступать в вопросах торговли и почтово-телеграфного сообщения (Цветков, 2019а. С. 291). В подтверждение данного тезиса можно привести едкое, но довольно справедливое замечание очевидца событий тех лет, банкира, члена Комитета общественной безопасности, сотрудника финансовых органов антибольшевистских правительств Востока России Владимира Петровича Аничкова. Он описывал противодействие антибольшевистских правительств и восприятие их на Урале как опасность того, что Сибирское правительство, с одной стороны, слишком правое, его боялись в силу возможного восстановления консервативных сил, а вот власти в Самаре, с другой стороны, казались уральцам слишком близкими московским большевикам (Аничков, 2023. С. 197). О сложных взаимоотношениях между Комучем и Сибирским правительством хорошо говорит и современный историк Л.Г. Прайсман, который видит суть конфликта в том, что каждое правительство видело себя в качестве всероссийского, а Урал стал кам-

нем преткновения, через который не провозились товары и хуже стало с денежными переводами (Прайсман, 2015. С. 354).

6 августа 1918 г. в газете «Волжский день» вышла специальная заметка по поводу запрещения отправки груза в Сибирь. В ней отмечено, что Самаро-Златоустовская железная дорога воспрепятствовала отправке грузов жидкого топлива за пределы станции Миасс. Более того, в Симбирске был задержан сахар, который предназначался для нужд служащих Томской железной дороги. Временное Сибирское правительство в ответ, несмотря на готовность помогать освобождаемым от большевиков районам Поволжья, будет вынуждено «ограничить ввоз товаров в освобожденные части России, что, естественно, не может благоприятно отразиться на общем ходе событий для всей работы снабжения и продовольствия» (Под знаменем Комуча, 2018. С. 173).

10 августа 1918 г. челябинская газета «Власть народа» хорошо описала как влияла «таможенная война» между Омском и Самарой на положение дел в Челябинске: «В городе назревает керосиновый кризис. Керосину осталось крайне незначительное количество, так что если на днях его не будет доставлено, город очутится в темноте. Комиссариат Приуралья обратился к уполномоченному Комитета членов Учредительного собрания в Уфе о разрешении вывести оттуда из имеющихся там запасов, предназначенных для нашего района, однако, не смотря на его согласие, управление Самаро-Златоустовской железной дороги отказывается принимать грузы на Сибирь.... Возможно, что Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания встречает препятствие к вывозу, поскольку Сибирское временное правительство установило в Полетаеве и Златоусте таможенные заставы, препятствующие свободному продвижению сибирских грузов в Россию» (Под знаменем Комуча, 2018. С. 175).

16 августа 1918 г. в телеграмме Комуча Временному Сибирскому правительству был выражен протест в вопросах границ: «Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания считает, что Временное сибирское правительство также никем не уполномочено брать на себя право образовывать новые областные деления и способствовать появлению органов новой областной

власти вне территории Сибири, как это имело место в Зауралье. Равным образом устанавливать внутренние таможенные границы и взимать таможенные пошлины на территории Российской Федеративной Демократической Республики, а также препятствовать провозу некоторых грузов, не выдавать денежных переводов и ряд других актов вмешательства органов Временного сибирского правительства в дела отдельных ведомств вне территории Сибири находящихся, что несовместно с признанием единства Российской Федеративной Демократической Республики» (Под знаменем Комуча, 2018. С. 177).

Своего рода криком души стала телеграмма управляющего министерством продовольствия Временного Сибирского правительства Н.С. Зефирова в адрес управляющего Ведомством продовольствием Комуча В.И. Алмазова: «Так, первое, мы при наличии на Поволжье весьма богатого урожая отпустили более четырех сот тысяч пудов хлеба, дабы поддержать вас в переходный момент; второе – для доставки вам масла открыли в Самаре специальную агентуру в лице Куренина, которому доставлены уже десятки тысяч пудов масла; третье – все транзитные грузы, следующие в ваш район, отпускаем без всякой задержки, только регистрируя их и извещая вас о грузах спекулятивных. Прошу Вас о всех случаях незаконного задержания каких-либо грузов с указанием: кому они принадлежат, куда следуют, где задержаны, обращаться непосредственно ко мне. Полагаю, что путь экономической войны между Самарой и Омском есть путь государственного безумия, особенно опасный для Самарского района, отрезанного от всех снабжающих очагов» (Под знаменем Комуча, 2018. С. 181). В ответ Валентин Алмазов согласился с тезисом о «государственном безумии» в «экономической войне» между двумя антибольшевистскими правительствами и приводит целый ряд конкретных примеров несогласия в деле вывоза товаров между двумя правительствами. Важно, что представители Самары в большой степени подчеркивали важность снятия таможенных барьеров для достижения важной политической задачи – сочетания интересов России в целом, в том числе ее Европейской части, в то время как в Сибири гораздо чаще звучали призывы к местной самостоятельности и

уменьшения централистских тенденций (Под знаменем Комуча, 2018. С. 182).

Наконец, 30 августа 1918 г. Временное сибирское правительство попыталось внести ясность в свою политику и ответить на телеграмму Комуча. В ней о «таможенной войне» было сказано следующее: «Временное сибирское правительство считает также необходимым разъяснить, что представление об устройстве им внутренних таможенных границ, таможенных пошлин, препятствование провозу грузов, невыдаче денег по переводам покоятся на очевидном недоразумении, так как таковых границ не устанавливалось, а был лишь проведен налог на некоторые продовольственные предметы ввиду временных финансовых затруднений» (Под знаменем Комуча, 2018. С. 185). Примечательно, что в этом документе уже звучали не только примирительные ноты, но и присутствовали заверения сибиряков о стремлении к «достижению великой цели воссоединения России» (Под знаменем Комуча, 2018. С. 185).

30 августа 1918 г. в «Вестнике Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания» вышла заметка, в которой подчеркивалось, что отныне все транзитные грузы с Дальнего Востока в Самару и другие не занятые большевиками города задерживаться не будут. То есть можно было констатировать факт относительно свободного передвижения по дорогам (Под знаменем Комуча, 2018. С. 186).

Тем не менее курс Временного Сибирского правительства не всегда был таким и для него были характерны конфликты и внутренние разногласия. В данном случае можно согласиться с ведущим современным специалистом по истории сибирского областничества в период Гражданской войны доктором исторических наук А.В. Сушко, что изучаемый период представляет собой борьбу «правого» и «левого» крыла в контрреволюции (Сушко, 2014. С. 195).

Еще один современный исследователь, доктор исторических наук Василий Жанович Цветков пишет о сибирском правительстве так: «Стремление к всероссийскому масштабу деятельности в 1918-м, и особенно в 1919 г., после провозглашения в белой Сибири высшей всероссийской власти сталкивалось с отсутствием достаточного авторитета сибирских политиков. «Всероссийских имен»

в составе сибирского правительства не было, и политическая фигура П.В. Вологодского, при всей его честности и высоком профессионализме юриста, многим казалась не соответствующей статусу главы Российского Совета министров» (Цветков, 2019а. С. 319).

Конфликтные ситуации возникали и во взаимоотношениях с Уральским казачеством. 1 августа 1918 г. Уральское войсковое правительство приняло решение, что оно сможет войти во взаимоотношение с Комучом. Договор предусматривался как соглашение равных сил. Особенно оговаривались в телеграмме Уральского войскового правительства экономические и таможенные вопросы: «Проложить в скором времени линии жел[езных] дор[ог] Уральск-Бузулук, Уральск-Илецкая защита, Уральск-Гурьев. Вопросы финансовые, подоходного обложения, покрытия расходов войны, вопрос о нефтяных промыслах сводятся к наложению пошлины на вывоз. Существование Войска на средства государства. Товарообмен, торговля – вопрос[осы] жизни и смерти. Обмен товарами: хлеб, мясо, шкуры, рыбы, холодильник, торговая политика, взаимоотношение, согласованность на равных правах» (Под знаменем Комуча, 2018. С. 171).

В противостоянии правительств Востока России вопрос установления таможенных правил и границ играл довольно важную роль. При этом отношение к подобного рода решениям было критическим, а иногда воспринималось и вовсе гротескно. Уже упоминаемый нами выше В.П. Аничков хорошо описал в своих воспоминаниях ощущения от «таможенных» правил скороспелых антибольшевистских республик, часто пытавшихся навредить не только и не столько общему врагу – большевикам, но и друг другу: «В Челябинске местные таможенные чины начали осматривать багаж. Это была новость, указывавшая на удобство сепаратизма Уральского правительства. Я вез с собой корзину с яблоками: Екатеринбург беден фруктами. Оказывается, на фрукты наложена пошлина. Я тут же при страже с зелеными кантами раздал часть яблок пассажирам и таможенник успокоился только тогда, когда я преподнес и ему пять штук» (Аничков, 2023. С. 209). Как видно, из вышеприведенной цитаты, придирки правительств были достаточно мелочными, стремящимися продемонстрировать соб-

ственную самобытность и власть, однако и разрешение возникающих «конфликтов» было быстрым и столь же парадоксальным, как и сами вновь созданные властями правила и запреты.

Свою оценку «таможенной войне» Омска и Самары дал и видный деятель «Центросибири», а в 1919 г. управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Георгий Константинович Гинс: «На железных дорогах Сибири скопилось много грузов, направлявшихся в адрес Европейской России. Самара считала себя вправе завладеть этими грузами; Сибирское правительство не видело оснований к тому, чтобы пропускать дальше Челябинска грузы, адресованные в большевистскую Россию и учредило особые реквизиционные комиссии, для распределения этих грузов между казенными и частными предприятиями Сибири. Самара ответила на это задержанием грузов, следовавших в Сибирь: мануфактуры, нефти и других. Началась таможенная война» (Гинс, 1921. С. 147).

Свою оценку взаимоотношениям правительства в Омске и в Самаре дал и генерал-главнокомандующий сил Российского государства осенью 1918 г. генерал-лейтенант Василий Болдырев. Уже перейдя на сторону победивших большевиков, в 1925 г. он писал: «Наибольшая внутренняя рознь чувствовалась при видимом внешнем соглашении, между Самарой и Омском. Представители Омска имелись на Дальнем Востоке (Владивосток) и вели переговоры с союзными представителями за признание их правительства, как Всесибирского, которое должно было в дальнейшем послужить основой для Всероссийского правительства. Таким образом, намечался путь возрождения – «через Сибирь к России». Рознь эта имела уже весьма существенные последствия. Она создала гибельную для населения таможенную войну: Сибирь не давала Уралу хлеба, Урал не давал Сибири железа» (Болдырев, 1925. С. 30).

Постепенно ситуация менялась, происходило укрепление государственной власти на Востоке России, ее крен в сторону единоличного правления и борьбы с сепаратизмом. Большое значение здесь имела позиция Верховного правителя России А.В. Колчака.

Особую роль в таможенной политике антибольшевистских правительств играл Дальний Во-

сток и, в особенности, Владивостокская таможня, чью роль в торговле с союзными державами сложно переоценить. Все государственные образования, власть которых распространялась на территорию Приамурья стремились сохранить дореволюционную таможенную систему. Особую роль в этом играло Управление таможенных сборов во главе с А.В. Волныцевичем-Сидоровичем (видный деятель таможни с начала XX столетия) (Беляева, 2021. С. 14). Однако после установления в регионе власти Дальневосточной республики таможенная политика существенным образом видоизменилась.

В 1921 г. власти ДВР решили установить контроль над деятельностью Владивостокской таможни, наделив чрезвычайными полномочиями В.М. Элеша. Большевик Элеш, однако, занялся в первую очередь политической деятельностью во Владивостоке и не смог наладить таможенную работу. В мае 1921 г. власть буферной ДВР во Владивостоке пала и город вернулся к тем установкам, которые были приняты при антибольшевистском правительстве. Летом того же года Временное Приамурское правительство вновь реорганизовало систему. С августа месяца особые льготы были установлены для японских союзников, что вызывало и конфликты (Беляева, 2021. С. 21). Управляющий таможней И.К. Ковалевский справедливо указывал, что в сложной экономической ситуации потребление алкоголя среди местных значительно снизилось, а вот контрабанда и тайное винокурение увеличивалось. В сложившейся патовой ситуации Ковалевский выступил за строгое следование нормам Таможенного тарифа, согласно которым таможенное обложение алкоголя должно строиться на существующих нормах и межгосударственных соглашениях. Снижение же пошлин на алкогольную продукцию виделось Ковалевскому как возможный первый шаг к будущему упрощению таможенной политики и в вопросе других товаров. Однако, несмотря на все предостережения, правительство не отступило от выбранной линии, в результате чего недополученный доход составил почти 1,6 миллиона рублей золотом (Беляева, 2021. С. 23).

При этом надо заметить, что в период заключительного белого присутствия на территории Приморья таможня работала в усиленном режи-

ме, несмотря на царившие опасности, в том числе нападения разбойничьих банд. Н.А. Беляева также говорит в своей работе об опасностях, исходящих от дальневосточных контрабандистов. На начало 1921 г. в таможене хранилось товаров, изъятых по более чем двум с половиной тысячам конфискационным делам (Беляева, 2021. С. 24).

При этом работники таможен жили в окружении происходящих вокруг их событий и были их частью. В годы Гражданской войны город столкнулся и с эпидемиями болезней, но и с «политическими эпидемиями», что не раз приводило к политизации таможенников, их увлечением политической деятельностью.

Наконец, важная черта событий на Дальнем Востоке – строгое следование установкам дореволюционной таможенной практики. Именно последнее стало причиной существенных льгот, которые имели союзники антибольшевистских сил по Антанте при ввозе товаров.

В заключение хочется подвести некоторые итоги. Опираясь на документы и воспоминания непосредственных очевидцев событий времен Гражданской войны, мы попытались восстановить наиболее яркие, на наш взгляд, эпизоды «таможенных войн» того времени.

В Поволжье сложилась в 1918 г. парадоксальная «таможенная война» между Комучем и Всесибирским правительством. Придерживающиеся, казалось бы, единой политической платформы силы вступили в достаточно тяжелую и ожесточенную схватку по поводу территории Урала и его принадлежности, а также ввязались во взаим-

ный спор по поводу функций всероссийского правительства. Более революционные власти в Самаре чаще подчеркивали общероссийский масштаб своей власти, тем самым указывая сибирякам, обладавшим большими военными силами и ресурсами, на подчиненный характер их положения. «Таможенная война» здесь была настолько абсурдной, что осталась в воспоминаниях мемуаристов как акт величайшего безумия в период необходимости налаживания скоординированного сопротивления большевикам.

Похожая ситуация возникла и во взаимоотношениях гетманской Украины и Крымского правительства. Казалось бы, обе силы, опиравшиеся на присутствие германских союзников, должны были вести общую борьбу с красной опасностью, однако и «тут» вспыхнула несурзная и непродолжительная «таможенная война».

Все это время продолжала действовать таможня на самом краю России во Владивостоке, где сохранились дореволюционные нормы и правила. Однако слишком сильная опора на создание режима наибольшего благоприятствования для союзников, а также постоянный политический фон происходящего, играли отрицательную роль в деятельности местных таможенных органов.

Данная статья не претендует на всеобъемлющее рассмотрение таможенной политики антибольшевистских правительств, однако она делает попытку еще в одной плоскости рассмотреть, попытаться понять очередную причину поражения противников большевиков в период Гражданской войны.

Список источников

Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. Свидетельства очевидца революции и Гражданской войны. 1917–1922. М.: Центрполиграф, 2023. 414 с.

Безгин В.Б., Посадский А.В., Сафонов Д.А. Вооруженный протест в советской деревне 1920–1922 гг.: Региональное измерение. М.: Квадрига, 2022. 450 с. EDN: LGLTVK.

Беляева Н.А. Владивостокская таможня в 1921 году // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2021. № 3 (96). С. 13–25. DOI: 10.24866/1815-0683/2021-3/13-25. EDN: HGNGTL.

Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. 562 [3] с.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории, 1918–1920 гг.: (впечатления и мысли члена Омского Правительства). Т. 1. Ч. 1. Больше-

References

Anichkov V.P. (2023) Ekaterinburg-Vladivostok. Eyewitness accounts of the revolution and Civil War. 1917–1922. Moscow: Centrpoligraf. 414 p. (In Russ.).

Bezgin V.B., Posadskii A.V., Safonov D.A. (2022) Armed protest in the Soviet village 1920–1922. Moscow: Kvadriga. 450 p. (In Russ.). EDN: LGLTVK.

Belyaeva N.A. (2021) Vladivostok customs in 1921. *Customs Policy Russia in the Far East*. No. 3 (96). P. 13–25. (In Russ.). DOI: 10.24866/1815-0683/2021-3/13-25. EDN: HGNGTL.

Boldyrev V.G. (1925) Directory, Kolchak, interventionists. Novonikolaevsk: Sibkraizdat. 565 p. (In Russ.).

Gins G.K. (1921) Siberia, allies and Kolchak: a turning point in Russian history. 1918–1920 (Impressions and thoughts of the member of the Omsk Government). Vol. 1.

визм. Областные правительства. Директория. Пекин : Типо-литография Русской духовной миссии, 1921. 325 с.

Гольцева Г.К. Огольцовщина. Эпизоды Гражданской войны в Рязанской губернии (1918–1920). М. : Квадрига, 2024. 408 с.

Добровольцы : сб. / сост., прим. Р.Г. Гагкуев, В.Ж. Цветков; предисл. В.Ж. Цветкова. М. : Посев; Информационное агентство «Белые воины», 2022. 410 с.

Медведев В.Г. Правовая политика антисоветских правительств в налоговой сфере в годы Гражданской войны в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 52. С. 210–239. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-210-239. EDN: KIMUUX.

Под знаменем Комуча: Самарский край, июнь – октябрь 1918 г. : сборник документов и материалов / науч. ред. А.В. Калягин. Самара : Книжное издательство, 2018. 583 с. EDN: XOSTXD.

Посадский А.В. Зеленое движение Гражданской войны в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М. : Центрполиграф, 2018. 319 с. EDN: VRKKVV.

Прайсман Л.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб. : Изд-во имени Н.И. Новикова; Изд. дом «Галина скрипит», 2015. 530, [1] с.

Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб. : Нестор-История, 2013. 340 с. EDN: TBMTXZ.

Пученков А.С. Набоков В.Д. «Крым в 1918/19 гг.» // Новейшая история России. 2015. № 1 (15). С. 221–257. EDN: TTNBED.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 г. – весна 1920 г.). 2-е изд. М. : Научно-политическая книга, 2016. 399 с. EDN: LTFELJ.

Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России. СПб. : Владимир Даль, 2021. 813 с. EDN: WORRNQ.

Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2014. 376 с. EDN: QHIAGE.

Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. 611 с.

Хипхенов Г.И., Новиков П.А., Родионов Ю.П., Скороход В.П. Белая Сибирь. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск : [б.и.], 2020. 240 с.

Цветков В.Ж. Белое Дело в России: 1917–1919 гг. М. : Яуза-Каталог, 2019а. 1056 с. EDN: HCMQJO.

Цветков В.Ж. Белое Дело в России: 1920–1922 гг. М. : Яуза-Каталог, 2019b. 1056 с. EDN: HXGQNP.

Pt. 1. Bolshevism. Regional governments. Directory. Pekin: Tipo-litografiya Russkoi dukhovnoi missii. 325 p. (In Russ.).

Gol'tseva G.K. (2024) Ogol'covshchina. Episodes of the Civil War in the Ryazan province (1918-1920). Moscow: Kvadriga. 408 p. (In Russ.).

Gagkuev R.G., Tsvetkov V.Zh. (2022) Volunteers. Moscow: Posev, Informacionnoe agentstvo "Belye voiny". 410 p. (In Russ.).

Medvedev V.G. (2021) Legal policy of anti-Soviet governments in the tax sphere during the Russian Civil War. *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. No. 52. P. 210-239. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-210-239. EDN: KIMUUX.

Kalchgin A.V. (2018) Under the banner of Komuch: (Samara region, June-October 1918). Samara: Knizhnoe izdatel'stvo. 583 p. (In Russ.). EDN: XOSTXD.

Posadskii A.V. (2018) Green movement in the Russian Civil War. Peasant front between Red and White. 1918-1922. Moscow: Centrpoligraf. 319 p. (In Russ.). EDN: VRKKVV.

Praisman L.G. (2015) The third way in the Civil War. Democratic revolution of 1918 on the Volga. St. Petersburg : Izd-vo imeni N.I. Novikova; Izd. dom "Galina skripsit". 530 p. (In Russ.).

Puchenkova A.S. (2013) Ukraine and Crimea in 1918 - early 1919. Essays on the political history. St. Petersburg: Nestor-Istoria. 340 p. (In Russ.). EDN: TBMTXZ.

Puchenkova A.S. (2015) Nabokov V.D. Crimea in 1918/19. *Contemporary History of Russia*. No. 1 (15). P. 221-257. (In Russ.). EDN: TTNBED.

Puchenkova A.S. (2016) Denikin's national policy (spring 1918 - spring 1920). Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga. 399 p. (In Russ.). EDN: LTFELJ.

Puchenkova A.S. (2021) The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the "Alekseev's organization" to the formation of the Armed Forces in the South of Russia. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 813 p. (In Russ.). EDN: WORRNQ.

Sushko A.V. (2014) Processes of sovereignty of the peoples of Siberia during the Civil War. Moscow: LENAND. 376 p. (In Russ.). EDN: QHIAGE.

Khupchenov G.I. (2022) Crash of Centrosiberia. Irkutsk: Irkutsk State University. 611 p. (In Russ.).

Khupchenov G.I., Novikov P.A., Rodionov Yu.P., Skorokhod V.P. (2020) White Siberia. Irkutsk. 240 p. (In Russ.).

Tsvetkov V.Zh. (2019a) White movement in Russia, 1917-1919. Moscow: Yauza-Katalog. 1056 p. (In Russ.). EDN: HCMQJO.

Tsvetkov V.Zh. (2019b) White movement in Russia, 1920-1922. Moscow: Yauza-Katalog. 1056 p. (In Russ.). EDN: HXGQNP.

Информация об авторе

Петров Иван Васильевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
гуманитарных дисциплин,

Information about the author

Ivan V. Petrov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of
Humanitarian Disciplines,

Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал
Российской таможенной академии,
190000, г. Санкт-Петербург, ул. Софийская, 52, Россия,
e-mail: ivanspetrov7@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3692-7938>

Russian Customs Academy St. Petersburg branch named after
Vladimir Bobkov,
52, Sofijskaya St., Saint Petersburg 190000, Russia,
e-mail: ivanspetrovs7@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3692-7938>

Вклад автора

Петров И.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Petrov I.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 26 апреля 2024 г.; одобрена после рецензирования 14 июля 2024 г.; принята к публикации 29 июля 2024 г.

Article info

The article was submitted April 26, 2024; approved after reviewing July 14, 2024; accepted for publication July 29, 2024.

История

Научная статья

УДК 908

EDN: TWMKLI

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-130-139>

Рынок товаров и услуг в Иркутске в период от Гражданской войны до НЭПа: проблемы нехватки продуктов и роста цен

А.В. Саранчук

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Годы Гражданской войны значительно ухудшили положение в Иркутске во многих сферах жизни общества. Не обошли проблемы стороной и вопрос с продовольствием и ценами на него, а также с повышением цен на ряд других товаров и услуг, которые для иркутян считались не менее важными. Иркутск начал страдать от нехватки некоторых видов продовольствия еще в годы Первой мировой войны, а Гражданская война только усугубила сложившееся положение дел. Люди страдали от нехватки товаров или максимально завышенных цен на них, что приводило к развитию спекуляции во всех ее видах, из-за чего цены увеличивались еще больше. С момента начала проведения новой экономической политики (сокращенно НЭП), в 1921 году ситуация стала более благоприятной: была разрешена частная торговля, что увеличило количество предлагаемой продукции на местном рынке. Современники отмечали, что полки магазинов стали активно наполняться разного рода продукцией от овощей, фруктов и мяса до текстильной продукции и обуви. Помимо расширения ассортимента начинается и снижение цен на эти виды товаров, что стало одним из итогов денежной реформы 1922–1924 годов. Помимо стабилизации цен на товары разного рода, данная тенденция начинает затрагивать и рынок услуг, где положение также начинает значительно улучшаться: расширяется спектр предлагаемых услуг, цены на них становятся более приемлемыми для горожан. Однако стоит отметить, что о полном восстановлении ситуации в 1920-е годы, вплоть до начала проведения политики индустриализации, речи еще не идет. По-прежнему с некоторыми видами продукции были определенные сложности при ее приобретении, какие-то виды товаров полностью отсутствовали, однако ситуация стала значительно стабильнее.

Ключевые слова: Гражданская война, новая экономическая политика, Иркутск, товары, услуги, история повседневности, дефицит, спекуляция, торговля

Для цитирования: Саранчук А.В. Рынок товаров и услуг в Иркутске в период от Гражданской войны до НЭПа: проблемы нехватки продуктов и роста цен // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 130–139. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-130-139. EDN: TWMKLI.

History

Original article

The market of goods and services in Irkutsk in the period from the Civil War to the New Economic Policy (NEP): Problems of food shortages and rising prices

Andrey V. Saranchuk

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The years of the Civil War have significantly worsened the situation in Irkutsk in many areas of society. The issue of food and its prices, as well as the increase in the price of a number of other goods and services, which were considered equally important for Irkutsk residents, did not bypass the problems. Irkutsk began to suffer from a shortage of certain types of food during the First World War, and the Civil War only worsened the current state of affairs. People suffered from a shortage of goods or the most inflated prices for them, which led to the development of speculation in all its forms, which caused prices to increase even more. Since the beginning of the new economic policy (abbreviated NEP), in 1921, the situation has become more favorable: private trade has been allowed, which has increased the number of products offered on the local market. Contemporaries noted that

© Саранчук А.В., 2024

store shelves began to be actively filled with all kinds of products from vegetables, fruits and meat to textiles and shoes. In addition to expanding the range, prices for these types of goods also begin to decrease, which was one of the results of the monetary reform of 1922-1924. In addition to the stabilization of prices for goods of various kinds, this trend is beginning to affect the service market, where the situation is also beginning to improve significantly: the range of offered services is expanding, their prices are becoming more acceptable to citizens. However, it is worth noting that there is still no talk of a complete restoration of the situation in the 1920s, up to the beginning of the industrialization policy. As before, there were certain difficulties with some types of products when purchasing them, some types of goods were completely absent, however, the situation became much more stable.

Keywords: Civil War, New Economic Policy, Irkutsk, goods, services, history of everyday life, scarcity, speculation, trade

For citation: Saranchuk A.V. (2024) The market of goods and services in Irkutsk in the period from the Civil War to the New Economic Policy (NEP): Problems of food shortages and rising prices. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 130-139. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-130-139. EDN: TWMKLI.

История повседневности является одним из наиболее активно развивающихся направлений исторической науки, которая изучает человеческую обыденность в различных аспектах, в том числе и в социально-экономическом (Милешина, Меркушин, 2015. С. 103). Свое начало данное направление берет во Франции, где большую роль в его развитии сыграл историк Ф. Бродель, написавший книгу «Структуры повседневности: возможное и невозможное» (Орлов, 2010). В этой работе он раскрывает мысль о том, что история складывается не из экономико-политических событий, а из простых вещей, которые люди даже не замечают, так как они составляют часть их повседневной жизни (Бродель, 1986). В российской историографии первые попытки исследований в данном направлении начались в 1990-е годы (Пушкарева, 2004. С. 3). Сейчас история повседневности представляет собой абсолютно самостоятельную отрасль исторической науки, которая активно развивается и на региональном уровне, и дает возможность понять, насколько сложно жилось обычным людям в непростых условиях изменяющегося мира (Ипполитов, Репинецкий, 2012. С. 159), в нашем случае времени между Гражданской войной и периодом проведения новой экономической политики.

Хронологические рамки исследования включают в себя период с 1917 по 1924 годы (Гражданская война и первая половина проведения новой экономической политики).

Вопрос периодизации Гражданской войны довольно сложен и имеет несколько точек зрения, однако, как правило, начало ее датируется 1917 годом, после Октябрьской революции, а окончание 1920-м, когда активных военных фронтов уже не было (Цветков, 2018. С. 5).

Период НЭП начинается в 1921 году, когда большевики на X съезде партии принимают решение о замене продовольственной разверстки продовольственным налогом (Федоров, Бредихин, 2021. С. 22).

Основным источником, который способен максимально полно раскрыть особенности повседневной жизни горожан, в том числе экономической, являются материалы периодической печати, ведь в них публиковались вопросы, которые волновали иркутян ежедневно. В Иркутске в годы Гражданской войны выпускалась масса периодических изданий: в начале войны крупнейшими были «Сибирь» и «Иркутская жизнь», затем их сменил ряд новых изданий («Новая Сибирь», «Суровый край» и так далее) (Шилова, 2013).

С наступлением периода новой экономической политики основным печатным органом Иркутска становится газета «Власть труда», которая выпускалась с 1918 года (Гольдфарб, Гимельштейн, 2006).

Во время Гражданской войны как никогда обострилась проблема, связанная с продуктовым вопросом, ведь Иркутск стал одним из центров этого события, что привело к данным последствиям (Балушева, 2020).

Проблемы возникли уже в конце 1916 года: в городе стал обнаруживаться недостаток продуктов питания (Иркутск накануне и в 1917 году, 2017. С. 425). Продолжала действовать система карточек, которая была введена еще во время Первой мировой войны. Однако не всегда она действовала должным образом: к примеру, «Иркутская жизнь» сообщает, что по знакомству хлеб можно было получить и без карточек, что ставило людей в неравные условия. Всего на конец 1917 года функционировало 120 лавок, отпускающих хлеб (Хроника

// Сибирь (г. Иркутск). 1917. № 233. 25 окт. С. 3). Карточки также действовали и на дрова, которые были введены с 5 ноября 1917 года (Хроника // Иркутская жизнь (г. Иркутск). 1917. № 247. 31 окт. С. 3).

Война всегда порождает большое количество спекуляций на продаже продуктов. Об этом писали иркутские газеты, которые очень подробно освещали каждый случай спекулянтства: как правило, спекулянты приезжали очень рано в район рынка и ждали приезжающих из близлежащих деревень крестьян. Они выкупали у них всю продукцию и затем продавали ее в несколько раз дороже.

Безусловно, властям приходилось отслеживать подобные действия. К примеру, в октябре 1917 года была установлена твердая цена на тушу мяса – 18 рублей, продавать дороже было преступлением (Хроника // Сибирь (г. Иркутск). 1917. № 235. 27 окт. С. 3).

Незаконно и своевольно повышали цены на свои услуги и извозчики: «Иркутская жизнь» сообщает, что извозчики увеличили свою таксу сразу на 50 % (Хроника // Иркутская жизнь (г. Иркутск). 1917. № 269. 26 нояб. С. 2).

Однако глобальных проблем с мясом в городе не наблюдалось: как сообщает газета «Иркутская жизнь», с 14 по 31 октября 1917 года на городской скотобойне было убито 4 943 головы крупнорогатого скота, 15 лошадей, 27 телят, 2 жеребенка, 2 966 баранов, 20 свиней (Хроника // Иркутская жизнь (г. Иркутск). 1917. № 255. 9 нояб. С. 3).

Продуктовая проблема стала усугубляться после декабрьских событий 1917 года: цены резко выросли, и газета «Иркутская жизнь» прямо назвала «мародерством», когда фунт свечей стал стоить 2 рубля 80 копеек, фунт колбасы – 2 рубля, катушка японских ниток – 1 рубль 10 копеек, бутылка молока – 1 рубль (Хроника // Иркутская жизнь (г. Иркутск). 1917. № 275. 22 дек. С. 3).

Также декабрьские бои привели к большому недостатку стекла и повышению цен на него.

Практиковалась покупка недостающих товаров из-за рубежа: в ноябре 1917 года было закуплено 125 пудов муки в Харбине (Хроника // Сибирь (г. Иркутск). 1917. № 240. 2 нояб. С. 3).

Городские власти помогали неимущим: практиковалась продажа сена в рассрочку на 10 дней.

Увеличилась цена на самые необходимые в быту товары: соль (до 2 рублей за пуд).

С усилением экономического упадка в 1918 году цены на товары и услуги в городе начинали увеличиваться, а порой просто-напросто отсутствовали в продаже. В начале 1918 года это привело к массовому бегству горожан в деревни, так как люди боялись надвигающегося голода (Хроника // Суровый край (г. Иркутск). 1918. № 1. 22 фев. С. 3).

В феврале 1918 года резко возрастают услуги водовозов, причем в газете «Сибирский край» отмечается, что цены на услуги водовозов «росли не по месяцам, а по дням». Водопроводное товарищество отмечало, что цена выросла из-за роста цен на уголь и прибавок к жалованию рабочим (Хроника // Сибирский край (г. Иркутск). 1918. № 1. 1 фев. С. 3).

Проблемы с услугами водовозов сохранились и к концу 1918 года. Водовозы, которых не устраивала цена на их услуги, стали сговариваться и вообще не возить воду в районы города. Тех из водовозов, которые рискнули отвезти воду не в свой район, избивали их коллеги, для того чтобы остальные не рисковали делать тоже самое (Хроника // Новая Сибирь (г. Иркутск). 1918. № 32. 21 дек. С. 3).

Цены росли не только на услуги водовозов. Быстрыми темпами росли цены на услуги извозчиков, которые увеличивались, несмотря на общий спад цен на основные товары. Этот рост был, конечно же, весьма болезненным для иркутян, которые были вынуждены ездить в различные части города или ездить в темное время суток, когда пешком было ходить весьма небезопасно.

Война сильно повлияла и на присутствие на полках такого важного товара для повседневной жизни людей как керосин. В начале 1918 года в городе полностью исчез из продажи этот товар.

Однако были и диаметрально противоположные случаи, когда цены на некоторые товары могли понижаться. Так случилось в январе 1918 года, когда снизились цены на ткани. Произошло это потому, что купцы решили выставить все свои запасы тканей, которые хранились у них (Хроника // Сибирский край (г. Иркутск). 1918. № 3. 4 фев. С. 3).

К лету 1918 года ситуация с продовольствием начинает приходить в норму. Показательной в этом отношении может оказаться статья газеты «Сибирский курьер» от 21 июля. В ней говорится о том, что

те самые знаменитые «хвосты» – очереди «совершенно исчезли». Мясо продавалось в любом количестве по 2 рубля 20 копеек. Цена на масло снизилась на 1 рубль. Появилось много ржаной муки в свободной продаже (Хроника // Сибирский курьер (г. Иркутск). 1918. № 1. 21 июл. С. 4).

Также в газете сообщалось, что цены на товары начинали медленно, но верно снижаться: за пуд ржаной муки просили 20 рублей, яйцо – 3 рубля 50 копеек, мяса на прилавках было в изобилии. К тому же, говорится о том, что коммерческая жизнь в городе начинает налаживаться, появляются различные товары, которые с начала Гражданской войны отсутствовали (Хроника // Сибирский курьер (г. Иркутск). 1918. № 3. 24 июл. С. 3).

Однако данная заметка не особо сочетается со следующим сообщением, которое вышло буквально через 2 дня о том, что цены в ресторанах «абсолютно драконовские». В частности, указывалось, что шесть картошек стоили 8 рублей. К тому же ставка официанта составляла 15 % от заказа (Хроника // Сибирский курьер (г. Иркутск). 1918. № 2. 23 июл. С. 3). Четверть мяса антрекота в ресторане продавалась за 7 рублей, один помидор – 8 рублей, бутылка водки продавалась за немыслимые 50 рублей, отдельно именно за ее подачу брали еще 7 рублей 50 копеек (Хроника // Сибирский курьер (г. Иркутск). 1918. № 5. 26 июл. С. 4).

Вместе с ростом цен на еду в ресторане и обслуживание в нем растут доходы официантов, которых «Сибирский курьер» по обеспеченности на данный момент времени сравнивает с извозчиками, цены на услуги, которых тоже весьма высоки (Хроника // Сибирский курьер (г. Иркутск). 1918. № 10. 1 авг. С. 3).

Вероятнее всего, проблема с продовольствием в городе все же сохранялась и если ее и удавалось решать, то только по определенным продуктам. О полном решении данной проблемы в 1918 году говорить скорее всего не приходится. К тому же бывали случаи, что товары в городе находились в наличии, однако они специально задерживались спекулянтами на вокзале, для того чтобы взвинтить цены (Хроника // Сибирский курьер (г. Иркутск). 1918. № 20. 5 сент. С. 3).

Ситуация с продовольствием стала вновь ухудшаться поздней осенью 1918 года. В ноябре 1918 года в городе стал ощущаться дефицит мяса.

На мясных лавках висела табличка с информацией о том, что мяса нет до того как из Култука не пригонят скот. Данная ситуация тут же спровоцировала новый рост цен на данный продукт до 2 рублей 50 копеек за фунт, что вызвало большое недовольство среди местного населения (Хроника // Новая Сибирь (г. Иркутск). 1918. № 2. 12 нояб. С. 3).

Для того чтобы успокоить иркутян в плане снабжения продовольствием, впервые власти решили провести в разных частях города многолюдные собрания по этому вопросу. От имени городской думы выступил Ф.Я. Давиденко, который обозначил весьма мрачную картину ухудшения положения с продовольствием для жителей города, так как из тех мест, где был хлеб и другая продукция, отказываются отправлять эти товары в Иркутск.

Гражданская война повлекла не только перебои с продовольствием, но и существенный рост цен на продукты первой необходимости. Так, в ноябре 1918 года в газете «Новая Сибирь» была опубликована статья, отражающая существенный рост цен на продовольственные товары с 1914 по 1918 годы. Большой рост цен был отмечен на следующие товары: фунт хлеба подорожал с 4 копеек (1914 год) до 1 рубля 40 копеек (1918 год), то есть на 1 000 %, соль – с 2 копеек до 50 копеек (на 2 500 %), сахар – с 20 копеек до 10 рублей (на 5 000 %), мука – с 10 копеек до 2 рублей 50 копеек (на 2 500 %), мясо – с 10 копеек до 1 рубля 50 копеек (на 1 600 %), чай – с 2 рублей до 20 рублей (на 1 000 %), молоко – с 50 копеек за четверть до 6 рублей (на 1 200 %), масло – с 30 копеек до 5 рублей (на 1 220 %) (Хроника // Новая Сибирь (г. Иркутск). 1918. № 13. 24 нояб. С. 3).

Такая ситуация, безусловно, не нравилась горожанам, которые выражали свое недовольство. Это недовольство стало проникать даже в народный фольклор, где люди в юмористической форме описывали происходящие в стране и городе события.

Интересен в этом плане пример, описанный А.В. Березиной: «На базаре распевали: Был царь-дурачок – стоил хлеб пятачок; А теперь республика, – стоит хлеб два рубля» (Березина, 2016).

Высокая цена держалась и на дичь. Газета «Новая Сибирь» отмечает неоправданно высокую цену за одного зайца. За него торговцы просили 5 рублей за штуку, несмотря на то что данного вида

дичи в город привезли достаточно большое количество (Хроника // Новая Сибирь (г. Иркутск). 1918. № 28. 15 дек. С. 3).

Помимо проблем с продукцией в городе отмечалась и нехватка непродовольственных товаров повседневного использования. Так, в ноябре 1918 года из продажи пропали галоши, значимость которых в осеннее время года тяжело переоценить. Этим тут же воспользовались спекулянты, которые решили нажиться на этой ситуации. Газета «Новая Сибирь» сообщает, что некий Хохлов, который проживал по Ланинской улице (ныне – Декабрьских событий), решил изготавливать галоши из старых кастровых шляп и продавать их за 400 рублей за пару. Качество данной обуви оставляло желать лучшего, а отделку для галош должны были приносить сами заказчики (Хроника // Новая Сибирь (г. Иркутск). 1918. № 9. 20 нояб. С. 3).

Осенью того же года резко повысилась цена на дрова, которые подорожали с 30 до 55 рублей за сажень. Однако наступал холодный сезон и люди были вынуждены покупать товар по предлагаемым ценам.

Повышение цен коснулось и развлекательных учреждений, для которых городская дума повысила тариф за использование электроэнергии. Для клубов, кинематографов и ресторанов цены были повышены до 3 рублей за киловатт в час магазинам и гостиницам – до 2 рублей за киловатт в час (Хроника // Новая Сибирь (г. Иркутск). 1918. № 10. 21 нояб. С. 3).

Помимо того что спекулянты скупали продукцию у местных производителей и продавали ее горожанам, они придумали еще одну схему – скупали продукцию и отправляли ее посылками в другие города Сибири для продажи втридорога (Хроника // Новая Сибирь (г. Иркутск). 1918. № 12. 23 нояб. С. 3).

Еще одной большой проблемой, связанной с продовольствием, стало его ужасное качество, которое нередко никем не контролировалось. Весьма примечательный случай произошел в городской продовольственной лавке № 6. Один гражданин купил здесь омуль, который оказался испорченным. При попытке вернуть его покупатель наткнулся на яростный отказ продавца, который заявил, что граждане должны есть то, что им дают (Хрони-

ка // Новая Сибирь (г. Иркутск). 1918. № 30. 18 дек. С. 3).

Такое отношение к покупателям было не редкостью, к тому же качество продуктов оставляло желать лучшего и не соответствовало тем ценам, которые за них выставлялись.

Некачественные продукты под видом перво-сортных продавали спекулянты. Таким примером может являться следующий случай: зимой 1919 года на иркутском рынке спекулянты продавали кукурузную муку под видом крупчатки. Об этой подмене можно было догадаться только во время готовки. Цена на эти продукты была также различна (Хроника // Новая Сибирь (г. Иркутск). 1919. № 18. 25 янв. С. 3).

С продолжением Гражданской войны в городе очень сильно ухудшается ситуация с обеспечением населения материалами для отопления. От этого население страдало особенно в зимние месяцы.

Зимой 1919 года стали появляться сообщения, которые проливали свет на то, почему очень сильно дорожало дерево, используемое для отопления. По сообщению газеты «Новая Сибирь» в Иркутской губернии появились японские агенты, которые решили скупать лес в губернии. В особенности их интересовала сосна, которая использовалась в производстве бумаги. Также интересовались японцы и пихтой для производства специального масла. По сообщениям газеты, японцы предлагали крестьянам-лесорубам 1 200 рублей за 1 куб. древесины (Хроника // Новая Сибирь (г. Иркутск). 1919. № 28. 6 фев. С. 3).

Очень сильную потребность в отоплении испытывали частные школы, которые государство не обеспечивало. Так, в феврале 1919 года очень большую нужду испытывала гимназия Григорьевой. Данное учебное заведение отапливалось очень слабо, температура в классах едва доходила до 5–6 градусов выше нуля. Дети занимались в шубах и галошах. Те, кто теплой одежды не имел, тот постоянно болел (Хроника // Новая Сибирь (г. Иркутск). 1919. № 21. 29 янв. С. 3).

После прихода к власти большевиков в городе проблема продовольствия оставалась такой же острой несмотря на политику военного коммунизма, проводившуюся и в плане снабжения города продукцией.

После победы большевиков, в феврале 1920 г. в городе начался сильный голод. Связано это было с несколькими причинами: военная разруха, разрушение рынка, хаос в сфере финансов, а также отмена сибирских денег 18 февраля 1920 года.

В это время Н. Романов писал следующее о положении в городе: «Продовольственный вопрос очень тяжелый... Что будет – сказать сложно...». «У иркутян, все, что было, съедено, начинается голодовка. У многих уже муки нет и взять не знают где...» (Романов, 1994. С. 296).

К примеру, в начале сентября 1921 года в Иркутск пароходом «Красный» прибыло большое количество продукции, собранной в качестве продналога: соленая рыба – 4 156 пудов из Нижнеангарска, 577 пудов с Малого моря. Пароходом «Кругобайкалец» было доставлено 2 000 пудов рыбы из Баргузина и 1 000 пудов из Селенгинского района.

Помимо рыбы с низовьев Ангары было доставлено 2 баржи с хлебом (Хроника // Иркутский рабочий (г. Иркутск). 1921. № 5. 3 сен. С. 3).

Следует подчеркнуть, что данные меры были малоэффективными – город испытывал недостаток продовольствия, поэтому приходилось предпринимать дополнительные меры. К примеру, часто говорилось о необходимости разведения в первую очередь свиней и кроликов в связи с тем, что они быстрее размножаются и, следовательно, быстрее смогут обеспечить население мясом. Также для улучшения снабжения местного населения продовольствием, было устроено 16 семхозов (семенных хозяйств).

Помимо нехватки сельскохозяйственных продуктов в городе чувствовался и дефицит бытовых товаров, в частности, мыла. С приходом большевиков в Иркутск стало пропагандироваться мытье рук с мылом для предотвращения распространения дифтерии. Для этого на витринах многих магазинов висели специальные плакаты с надписями «Мойте руки перед едой», «Мойте руки мылом» и так далее. На это в газете «Иркутский рабочий» задается логичный вопрос: «Где его взять?». Действительно, к началу 1920-х годов в городе сложилась ситуация, при которой мыло в ограниченном количестве получали только трубочисты и ассенизаторы (1/4 фунта). Все остальные работники мыла не получали совсем (Хроника // Иркутский рабочий (г. Иркутск). 1921. № 5. 3 сен. С. 3).

Сложную ситуацию с мылом подтверждает и Б.А. Демьянович: «Мыло было в дефиците, обмылки мы не выбрасывали, а сплавляли в новый кусок, поэтому он приобретал необычный цвет» (Демьянович, 2008. С. 24).

Большевики распределяли между рабочими самые необходимые и дефицитные товары, которые были у них в распоряжении. Так, к примеру, подотдел снабжения Губпрофсовета распределил исключительно между рабочими за сентябрь 1921 года: ботинок – 1 023 пары, сапог – 330 пар, чирок и ичиг – 1 898 пар, брюк – 1 810 штук, гимнастеров и курток – 2 239 штук, телогреек и полушубков – 223 штуки, белья – 3 094 штуки, кожи подошвенной – 85 пудов (Хроника // Иркутский рабочий (г. Иркутск). 1921. № 9. 8 окт. С. 3).

Несмотря на все прилагаемые усилия, окончательно решить продовольственную проблему в годы Гражданской войны было весьма не просто.

Очень сильно от недостатка продуктов страдали, конечно же, дети. Борис Алексеевич Демьянович вспоминает: «Жизнь в то время была тяжелой, в первую очередь это сказывалось на наших желудках. От обеда я прятал корочку ржаного хлеба, и когда она превращалась в сухарь, долго ее сосал. Помню, как зимой папа где-то раздобыл мороженые коровьи желудки... Баба Катя сварила из них очень вкусный суп. Он был настолько неприлично для меня сытным, что я положил голову на стол и заснул».

Для того чтобы решить проблему, была открыта специальная столовая исключительно для детей, где, по воспоминаниям все того же Демьяновича, давали только суп и манную кашу, что было по тем временам совсем неплохо (Демьянович, 2008. С. 18).

Из-за того, что в городе присутствовала нехватка продуктов, многие люди пытались восполнить их отсутствие побочным заработком: ездили в тайгу, где собирали ягоды, грибы для продажи перекупщикам и собственного использования.

Весьма интересным и неприятным фактом для горожан стала подмена продуктов, которые очень тяжело было отличить друг от друга. Сделать это мог только лишь профессионал. Б.А. Демьянович вспоминает следующий случай: его мама и ее второй муж С.И. Тимофеев, который был профессором гистологии и биологии медицинского факультета,

купили кролика. Однако, съев его, Тимофеев, осмотрев кости съеденного кролика, понял, что это была кошка, что стало полнейшим потрясением для мамы Демьяновича (Демьянович, 2008. С. 34).

С 1921 года в стране начинает проводиться так называемая новая экономическая политика, целью которой было привести в порядок экономическую жизнь страны после непростых лет экономической политики военного коммунизма (Груздева, 2014. С. 120)¹. Это выражалось, в том числе, и в разрешении открывать предприятия частной торговли, что привело к увеличению количества продукции и ассортимента (Столбов, 2018). Данная тенденция коснулась и Иркутск: разрешения на частную торговлю стали выдаваться с 3 июля 1921 года, а к концу 1922 года число частных предприятий выросло до 1202 (Иркутск в панораме веков..., 2002. С. 309), что привело к увеличению числа изготовленных товаров, которые выставлялись на продажу.

Также стоит отметить, что в сельском хозяйстве был достигнут довоенный уровень производства, что позитивно сказалось на доступности товаров данной отрасли (Кудрявцев, Вендрих, 1971. С. 298).

К 1922 году большевикам удалось снизить бешеные цены, которые царили на рынках Иркутска. Связано это было с тем, что были опубликованы твердые тарифы на заработную плату для всех работников, что позволило убедиться спекулянтам в том, что рабочие не смогут покупать их товары по завышенным ценам. Еще один шаг – создание организации Ирпо, которая обеспечивала нуждавшихся продуктами первой необходимости, что поставило иркутских спекулянтов в тупик. Чтобы не остаться без денег, торговцам пришлось снизить цены (Хроника // Власть труда (г. Иркутск). 1922. № 21. 27 янв. С. 3).

Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что благодаря принятым мерам, продуктовый вопрос и цены на продукты начинают постепенно приходить в норму. Что выражалось в увеличении количества рекламы на данную тематику (Саранчук, 2024. С. 156).

Несмотря на перебои с продукцией первой необходимости, стоит отметить, что определенная

категория иркутян могла позволить себе приобрести достаточно изысканные по тем временам продукты. Благо, в городе существовали подобного плана магазины.

Одним из таких торговых заведений был гастрономический магазин Товарищества Котел и Беркович. В данном магазине имелись: сухой компот, абрикосы, персики, белый желатин и даже совсем уж редкий по тем временам товар – французские яблоки.

В 1920-е годы по улице Большой (ныне Карла Маркса) функционировал винно-бакалейно-гастрономический магазин «Живое дело». Ассортимент магазина был достаточно богатым для непростого времени Гражданской войны: в магазине были представлены сливочное масло, разнообразные виды сыров, икра зернистая и омулевая, разнообразные чаи, какао, шоколад, карамель, раковые шейки, дюшес, барбарис, ореховая халва, орех, горчица, уксусовая эссенция, свежие и сухие фрукты, виноградные вина (Объявления // Власть труда (г. Иркутск). 1922. № 212. 17 сен. С. 4).

К новогодним праздникам магазин наполнялся очень богатым ассортиментом для праздничного стола. К примеру, к новому 1923 году, были привезены разнообразные вина, большое количество колбасных изделий, копченые гуси, утки, рыбные и овощные консервы, экспортное масло, сыры. Здесь также наблюдалось большое разнообразие кондитерских товаров: конфеты, елочные пряники, шоколад, какао, мед, варенье, ваниль, самаркандские сушеные фрукты, компоты, чернослив, свежие яблоки. Для всех желающих существовала услуга по заказу окороков (Объявления // Власть труда (г. Иркутск). 1922. № 299. 29 дек. С. 4). На основе представленного ассортимента можно сделать вывод, что для людей с достатком всегда находились эксклюзивные продукты питания в свободном доступе для приобретения.

В своих воспоминаниях Л.И. Тамм отмечала большое количество эксклюзивного товара на прилавках иркутских магазинов. Хотя и с перебоями, но в Иркутск поступали фрукты, продавалось большое количество выпечки и даже мясная продукция. Самая большая проблема, что данные товары было очень сложно купить в условиях войны, когда у горожан на это не хватало средств. Единственное время, когда товары на прилавках пользовались

¹ Груздева О.А. История экономики России : Курс лекций. Москва : Изд. Дом МИСиС, 2014. 159 с.

большим спросом и буквально сметались людьми – были праздники (Тамм, 2007).

Что касается обеспечения города одеждой, то здесь также не обходилось без товаров иностранного производства. В Иркутске в годы Гражданской войны, существовал магазин японских и американских вещевых товаров – Пассаж Юциса на Пестревской улице (ныне улица Урицкого). В ассортименте магазина горожане могли найти вязанные кофты, вязальную пряжу, китовый ус, мыла, зубные щетки, шнурки, пуговицы, чулки, носки, шарфы, зимние и летние перчатки, носовые платочки, подтяжки и еще самое большое разнообразие товаров для повседневного использования.

Несмотря на тяжелые времена, не потеряли свою актуальность и значимость специализированные магазины для детей. Большой популярностью в городе пользовался магазин игрушек «Радость детей». Здесь в наличии имелись разнообразные игрушки, елочные украшения (что было актуально перед Новым годом), краски, пугачи (рогатка, сделанная из медной трубки и гвоздя, где две стороны были объединены резиновым кольцом), кубики-азбука и еще большое количество товаров, связанных с детскими развлечениями (Объявления // Власть труда (г. Иркутск). 1922. № 283. 10 дек. С. 4).

Большие изменения в сторону повышения цен коснулись и аренды жилья. Иркутск во время Гражданской войны был одним из центров общественной жизни Сибири и, естественно, сюда приезжало большое количество людей из других городов для решения различных дел. Этим воспользовались недобросовестные люди, которые сдавали жилье для таких приезжих. К примеру, маленькая однокомнатная квартира на углу Амурской и Графо-Кутайсовской (ныне, Ленина и Дзержинского

соответственно) сдавалась по цене 18–20 рублей в сутки, более большое по размеру жилье сдавалось по 25–30 рублей в сутки (Хроника // Власть труда (г. Иркутск). 1922. № 266. 21 ноя. С. 3). Примерно, на ту же сумму на рынке можно было купить воздров (30 рублей), которые были весьма важным товаром для горожан, либо несколько фунтов мяса (1 фунт – 2 рубля) (Хроника // Новая Сибирь (г. Иркутск). 1918. № 13. 24 ноя. С. 3). Данные цифры говорят о том, что цены на квартиры были достаточно высоки для снимающих их арендаторов.

Стоит отметить, что город в годы Гражданской войны испытывал большие проблемы с так называемым «квартирным вопросом». Его обострение было связано с рядом факторов: большое количество пришлого элемента (переселенцы, беженцы), расквартированные войска.

Оставался и вопрос, связанный с качеством этих квартир и их количеством. Было достаточно тяжело найти приличную квартиру. Горожанин Константинович отмечал: «Интеллигентные семьи поставлены в необходимость по две-три занимать одну комнату, которая в большинстве случаев тесна, низка, холодна, антигигиенична...» (Ильина, 2019. С. 85).

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы: ситуация с продуктами в городе в годы Гражданской войны оставалась достаточно сложной. Это можно связать с тем, что город еще не смог отойти от трудностей, связанных с Первой мировой войной. Обострение продовольственной проблемы было связано и с тем, что боевые действия проходили на территории Иркутской губернии и восточнее. Эти факторы и стали причиной нехватки продукции, а также планомерного повышения цен на товары и услуги в течение всего исследуемого периода.

Список источников

Балушева А.И. «Вихри враждебные»: Гражданская война в Иркутском крае // Война и мир в Отечественной и мировой истории : материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27 марта 2020 года. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2020. Т. 2. С. 107–110. EDN: BXYGXX.

Березина А.Н. Иркутск моей юности (1916–1920) : воспоминания. Иркутск : Издатель Сапронов, 2016. 254, [1] с.

References

Balusheva A.I. (2020) "Hostile vortices": The Civil War in the Irkutsk Region. In 2 vol. *Voina i mir v Otechestvennoi i mirovoi istorii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 27 marta 2020 goda* = *War and peace in national and world history. Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, March 27, 2020*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennyykh tekhnologii i dizaina. Vol. 2. P. 107-110. (In Russ.). EDN: BXYGXX.

Berezina A.N. (2016) *Irkutsk of my youth (1916-1920): memoirs*. Irkutsk: Publisher Sapronov. 255 p. (In Russ.).

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. 1967–1979. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. М. : Прогресс, 1986. 622 с.

Гольдфарб С.И., Гимельштейн А.В. Иркутская газета «Власть труда»: опыт историко-экономической реконструкции (1917–1930). Иркутск : Иркутская областная типография № 1 им. В.М. Посохина, 2006. 231 с.

Демьянович Б.А. Записки иркутянина 1916–1942 гг. Иркутск : Оттиск, 2008. 179 с.

Ильина А.В. Квартирный вопрос и способы его решения в годы революции и Гражданской войны в Иркутске // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения : сборник материалов XV Всероссийской (с Международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Томск, 29–30 апреля 2019 г. Томск : Изд. Дом Томского государственного университета, 2019. Вып. 15. С. 82–86. EDN: GGRYEU.

Ипполитов Г.М., Репинецкий А.И. История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 154–161. EDN: PDBZSR.

Иркутск в панораме веков: очерки истории города / отв. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск : Вост.-Сиб. изд. компания, 2002. 511 с.

Иркутск накануне и в 1917 году : очерки политической истории губернского центра / под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск : Оттиск, 2017. 543 с. EDN: VSZACD.

Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск: Очерки по истории города. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. 435 с.

Милешина Н.А., Меркушин А.В. История повседневности как научное направление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–3 (61). С. 103–105. EDN: UMETRR.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. 320 с. EDN: YGDNIP.

Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19. EDN: OXTAQR.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / предисл. и примеч. Н.В. Куликаускене. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 559 с.

Саранчук А.В. Рекламный мир Иркутска в годы НЭП (по материалам газеты «Власть труда») // Россия и Сибирь в изменяющемся мире: история и современность : материалы Всероссийской научно-теоретической конферен-

Braudel Fernand. (1967) Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV-XVIII siècle. In 3 vol. 1967-1979. Vol. 1. Everyday structure: possible and impossible (Russ. ed.: T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Moscow: Progress, 1986. 622 p.)

Gol'dfarb S.I., Gimel'shtein A.V. (2006) Irkutsk newspaper "The Power of Labor": the experience of historical and economic reconstruction (1917-1930). Irkutsk: Irkutsk Regional Printing House No. 1 named after V. M. Posokhin. 231 p. (In Russ.).

Dem'yanovich B.D. (2008) Notes of an Irkutsk citizen (1916-1942). Irkutsk: Imprint. 179 p. (In Russ.).

Il'ina A.V. (2019) The housing issue and ways to resolve it during the Revolution and Civil War in Irkutsk. *Voprosy istorii, arkhologii, politicheskikh nauk i regionovedeniya : sbornik materialov XV Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i molodykh uchenykh, Tomsk, 29–30 aprelya 2019 g. = Questions of History, Archeology, Political Science and Regional Studies : a Collection of Materials from the XV All-Russian (with International Participation) Scientific Conference of Students, Undergraduates, Postgraduates and Young Scientists, Tomsk, April 29-30, 2019*. Tomsk: Tomsk State University. Iss. 15. P. 82-86. (In Russ.). EDN: GGRYEU.

Ippolitov G.M., Repinetski A.I. (2012) Daily life studies as a branch of history: some aspects of its genesis and evolution. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 14. No. 3. P. 154-161. (In Russ.). EDN: PDBZSR.

Dameshek L.M. (2002) Irkutsk in the panorama of centuries: essays on the history of the city. Irkutsk: East-Siberian Publishing Company. 511 p. (In Russ.).

Dameshek L.M. (2017) Irkutsk on the eve and in 1917 : essays on the political history of the provincial center. Irkutsk: Imprint. 543 p. (In Russ.). EDN: VSZACD.

Kudryavtsev F.A., Vendrikh G.A. (1971) Irkutsk: Essays on the history of the city. Irkutsk: East.- Siberian Publishing House. 435 p. (In Russ.).

Mileshina N.A., Merkushev A.V. (2015) Everyday life history as a scientific area. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. No. 11-3 (61). P. 103-105. (In Russ.). EDN: UMETRR.

Orlov I.B. (2010) Soviet everyday life historical and sociological aspects of its formation. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 320 p. (In Russ.). EDN: YGDNIP.

Pushkareva N.L. (2004) The scope and methods of study of everyday life history. *Ethnographic review*. No. 5. P. 3-19. (In Russ.). EDN: OXTAQR.

Romanov N.S. (1994) Chronicle of the city of Irkutsk for 1902-1924. Irkutsk: East-Siberian Publishing House. 559 p. (In Russ.).

Saranchuk A.V. (2024) The advertising world of Irkutsk during the NEP years (based on the materials of the newspaper "The power of labor"). *Rossiia i Sibir' v izmenyayushchetsya mire: istoriya i sovremennost': materialy Vserossiiskoi*

ции, посвященной 110-й годовщине со дня рождения доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова и 95-летию его ученика, доктора исторических наук, профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина, Иркутск, 16–22 ноября 2023 г. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2024. С. 155–159. EDN: OYDJPZ.

Столбов В.П. Экономическая история России. СПб. : Лань, 2018. 275 с.

Тамм Л.И. Записки иркутянки : части I–III. Иркутск : Оттиск, 2007. 734 с.

Федоров А.Б., Бредихин А.Л. «НЭП»: от идеи к воплощению (к столетию «Новой экономической политики») // Вестник Вологодского Государственного университета. Сер. Исторические и филологические науки. 2021. № 2 (21). С. 22–25. EDN: HGPVVK.

Цветков В.Ж. Гражданская война в России – определение, причины, периодизация // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2018. Т. 5. № 1. С. 3–7. DOI: 10.18413/2312-3044-2018-5-1-3-7. EDN: YWHHNZ.

Шилова О.С. Газетный мир Иркутска в период Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 8 (79). С. 319–326. EDN: RASXPV.

Информация об авторе

Саранчук Андрей Витальевич,
аспирант исторического факультета,
Иркутский Государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса 1, Россия,
e-mail: Andrey_Saranchuk@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0006-8729-6423>

Вклад автора

Саранчук А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 3 июня 2024 г.; одобрена после рецензирования 19 июля 2024 г.; принята к публикации 29 июля 2024 г.

koi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 110-i godovshchine so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vsevoloda Ivanovicha Dulova i 95-letiyu ego uchenika, doktora istoricheskikh nauk, professora Viktora Grigor'evicha Tyukavkina, Irkutsk, 16–22 noyabrya 2023 g. = Russia and Siberia in a changing world: history and modernity : Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference Dedicated to the 110th anniversary of the Birth of Doctor of Historical Sciences, Professor Vsevolod Ivanovich Dulov and the 95th anniversary of his student, Doctor of Historical Sciences, Professor Viktor Grigoryevich Tyukavkin, Irkutsk, November 16-22, 2023. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 155-159. (In Russ.). EDN: OYDJPZ.

Stolbov V.P. (2018) The economic history of Russia. St. Petersburg: Lan'. 275 p. (In Russ.).

Tamm L.I. (2007) Irkutsk woman's notes. Irkutsk : Imprint. 734 p. (In Russ.).

Fedorov A.B., Bredikhin A.L (2021) "NEP": from idea to implementation (to the centenary of the "New economic policy"). *Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences*. No. 2 (21). P. 22-25. (In Russ.). EDN: HGPVVK.

Tsvetkov V.Zh. (2018) The Civil War in Russia - definition, causes, periodization. *Tractus Aevorum: Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces*. Vol. 5. No. 1. P. 3-7. (In Russ.). DOI: 10.18413/2312-3044-2018-5-1-3-7. EDN: YWHHNZ.

Shilova O.S. (2013) Irkutsk newspaper world during Civil War of 1918-1920. *Bulletin of the Irkutsk State Technical University*. No. 8 (79). P. 319-326. (In Russ.). EDN: RASXPV.

Information about the author

Andrey V. Saranchuk,
Postgraduate student of the historical faculty,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: Andrey_Saranchuk@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0006-8729-6423>

Contribution of the author

Saranchuk A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 3, 2024; approved after reviewing July 19, 2024; accepted for publication July 29, 2024.

История

Научная статья
УДК 351.74
EDN: WFXAGC
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-140-148>

«Теневая экономика» ГУЛАГа: на примере Западной Сибири в 30-е годы XX в.

М.А. Трухин

Алтайский институт экономики Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия

Аннотация. Теневая экономика наносила серьезный урон финансовой государственной структуре СССР, что негативно сказывалось на пополнении бюджета, а также угрожало поддержанию общественного порядка и ухудшало криминогенную ситуацию. Командно-административная система в Советском Союзе окончательно установилась в 30-х годах прошлого столетия. Она была основана на распределении материальных благ, которых катастрофически не хватало, а запрет в стране предпринимательской деятельности, трактовавшейся как уголовное преступление (спекуляция), усугублял ситуацию. Все это способствовало возникновению и распространению теневых экономических отношений. Ограничение финансовой деятельности особенно отразилось на содержании заключенных в подразделениях ГУЛАГа НКВД СССР, ужесточив регламент существующего режима. Желание обогатиться любой ценой провоцировало работников пенитенциарной системы заниматься незаконной предпринимательской деятельностью. В местах лишения свободы фиксировались многочисленные случаи хищения государственных средств, приписки, факты продажи государственного имущества, что создавало тяжелые санитарно-бытовые условия содержания заключенных. К тому же фиксировались факты нелегального оборота алкоголя, оружия, наркотических и других запрещенных средств, а также организации азартных игр, что угрожало системе безопасности в тюрьмах, исправительно-трудовых колониях и исправительно-трудовых лагерях. Приводило к случаям нападения на охрану, побегам осужденных, убийствам и нанесению телесных повреждений как надзирательскому составу, так и самим осужденным. Во многом это было связано с деятельностью преступного элемента, сконцентрированного в одном месте. Серьезной проблемой оставалась недостаточная, носившая часто формальный характер, воспитательная работа среди личного состава ГУЛАГа НКВД СССР. В Западно-Сибирском регионе сотрудники правоохранительных органов осуществляли серьезные меры по борьбе и профилактике теневых экономических отношений в советской пенитенциарной системе, в том числе с привлечением агентурно-осведомительного аппарата и проведением плановых и внезапных проверок финансовой деятельности исправительно-трудовых учреждений.

Ключевые слова: ГУЛАГ НКВД СССР, теневая экономика, пенитенциарная система, Западная Сибирь, 30-е годы, охрана, хищения, промоты, воспитательный процесс, тюрьмы, исправительно-трудовые учреждения

Для цитирования: Трухин М.А. «Теневая экономика» ГУЛАГа: на примере Западной Сибири в 30-е годы XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 140–148. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-140-148. EDN: WFXAGC.

History

Original article

“The shadow economy of the Gulag”: on the example of Western Siberia in the 30s of the XX century

Maxim A. Trukhin

Altai Institute of Economics St. Petersburg University of Technology Management and Economics, Barnaul, Russia

Abstract. The shadow economy caused serious damage to the financial state structure of the USSR, which negatively affected budget replenishment, and also threatened the maintenance of public order and worsened the crime situation. The command-administrative system in the Soviet Union was finally established in the 30s of the last century, based on the distribution of material goods, which led to a shortage of goods and services. This contributed to the spread of shadow economic relations, due to the ban

© Трухин М.А., 2024

in the country on engaging in entrepreneurial activities, which was interpreted as a criminal offense - speculation. The restriction of financial activity was aggravated by the existing strict regulations for the regime of detention of prisoners in the Gulag units of the NKVD of the USSR. Engagement in illegal business activities was provoked by the desire to get rich at any cost, difficult sanitary and living conditions for prisoners, as well as poor-quality medical care. In places of deprivation of liberty, numerous cases of theft of public funds, registrations, sales of property, organization of gambling, etc. were recorded. In addition, illegal trafficking in places of deprivation of liberty was also recorded: alcohol, weapons, drugs and other prohibited things, which threatened the security system in prisons, forced labor colonies and forced labor camps, contributed to attacks on guards, escapes of convicts, and murders and causing bodily harm to both the supervisory staff and the convicts themselves. This was largely due to the activities of a criminal element concentrated in one place. A serious problem remained the insufficient, often formal, educational work among the personnel of the Gulag of the NKVD of the USSR. Law enforcement officials carried out measures to combat and prevent shadow economic relations in the Soviet penitentiary system in the West Siberian region, including with the involvement of intelligence agencies and conducting scheduled and unannounced inspections of the financial activities of correctional labor institutions.

Keywords: GULAG of the NKVD of the USSR, shadow economy, penitentiary system, Western Siberia, the 30s, security, theft, squander, educational process, prisons, correctional labor institutions

For citation: Trukhin M.A. (2024) "The shadow economy of the Gulag": on the example of Western Siberia in the 30s of the XX century. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 140-148. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-140-148. EDN: WFXAGC.

В советский период серьезных исследовательских работ по заявленной тематике проведено не было в связи с закрытостью темы в отношении деятельности правоохранительных органов. Документы, раскрывающие нелегальные, «подпольные» экономические отношения имели гриф «секретно» или «совершенно секретно», соответственно не были доступны для ученых и не подлежали публикации в открытых источниках.

Историография экономической деятельности советской пенитенциарной системы представлена многочисленными работами, как правило, опубликованными уже после распада СССР, прежде всего, в связи с доступом к архивным источникам: (Иванова, 1997; Захарченко, 2009; Иванова, 2006; Тимохова, 2015; Упоров, 2017 и др.). Ряд научных статей был посвящен деятельности пенитенциарных учреждений, находившихся непосредственно в Западной Сибири (Бикметов, 2004; Уйманов, 2011; Уйманов, 2016; Науменко, Альмухаметова, Пинигин, 2023; Малкова, 2012 и др.). Были осуществлены исследования и по вопросам, связанным с «теневой экономикой» советского периода (Богданов, 2013; Ногина, Ушмаева, 2020), но комплексных, фундаментальных работ по изучению «теневых» экономических процессов в отдельно взятом регионе (Западная Сибирь), в определенный период (30-е годы прошлого столетия) в местах лишения свободы так и не было подготовлено, что подтверждает актуальность данного исследования.

Определение «теневая экономика» (ТЭ), давалось рядом исследователей. Под «теневой эконо-

микой» понимается, прежде всего, любая экономическая деятельность, в том числе и противоправная, в результате чего прибыль не подлежит государственному налогообложению (Суверов, 2008. С. 3)¹. Также, под ТЭ понимали совокупность неучтенных, нерегламентированных и противоправных видов экономической деятельности (Головин, Шохин, 1990), «теневую экономику» рассматривали как определенную аномалию при отсутствии зарегистрированных сделок (Ореховский, 1996) и др. «Теневые» экономические отношения в рассматриваемый период выражались в разнообразной нелегальной деятельности (приносящий прибыль), в том числе и в местах заключения (Трухин, 2023. С. 99).

Рамки данного исследования ограничены территорией Западной Сибири, в настоящее время в нее входят: Алтайский край, Новосибирская, Томская, Тюменская, Омская, Кемеровская области и Республика Алтай. 30-е годы прошлого века включают в себя период с 1930 по 1939 гг., это время становления советской пенитенциарной системы, образование НКВД СССР в 1934 г., усиление карательной государственной политики, подготовки советского государства и общества ко II Мировой войне.

В рассматриваемый период исправительно-трудовые учреждения приобретают многоуровне-

¹ Суверов Е.В. Теневая экономика : учеб. пособие. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2008. 71 с.

вую систему, в основе которой была заложена идея перевоспитания правонарушителей с помощью обязательной трудовой деятельности в совокупности с активной коммунистической пропагандой. Однако приоритетным направлением всей советской пенитенциарной системы оставалось выполнение производственного плана, нередко любой ценой и в ущерб воспитательному процессу. В подчинении ГУЛАГа НКВД СССР (Главного управления исправительно-трудовых лагерей) числились тюрьмы, исправительно-трудовые колонии (ИТК), исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), колонии для несовершеннолетних.

В тюремных корпусах содержались под охраной подследственные заключенные, а также лица, осужденные за совершенные преступления и привлекаемые к различным хозяйственным работам (приготовление и доставка пищи, строительство и ремонт, заготовка топлива и продовольствия, ремонт одежды и обуви и т. д.). С 1938 г. советским тюрьмам стали присваивать свои номера, они имели свою специализацию и располагались во всех краевых и областных центрах, а также крупных населенных пунктах Западной Сибири. Множество сибирских тюрем находилось еще в старых, дореволюционных постройках или конфискованных бывших церковных помещениях.

В исправительно-трудовых колониях, имевших, как правило, местное значение, направляли осужденных на незначительные сроки, где они трудились на небольших предприятиях. ИТЛ же решали стратегические задачи, создававшиеся для масштабного строительства, где отбывали свой более солидный срок наказания осужденные граждане на срок более 3-х лет. Колонии для несовершеннолетних принимали детей и подростков, совершивших правонарушения, в Советском Союзе за отдельные преступления уголовное наказание возникало уже с 12-летнего возраста. Между администрацией исправительно-трудовых учреждений и руководителями ближайших от них колхозов, совхозов, фабрик и заводов, строительных организаций устанавливались тесные контакты (порой не совсем легальные) по поводу направления заключенных на работы на их объекты за вознаграждение, которое «оседало» в карманах некоторых руководителей.

В ходе усиления репрессивной государственной политики, ужесточения репрессий в изучаемый период наблюдалось увеличение численности спецконтингента. Пик этой кампании пришелся на 1937–1938 гг. и был связан во многом с личностью наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова, всячески поощрявшего репрессии, максимально разогнавший ее маховик. В регионе происходили аресты и задержания «врагов народа» в плановом порядке. К слову сказать, что преследованию подвергались не только противники советской власти, но и представители разношерстного преступного мира.

ГУЛАГ НКВД СССР находился на самообкупе, вследствие чего в исправительно-трудовых лагерях было налажено производство одежды, обуви, продуктов питания для заключенных, предметов, обеспечивающих внутренние нужды, с помощью трудовой деятельности з/к происходило строительство и ремонт жилых помещений. Но качество продукции, изготовленной в ГУЛАГе, и производительность труда заключенных были все же низкие, требовавшие государственных дотаций (Дробышевская, 2023. С. 25). Это было связано с недостаточной мотивацией, преобладанием ручного труда и тяжелыми санитарно-бытовыми условиями содержания спецконтингента. Ради экономии средств множество должностей административного, инженерного, медицинского персонала и даже охраны замещалось самими осужденными, что провоцировало нарушение социалистической законности в экономической сфере.

Причинами возникновения нелегальных отношений в сфере экономики был и так называемый человеческий фактор, выражаемый в страстных желаниях обладания богатством, стремлением к роскошному образу жизни, любви к деньгам отдельных категорий граждан. Как показал опыт советского периода, этот порок не удалось искоренить официальной пропагандой ни в результате «привития» у населения коммунистических идеалов, ни в результате суровой государственной карательной политики в отношении экономических преступлений.

Способствовал развитию ТЭ в местах лишения свободы острый дефицит продуктов питания, одежды, медикаментов и т. д. Особой ценностью у осужденных считался табак, нередко совместно с хлебом, ставшие специфической валютой, с помо-

щью которой можно было приобрести (поменять) необходимую вещь или заказать услугу. Соответственно существовавший спрос удовлетворялся спекулянтами, расхитителями социалистической собственностью всех мастей.

Государственный аппарат в СССР регулировал связи между отдельными ячейками производства, определяя, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени необходимо затратить на удовлетворение той или иной общественной потребности. Не рынок, а планирующие органы государства решали, что, каким образом и в каких размерах производить, кому, когда и где потреблять (Нуреев, Гретченко, 2008. С. 141–142).

Испытывающие постоянный голод и лишения осужденные были вынуждены совершать кражи, реализовывать казенную одежду, обувь, материалы и инструменты вольнонаемным работникам исправительно-трудовой системы, а также другим гражданским лицам для приобретения, прежде всего, продуктов питания. Нередко и представители уголовно-бандитского элемента продавали украденные вещи с целью приобретения товаров, запрещенных к употреблению в местах лишения свободы.

Часть административного корпуса совместно с бухгалтерами умышленно искажали статистические данные, рапортуя о якобы выполненном производственном плане (осуществляя т. н. «приписки»), получая за это материальные поощрения в виде премий. Часто руководство ИТУ, так или иначе, было замешано в различных махинациях, с целью выполнения государственного задания, не исключая при этом возможность использовать противозаконные методы.

Грубое нарушение режима содержания со стороны заключенных отрицательной направленности было тесно связано с ТЭ (организация карточных игр, пользование и реализация запрещенных предметов – ножей, денег, писем), нередко это происходило при явном или молчаливом содействии коррумпированных сотрудников НКВД (прежде всего, надзирателей и охранников).

Бесплатный труд заключенных в своих целях использовал не только аттестованный состав, но и вольнонаемные работники народного комиссариата внутренних дел. Осужденных мужчин направляли на физически тяжелые работы, они участвовали

в строительстве, заготовке дров, полевых работах, рыбной ловле и т. д., женщины з/к использовались, как правило, в качестве домашней прислуги, на сельскохозяйственных работах, на предприятиях легкой промышленности. При этом заключенные не получали оплаты, а для выписывания им ежедневного казенного продуктового пайка фальсифицировались производственные показатели, им записывались неосуществленные работы. В производственных цехах силами осужденных организовывалось изготовление вещей личного потребления, которые присваивались самими сотрудниками или реализовывались по спекулятивным ценам. При этом не следовало забывать о том, что для изготовления этих товаров активно использовалось государственное сырье, инструмент, помещения, а также электроэнергия.

Кадровый вопрос в правоохранительных органах не был решен в изучаемое время. Вследствие чего в систему НКВД СССР попадало много случайных людей, которые становились на преступный путь ради личной выгоды. Только за 3 месяца 1939 г. в Чистюньском отделении Сибирского ИТЛ было похищено казенного обмундирования на сумму в 23000 рублей (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 180. Л. 37).

Массовым явлением в ГУЛАГе стали кражи продуктов на складах и кухне, в итоге итак небольшой паек заключенных значительно уменьшался, что приводило к ослаблению, заболеваниям и ранней смерти осужденных. Представители бандитско-воровского элемента и их приближенные паразитировали за счет других заключенных, дискредитируя саму идею исправления преступников с помощью честной трудовой деятельности. Тайные хищения в советской пенитенциарной системе представляли государственную угрозу в связи с увеличением риска невыполнения планового задания.

За взятку представителю администрации исправительно-трудового учреждения можно было получить «теплое место», улучшить свои жилищные условия, повысить качество питания, время отдыха (ГУЛАГ: экономика..., 2008. С. 157). «Продажные» надзиратели не гнушались воровством и в отношении спецконтингента (в основном похищалась еда итак из скудного продуктового лагерного котла, а также личные вещи заключенных).

Старший надзиратель тюрьмы № 1 города Новосибирска Сучков присвоил 70 рублей, принадлежавших заключенному Молчанову, он регулярно питался за счет продуктов, предназначенных для арестантов (Архив ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 263. Л. 179).

Периодически проходили «чистки» личного состава правоохранительных органов, замеченных в злоупотреблениях служебным положением, часть из которых оказывалась на скамье подсудимых. Так в 1930 г. надзиратели военизированной охраны Мариинского отделения Сиблona И.К. Березин, В.С. Ражин, С.Н. Кабанцев за систематическое пьянство, присвоение средств з/к, угрозы огнестрельным оружием, избиения заключенных были осуждены: И.К. Березин на 8 лет лишения свободы, В.С. Ражин на 7 лет лишения свободы, С.Н. Кабанцев на 7 лет лишения свободы (Архив ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 37. Л. 47). В целом кадровый состав, проходивший службу в подразделениях пенитенциарной системы Западной Сибири, имел серьезные проблемы с образовательным и культурным уровнями развития, морально-волевыми качествами, профессиональной подготовкой. Это было связано с невысокой степенью престижа службы в ГУЛАГе, недостаточным финансовым вознаграждением, отдаленностью от очагов цивилизации объектов охраны, частой сменой руководителей, «чисткой» личного состава.

Экономические преступления разного уровня, совершаемые сотрудниками НКВД СССР, были связаны, прежде всего, с серьезными кадровыми проблемами в системе и недостаточно эффективной воспитательной работой, которая часто носила формальный характер.

Бандитско-воровской элемент в местах лишения свободы отличался высокой степенью сплоченностью, дерзким поведением в отношении администрации исправительно-трудовых учреждений, а также стойким желанием вести паразитический образ жизни за счет других осужденных (отказ от обязательной трудовой деятельности), совершением преступных деяний. Вследствие чего т. н. «урки» умышленно шли не только на нарушение режима содержания, но и всего социалистического законодательства, ради получения льгот и прибыли от своей незаконной дея-

тельности. В учреждениях советской пенитенциарной системы, в среде спецконтингента, нередко были случаи карточных игр, где разыгрывались вещи, продукты питания и деньги, иногда на «кон» ставилась и жизнь другого человека. При этом профессиональные картежники с помощью обмана часто становились победителями в этих незаконных играх. В «зоне» распространенным была и реализация по спекулятивным ценам дефицитных или запрещенных к употреблению товаров» (алкоголя, наркотических веществ и др.). При этом коррумпированные надзиратели и охранники охотно шли на сотрудничество с преступным элементом ради получения наживы, а иногда из-за страха за свою жизнь и здоровье.

В Чистюньском отделении Сибирского ИТЛ заключенные отрицательной направленности в количестве 9 человек систематически не работали, избивали других заключенных, в столовой насильно отбирали продукты питания у поваров, грозя им расправой, в бараках часами играли в карты, похищали дрова, продавали украденные казенные вещи (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 181. Л. 27).

Злостные нарушители режима строго наказывались вплоть до высшей меры наказания. В 1930 г. заключенные Сиблага, работавшие на кирпичном заводе Сиблona, П.С. Гулин, И.С. Пожитко, Я.И. Галицкий, В.Н. Маринин были расстреляны. Аналогичные меры воздействия были предприняты в отношении з/к Мариинского отделения Ф.А. Мурана, К.В. Серкова, М.С. Ганченко, А.К. Шестопалова, П.Р. Мануйлова, И.А. Старинского (Архив ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 37. Л. 46).

Однако жесткие меры в отношении радикально настроенных представителей бандитско-воровской направленности приносили временные результаты, были не постоянные и во многом зависели от личных качеств руководителей исправительно-трудовых учреждений.

Серьезный теневой финансовый оборот «крутился» вокруг азартных игр. Представителями преступного сообщества организовывался и контролировался этот «подпольный бизнес». Карточный долг в местах лишения свободы считался «священным», проигравший не рассчитавшийся в срок рисковал своей жизнью и здоровьем.

Профессиональные карточные игроки были достаточно «зажиточными» людьми в неволе, которые могли позволить себе многое. Лежавшие на нарах с горами выигранного «тряпья», окруженные обслуживающими их другими заключенными, т. н. «шестерками», не работающие, хорошо питающиеся, во многих случаях умевшие найти контакт с представителями администрации исправительно-трудовых учреждений. В Чистюньском отделении Сиблага осужденные Г.П. Яковлев, Ф.Е. Кутузов, И.П. Леонтьев систематически не работали, играли в карты, осуществляли насильственные действия в отношении других заключенных (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 181. Л. 10).

Действенной мерой борьбы с «теневой экономикой» стали проверки финансовой деятельности подразделений Сиблага на территории Западной Сибири с помощью проведения различных ревизий и инвентаризаций. Отечественная правоохранительная система накопила достаточно богатый опыт осуществления ведомственного контроля (в том числе и в финансовой сфере), который начал формироваться еще после реформ Александра II в конце XIX в. (Суверов, Москвитин, 2021. С. 163).

В системе НКВД СССР только с 1936 г. началось проведение регулярных документальных ревизий денежно-материальных ценностей, для этой цели выделялись отдельные штаты ревизоров как в центре, так и в регионах, которые подчинялись ревизионному отделению финансового отдела НКВД, личный состав которого проводил плановые и внеплановые ревизии с целью определения финансовой дисциплины (Суверов, Мануйлов, 2023. С. 139).

Ревизоры проверяли финансовую отчетность подразделений ИТУ, вскрывая существующие недостатки, ходатайствовали о возбуждении уголовного преследования в отношении подозреваемых в хищении должностных лиц. Свою эффективность в борьбе с ТЭ показало активное использование агентурно-осведомительного аппарата, нацеленное на получение информации о злоупотреблении властными полномочиями материально-ответственных лиц, а также внедрение агентов в доверие к лидерам бандитско-воровского сообщества. «Вербовке» подлежали и профессиональные преступники, оперативные работники находили у них «слабые места», имевшиеся пороки (напри-

мер, жадность, склонность к алкоголизму, гордыню и т. д.), с помощью которых склоняли к сотрудничеству с органами НКВД.

На основании циркуляра по Управлению Сиблагом ОГПУ от 17 августа 1933 г. все заключенные имели право получать с «воли» посылки с продуктами и вещами в неограниченном количестве, кроме предметов, запрещенных к передаче (спиртные напитки, карты, режущие инструменты) (Архив ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 111. Л. 15 об.).

Тщательно осматривались сотрудниками почтово-посылочной экспедиции письма и посылки, получателями которых значились з/к, изымались при этом находившиеся в конвертах деньги, другие посторонние предметы. Виновные лица в лице осужденных, наказывались (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ.) Ф.Р. 9401. Оп. 1а. Д. 35. Л. 17–20).

Усилило противостояние с «теневой экономикой» в ГУЛАГе создание отдела и отделения режима в 1939 г., регламентировавших свою служебную деятельность Инструкцией «О режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях», Инструкцией «О работе цензуры в исправительно-трудовых лагерях и колониях», утвержденной Приказом НКВД СССР № 001418 от 21 ноября 1939 г., где прописывались действия для сотрудников пенитенциарной системы по борьбе с «промотами» вещевого довольствия, также категорически запрещалось использовать заключенных в качестве домашних работников (ГАРФ. Ф.Р. 9414. Оп. 1а. Д. 2989. Л. 46–50).

Таким образом, в подразделениях ГУЛАГа НКВД СССР Западной Сибири в 30-е годы прошлого столетия существовало такое явление, как «теневая экономика», когда возникали нелегальные, зачастую противоправные отношения финансовой направленности. В рассматриваемый период была создана достаточно громоздкая советская пенитенциарная система, состоящая из различных подразделений, где отбывало свое наказание или находилось под следствием значительное количество людского ресурса, изъятого из гражданской сферы страны. Содержание заключенных было организовано не самым лучшим образом, не хватало элементарных вещей, питание было недостаточное, а медицинское обслуживание зачастую услов-

ное. Все это способствовало проявлению «теневой экономики» в многочисленных «промотах», когда заключенные совершали кражи казенного имущества с целью их дальнейшей продажи. Весомый вклад в распространение ТЭ в местах лишения свободы внесли представители бандитско-воровского сообщества, активно нарушавшие режим содержания, организовывавшие азартные игры, совершавшие кражи, разбои, грабежи и другие преступные действия, представители уголовного мира при этом активно пользовались запрещенными предметами.

Ряд сотрудников и работников НКВД СССР активно применяли труд заключенных в личных, корыстных целях, организовывали нелегальное производство дефицитных на «воле» товаров народного потребления т. н. «ширпотреба», осуществляли хищения государственных средств, производили приписки в отчетах о своей производственной деятельности, за что получали премии и другие награды.

Список источников

Бикметов Р.С. Использование труда заключенных в угольной промышленности Кузбасса (1930-е – начало 1950-х гг.) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 6–2 (44). С. 91–98. EDN: PWLUYN.

Богданов С.В. Молодежь в сфере теневой экономики СССР (1917–1991 годы) // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 1. С. 62–72. EDN: QJDLPF.

Головин С.Д., Шохин А.Н. Теневая экономика: за реализм оценок // Коммунист. 1990. № 1. С. 52.

ГУЛАГ: экономика принудительного труда / отв. ред. Л.И. Бородин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. Коллективная монография. М. : РОССПЭН, 2008. 315, [3] с.

Дробышевская Т.А. Результаты и уроки использования системы ГУЛАГа в исторической перспективе // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. Т. 15. № 4 (50). С. 22–34. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-4-22-34. EDN: SDQTQD.

Захарченко А.В. Проблема стимулирования трудовой деятельности в системе исправительно-трудовых учреждений НКВД-МВД в 1930-1950-е годы // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2009. № 2. С. 163–172. EDN: KYKOLF.

Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства // Доклады Института российской истории РАН. 1997. № 2. С. 163–188. EDN: SEJDFP.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты : монография. М. : Наука, 2006. 437, [1] с. EDN: QBREKL.

Противостояние «теневой экономике» выражалось в усилении государственного контроля как со стороны ведомственных финансовых подразделений, так и руководства различного уровня в системе ГУЛАГа, в ужесточении соблюдения режима содержания, активном проведении занятий по политической подготовке с личным составом НКВД, где провозглашались коммунистические идеалы, подвергались критике «мещанские пережитки», стремление к обогащению, «красивой» жизни, разъярялись карательные государственные меры в отношении правонарушителей.

В целом полностью искоренить факты «теневой экономики» в ГУЛАГе в 30-е годы прошлого века на территории Западной Сибири только ужесточением наказания, усилением контроля, увеличением воспитательных мероприятий не представлялось возможным в связи с серьезными причинами ее возникновения и проявлениями в различных формах.

References

Bikmetov R.S. (2004) The use of prisoners' labor in the Kuzbass coal industry (1930s - early 1950s). *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*. No. 6-2 (44). P. 91-98. (In Russ.). EDN: PWLUYN.

Bogdanov S.V. (2013) Young people in the shadow economy of the USSR. *Historical psychology and sociology of history*. Vol. 6. No.1. P. 62-72. (In Russ.). EDN: QJDLPF.

Golovin S.D., Shokhin A.N. (1990) Shadow economy: for the realism of assessments. *The Communist*. No. 1. P. 52. (In Russ.).

Borodkin L.I., Gregori P., Khlevnyuk O.V. (2008) GULAG: economics of forced labor. A collective monograph. Moscow: ROSSPEN. 315, [3] p. (In Russ.).

Drobyshevskaya T.A. (2023) Results and lessons of GULAG system implementation in historical perspective. *Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal*. Vol. 15. No. 4 (50) P. 22-34. (In Russ.). DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-4-22-34. EDN: SDQTQD.

Zakharchenko A.V. (2009) The problem of stimulation of labor activity in the system of NKVD correctional labour facilities in the 1930s-1950s. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. No.2 P. 163-172. (In Russ.). EDN: KYKOLF.

Ivanova G.M. (1997) GULAG in the system of a totalitarian state. Reports of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. No. 2. P. 163-188. (In Russ.). EDN: SEJDFP.

Ivanova G.M. (2006) History of the Gulag, 1918-1958: socio-economic and political-legal aspects. *Monografiya*. Moscow: Nauka. 438 p. (In Russ.). EDN: QBREKL.

Малкова Ю.А. Алтайские тюрьмы в конце 30-х гг. XX в. // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2012. № 1 (22). С. 101–103. EDN: RWXead.

Науменко О.Н., Альмухаметова М.Ш., Пинигин М.Г. Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII – начале XXI веков (на материалах Западной Сибири) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 436–453. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453. EDN: ENDSBF.

Ногина Е.В., Ушмаева К.А. Механизмы хищения государственной собственности в условиях плановой экономики 1930-х годов // Преподаватель XXI век. 2020. № 4–2. С. 322–334. DOI: 10.31862/2073-9613-2020-4-322-334. EDN: JDRYME.

Нуреев Р.М., Гретченко А.И. Реформы и застой в советской экономике // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 3. С. 134–165. EDN: RSHNCR.

Ореховский П.А. Статистические показатели и теневая экономика // Российский экономический журнал. 1996. № 4. С. 77–83. EDN: YWNMPJ.

Суверов Е.В., Москвитин Ю.Н. Ведомственный контроль за деятельностью органов внутренних дел в Западной Сибири (конец XIX – первая половина XX в.) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 2 (81). С. 162–168. DOI: 10.24412/1999-625X-2021-2-162-168. EDN: ATHIKZ.

Суверов Е.В., Мануйлов Е.В. Система контроля и проверок в органах внутренних дел Западной Сибири (50–60-е годы XX века) // Клио. 2023. № 2 (194). С. 135–141. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_02_135. EDN: XZLWLC.

Тимохова Е.А. К вопросу об использовании принудительного труда в советской пенитенциарной системе // Вестник Гуманитарного института ТГУ. 2015. № 4 (20). С. 48–50. EDN: VNTVJL.

Трухин М.А. Противодействие теневым экономическим отношениям, сотрудниками правоохранительных органов, в местах лишения свободы (на примере Западной Сибири в 30–50-е гг. XX в.) // Клио. 2023. № 5 (197). С. 99–103. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_05_99. EDN: IKGMDQ.

Уйманов В.Н. Роль Сиблага ОГПУ в экономическом развитии Западной Сибири в 1930-е годы // Вестник Кузбасского института. 2011. № 1 (4). С. 37–42. EDN: RWMPYT.

Уйманов В.Н. Спецпереселенцы в системе Сибирского ИТЛ (СИБЛАГА) ОГПУ-НКВД в 1930-х годах // Инновационная наука. 2016. № 2–5 (14). С. 58–66. EDN: VLRTOR.

Упоров И.В. ГУЛАГ в экономике СССР (1917–1945 гг.) // Интеграция наук. 2017. № 5 (9). С. 211–214. EDN: ZAYYUV.

Malkova Yu.A. (2012) Altai prisons in the late 30s. XX century. *Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (22). P. 101-103. (In Russ.). EDN: RWXead.

Naumenko O.N., Al'mukhametova M.Sh., Pinigin M.G. (2023) Labor activity of convicts in conditions of humanization of imprisonment in late 18th - early 21st centuries (Western Siberia) *Scientific dialogue*. Vol. 12. No. 2. P. 436-453. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453. EDN: ENDSBF.

Nogina E.V., Ushmaeva K.A. (2020) Mechanisms of stealing state property in a planned economy of the 1930s. *Teacher XXI century*. No. 4-2. P. 322-334. (In Russ.). DOI: 10.31862/2073-9613-2020-4-322-334. EDN: JDRYME.

Nureev R.M., Gretchenko A.I. (2008) Reforms and stagnation in the Soviet economy. *Historical and Economic Research*. Vol. 9. No. 3. P. 134-165. (In Russ.). EDN: RSHNCR.

Orekhovskii P.A. (1996) Statistical indicators and the shadow economy. *Russian Economic Journal*. No. 4. P. 77-83. (In Russ.). EDN: YWNMPJ.

Suverov E.V., Moskvitin Yu.N. (2021) Departmental control over internal affairs bodies' activities in Western Siberia (late 19th - first half of the 20th century). *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Vol. 27. No. 2 (81). P. 162-168. (In Russ.). DOI: 10.24412/1999-625X-2021-2-162-168. EDN: ATHIKZ.

Suverov E.V., Manuilov E.V. (2023) The system of control and inspections in the internal affairs bodies of Western Siberia (50-60s of the XX century). *Clio*. No. 2 (194). P. 135-141 (In Russ.). DOI: 10.51676/2070-9773_2023_02_135. EDN: XZLWLC.

Timokhova E.A. (2015) To the question of the use of forced labor in the soviet penitentiary system. *Bulletin of the Humanitarian Institute of TSU*. No. 4 (20). P. 48-50 (In Russ.). EDN: VNTVJL.

Trukhin M.A. (2023) Counteraction to shadow economic relations, by law enforcement officers, in places of deprivation of liberty (on the example of Western Siberia in the 30-50s of the XX century). *Clio*. No. 5 (197). P. 99-103. (In Russ.). DOI: 10.51676/2070-9773_2023_05_99. EDN: IKGMDQ.

Uimanov V.N. (2011) The role of Sibltag OGPU in economical development of Western Siberia in the 1930-th. *Bulletin of the Kuzbass Institute*. No. 1 (4). P. 37-42. (In Russ.). EDN: RWMPYT.

Uimanov V.N. (2016) Special settlers in the system of the Siberian ITL (SIBLAG) OGPU-NKVD in the 1930s. *Innovative Science*. No. 2-5 (14). P. 58-66. (In Russ.). EDN: VLRTOR.

Uporov I.V. (2017) GULAG in the economy of the USSR (1917-1945). *Integration of Sciences*. No. 5 (9). P. 211-214. (In Russ.). EDN: ZAYYUV.

Информация об авторе

Трухин Максим Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент, директор,
Алтайский институт экономики Санкт-Петербургского
университета технологий управления и экономики,

Information about the author

Maxim A. Trukhin,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Director,
Altai Institute of Economics St. Petersburg University of
Technology Management and Economics,

656011, г. Барнаул, пр. Ленина, 106е, Россия,
e-mail: trukhin1975@bk.ru

106e, Lenin Avenue, Barnaul 656011, Russia,
e-mail: trukhin1975@bk.ru

Вклад автора

Трухин М.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 мая 2024 г.; одобрена после рецензирования 23 июня 2024 г.; принята к публикации 8 июля 2024 г.

Contribution of the author

Trukhin M.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted May 13, 2024; approved after reviewing June 23, 2024; accepted for publication July 8, 2024.

История

Научная статья
УДК 1(091)
EDN: WGMXMU
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-149-156>

Исторические аспекты развития философии в период правления И.В. Сталина А.В. Васёнкин

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье дается аналитический обзор развития философии в период правления И.В. Сталина в СССР. Рассматриваются наиболее значимые работы и идеи, внесшие весомый вклад в развитие советской философской мысли. Указывается, что начиная с работы самого И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», развитие философской науки осуществляется, ориентируясь на идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. Подвергаются критике концепции немецких идеалистов и других философов, идеи которых стали основой для развития диалектического материализма. Философия диалектического материализма трансформируется в особую форму мировоззрения и распространяется повсеместно как в научной среде, так и в общественном сознании. В статье отмечается, что период правления И.В. Сталина наделяет философию особыми функциями – стать инструментом идеологии и пропаганды. В связи с чем, все философские теории, а также взгляды учёных-философов, которые не вписываются в установленную систему философского знания, подвергаются либо гонениям, либо идеологической корректировке. Также в статье подчеркивается, что развитие и роль философии в сталинское время, опыт, который применялся для пропаганды и формирования общественного мировоззрения, может быть использован в современных условиях, когда Отечество вступило в активную фазу защиты своих национальных интересов, территориальной целостности и культурного многообразия от нападков стран-участниц западной коалиции. Именно философия и распространение философских идей в контексте современности позволит сформировать такую форму общественного сознания, которая будет направлена на укрепление государственности и сплочение многонациональных интересов страны.

Ключевые слова: философия, история философии, советская философия, диалектический материализм, исторический материализм, марксизм-ленинизм, сталинизм, диалектика, материализм, политика партии, идеология

Для цитирования: Васёнкин А.В. Исторические аспекты развития философии в период правления И.В. Сталина // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 149–156. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-149-156. EDN: WGMXMU.

History

Original article

Historical aspects of the development of philosophy during the reign of J.V. Stalin Aleksei V. Vasenkin

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article provides an analytical review of the development of philosophy during the reign of J.V. Stalin in the USSR. The most significant works and ideas that made a significant contribution to the development of Soviet philosophical thought are considered. It is indicated that starting with the work of J.V. Stalin himself “On dialectical and historical materialism”, the development of philosophical science is carried out, focusing on the ideas of K. Marx and F. Engels. The concepts of German idealists and other philosophers, whose ideas became the basis for the development of dialectical materialism, are being criticized. The philosophy of dialectical materialism is being transformed into a special form of worldview and is spreading everywhere both in the scientific community and in the public consciousness. The article notes that the period of the reign of J.V. Stalin gives philosophy special functions - to become an instrument of ideology and propaganda. In this regard, all philosophical theories, as well as the views of philosophical scientists who do not fit into the established system of philosophical knowledge, are either persecuted or ideological-

ly corrected. The article also emphasizes that the development and role of philosophy in Stalin's time, the experience that was used to promote and form a public worldview, can be used in modern conditions, when the Fatherland entered an active phase of protecting its national interests, territorial integrity and cultural diversity from attacks by the countries participating in the Western coalition. It is philosophy and the dissemination of philosophical ideas in the context of modernity that will allow us to form a form of public consciousness that will be aimed at strengthening statehood and consolidating the multinational interests of the country.

Keywords: philosophy, history of philosophy, Soviet philosophy, dialectical materialism, historical materialism, Marxism-Leninism, Stalinism, dialectics, materialism, party politics, ideology

For citation: Vasenkin A.V. (2024) Historical aspects of the development of philosophy during the reign of J.V. Stalin. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 149-156. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-149-156. EDN: WGMXMU.

В данной статье рассматривается одна из актуальнейших проблем, относящихся к истории русской философии – развитие философских идей в период правления И.В. Сталина. Невзирая на идеологическую направленность советской философии, ориентированную на распространение идей К. Маркса и Ф. Энгельса, прописанных в известном «Манифесте коммунистической партии» (Маркс, Энгельс, 1950), стоит заново пересмотреть её ценность именно в сталинскую эпоху, без оглядки на различные существующие клише в отношении личности самого И.В. Сталина, чья деятельность получила неоднозначное толкование как в научных работах, так и в общественных кругах. Важно отметить, что сама философия рассматриваемого периода не была лишена идеологической направленности, она рассматривалась как инструмент политического влияния и формирования определённых взглядов в общественном сознании. Многие философские идеи, принадлежавшие наиболее ключевым философским фигурам, отбрасывались и подвергались критике, при этом единственно истинными провозглашались вполне конкретные теории. Однако данный факт не говорит о советской философии в сталинский период как об эфемерной философской системе, которая не должна рассматриваться в принципе в связи с отсутствием в ней признания идей, ставших фундаментальными в философии. Советская философия играла определённую, вполне конкретную роль – роль проводника в построении коммунистического общества, и, следует сказать, с этой ролью она справлялась весьма успешно.

В результате установления режима личной власти И.В. Сталина, философия начала подвергаться жёсткому цензурированию, сопровождавшемуся дисциплинарными мерами в отношении различных специалистов по философии. В 1938 году И.В. Сталин пишет работу «О диалектическом и историческом

материализме», которая входит в книгу «История Всесоюзной коммунистической партии (большеви-ков). Краткий курс»¹. По понятным идеологическим причинам, эта работа становится основой для развития философской науки в рассматриваемый период. Суть данной работы можно определить через следующие положения. Основой философских взглядов и мировоззрения становится диалектический материализм, формирующий, в свою очередь, исторический материализм. Исторический материализм рассматривается И.В. Сталиным как метод распространения идей диалектического материализма в его преломлении к общественной жизни. Комментируя философию К. Маркса и Ф. Энгельса, И.В. Сталин показывает своё негативное отношение к идеям Г. Гегеля. Несложно понять, что в сталинское время идеализм Г. Гегеля, как и в целом, идеалистическое направление в философии, не рассматривалось в качестве философской теории, заслуживающей внимания. Сталин подчеркивает, что формулируя собственный философский диалектический метод развития, К. Маркс и Ф. Энгельс только основываются на идеализме Г. Гегеля. Философия К. Маркса и Ф. Энгельса не тождественна философии Г. Гегеля. Вся «гегелевская шелуха» в процессе формулирования принципов диалектического материализма была отброшена авторами, и использовано было только «рациональное зерно» от идеалистической философии (Сталин, 1953). Помимо критики идей Г. Гегеля, в данной работе И.В. Сталин критикует и признаёт неверными идеи И. Канта, описанные в его известных работах. Одна из ключевых особенностей кантовского философского идеализма состоит в том,

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большеви-ков) : краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП (б); Одобрен ЦК ВКП (б), 1938 г. М. : Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 356 с.

что человек не способен объективно познать окружающий его мир, поскольку имеет дело не с объективной реальностью, а только с тем, как она даётся самому человеку через его восприятие. Человек в процессе своей жизнедеятельности взаимодействует только с собственным восприятием, или «именами предметов» – «ноуменами». Истинный мир «вещей в себе», по И. Канту, человеку не доступен (Кант, 1994; Кант, 1998; Кант, 2006).

Диалектический материализм придерживается прямо противоположного мнения – мир и его закономерности доступны человеческому познанию, а знания, подкреплённые опытом и проверенные на практике, – достоверны, и являются объективной истиной. И.В. Сталин цитирует такие слова Ф. Энгельса о «вещах в себе»: «Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой "вещи в себе" приходит конец»². «Вещь в себе» остаётся таковой до тех пор пока точная наука полностью не исследует все составляющие материального мира. Атом, существование которого предположили древнегреческие философы, оставался «вещью в себе». Но, в результате физических исследований, атом был экспериментально обнаружен и описан. Понятно, что данная работа И.В. Сталина обозначила ориентиры развития всей философской науки того времени, которая не могла подвергаться критике, а могла только комментироваться и характеризоваться как наиболее истинная. Именно диалектический материализм стал единственной философской системой в образовании и воспитании подрастающих поколений.

Публикация «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» с работой И.В. Сталина становится новым витком развития общественной мысли, образования, культуры, политики тех лет. Распространение идей диалектиче-

го и исторического материализма провозглашалось как ликвидация теоретической отсталости советских граждан. ЦК ВКП(б) подчеркивал, что выход в свет краткого курса является началом трансформации социальной жизни, идейного и политического подъёма в стране. Взяв за основу теорию диалектического и исторического материализма, вооружившись знаниями законов общественного развития, управленческий аппарат уверенно и оптимистично поведёт за собой советских граждан к победе коммунизма³.

Нет смысла приводить определение понятию «коммунизм» с той точки зрения, которая она понималась в рассматриваемый период, однако вызывает сомнение сама формулировка относительно того, что коммунизм должен победить. Здесь можно наблюдать трансформацию роли философии из самостоятельной дисциплины в своеобразную «служанку коммунистических идей», по аналогии с тем, как философия рассматривалась в эпоху Средневековья, когда идеи древнегреческих философов, таких как Аристотель и Платон, использовались для развития теории христианства. При этом важно отметить, что сама философия как дисциплина, не утратила своей ценности, а наоборот приобрела её с новой стороны. Практически все стороны общественной жизни, в том числе и технические науки, и естествознание, должны были рассматриваться в контексте диалектического материализма. Материалистическая философия становится пропагандистской и идеологической программой: «Любовь к мудрости – философия – совмещалась, таким образом, с общенародной склонностью к философствованию и нельзя сказать, что профессиональное общество не было подготовлено к встрече с "профанным низом"» (Батыгин, Девятко, 1993b. С. 629). Мир рассматривался в своём материальном единстве, основой мира являлась материя, функционально мышление представлялось в качестве свойства мозга как высокоорганизованной материи, одновременно отражая социальную природу происхождения мышления. Сам процесс мышления должен был строиться по формуле: начиная от живого созерцания далее к абстрактному мышлению и по-

² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) : краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП (б); Одобрен ЦК ВКП (б), 1938 г. М. : Изд-во ЦК ВКП (б) «Правда», 1938. 356 с. С. 108.

³ О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» : Постановление ЦК ВКП(б) (14 ноября 1938 г.). М. : Госполитиздат, 1938. 24 с.

том к практике. Практика, в свою очередь, была представлена как единственный критерий истинности знания. Однозначно нельзя согласиться с правой позицией, которая подчеркивает примитивизм материалистического подхода в философии, поскольку и в современных условиях точная наука продолжает базироваться на базовых положениях материализма о том, что практический опыт является ключевым критерием истинности знания, а мышление человека – это свойство мозга, как высокоорганизованной материи.

В 1940–1942 годах Г.В. Александровым, Б.Э. Быховским, М.Б. Митиным, П.Ф. Юдиным проводится работа над учебником по истории философии, который впоследствии был удостоен сталинской премии. Фактическим редактором был Б.Э. Быховский, а основными авторами – В.Ф. Асмус, О.В. Трахтенберг и Б.С. Чернышёв. Кроме них, в составлении первого тома принимал участие М.А. Дынник. В составлении второго тома участие принимали Г.В. Александров, Б.Э. Быховский, М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, Л.А. Коган, М.А. Егоров, М.М. Григорьян, О.В. Трахтенберг, Я.А. Мильнер, В.М. Познер, Б.Ф. Поршнев, С.Г. Суворов. Сама программа многотомного учебника «История философии» была разработана в Институте философии советским философом И.К. Лупполом (Корсаков, 2020). Данный учебник был с интересом встречен как учёными, так и общественностью. Многие деятели науки, в том числе академик В.И. Вернадский, отмечали его достоинства. В целом, выход учебника несмотря на военное время был настоящим культурным событием тех лет. Примечательно, что учебник, изначально задуманный как многотомное издание, вышел в трёх томах: первый том – «Философия античного и феодального общества», второй том – «Философия XV–XVIII вв.», третий том – «Философия первой половины XIX века» (История философии, 1943)⁴. В 1943 году, после выхода третьего тома учебника, ЦК партии под руководством Г.М. Маленкова было организовано специальное совещание. По итогам совещания ЦК КПСС было принято постановление «О недостатках и ошибках в

освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX века» (О недостатках и ошибках..., 1944). В результате сталинскую премию оставили за первым и вторым томами, а третий том лишили премии (Яхот, 1981). Впоследствии, уже после изменения политического курса, учебник подвергся критике со стороны философского сообщества за наивность теоретических положений. Так, профессор, доктор философских наук В.А. Вазюлин вспоминал: «На третьем курсе философского факультета я пришёл к кризису из-за априорности (но не той априорности, о которой речь шла выше в связи с рассмотрением взглядов К. Маркса), пустой, бессодержательной, поверхностной априорности содержания учебников и другой советской философской марксистской послевоенной литературы, в том числе и очень популярного учебника, так называемой «Серой лошади». Философия в этом учебнике представляла как игрушка, как искусство для искусства. Но не как средство преобразования общества» (Вазюлин, 2005. С. 102).

Развивавшаяся в рамках марксизма-ленинизма философия в сталинский период набирала свою популярность в образовательной среде. Так, в 1948 г. Министерством высшего образования СССР было проведено обследование 4836 преподавателей общественных наук. В результате было установлено, что в стране 75 % преподавателей не имеют ученых степеней, при этом работают 125 профессоров, в том числе 44 доктора наук. В высших учебных заведениях страны действует 41 кафедра философии, диалектического и исторического материализма (Мотрошилова, 2012). Но не всё было однозначно в рядах советских философов. Помимо представителей официальной философии ортодоксального материализма, осуществляли свою деятельность специалисты, которые придерживались и других взглядов относительно истинных философских идей. Так, к первой половине 50-х годов постепенно начали появляться параллельно официальным лицам и представители неортодоксальных философских теорий. Среди них наиболее крупными считались А.Ф. Лосев, Г.Г. Шпет, В.Ф. Асмус. Философия в данное время не была однородным образованием, и все, чуждые официальной системе «элементы», подвергались либо гонениям, либо задвиганию. Так, А.Ф. Лосев после выхода в 1930 году работы «Диалектика мифа» (Лосев, 1930), в которой он от-

⁴ История философии / под ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина. М. : Госполитиздат, 1943. Т. 3: Философия первой половины XIX века. 1943. 594 с.

вергал марксизм, был арестован и приговорён к десяти годам лишения свободы. Своё заключение он отбывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала, практически полностью лишившись зрения. После возвращения из ссылки, А.Ф. Лосев поворачивается к диалектическому материализму, и в 1942 году становится профессором кафедры истории философии МГУ, а с 1944 года профессором МГПИ им. В.И. Ленина⁵.

Особую значимость для развития философии в сталинское время приобрела так называемая философская дискуссия 1947 года, проходившая с 16 по 25 июня в Институте философии АН СССР под руководством А.А. Жданова. Предыстория данной дискуссии весьма примечательна и находится в области высказывания неудовлетворенности отдельных учёных теми положениями, которые были изложены в учебнике «История западноевропейской философии»⁶ профессора Г.Ф. Александрова. Данный учебник был рекомендован Министерством высшего образования СССР в качестве университетского учебника, имел гриф Института философии АН СССР, тираж учебника составлял 5000 экземпляров (Касьян, 2011). Неудовлетворенность учебником высказывал профессор З.Я. Белецкий, который лично написал письмо И.В. Сталину с критикой работы. В частности, З.Я. Белецкого не устроила интерпретация философии как науки о чистом познании, истине, благе и добре, когда как в действительности, философия должна рассматриваться с точки зрения идеологии определенного общества, класса или государства (Батыгин, Девятко, 1993а). В январе 1947 года было назначено первое обсуждение, посвященное существенным недостаткам и ошибкам учебника в освещении истории философии. Проведённые в январе дискуссии, в конечном счёте, не удовлетворили партийное руководство, и было назначено повторное обсуждение учебника, но уже под председательством секретаря ЦК партии А.А. Жданова. По этому поводу Батыгин писал: «Дискуссия в том виде, в каком она была проведена, оказалась бледной, куцей, неэффективной, а

поэтому и не имела должных результатов. В связи с этим ЦК решил организовать новую дискуссию с тем, чтобы к этой дискуссии были привлечены не только работники из Москвы, но и работники из республик и крупных городов РСФСР» (Батыгин, 1991. С. 98).

Новые обсуждения учебника, в которых приняли участие секретари партии А.А. Кузнецов и М.А. Суслов, оказались весьма масштабными – в них приняли участие около 500 человек. Результатом обсуждений стало принятие решения о выпуске нового учебника по истории философии с учётом полученных итогов и критических замечаний. Реакция в философском сообществе на дискуссию была неоднозначной. С одной стороны, подчеркивались революционные идеи философии, её преобразовательная роль в современном обществе, с другой стороны, выделялись исключительно поверхностные настроения в дискуссии, которые не рассматривали всю полноту философского знания, её системность, неотделимость каждой теории от общего комплекса науки. Доктор философских наук, профессор А.П. Огурцов впоследствии писал: «Дискуссия, проведенная 16–25 июня 1947 года в Институте философии АН СССР, была, разумеется, далека от научной. На ней господствовал все тот же стиль брани, политических ярлыков и обвинений в адрес фактически одного из приспешников сталинщины. Совершенно очевидно, что причина проведения этой дискуссии не в достоинствах или недостатках книги, а в том, что кто-то вообще притязал на лидерство в философии» (Огурцов, 1989. С. 371).

Интерес представляет и реакция самого автора учебника, профессора Г.Ф. Александрова, по поводу результатов данных обсуждений. 11 июля 1947 года он направляет И.В. Сталину и А.А. Жданову письмо со следующим содержанием: «За эти последние несколько месяцев, после Ваших замечаний на мою книгу, а затем в связи с дискуссией, я самым пристальным образом пересмотрел то, как и о чем писал все эти пятнадцать лет, в течение которых занимаюсь литературной работой. Для меня ясно все принципиальное значение Ваших указаний и прошедшей философской дискуссии. Я вполне сознаю, что, не поправь меня Центральный Комитет по теоретическим вопросам, мало пользы было бы от меня как профессионального философа для партии» (Цит. по: Есаков, 1993. С. 96). Представляется, что

⁵ Большая советская энциклопедия / глав. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1969. Т. 15: Ломбард-Мезитол. 1974. 632 с. С. 29.

⁶ Александров Г.Ф. История западноевропейской философии. Акад. наук СССР. Ин-т философии. 2-е изд., доп. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 513 с.

иной реакция автора учебника в сложившихся условиях быть не могла, и дальнейшее развитие философской науки в сталинское время после философской дискуссии только укрепилось относительно развития ортодоксальных идей диалектического и исторического материализма.

А что, по большому счёту, представляла собой большевистская политика времен И.В. Сталина? При большом количестве критики и негативных комментариев уже после его смерти, последовавшего развенчания «культы личности», перестройки курса государственной политики, сталинские решения некорректно оценивать только с крайне негативной точки зрения. В результате победы в Великой Отечественной войне, большевистская партия приняла курс на «борьбу с космополитизмом», который представлял собой обнаружение лиц и организаций – носителей интересов других государств, а именно западных, внутри СССР. В современных условиях такая историческая борьба с теми людьми, кто настроен не патриотично, выглядит максимально оправданно. И то, что происходит сейчас в результате ведения боевых действий, когда Российская Федерация вынуждена проводить военную операцию по факту со всем блоком НАТО, организованным в 1948 году в качестве альянса стран для борьбы с советской агрессией, представляется наиболее обоснованным. Именно в таких условиях увеличивается и растёт роль пропаганды, популяризации национальных идей, формирования определённого мировоззрения. Но, как и в современных условиях, так и в сталинское время, многие работники культуры, науки, образования придерживались своих собственных, корыстных интересов. Особые настроения наблюдались в молодёжной среде. Распространённое молодёжное движение «стиляги» расценивалось не как дань моде, а как поклонение перед врагом. Дети номенклатурных работников, «золотая молодёжь» того времени, одевалась вызывающе, слушала джаз и веселилась, что вызывало недовольство в обществе и подвергалось осуждению (Фатеев, 1999). Подобные явления шли вразрез с политикой реализации национальных интересов. Однако мировоззренческий подход в политики, предусматривающий реализацию национальных интересов при И.В. Сталине, не противоречил развитию государственности, а наоборот способствовал ему. Идеология распространения традиционных

ценностей, укрепления многоконфессиональности, дружбы народов, поддержки многодетных семей, были заложены, в том числе, во времена правления И.В. Сталина: «Многие духовно-нравственные основы русского народа становятся идеологическим ядром государственности и открыто провозглашаются в органах партийной печати. На повестку дня встал жизненно важный для Русского государства вопрос о трансформации правящей в СССР коммунистической партии в национально-русскую или даже национально-русскую партию» (Горохов, 2009. С. 72).

Негативное, критическое отношение к развитию философии в период правления И.В. Сталина сохраняется в кругах научного сообщества. Его взгляды продолжает критиковать и негативно окрашивать деятельность сталинского режима Е.А. Добренко – известный филолог, в настоящее время работающий в одном из европейских университетов: «Сталин мыслил политически. Его рассуждения, определения и оценки всегда имели второй (основной) план. В его перформативном языке приказов, запретов и распоряжений находила выражение сама природа философствования как реализации воли к власти. Если верно, что «стремление к философскому правлению неотделимо от самой философии», то высокий статус советской философии соответствовал природе философии как таковой <...>. Вот почему для Сталина, видевшего в философии политический инструмент, доминирование истории философии являлось не просто бесполезным, но контрпродуктивным» (Добренко, 2014. С. 57).

Нелестно отзывался о периоде развития философии в сталинское время, и в целом во времена СССР, известнейший философии, наш соотечественник М.К. Мамардашвили. Он считал, что философия в России либо вовсе не существовала, либо возникла только в конце XIX – начале XX века. В результате создания СССР, по мнению М.К. Мамардашвили, процесс естественного развития философии был прерван, а вместо философии возникла масштабная теория диалектического и исторического материализма, которую сложно отнести к философской науке. По мнению философа, развитию философской науки препятствовало детерминированное идеологической работой мировоззрение, в условиях существования которого

не может сформироваться критически мыслящий, творческий человек (Мамардашвили, 1992).

Исходя из приведенного материала, можно прийти к мнению, что развитие философии в сталинское время процесс крайне противоречивый, неоднозначный, и до сих пор вызывающий различные дискуссии. Да, развитие философии в рассматриваемый период утрачивало ценность её многообразия, нивелируя и обесценивая значимость многих философских теорий, на которых, фактически, и существовала система философской науки. Но, помимо этого, философия в сталинское время становится на путь просвещения, на путь идеологической борьбы, философия рассматривается как инструмент практического изменения общества. Непризнание существования философии в сталинское время в

результате её партийной роли является неверным шагом, так как одна из функций философского знания, о которых говорится в учебниках, – формирование мировоззрения. И с этой функцией философия в сталинское время справлялась максимально успешно. Актуальность изучения философии как в рассматриваемый период, так и в целом во времена существования СССР, в современных условиях, учитывая сложные политические события в мире, будет только возрастать, поскольку мировоззренческая, просветительская, образовательная, культурная, ценностная функции философского знания становятся максимально востребованными, когда происходит становление новой государственности и формирование суверенности Российской Федерации, о которой говорит Президент.

Список источников

Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры (несколько эпизодов) // Вестник академии наук СССР. 1991. Т. 61. № 10. С. 90–107.

Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело академика Г.Ф. Александра : эпизоды 40-х годов // Человек. 1993а. № 1. С. 134–146.

Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: Почему был запрещен третий том «Истории философии»? // Вестник Российской академии наук. 1993б. Т. 63. № 7. С. 628–639.

Вазюлин В.А. О необходимости диалектического снятия классической исторической формы марксизма // Марксизм и современность. 2005. № 1–2 (31–32). С. 99–107.

Горохов П.А. К вопросу о роли И.В. Сталина в истории русской философии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 7 (101). С. 67–74. EDN: KYFDRZ.

Добренко Е.А. Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3 (27). С. 26–64. EDN: SNJAXL.

Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 83–106.

Кант И. Критика способности суждения. Москва : Искусство, 1994. 365, [2] с.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. Минск : Литература, 1998. 959 с.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизики, могущей появиться как наука // Прологомены ко всякой будущей метафизики, могущей появиться как наука ; Религия в пределах только разума ; Логика. СПб. : Наука, 2006. С. 147–258.

Касьян А.А. Философия в дискуссиях советских ученых середины XX века // Высшее образование в России.

References

Batygin G.S. (1991) Soviet sociology at the end of the Stalin era (several episodes). *Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR*. Vol. 61. No. 10. P. 90–107. (In Russ.).

Batygin G.S., Devyatko I.F. (1993a) The case of academician G.F. Alexandrov : Episodes of the 40s. *Man*. No. 1. P. 134–146. (In Russ.). EDN: RRYWGD.

Batygin G.S., Devyatko I.F. (1993b) The Soviet philosophical community in the forties: why was the third volume of the history of philosophy banned? *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 63. No. 7. P. 628–639. (In Russ.).

Vazyulin V.F. (2005) On the need for dialectical removal of the classical historical form of Marxism. *Marxism and modernity*. No. 1–2. P. 99–107. (In Russ.).

Gorokhov P.A. (2009) On the question of the role of I.V. Stalin in the history of Russian philosophy. *Bulletin of the Orenburg State University*. No. 7 (101). P. 67–74. (In Russ.). EDN: KYFDRZ.

Dobrenko E.A. (2014) Metastalinism: dialectics of partisanship and party dialectics. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. No. 3 (27). P. 26–64. (In Russ.). EDN: SNJAXL.

Esakov V.D. (1993) On the history of the philosophical discussion of 1947. *Questions of Philosophy*. No. 2. P. 83–106. (In Russ.).

Kant I. (1994) Criticism of the ability of judgment. Moscow: Iskusstvo. 365, [2] p. (In Russ.).

Kant I. (1998) Critique of pure reason. Translated from German by N.O. Lossky. Minsk: literature. 959 p. (In Russ.).

Kant I. Prolegomena zu einer jeden künftigen metaphysik, die als wissenschaft wird auftreten können // Prolegomena zu einer jeden künftigen metaphysik, die als wissenschaft wird auftreten können ; Die Religion innerhalb der grenzen der blossen vernunft ; Logik. St. Petersburg : Nauka, 2006. P. 147–258. (In Russ.).

Kas'yan A.A. (2011) Philosophy in the discussions of Soviet scientists of the mid-twentieth century. *Higher education*

2011. № 2. С. 141–148. EDN: NEBPXN.

Корсаков С.Н. Две историографии русской философии в советский период // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2020. № 3 (5). С. 130–136. EDN: GTDCNM.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Москва : Изд-во автора, 1930. 268 с.

Мамардашвили М.К. Мысль под запретом (беседы с А.П. Эпельбуэн) // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 100–115. EDN: THDYFL.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М. : Госполитиздат, 1950. 72 с.

Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль : междисциплинарный поиск в свете социологии философского познания. М. : Акад. проект, 2012. 375 с. EDN: VRSJIB.

О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX века [Передовая из журнала «Большевик». № 7–8, 1944 г.]. М. : 1-я типо-лит. УВМИ, 1944. 9 с.

Огурцов А.П. Подавление философии // Суровая драма народа : ученые и публицисты о природе сталинизма. М. : Политиздат, 1989. С. 353–374.

Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме (Сентябрь 1938 г.). М. : Госполитиздат, 1953. 36 с.

Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде : 1945–1954 гг. М. : Изд. центр Института российской истории РАН, 1999. 261 с.

Яхот И. Подавление философии в СССР. New York : Chalidze, 1981. 296 с.

Информация об авторе

Васёнкин Алексей Вадимович,
кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: vasenkinav@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1487-6567>

Вклад автора

Васёнкин А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2024 г.; одобрена после рецензирования 14 августа 2024 г.; принята к публикации 2 сентября 2024 г.

in Russia. No. 2. P. 141-148. (In Russ.). EDN: NEBPXN.

Korsakov S.N. (2020) Two historiographies of Russian philosophy in the Soviet period. *Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Philosophy*. No. 3 (5). P. 130-136. (In Russ.). EDN: GTDCNM.

Losev A.F. (1930) *Dialectics of myth*. Moscow : Publishing house of the author, 1930. 268 p. (In Russ.).

Mamardashvili M.K. (1992) Thought is forbidden (conversations with A.P. Epelbuen). *Questions of Philosophy*. No. 5. P. 100-115. (In Russ.). EDN: THDYFL.

Marx K., Engels F. (1950) *Manifesto of the Communist Party*. Moscow : Gospolitizdat. 72 p. (In Russ.).

Motroshilova N.V. (2012) Domestic philosophy of the 50-80s of the XX century and western thought: An interdisciplinary search in the light of the sociology of philosophical cognition. Moscow: Akad. projekt. 375 p. (In Russ.). EDN: VRSJIB.

On the shortcomings and mistakes in the coverage of the history of German philosophy at the end of the XVIII and the beginning of the XIX century [An editorial from the Bolshevik magazine. No. 7-8, 1944]. Moscow: 1st printing house. UVMi, 1944. 9 p. (In Russ.).

Ogurtsov A.P. (1989) *Suppression of philosophy. The harsh drama of the people : scientists and publicists on the nature of Stalinism*. Moscow: Politizdat. P. 353-374. (In Russ.).

Stalin I.V. (1953) *On dialectical and historical materialism*. Moscow: Gospolitizdat. 36 p. (In Russ.).

Fateev A.V. (1999) *The image of the enemy in Soviet propaganda 1945-1954*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 261 p. (In Russ.).

Yahot I. (1981) *Suppression of philosophy in the USSR*. New York: Chalidze. 296 p. (In Russ.).

Information about the author

Aleksei V. Vasenkin,
Cand. Sci. (Philosophy), associate professor the department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: vasenkinav@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1487-6567>

Contribution of the author

Vasenkin A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 5, 2024; approved after reviewing August 14, 2024; accepted for publication September 2, 2024.

Научная статья
УДК 2/322
EDN: XDOKFO
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-157-168>

Антирелигиозная деятельность и пропаганда в Хакасской автономной области во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х гг.

А.Н. Ожиганов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. В период Великой Отечественной войны руководство СССР ослабило репрессивный режим и идеологическое давление на верующих и религиозные организации в стране. С конца 1940-х гг. данная политика меняется на усиление контроля религиозных общин со стороны государственных и местных органов власти и возобновление атеистической пропаганды. На основе анализа материалов Национального архива Республики Хакасии и местных партийных органов в статье рассматривается реализация атеистической пропаганды в Хакасии во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х гг. В это время в Хакасии, как и в целом по Советскому Союзу, в атеистической пропаганде большую роль играли пропагандистские мероприятия, делался акцент на распространение научных знаний. Основными формами ведения атеистической пропаганды являлись лекции, коллективные и индивидуальные беседы, кинолектории, агитация в СМИ и пр. К верующим применялись меры общественного порицания за исполнение религиозных обрядов. Значительную часть атеистической работы в Хакасии проводили отделы пропаганды и агитации краевого исполнительного комитета, областного, городских и районных исполкомов КПСС и ВЛКСМ, Красноярская краевая и Хакасская областная организации Всесоюзного общества «Знание», учреждения образования и культуры. Несмотря на проведение атеистической работы, в Хакасии местные органы власти отмечали постоянные недостатки в антирелигиозной агитации, характер и эффективность ее проведения, что в свою очередь не приводило к исчезновению религиозных взглядов и убеждений членов религиозных организаций, действовавших в области.

Ключевые слова: атеистическая пропаганда, антирелигиозная пропаганда, Хакасия, религиозные общины, КПСС, протестанты, агитация, религиозная политика, пятидесятничество, атеистическая работа, верующие

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект № 23-18-00117).

Для цитирования: Ожиганов А.Н. Антирелигиозная деятельность и пропаганда в Хакасской автономной области во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 157–168. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-157-168. EDN: XDOKFO.

History

Original article

Anti-religious activities and propaganda in the Khakass Autonomous Region in the second half of the 1940s - first half of the 1960s

Aleksandr N. Ozhiganov

Altay State University, Barnaul, Russia

Abstract. During the Great Patriotic War, the leadership of the USSR weakened the repressive regime and ideological pressure on believers and religious organizations in the country. Since the late 1940s, this policy has been changing to strengthen the control of religious communities by state and local authorities and the resumption of atheistic propaganda. Based on the analysis of materials from the National Archive of the Republic of Khakassia and local party bodies, the article examines the implementation of

atheistic propaganda in Khakassia in the second half of the 1940s - the first half of the 1960s. At that time, in Khakassia, as in the whole of the Soviet Union, propaganda events played an important role in atheistic propaganda, and emphasis was placed on the dissemination of scientific knowledge. The main forms of atheistic propaganda were lectures, collective and individual conversations, film lectures, agitation in the media, etc. Public censure measures are applied to believers for performing religious rites. A significant part of the atheistic work in Khakassia was carried out by the propaganda and agitation departments of the regional executive committee, the regional, city and district executive committees of the CPSU and Komsomol, the Krasnoyarsk Regional and Khakass regional organizations of the All-Union Society "Znanie", educational and cultural institutions. Despite carrying out atheistic work, local authorities in Khakassia noted constant shortcomings in anti-religious agitation, the nature and effectiveness of its conduct, which in turn did not lead to the disappearance of religious views and beliefs of members of religious organizations operating in the region.

Keywords: atheistic propaganda, anti-religious propaganda, Khakassia, religious communities, CPSU, Protestants, agitation, religious policy, pentecostalism, atheistic work, believers

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the implementation of the RNF grant "The impact of the imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia" (project No. 23-18-00117).

For citation: Ozhiganov A.N. (2024) Anti-religious activities and propaganda in the Khakass Autonomous Region in the second half of the 1940s - first half of the 1960s. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 157-168. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-157-168. EDN: XDOKFO.

Атеистическая пропаганда в СССР как элемент государственно-конфессиональной политики является одной из актуальных тем в отечественной исторической и религиоведческой науке. В исторических трудах представлены как общесоюзные тенденции атеистической (антирелигиозной) пропаганды (Алексеев, 1991; Шкаровский, 1997; Никольская, 2009 и др.), рассмотрены особенности антирелигиозных мер как в европейских регионах СССР (Шакирова, 2009; Шакирова, Баннова, 2009; Чаусов, 2010¹), так и в Сибири (Сосковец, 2005; Сосковец, 2013; Горбатов, 2014; Ключева, 2015; Дашковский, Зиберт, 2020; Дашковский, Дворянчикова, 2015; Дашковский, Дворянчикова, 2022; Зиберт, Шершнева, 2019; Дашковский, Ожиганов, 2023 и др.). Хотелось бы особо подчеркнуть, что остается предметно не проанализированной проблематика атеистической работы в национальных автономиях Южной Сибири. В данной статье на основе разнообразных фактических данных Национального архива Республики Хакасия рассматривается система научно-атеистической пропаганды в Хакасии (тогда составлявшей Хакасскую автономную область Красноярского края) в течение двух десятилетий непосредственно после окончания Великой Отечественной войны.

¹ Чаусов А.И. Эволюция советской атеистической пропаганды с середины 50-х по начало 80-х гг. XX в.: по материалам Новгородской области : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 26 с.

В довоенный период – 1920–30-х гг. – политика советского правительства по отношению к религиозным организациям характеризовалась жесткостью и репрессивностью. Частью такой политики была и антирелигиозная пропаганда, имеющая цель дискредитировать проявление религиозности, отказ от присутствия какой-либо религии в жизни советского гражданина и укрепление коммунистической идеологии. В период Великой Отечественной войны правительству пришлось смягчить свою политику в сторону религиозных организаций, что повлияло и на характер и качество антирелигиозной работы. Как отмечал исследователь Р.Р. Ибрагимов, с изменением политической конъюнктуры в конце 1940-х гг. отпала практическая необходимость во временном союзе власти с церковью, что завершило относительно либеральный период в политике Советского государства в области религии (Ибрагимов, 2005. С. 85).

В 1945 г., согласно отчету Абаканского горкома КПСС об агитационной и пропагандистской работе, среди перечня тем лекций и докладов, которые должны были быть проведены, самыми частыми являлись: «Краткий курс истории ВКП(б)», «Великая Отечественная война», «Подъем народного хозяйства после войны», биографии И.В. Сталина и В.И. Ленина и др. (Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 121. Л. 30–31). К концу 1940-х гг. антирелигиозная повестка снова начинает присутствовать в агитационной работе,

при этом уступая в массовости прежним темам. Так, например, среди лекций и докладов в рамках массово-политической работы на весеннем севе Усть-Абаканского района лишь только одна лекция затрагивала тему пагубности религии: «Религия – враг трудящихся» (НАРХ. Ф. П-3. Оп. 20. Д. 17. Л. 7–8).

Следствие такой политики отразилось на качестве антирелигиозной пропаганды и ее эффективности, что констатировали чиновники и партийные работники на местах. Так, согласно справке «О состоянии антирелигиозной пропаганды в городе Абакан на 15.4.1949 г.», составленной для зав. отдела пропаганды и агитации обкома ВКП(б), сообщалось, что за последнее время в силу ослабления антирелигиозной пропаганды в городе Абакане активизировали свою деятельность религиозные секты, в частности баптисты и православная церковь, которые пытались распространять свое влияние на широкие массы населения, в частности на стариков, женщин и детей. Упоминались факты, когда баптисты ходили по домам и приглашали посетить их молельни, говоря, что «пора подумать о спасении души». Примером такой деятельности баптистов приводится случай местной учительницы, к которой приходили на квартиру с предложением посетить их молельную, при том что ее младшая дочь была уже «завербована» баптистами. Отмечались факты посещения молелен учащимися школы № 10, фельдшерско-акушерской школы, работниц артели «Восход» и «Швейпром», молодежи, работающей на железнодорожном транспорте. На окраинах города распространялись мистические письма, призывающие к вере в загробную жизнь, угрожающие людям страшным судом на том свете. Кроме того, автором справки резюмировалось, что «вся деятельность религиозных сект и культов направлена на засорение сознания трудящихся, противопоставление нашей борьбе с пережитками капитализма в сознании людей». В связи с этим указывалось на необходимость со стороны горкома партии начать действия по распространению научно-естественных знаний, в частности по вопросам антирелигиозного характера (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 183. Л. 5).

В связи с вскрытием фактов посещения учащимися церкви и баптистских молелен горком ВКБ(б) провел совещание с руководителями школ

города с постановкой на нем вопросов об усилении антирелигиозного воспитания среди учащихся. Работниками отдела пропаганды и агитации горкома ВКБ(б) были проведены индивидуальные беседы с учащимися, которые посещали баптистские молельни (у большинства из которых родители были баптистами). В школе № 10 стали проводить антирелигиозные вечера, выпускать стенную газету «Антирелигиозник». Для учителей города было прочитано три лекции на темы: «Марксизм-ленинизм о религии», и «Борьба материализма против идеализма и метафизики в биологической науке». В первом квартале 1949 г. на научно-естественные темы всего было прочтено 52 лекции, на которых присутствовало 850 человек (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 183. Л. 6).

Тем не менее, как отмечали сотрудники отдела пропаганды и агитации, этих мер было крайне недостаточно, указывая на конкретные выявленные проблемы. Например, для чтения научно-естественных лекций привлекалось мало сил из числа интеллигенции города Абакана. Лекции в основном читались в пединституте (более 10 лекций), в ФВШ, в педучилище, а в коллективах рабочих и особенно на окраинах города (Мясокомбинат, Заготзерно, Мебельная фабрика, гавань) такие лекции в течение года не читались вовсе. Другим слабым местом антирелигиозной работы являлось то, что большая доля в организации и проведении пропаганды научно-естественных знаний ложилась на отделы культпросветработы исполкомов. Например, при Абаканском отделе культпросветработы было создано лекционное бюро, в составе которого числилось лишь 11 человек, а выступило с лекциями в 1949 г. лишь 7 человек (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 183. Л. 7).

Отдел пропаганды и агитации Абаканского горкома ВКБ(б) не осуществлял должного контроля и руководства за работой отдела культпросветработы, в частности лекционного бюро, и как констатировали сами партработники: «нужной работы это бюро не проводит, плана работы оно не имеет, лекции на бюро в течение всего года не обсуждались, работа лекторов пущена на самотек» (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 183. Л. 7).

Другим недостатком работы городского комитета партии указывался факт, что, зная об активизации деятельности православной церкви и бапти-

стов в городе, не было обсуждено этого вопроса на бюро горкома ВКБ(б) и не намечено конкретных направлений по усилению пропаганды научно-естественных знаний, особенно по вопросам антирелигиозного характера.

Согласно отчету об агитационно-массовой работе за 1949 г. Абаканского горкома ВКП(б), антирелигиозная повестка значительно продолжала уступать по количеству мероприятий и охвату населения, другим темам. В частности, агитационно-массовая работа за отчетный период была направлена в первую очередь на мобилизацию трудящихся города на выполнение и перевыполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 183. Л. 27). Согласно статистическому отчету лекторской группы Абаканского горкома, всего было прочитано 153 лекции (штатными лекторами – 85 с охватом 5672 человек и внештатными лекторами – 68 с охватом 5248 человек). Из них на антирелигиозные темы прочитано – 2, с охватом 180 человек. Для сравнения, такие темы как «Международное положение» (30 лекций с охватом 4676 человек) или «Теория и история ВКП(б)» (23 лекции с охватом 938 человек) демонстрировали совершенно другие цифры (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 183. Л. 32).

Выявленная тенденция будет сохраняться и в первой половине 1950-х гг. Данные о прочтенных лекциях штатными и внештатными лекторами Абаканского горкома партии за 1-е полугодие 1950 г. выглядели следующим образом: штатными лекторами на антирелигиозные темы прочитано 3 лекции, а внештатными – 0. Для сравнения по «Истории ВКП(б)» прочитано штатными – 22, а внештатными – 7 лекций (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 203. Л. 64).

Следует отметить, что Л.И. Сосковец в своей работе выделила несколько этапов отношений государства к религиозным организациям. Так, период 1954–1957 гг., исследователем охарактеризован как – развертывание пропагандистских компаний, направленных на «окончательный» отрыв верующих от религии посредством атеистического воспитания (Сосковец, 2008. С. 65). В Хакаской автономной области к середине 1950-х гг., как отмечалось в одном из докладов собрания агитаторов от 28.12.1954 г., у населения большой интерес вызывали беседы на научно-атеистические темы. Поэтому предлагалось агитаторам использовать их

для поднятия культурного уровня широких слоев населения и «преодоления пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков» (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 275. Л. 25). Тем не менее, как было отмечено в отчете горкома Абакана об агитационно-массовой работе в 1954 г., основная работа проводилась по информированию населения о предстоящих выборах, в рамках которой, например, агитколлектив при парторганизации Росгипроводхоза, насчитывающий 18 человек, за 1,5 месяца при 19-м агитпункте провел 300 бесед и организовал 4 лекции. Среди лекций также были и такие темы: «Классовая сущность религии», «Реакционная сущность в религии» (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 275. Л. 56). На других агитпунктах местными коллективами также читались лекции: «Русские писатели о религии», «Наука и религия о строении солнечной системы», «Происхождение и классовая сущность христианства» (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 275. Л. 59). В целом работа по атеистической пропаганде к данному периоду оценивалась как плохо поставленная, в следствие чего Постановлением ЦК КПСС 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» должна была активизироваться антирелигиозная работа (Сосковец, 2008. С. 74).

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период озабоченностью местных органов власти и правопорядка оставалась активность деятельности религиозных организаций, в т. ч. и тех, которые в официальных документах указывались как «сектантские»² (Сафронов, 2013. С. 96). Так, в докладной записке для секретаря Хакаского обкома КПСС от начальника отдела УКГБ по Красноярскому краю в Хакаской автономной области П. Забатурина от 05.02.1960 г. сообщалось о существовании в городе Черногорске довольно многочисленной общины пятидесятников, руководящее положение в которой занимали Г.Л. Ващенко, нигде не работающий, и его родственники Х.П. Ващенко, П.П. Ващенко и О.Л. Ващенко. К руководящему активу также относились проповедники: П.Е. Подгорный, А.А. Миллер. В летнее время пятидесятники группировались в

² Термин «секта» в рассматриваемый период используется как обозначение «нетрадиционных» религиозных движений как в официальных документах, так и в советской научной литературе.

строительные бригады и «шабашничали» в колхозах Хакасской автономной области. В такие бригады включались иногда пятидесятники из других городов, в частности, из Анжеро-Судженска и Канска (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2619. Л. 18). Отмечалось, что эта бригада почти все лето работала на строительстве животноводческих объектов в колхозе «12 лет Октября» Бейского района Хакасской автономной области, а колхоз за проведенные работы выплачивал им большие суммы. Часть заработанных ими денег шло в фонд религиозной общины и использовалась руководителями на разъезды проповедников-миссионеров и другие расходы по их усмотрению (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2619. Л. 19). Как резюмировал начальник отдела УКГБ по Красноярскому краю в Хакасской автономной области: «Шабашничество в колхозах Хакасии не только дает высокие заработки сектантам-пятидесятникам, но и создает благоприятные условия для распространения своего влияния среди населения, в какой-то степени оправдывает их паразитический образ жизни и дает им много свободного времени на зимние месяцы, когда они активизируют свою работу» (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2619. Л. 20).

Исходя из вышеуказанных тенденций, а также выполняя Постановления ЦК КПСС от 9 февраля 1960 года «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» на примере Абаканской городской парторганизацией, в антирелигиозной работе и пропаганде началось применение новых методов. Одной из форм массово-политической работы среди населения в летнее время стали агитплощадки на улицах города. Такие площадки создавались прямо на улице в тех районах города, где не было близко рабочих клубов. Массовая работа проводилась на улицах города и с помощью передвижной агитплощадки, оборудованной на автомобиле. Например, автомашина кинотеатра «Победа» с киноустановкой выезжала в удаленные части города, где перед жителями выступали лекторы с докладами и лекциями, а затем показывались научно-популярные и атеистические фильмы. Данный кинолекторий работал со 2 августа 1960 г., в рамках которого были прочитаны лекции на улицах Заводской и Песчаной, где проживало много баптистов, на Лесной и Советской, в районе старого мясокомбината. Тематика лекций и названия фильмов утверждались горкомом партии, и явля-

лись самыми различными: «О решениях июльского Пленума ЦК КПСС», «О религиозных сектах и сектантстве», «По вопросам международного положения» и др. (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 353. Л. 8). Вместе с тем согласно справке по отделу пропаганды и агитации за 1960 г.: «Отмечается значительный рост числа лекций, докладов, бесед, тяга трудящихся повышать свои знания» (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 353. Л. 18). Непосредственно характеризуя атеистическую пропаганду в городе на 1960 год, отмечалось, что в Абакане создана и работает атеистическая секция. В школе агитаторов при доме Парторгпроса был прочитан курс лекций по атеизму, а в 44 партийных организациях проведены партийные собрания с обсуждением вопроса «Отношение коммунистической партии к религии». Необходимо отметить, что собрания в основном проводились там, где в коллективе были верующие. В вечернем университете марксизма-ленинизма проводился специальный курс по атеизму. На городском августовском учительском собрании в период работы секции историков обсуждался доклад «О роли учителя в проведении атеистического воспитания учащихся» (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 353. Л. 27).

В рамках работы с населением были проведены атеистические вечера в Политехникуме. В клубе Заготзерно (район, где больше всего проживало баптистов) был проведен антирелигиозный вечер с оформлением карикатур, демонстрацией физических и химических опытов. На предприятиях города (Сплавная контора, Бондарная фабрика, Заготзерно, завод «Красный Октябрь», Пимокатная фабрика, Мясокомбинат) было прочитано 365 лекций на атеистические темы, с осуждением антиобщественных дел верующих на коллективных собраниях (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 353. Л. 28).

В антирелигиозную работу также включались и местные газеты, как это аналогично происходило в соседних регионах Западной Сибири (Сосковец, 2008. С. 95–96). В частности, в издании «Советская Хакасия» за 1959–1960 гг. были организованы десятки выступлений по антирелигиозным вопросам и делам, разоблачающим «чудеса» религии и «грязные дела церковников». Неоднократно на страницах газеты публиковались выступления лиц, отошедших от религии и «сект», освещался судебный процесс над священником Абаканской церкви, который в дальнейшем активно использовался аги-

таторами в антирелигиозной работе (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2480. Л. 39). С другой стороны, в рамках обзора газеты «Бейская правда» отмечалось, что атеистическая пропаганда ведется крайне плохо. За 3 месяца на страницах газеты не было ни одной статьи на атеистические темы, учитывая, что в Бейском районе в ряде деревень проживали иеговисты (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2580. Л. 47–48).

Еще одним направлением работы являлось персональное закрепление членов Абаканского горкома КПСС и работников научно-исследовательского института за верующими иеговистами, а студентов 5-го курса историко-филологического факультета пединститута – за баптистами для индивидуальной работы с верующими (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2480. Л. 39).

Необходимо отметить деятельность местного отделения общества «Знание», которое на 1 декабря 1959 г. объединяло 1300 членов. В рамках своей работы обществом был проведен трехдневный семинар лекторов-атеистов области, организован ряд атеистических вечеров (Абакан, Черногорск, Шире, Бея, Белый Яр и др.), на которых читались лекции, организовывались фотовыставки, кинофильмы, демонстрировались химические опыты, а главное – выступали бывшие сектанты, порвавшие с сектами (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2480. Л. 39).

Как отмечал завотделом пропаганды и агитации Абаканского горкома КПСС, данная работа приносила только некоторые результаты: прекратился рост баптистской общины (в 1960 г. не было принято ни одного человека), несколько уменьшился приток верующих в Абаканскую церковь, о чем свидетельствовало уменьшение доходов церкви (доход в 1959 г. был ниже к 1958 г. на 30–50 тыс. рублей, доход 1960 г. ниже на 20 тыс. рублей к 1959 г.). Но вместе с тем замечалось, что во многих организациях все еще слабо разворачивалась атеистическая пропаганда, а также недостаточно внимания обращалось на основную форму работы с верующими – индивидуальную работу, в т. ч. имела место кампанейщина (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 353. Л. 28).

Необходимо также упомянуть учебную работу в сети партийного политического просвещения Абаканского горкома КПСС. Согласно итогам 1960–1961 учебного года активно прошло изучение темы «Атеистическое воспитание молодежи». Одним из

вопросов этой темы было воспитание у учащихся научно-атеистических взглядов в процессе преподавания основ наук, а также рассматривались формы и методы внеклассной и внешкольной работы по атеистическому воспитанию в начальной школе. К этому занятию были подготовлены фотовыставки «Происхождение жизни на земле» и «Наука и религия». Библиотека организовала подборку литературы и постоянную выставку книг по атеистическому воспитанию в помощь классным руководителям и учителям начальной школы. Помимо этого, была намечена примерная тематика бесед с учащимися по вопросам атеизма. В планы классных руководителей были включены и проведены такие мероприятия, как обсуждение повести Тендрякова «Чудотворная», «Спасите наши души». Для учащихся демонстрировались кинофильмы «Правда о мощах», «Сон и сновидения». В марте был проведен вечер опытов и показа кинокартины «Правда о сектантах». В рамках подготовки учительских кадров для выпускников педагогического училища был проведен семинар по теме «Содержание, формы и методы атеистической пропаганды». Готовилась конференция – «Об атеистической работе в начальной школе». Все эти меры были направлены на подготовку учащихся для проведения работы по атеистическому воспитанию школьников, когда они практически столкнутся с этими вопросами в работе (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 353. Л. 38).

Атеистическая работа и пропаганда являлись основными темами, обсуждаемыми на совещании по идеологическим вопросам при Хакасском обкоме КПСС от 29 сентября 1960 г., на котором отмечались успехи и недостатки проводимой работы. Так, в своем выступлении преподаватель института, руководитель атеистической секции в обществе «Знания», указывал на проблему отсутствия соответствующей атеистической литературы для работы (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2575. Л. 4–5). Директор Дома культуры рудника «Коммунар», в своем выступлении отметил, что, несмотря на проведение просветительских мероприятий и лекций, к «его стыду», среди рабочих рудника еще есть верующие, что объяснялось ослаблением атеистической работы и деятельностью местного священника (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2575. Л. 8). Директор Абаканского музея краеведения в своем выступлении настаивал

на необходимости развернуть борьбу вообще против религии – и против «сектантов», и против православной церкви. В первую очередь, он считал, что необходимо бороться против православной церкви, ведущей работу среди верующих. Указывая, что в прошлом году в Абакане был проведен вечер против сектантов, а через неделю «в православной церкви поп закатил проповедь, тоже против сектантов. Вот сектанты плохие, переходите в православную веру, не ходите в секту». Как директор музея он предложил провести серию вечеров, где будут демонстрироваться исторические памятники прошлых веков (каменные божества) и привлечены местные материалы (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2575. Л. 13). С оригинальной инициативой выступил директор Абаканского музыкального училища. Он заметил, что в Хакасии атеистическая пропаганда не всегда достигает своей цели, так как «на атеистические лекции, по существу, ходят те, кто уже не верит, а которые верят они сознательно на них не пойдут». Поэтому он предложил воспользоваться методами, которые, по его мнению, эффективно работают у церковников, в частности музыкой, используя ее для борьбы с религией (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2575. Л. 50).

В начале 1960-х гг., одним из направлений атеистической работы и пропаганды была деятельность в отношении детей верующих. Так в справке об атеистической работе в г. Черногорске, отмечалось, что с 1954 г. в городе действует община пятидесятников, насчитывающая около 80 человек. Подчеркивалось, что в 1960–62 гг. пятидесятники усилили свою реакционную деятельность, особенно это было заметно среди детей. Дети пятидесятников посещали молитвенные собрания, не посещая в это время школу. Родители запрещали носить им пионерские галстуки, октябрятские звездочки. Аналогичные тенденции по активности протестантов в привлечении новых адептов и в т. ч. «втягивания в свои сети молодежь» отмечали и в других сибирских регионах, в частности Новосибирской области (Сосковец, 2008. С. 103). В советской действительности отказ от вступления в пионеры и комсомол вступал в противоречие с современной жизнью (Клюева, 2015. С. 147).

На одном из родительских собраний школы № 4, где больше всего училось детей пятидесятников, было предложено провести собрание на всех

улицах, где собираются верующие – о запрещении их соборий. Партийная организация шахты № 15 организовала в поселке Аэродромном, где также проводились собрания пятидесятников, три дома агитаторов, надомную библиотечку и вела работу среди жителей поселка шахты о запрещении собраний пятидесятников. Кроме этого, проводились собрания по месту работы верующих на шахтах № 7 и № 15, строительном управлении № 29, КПП и других, где «рабочие с гневом требовали самого сурового наказания главарям секты, которые одурманивают людей». В г. Черногорске был организован показательный суд над родителями, входившими в общину пятидесятников, которые не отдали своих детей в школу потому, что там ничего не говорят о боге. Их детей по решению суда изъяли и передали в интернат (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2577. Л. 1). Практика лишения родительских прав и отправки детей из семей верующих в интернат также существовала и в других регионах РСФСР. Например, в 1960 г. в г. Казани в отношении члена СЦЕХБ, из-за недостаточного обеспечения «правильности воспитания своей дочери и воспитании ее в религиозном духе» (Ибрагимов, 2005. С. 104) также были приняты аналогичные меры, как и в отношении упомянутых родителей из г. Черногорска.

Всего в школах г. Черногорска обучалось 30 детей пятидесятников, которые «в результате большой упорной работы учительского коллектива» посещали уроки музыки и просматривали учебные диафильмы. На родительских комитетах часто рассматривались вопросы о неправильном воспитании детей в семьях верующих. Так, например, на родительском комитете в школе № 10 был заслушан отчет о родителях-баптистах и о воспитании детей в их семьях. На этом заседании также присутствовали секретари парторганизаций шахты № 7 и № 15, где работали эти родители. В 1960–1961 учебном году в школе № 9 и школе № 12 дети членов баптистской общины вместе со всеми посещали просмотр фильма «Бей, барабан», что вызвало возмущение их родителей. При горкоме КПСС в апреле 1961 г. был организован атеистический совет, руководителем которого являлся В.М. Марчук. Этот совет организовывал периодическое посещение молитвенных собраний, проведение бесед, работу с парторгами, где работали

верующие, а парторги в свою очередь закрепили по месту работы агитаторов за каждым членом общины для индивидуальной работы. За этот период среди трудящихся города и учащихся школ был прочитан ряд лекций и бесед. Проведено 8 вечеров на атеистические темы. 3 декабря 1962 года в большом зале Дома культуры было организовано выступление бывшего проповедника на тему «Почему я отрекся от религии», на которой присутствовало более 600 человек. В городской газете «Шахтер» систематически публиковались статьи на атеистические темы, главным образом разоблачающие «реакционную деятельность» пятидесятников с привлечением местного материала. Как отмечали в горкоме партии, несмотря на недостаточную учебу и консультацию агитаторов-атеистов, пятидесятники города продолжали собираться, но уже в строгой тайне, с присутствием на этих собраниях не более 30–35 человек, включая 10–15 детей (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2577. Л. 2).

В конце 1962 г. в Абакане краевое отделение Общества «Знание» совместно с домом политпросвещения Красноярского крайкома КПСС, провели 8-дневный атеистический семинар и 2-дневную конференцию по обмену опытом индивидуальной работы среди верующих. В работе конференции приняли участие руководители школ и кружков, беседчики-атеисты, бывшие верующие. Выступления отошедших от религии с разоблачением идеологии церквей и «сектантства» были отмечены как важное средство улучшения атеистической работы. В рамках обмена опытом работы участниками конференции было принято решение, что лучшим мероприятием в борьбе за отрыв верующих от религии является индивидуальная работа с ними. Итогом конференции было принятие постановления, согласно которому правлениям отделений, секциям по пропаганде атеистических знаний и бюро групп членов Общества нужно разработать и провести в жизнь мероприятия по улучшению всей атеистической работы среди трудящихся. Для этого предписывалось организовывать работу школ, кружков, семинаров, лекториев и кинолекториев по атеизму, наладить индивидуальную работу с верующими, систематически проводить атеистические вечера, диспуты, конференции, цикловые и публичные лекции, общие собрания с верующими, выступления бывших верующих, шире использо-

вать для пропаганды атеизма печать, радио и телевидение (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2577. Л. 7–8). В итоге для проведения атеистической и антирелигиозной работы и пропаганды, конференция приняла итоговый список рекомендаций по работе с верующими (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2577. Л. 9–10).

К 1964 г. атеистическая работа в Хакасии несколько улучшилась. В г. Абакане, в частности, на предприятиях и учреждениях проводились партийные собрания с вопросом: «Об отношениях Коммунистической партии к религии». В крупных парторганизациях, таких как Мелькомбинат, «Металлист», Авиаотряд, АТК-1259, АТК-50 и других были созданы идеологические комиссии и выделены коммунисты для организации атеистической работы. Для индивидуальной работы с верующими были закреплены агитаторы. Коммунистов и комсомольцев, имеющих верующих родственников, закрепили за последними. В 1964 г. стала значительно лучше работать комиссия по контролю за выполнением законодательства о культах. Члены комиссии совместно с атеистами посещали церковь, баптистский молельный дом. В религиозные праздники организовывались дежурства атеистов в церкви и молельном доме. Подобные меры и действия проводились во многих регионах РСФСР и других республик СССР, способствуя оживлению атеистической работы (Белоусов, 2017. С. 185, Желновакова, 2010. С. 207, Шлихта, 2012). Комиссией был наведен полный порядок оформления всех церковных треб и обрядов. Так, в книге крещения записывался адрес и место работы родителей и запись на крещение производилась только в присутствии родителей, т. к. ранее отмечались случаи, когда верующие родственники без согласия родителей крестили детей (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 399. Л. 9). В отличие от прошлых лет преподавание основ научного атеизма на атеистическом факультете вечернего университета было тесно связано с жизнью. Слушатели факультета присутствовали на проповедях в церкви и баптистском молельном доме. После эти проповеди разбирались на занятиях. Слушатели выступали с лекциями и докладами на атеистических вечерах и вечерах вопросов и ответов, а также проводили беседы с верующими. Большинство слушателей в течение учебного года разработали по две-три лекции и доклады на атеистические темы. Слушатели фа-

культета и преподаватели школ руководили организацией атеистической работы в школах. В клубах, красных уголках проводились вечера для пожилых людей, для молодежи и женщин. Отмечался особенно удачно прошедший вечер для пожилых в постоянно действующем агитпункте при Нефтебазе, где с сообщением о новом пенсионном законе выступила зав. Горсобесом, и о вреде исполнения религиозных обрядов – инспектор городского отдела народного образования. На этом вечере присутствовало большое число верующих, которые задавали много вопросов докладчикам (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 399. Л. 10).

В 1963–1964 учебном году было организовано 11 кружков и семинаров по основам научного атеизма. Особенно хорошо работал кружок по основам научного атеизма на станции Абакан. Этот кружок посещало 6 верующих. Занятия проходили методом развернутой беседы. Как правило, на занятиях проходили острые дискуссии между верующими и атеистами. Работали кружки по основам научного атеизма на Пимокатной фабрике, в Абаканторге, семинары в школах № 1, 6, 11, в Политехникуме, в управлении культуры, научно-исследовательском институте и два семинара для медицинских работников.

В истекшем учебном году ставилась цель вовлечь верующих в общеобразовательные школы, а также привлечь к участию в различных кружках. Так, например, ряд баптистов закончили обучение в вечерней школе, либо учились в философском кружке, а верящие из станции Абакан и Пимокатной фабрики занимались в кружке научного атеизма. В 1963–64 учебном году продолжил работу лекторий для верующих при Доме культуры мелькомбината. Для верующих проводились вечера на тему: «О таинственном и загадочном в человеческой психике», «О происхождении религии», «О таинственных небесных явлениях», прочитаны лекции «О международном положении», «О моральном» кодексе», «Бывают ли «вещие» сны», «О полетах в космос» и др. Также для верующих была прочитана лекция бывшим членом баптистской общины на тему: «Почему я порвала с религией». Практика использования порвавших с религией адептов или священнослужителей, которые выступали с докладами и лекциями на антирелигиозные темы, также применялась и в других регионах

страны (Ибрагимов, 2005. С. 112). Кроме того, с верующими проводилась беседа о смысле жизни. В беседе приняли участие преподаватели пединститута, проповедники, члены двадцатки, а также весь актив молельного дома. Кроме того, присутствовало около десятка верующей молодежи. Как отмечали участники: «все доводы проповедников о цели и смысле жизни были разбиты нашими атеистами. Рядовые верующие увидели, что их проповедники очень мало знают, плохо знают Библию, путаются в суждениях, противоречат» (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 399. Л. 11).

На улицах Челюскинцев, Песочной, Проточной, в поселке нового мясокомбината, т. е. в тех местах, где проживали верующие, продолжал работать кинолекторий. Летом 1964 года были показаны художественные кинофильмы «Чудотворная», «Армагеддон», а также ряд атеистических документальных фильмов. С беседами перед демонстрацией кино выступали внештатные лекторы Абаканского горкома КПСС (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 399. Л. 12).

В 1964 г. проводилась работа и среди медицинских работников города. В марте прошло собрание медицинских работников всех служб города. С докладом «Об участии медицинских работников в атеистической работе» выступил заведующий. Для врачей и фельдшеров работали два лектория по научному атеизму. В лектории были прочитаны лекции: «Происхождение религии», «Религия древнего Востока», «Происхождение христианства», «Идеология современного православия», «Секта иеговистов», «Баптизм и его идеология». Итогом работы лектория явилась разработка врачами и фельдшерами рефератов, а также докладов и лекций на атеистические темы. Так, врачами были разработаны лекции: «Медицина и религия», «Вред крещения, причащения», «Медицина и знахарство», «Какой вред приносят религиозные обряды», «Сон и сновидения» и др. (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 399. Л. 12).

Для матерей в роддоме, в детских поликлиниках и консультациях читались лекции о вреде крещения детей и исполнения других религиозных обрядов. Силами врачей в клубах и на предприятиях проводилась вечера на тему: «О таинственном и загадочном в человеческой психике», которые вызвали большой интерес у населения, особенно у

верующих. Помимо этого, большое внимание уделялось внедрению безрелигиозных традиций и обрядов в быт горожан. Например, в домах культуры проводились дни новорожденных, дни молодоженов, торжественная регистрация брака, торжественно вручались паспорта (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 399. Л. 13). Как отмечают исследователи, практика внедрения новой обрядности, взамен религиозной – торжественное отмечае ние рождения ребенка, совершеннолетия или получения паспорта, регистрация брака, посвящение в рабочие или хлеборобы в регионах Западной Сибири стала активно распространяться после издания в декабре 1958 г. ЦК КПСС директивы ВЛКСМ «Об организации воинствующей борьбы против религиозной идеологии» (Дашковский, Зиберт, 2020. С. 86).

Тем не менее, как отмечалось в справке о состоянии атеистической работы в г. Абакане, эта работа приносила некоторые, но незначительные плоды. Община иеговистов сократилась на 10 человек, несколько уменьшилось количество приверженцев баптистов. Сократился процент крещения детей и исполнение других церковных треб (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 399. Л. 13).

Таким образом, в рамках рассматриваемого периода в Хакасской автономной области Красноярского края активно действовала атеистическая пропаганда, акцент которой делался как на распространение научных знаний, так и на проведение соответствующих мероприятий, в том числе на работу с верующими через организацию и проведение научных лекций, коллективных и в особенности индивидуальных бесед, вечеров вопросов и ответов, кинолекториев, проведение безрелигиозных праздников и др. Все это стало к середине

1960-х гг. основными формами атеистической работы и пропаганды, главными задачами которых являлись распространение атеистических идей в противовес религии, снижение числа верующих, в т. ч. среди протестантов, которых местные власти особенно выделяли из-за их сопротивления соответствовать советской идеологии, установленному порядку и нормам. Помимо просветительских действий, применялись также меры административного воздействия, денежные штрафы за нарушение законодательства о культах, использовались и меры общественного порицания (осуждение в коллективах, общественные суды), в особенности за вовлечение детей к исполнению религиозных обрядов. Существенная доля в проведении атеистической компании в Хакасии отводилась отделам пропаганды и агитации краевого исполнительного комитета, областному, городским и районным исполкомам КПСС, областной организации Всесоюзного общества «Знание», образовательным, медицинским учреждениям и учреждениям культуры. Тем не менее, несмотря на все выше перечисленные меры в регионе, как констатировали местные органы власти, по-прежнему наблюдалась высокая степень активности верующих (в особенности баптистов) в Черногорске и Абакане. Проведение атеистической пропаганды в Хакасии, как и по всей стране, незначительно снижало количество верующих, но не привело к исчезновению религиозных взглядов и убеждений, что являлось следствием качества и количества проводимых просветительских мероприятий, сложностью работы с целевой аудиторией и отсутствием долгосрочной стратегии, как неоднократно отмечали на местах представители отделов пропаганды и агитации.

Список источников

- Алексеев В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения советского государства и религии. М. : Политиздат, 1991. 398, [2] с.
- Белоусов С.С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы советской власти (октябрь 1917 – 1991 гг.). Элиста : КалмНЦ РАН, 2017. 341 с. EDN: YQVVMJ.
- Горбатов А.В. Пропаганда и СМИ в период хрущевской антирелигиозной кампании (1954–1964 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3–2 (59). С. 157–160. EDN: TCEWGV.
- Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Региональные аспекты атеистической пропаганды в Алтайском крае в

References

- Alekseev V.A. (1991) Illusions and dogmas: The relationship between the Soviet state and religion. Moscow: Politizdat. 400 p. (In Russ.).
- Belousov S.S. (2017) State religious policy in Kalmykia in relation to the Christian population during the years of Soviet power (October 1917-1991). Elista: KalmSC RAS. 341 p. (In Russ.). EDN: YQVVMJ.
- Gorbatov A.V. (2014) Propaganda and the mass media during Khrushchev's anti-religious campaign (1954-1964). *Bulletin of Kemerovo State University*. No. 3 (59). P. 157-160. (In Russ.). EDN: TCEWGV.
- Dashkovskii P.K., Dvoryanchikova N.S. (2015) Regional aspects of atheistic propaganda in the Altai region in 1953-

1953–1964 гг. // Религиоведение. 2015. № 4. С. 43–51. EDN: VJLVAR.

Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2022. 153 с. EDN: KEGTYH.

Дашковский П.К., Зиберт Н.П. Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 – середине 1960-х гг. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 140 с. EDN: BJDYJV.

Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Советская государственно-конфессиональная политика в отношении религиозных общин Хакасской автономной области во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. № 3. С. 218–236. DOI: 10.14258/nreur(2023)3-10. EDN: ULVFEG.

Желновакова М.Ф. Методы борьбы советской власти с протестантизмом в 1920–1980-х годах на примере Иркутского региона // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2010. № 3 (43). С. 203–208. EDN: MUIBXP.

Зиберт Н.П., Шершнева Е.А. Антирелигиозное воспитание молодежи на юге Западной Сибири во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 5 (109). С. 39–43. DOI: 10.14258/izvasu(2019)5-05. EDN: FLKQCE.

Ибрагимов Р.Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань : Казанский государственный университет им. Ульянова-Ленина, 2005. 181 с. EDN: QTWMRN.

Ключева В.П. «В настоящее время религия переживает серьезный кризис»: реакция советских верующих на антирелигиозную пропаганду // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 143–150. EDN: VHIIRD.

Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 353 с.

Сафронов Р.О. Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1. Богословие. Философия. 2013. № 5 (49). С. 96–112. EDN: RWNHNN.

Сосковец Л.И. Феномен советского антирелигиозного агитпропа // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 189–199. EDN: JFLPPO.

Сосковец Л.И. Религиозные организации и верующие в Советском государстве. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. 249 с. EDN: QUSZKZ.

Сосковец Л.И. Антирелигиозные практики советского государства: цели, структура, этапы, средства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9–2 (35). С. 178–182. EDN: RDQGEN.

Шакирова Э.З. Работа партийных организаций КПСС с верующими в середине 1950-х – 1980-е годы (на материалах Оренбургской, Челябинской, Курганской и Куйбы-

1964s. *Religiovedenie*. No. 4. P. 43–51. (In Russ.). EDN: VJLVAR.

Dashkovskii P.K., Dvoryanchikova N.S. (2022) Soviet and Russian state-confessional politics in the south of Western Siberia. Barnaul: Altay State University. 153 p. (In Russ.). EDN: KEGTYH.

Dashkovskii P.K., Zibert N.P. (2020) The state-confessional policy in the South of Western Siberia at the end of 1917 - the middle of the 1960-s. Barnaul: Altay State University. 140 p. (In Russ.). EDN: BJDYJV.

Dashkovskii P.K., Ozhiganov A.N. (2023) Soviet state-confessional policy in relation to the religious communities of the Khakass autonomous region in the second half of the 1970s - the first half of the 1980s. *Nations and Religions of Eurasia*. Vol. 28. No. 3. P. 218–236. (In Russ.). DOI: 10.14258/nreur(2023)3-10. EDN: ULVFEG.

Zhelnovakova M.F. (2010) Soviet power methods of fighting Protestantism in 1920–1980 on example of Irkutsk region. *Proceedings of Irkutsk National Research Technical University*. No. 3 (43). P. 203–208. (In Russ.). EDN: MUIBXP.

Zibert N.P., Shershneva E.A. (2019) Anti-religious education of young people in the south of Western Siberia in the second half of the 1940s - middle-1960s. *Izvestiya of Altai State University*. No. 5 (109). P. 39–43. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2019)5-05. EDN: FLKQCE.

Ibragimov R.R. (2005) Power and religion in Tatarstan in the 1940s–1980s. Kazan': Kazan State University named after Ulyanova-Lenina. 181 p. (In Russ.). EDN: QTWMRN.

Klyueva V.P. (2015) "Religion is currently experiencing a serious crisis": the reaction of Soviet believers to anti-religious propaganda. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. No. 4 (31). P. 143–150. (In Russ.). EDN: VHIIRD.

Nikolskaya T.K. (2009) Russian Protestantism and state power in 1905–1991. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 353 p. (In Russ.).

Safronov R.O. (2013) Sect studies in USSA: Terminology and approaches. *Bulletin St. Tikhon's University Review. Ser. 1. Theology. Philosophy*. No. 5 (49). P. 96–112. (In Russ.). EDN: RWNHNN.

Soskovets L.I. (2005) Phenomenon of Soviet antireligious propagandas. *Bulletin of the Tomsk State University*. No. 288. P. 189–199. (In Russ.). EDN: JFLPPO.

Soskovets L.I. (2008) Religious organizations and believers in the Soviet state. Tomsk: TML-Press. 249 p. (In Russ.). EDN: QUSZKZ.

Soskovets L.I. (2013) Anti-religious practice of Soviet state: aims, structure, stages, means. *Historical, Philosophical, Ppolitical and Legal Sciences, Cultural Sstudies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. No. 9-2 (35). P. 178–182. (In Russ.). EDN: RDQGEN.

Shakirova E.Z. (2009a) The work of the CPSU party organizations with believers in the mid-1950s and 1980s (based on materials from the Orenburg, Chelyabinsk, Kurgan and

шевской областей) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175). С. 142–150. EDN: LADOWT.

Шакирова Э.З., Баннова В.И. Эволюция государственной политики в области этноконфессиональных отношений на примере Оренбургской, Челябинской, Курганской и Самарской областей (середина 1950–2005 гг.). Оренбург : ГОУ ОГУ, 2009. 61 с. EDN: QUUOJF.

Шкаровский М.В. Последняя атака на Русскую православную церковь // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал : сб. статей. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1997. С. 328–399. EDN: YQJXX.

Шлихта Н. «От традиции к современности»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950–1960-е гг.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 3–4. С. 380–407. EDN: QZJVJJ.

Информация об авторе

Ожиганов Александр Николаевич,
старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений,
Алтайский государственный университет,
656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, Россия,
e-mail: ozhiganov@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2904-6734>

Вклад автора

Ожиганов А.Н. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 8 марта 2024 г.; одобрена после рецензирования 5 июня 2024 г.; принята к публикации 17 июня 2024 г.

Kuibyshev regions). *Bulletin of ChelSU*. No. 37 (175). P. 142-150. (In Russ.). EDN: LADOWT.

Shakirova, E.Z., Bannova V.I. (2009b) Evolution of state policy in the field of ethno-confessional relations on the example of the Orenburg, Chelyabinsk, Kurgan and Samara regions (mid-1950-2005). Orenburg : GOU OGU. 61 p. (In Russ.). EDN: QUUOJF.

Shkarovskii M.V. (1997) The last attack on the Russian Orthodox Church. Soviet society: emergence, development, historical finale. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet. P. 328-399. (In Russ.). EDN: YQJXX.

Shlikhta N. (2012) "From tradition to modernity": Orthodox rituals and celebrations during the antireligious campaign in Ukraine, 1950-s - 1960-s). *State, Religion, Church in Russia and abroad*. Vol. 30. No. 3-4. P. 380-407. (In Russ.). EDN: QZJVJJ.

Information about the author

Aleksandr N. Ozhiganov,
Senior Lecturer of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations,
Altai State University,
61, Lenin Avenue, Barnaul 656049, Russia,
e-mail: ozhiganov@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2904-6734>

Contribution of the author

Ozhiganov A.N. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 8, 2024; approved after reviewing June 5, 2024; accepted for publication June 17, 2024.

Научная статья
УДК 378.1(47+57:510)(091)
EDN: YMFEDQ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-169-178>

Китаеведение и российско-китайское межрегиональное сотрудничество на примере регионов Сибири

Чжан Пэйюань¹, В.Г. Дацышен^{2,3}

¹ Шилингольский профессиональный колледж, Шилин-Хото, Китай

² Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Красноярск, Россия

³ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам взаимосвязи российского китаеведения и российско-китайских отношений. Несмотря на большой интерес исследователей к проблемам межрегионального сотрудничества между Россией и Китаем, вопросы значения и роли китаеведения для установления сотрудничества регионов Сибири с Китаем изучены недостаточно. Проблема рассматривается на примере регионов Сибири в конце XX в. Историческими источниками для исследования послужили документы из фондов региональных архивов Новосибирска, Иркутска и Красноярска, а также материалы периодической печати. Нормализация советско-китайских отношений произошла в 1980-х гг. Ее особенностью было активное развитие приграничных и межрегиональных отношений. К моменту становления прямых связей и сотрудничества регионов Сибири с Китаем краеведческое образование здесь существовало лишь в Чите и Новосибирске. В дополнение к этому опыт университетского китаеведения и преподавания китайского языка был еще у Иркутска. Первое советско-китайское соглашение приграничного уровня было подписано в Читинской области, Новосибирск уже в середине 1980-х гг. стал привлекательным для Китая в части сотрудничества в разных сферах, но в первую очередь в сфере науки и высшего образования. Особенности культуры и традиций в высшем образовании Читинской и Новосибирской, а отчасти Иркутской областей, где был накоплен опыт китаеведческого образования и имелись специалисты-китаеведы, позволили наладить и начать эффективно развивать международные научные и культурные контакты с Китаем уже на этапе нормализации советско-китайских отношений, в то время как другие сибирские регионы смогли этого достичь уже после окончания процесса нормализации.

Ключевые слова: Чита, Новосибирск, Иркутск, китайский язык, китаеведение, советско-китайские отношения, Восточно-Сибирский регион, межрегиональное сотрудничество, исторический опыт

Для цитирования: Чжан Пэйюань, Дацышен В.Г. Китаеведение и российско-китайское межрегиональное сотрудничество на примере регионов Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 169–178. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-169-178. EDN: YMFEDQ.

History

Original article

Sinology and Russian-Chinese interregional cooperation using the example of Siberian regions

Zhang Peiuyan¹, Vladimir G. Datsyshen^{2,3}

¹ Xilin Gol Vocational College, Xilinhot, China

² Federal Research Center “Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Krasnoyarsk, Russia

³ Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'ev, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the problems of the relationship between Russian Sinology and Russian-Chinese relations. Despite the great interest of researchers in the problems of interregional cooperation between Russia and China, the issues of the

importance and role of Chinese studies for establishing cooperation between the regions of Siberia and China have not been sufficiently studied. The problem is considered on the example of the regions of Siberia at the end of the twentieth century. The historical sources for the study were documents from the collections of the regional archives of Novosibirsk, Irkutsk and Krasnoyarsk, as well as materials from the periodical press. Normalization of Soviet-Chinese relations took place in the 1980s. Its feature was the active development of cross-border and interregional relations. By the time of the establishment of direct ties and cooperation between the regions of Siberia and China, local history education existed here only in Chita and Novosibirsk. In addition to this, Irkutsk also had experience in university Chinese studies and teaching Chinese. The first Soviet-Chinese border-level agreement was signed in the Chita region, Novosibirsk already in the mid-1980s. It has become attractive to China in terms of cooperation in various fields, but primarily in the field of science and higher education. The peculiarities of culture and traditions in higher education in the Chita and Novosibirsk, and partly Irkutsk regions, where the experience of Chinese studies education was accumulated and Sinologists were available, made it possible to establish and begin to effectively develop international scientific and cultural contacts with China already at the stage of normalization of Soviet-Chinese relations, while other Siberian regions were able to achieve this after the end of the normalization process.

Keywords: Chita, Novosibirsk, Irkutsk, Chinese language, sinology, Soviet-Chinese relations, East Siberian region, interregional cooperation, historical experience

For citation: Zhang Peiyuan, Datsyshen V.G. (2024) Sinology and Russian-Chinese interregional cooperation using the example of Siberian regions. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 169-178. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-169-178. EDN: YMFEDQ.

В настоящее время Российская Федерация и Китайская Народная республика уверенно поддерживают отношения партнерства и добрососедства, подписывают взаимовыгодные соглашения и контракты, наращивают взаимный торговый оборот, сотрудничество в сфере науки и образования. Дружественные отношения и взаимовыгодное партнерство базируется на взаимопонимании, на знании друг о друге, на опыте в сфере гуманитарного сотрудничества. Необходимыми составляющими для успешного двухстороннего взаимодействия являются наличие китаеведения в России и русистики в Китае.

Проблемы межрегионального сотрудничества традиционно привлекают внимание сибирских исследователей (Базаров, Ганжуров, 2002; Тарасов, 2003; Аблажей, 2011; Гордеев, Грибова и др., 2015; Дмитренко, 2015). В ряде работ специально рассматривается российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере (Ганьшина, 2015; Башкуева, 2019; Дроботушенко, 2022; Суржко, 2023). Сибирские китаеведы рассматривают опыт сотрудничества с Китаем в сфере китаеведения (Азаренко, Комиссаров, 2004; Очиров, Васильева, 2022). В последние годы много внимания вопросам русско-китайского сотрудничества в сфере образования уделяют китайские исследователи (Лю Цзэя, 2013; Ван Вэй, 2020; И Синьцин, 2022; Ли Пин, 2022). Тем не менее проблемы взаимосвязи российского китаеведения и развития межрегионального сотрудничества в российско-китайских отношениях на

примере сибирских регионов остаются изученными недостаточно.

Российско-китайские социальные связи имеют длительную и плодотворную историю. Первой из европейских держав Россия направила в Китай учеников. Студенты из России входили в состав русской духовной миссии в Пекине. Китайские исторические источники особо подчеркивают роль культурных обменов периода династии Цин – «годы Шуньчжи и Канси», сетуя на блокировку общения в более ранние эпохи со времен династии Мин. Весьма примечательна роль двух школ при Русском подворье в Пекине: одна ориентировалась на русских, приезжавших на учебу, вторая же – на детей воинов «Восьмизнаменной армии» Маньчжурской династии.

С середины и особенно с конца XIX века отмечен значительный рост спроса в России на знания о Китае и китаеведов. В 1880-х гг. часть российских учеников (чаще из Восточной Сибири), приезжавших в Китай, за счет частных пожертвований получали стипендии. Распределением средств ведало Министерство иностранных дел Российской империи.

В 1899 г. во Владивостоке был учрежден Восточный институт. Часть его студентов в летние каникулы отправлялась в Китай для дополнительной языковой подготовки в летней школе. Отмечены стажировки в Пекине и других китайских городах. Министерство путей сообщения России оказывало поддержку этой практике, представляя бесплатный проезд по Китайско-Восточной и Южно-

Маньчжурским железным дорогам, а также на паромных переправах по Амуру и Сунгари.

Подчеркнем, что особую роль в истории русско-китайских отношений играла всегда Сибирь. Но для того чтобы успешно и плодотворно взаимодействовать с соседними территориями регионы Сибири всегда нуждались в китаеведах, в тех, кто был способен наладить коммуникацию и диалог с китайскими партнерами. Еще в XVIII в. именно сибиряки стали первыми русскими китаеведами. Нормализация советско-китайских отношений в 1980-х годах вновь актуализировала проблемы сибирского китаеведения и развития межрегионального сотрудничества в сфере образования.

Несмотря на большой интерес исследователей к проблемам межрегионального сотрудничества между Россией и Китаем, вопросы значения и роли китаеведения для установления сотрудничества регионов Сибири с Китаем изучены недостаточно. Проблема рассматривается на примере регионов Сибири в конце XX в. Историческими источниками для исследования послужили документы из фондов региональных архивов Новосибирска, Иркутска и Красноярска, а также материалы периодической печати.

В 1970–1980-х годах на территории Сибири было всего два центра вузовского китаеведения – в Чите и Новосибирске. В Читинском государственном педагогическом институте отделение китайского языка было открыто в сентябре 1960 г., а в следующем году там была сформирована кафедра китайского языка – единственная в Сибири до конца советского периода. В Читинской области, единственной в Сибири, китайский язык преподавался и в средних школах – в городе Чите и приграничном поселке Забайкальске.

Новосибирское китаеведение сложилось позднее читинского, в Новосибирском государственном университете преподавание китайского языка началось в 1969 г. В Западной Сибири впервые появилось университетское китаеведение, когда изучающим эвенкийский язык студентам гуманитарного факультета НГУ был предложен факультатив китайского языка (Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Архив НГУ. Ф. Р-1848. Оп. 2. Д. 23. Л. 54). В другой раз студентам-филологам китайский язык предложили изучать вместо чешского языка. В 1972 г. состоялся первый набор студентов в НГУ на

специальность история (востоковедение) с изучением китайского языка. Согласно сообщению начальника Новосибирского ГОНО (городского отдела народного образования), в 1980-х годах в городе резко возрос интерес к китайскому языку, в разных учебных учреждениях: «появились классы, факультативы по изучению Китайского языка» (Новосибирский городской архив (НГА). Ф. 703. Оп. 1. Д. 1. Л. 8).

После противостояния конца 1960–1970-х гг. с весны 1982 г. началась нормализация советско-китайских отношений. Важную роль здесь играли потребности и возможности регионов, а наиболее успешно с первых дней развивалось приграничное торгово-экономическое сотрудничество. Особое место среди сибирских регионов занимали Новосибирская и Читинская области. В Новосибирской области находилась неофициальная столица Сибири – крупнейший экономический и научно-образовательный центр всего востока России. Читинская область единственная среди сибирских регионов имела общую границу с Китаем и при этом самый продолжительный в России опыт приграничного сотрудничества с соседними китайскими территориями. Именно эти области в 1980-х годах первыми наладили прямые связи и сотрудничество с Китаем.

Читинская область первая среди всех регионов России установила прямые связи и сотрудничество с китайскими партнерами. Осенью 1986 г. в Чите состоялась первая торгово-промышленная выставка Автономного района Внутренней Монголии. Однако еще раньше, в 1985 г. читинские китаеведы, преподаватели китайского языка, поехали на практику в Китай (Горлачев, Юйшина, 2010. С. 187). Правда, это взаимодействие было еще на межгосударственном уровне, а не на уровне прямых связей и межрегионального сотрудничества. Но вскоре представители Читы посетили и региональный педагогический университет в Китае, 1 октября 1987 г. начальник Управления иностранных дел Автономного района Внутренней Монголии Бай Юнь привез делегацию Читинской области во главе с председателем правления Читинского отделения ОСКД Н.И. Дмитриевым в Педагогический университет Внутренней Монголии в Хух-Хото. Масштабное сотрудничество читинских китаеведов с китайскими партнерами установилось лишь с начала 1989 г. В Читу приехали преподавать китайский язык несколько русистов из КНР, троих

сотрудников Читинского государственного педагогического института пригласили на переговоры в Хайларский педагогический колледж, в Чите было подписано «Соглашение об установлении межвузовских связей между Читинским государственным педагогическим институтом (СССР) и педагогическим университетом (АРВМ КНР)» (Горлачев, Юйшина, 2010. С. 187).

Ведущий российский китаевед В.Л. Ларин особо подчеркивает, что именно подписанный 15 апреля 1988 г. «Протокол об учреждении приграничной торговли и организации экономического и технического сотрудничества между Забайкальским районом Читинской области СССР и городом Маньчжурия (Маньчжоули) Автономного района Внутренняя Монголия» стал «Первым советско-китайским соглашением приграничного уровня» (Ларин, 2006. С. 31). Здесь следует напомнить, что административный центр этого района был единственным в СССР поселком, в котором в средней школе преподавался китайский язык. Как пишет известный сибирский китаевед А.П. Тарасов: «Я думаю, что это одно из замечательных событий в новейшей истории российско-китайских торгово-экономических связей. За год до формальной нормализации межгосударственных отношений и за несколько месяцев до заключения соответствующего межправительственного соглашения два приграничных района России и Китая... смогли договориться об установлении торговых отношений» (Тарасов)¹. Показательно, впервые после долгих лет противостояния и холодной войны русские смогли договориться с китайцами именно там, где были преподаватели китайского языка и ученики, изучавшие этот язык. В конце 1980-х годов в Читинской области было зарегистрировано около 100 участников внешнеэкономических связей, а подписано было в 1988–1989 гг. 120 контрактов с зарубежными партнерами.

Новосибирск привлекал китайцев, прежде всего, своим научным потенциалом. Но в то время возникла новая проблема – это проблем социализации и лингвокультурной адаптации китайских студентов в новых для них условиях сибирского региона. В

июле 1984 г. в городе Новосибирске побывала китайская делегация, представлявшая Государственный Комитет по науке и технике КНР. В 1985 г. столицу Новосибирской области посетила китайская делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПК заместителем Премьера Госсовета КНР Яо Илинем. В делегации было 52 человека, китайцы посетили Новосибирский Академгородок. Успешно взаимодействовала с Китаем Государственная публичная научно-техническая библиотека (ГПНТБ) Сибирского отделения Академии наук СССР. Уже в первой половине 1980-х гг. она имела трех китайских партнеров, а 1985 г. ГПНТБ установила сотрудничество еще с библиотекой Академии наук КНР и Шанхайским институтом научно-технической информации (Дацышен, 2020а. С. 10–15). Благодаря институтам и учреждениям СО РАН были налажены и связи советских университетов с Китаем, так как многие советские академические ученые работали дополнительно в высших учебных заведениях. Особенно тесно институты СО РАН взаимодействовали с Новосибирским государственным университетом.

С 1988 г. Новосибирская область установила прямые связи и сотрудничество с Китаем. Большое значение для развития сотрудничества с Китаем имело наличие в Новосибирске профессиональных китаеведов. Например, в конце 1980-х гг. молодой сотрудник НГУ С.А. Комиссаров четыре раза выезжал в Китай, оказывая большую помощь в налаживании прямых связей региона с китайскими партнерами. Но в Новосибирске в 1980-х гг. жили и работали китаеведы старшего поколения, такие как О.П. Фролова и другие русские реэмигранты из Китая, получившие в Китае образование. Новосибирск как центр науки и образования притягивал к себе высокообразованных русских реэмигрантов, а те, в свою очередь, способствовали развитию общей культуры и образования, в том числе в сфере китаеведения. Важную роль в деле установления межвузовского сотрудничества с Китаем сыграло местное отделение Общества советско-китайской дружбы (Дацышен, 2022).

В Новосибирской области именно государственный университет оказался в числе первых российских вузов, установивших связи с китайскими партнерами. В 1987 г. впервые выехали на стажировку в Китай новосибирские китаеведы. В 1991 г. руководство Новосибирска уже поставило вопрос об

¹ Тарасов А.П. 30 лет китайской торговле Забайкалья: как это было. URL: <https://a-p-tarasov.livejournal.com/9159.html?ysclid=lt2mg8qw5t755921912> (дата обращения 22.07.2024).

организации обменов с Китаем с целью стажировки учителями китайского и русского языков (НГА). Ф. 703. Оп. 1. Д. 1. Л. 8).

Говоря о других регионах Сибири, следует отметить, что в их числе только Иркутская область имела опыт развития китаеведческого образования, в начале 1920-х гг. там было создано университетское китаеведение, но его развитие продолжалось недолго. Тем не менее исторический опыт оказывал влияние на культуру Иркутска. Именно в Иркутском университете начал свой путь в китаеведение отец всем известного дипломата, государственного и общественного деятеля И.А. Рогачева, чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Китайской Народной Республике. В 1950-х гг. в столице Восточной Сибири, в том числе и в Иркутском государственном университете, открывались курсы китайского языка. Иркутский университет был одним из старейших в России, вероятно, поэтому в Протоколе о сотрудничестве между Министерствами образования Советского Союза и КНР на 1984/85 учебный год этот университет попал в число пяти университетов СССР, утвержденных для установления прямого сотрудничества с вузами Китая. Партнером для иркутян тогда был назначен Хэйлунцзянский университет.

В конце 1980-х годов в столице Иркутской области было возрождено преподавание китайского языка. В 1987 г. при Иркутском отделении Общества советско-китайской дружбы был создан кружок по изучению китайского языка. Так, в административном центре Иркутской области вновь местные жители стали изучать китайский язык, на первые курсы записалось несколько десятков человек. Вскоре было введено преподавание китайского языка в Иркутском государственном университете, а затем и в других высших учебных заведениях города.

Иркутская область получила право на приграничную торговлю еще в 1986 г., но лишь с 1988 г. начали активно развиваться связи с Китаем. Согласно отчету руководства Иркутского отделения Общества советско-китайской дружбы, в 1988 г. в Иркутской области было только две делегации из Китая – из провинции Хэйлунцзян и Цзилинь, а кроме того, Иркутск посетил главный редактор журнала «Природа» из Пекина (Центр документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО). Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 228. Л. 24).

Самым большим регионом в Сибири по территории и населению был Красноярский край. Однако этот регион не имел традиций китаеведческого образования, в Красноярске не сохранялась историческая память о достижениях в области китаеведения земляков, таких как составитель самого большого в мире китайско-русского словаря митрополит Иннокентий (Фигуровский). В совокупности с тем фактом, что Красноярск в 1980-х гг. формально был закрытым для посещения иностранцами городом, полное отсутствие культуры китаеведения обусловили некоторое отставание Красноярского края в установлении связей и сотрудничества с Китаем. Красноярский край получил право на приграничную торговлю с Китаем уже в 1986 г., но первые представители этого региона поехали в Китай лишь в конце 1988 г., а бум взаимных посещений начался в 1989 г.

В Красноярском крае, как и в Иркутской области, подавляющее большинство договоренностей о сотрудничестве и совместных проектах реализованы не были. Для сравнения можно привести пример с открытием совместных предприятий «ресторан китайской кухни». В Иркутске этот проект был реализован уже в 1989 г., когда был открыт в качестве совместного предприятия ресторан «Нэймэнгу». В Красноярске договоренность об открытии ресторана китайской кухни была достигнута в 1989 г., но открыть ресторан удалось только в 1991 г. В «Отчете по внешнеэкономической деятельности Красноярского края за 1992 г.» было указано одно предприятие с китайскими инвестициями. Это было совместное предприятие ресторан китайской национальной кухни «Хей-Хэ-Лунган» (Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-2460. Оп. 1. Д. 37. Л. 44).

Китаеведение в конце XX в. было драйвером всего советско-китайского сотрудничества в сфере высшего образования, в том числе и на межрегиональном уровне. Более того, именно межвузовское взаимодействие оказалось наиболее успешным и устойчивым в сравнении с другими направлениями межрегионального российско-китайского сотрудничества. Например, на рубеже 1980–1990-х гг. системный и устойчивый характер приобрело сотрудничество в сфере высшего образования между Читинской областью и Внутренней Монголией. В июне 1991 г. руководители педагогических вузов в

Чите и Хух-Хото утвердили «План осуществления межвузовского обмена на 1991–1992 учебный год». После этого столицы Читинской области и Внутренней Монголии обменялись студентами, 8 студентов приехали на один семестр учиться на кафедру иностранных языков Педагогического университета Внутренней Монголии, а 10 студентов ПУВМ отправились в Читу на один учебный год.

В Иркутский государственный университет уже в 1988 г. приехали китайцы-русисты на стажировку. «Восточно-Сибирская правда» сообщала: «В Иркутском государственном университете проходят стажировку два специалиста по советской литературе из Китая. Это – ректор Баотоуского пединститута, член правления Всекитайского общества по изучению советской литературы, член Союза китайских писателей профессор Чэнь Шоупэн и Хэ Мылан, преподавательница русского языка Лесного института из города Хух-хот» (Гайда Г. Восполнить упущенное // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск). 1988. № 295 (20595). 25 декабря. С. 4).

В 1989 г. Иркутский государственный университет развернул широкое и всестороннее сотрудничество с Китаем, и важной частью этого сотрудничества было развитие китаеведения. Иркутские историки пишут, что «в 1989 г. китайский язык изучали только восемь студентов специальности «Мировая экономика»» (Озерникова, Пруцких, 2016). Но в исторических источниках отражены более широкие масштабы китаеведческого образования в ИГУ в то время. В статье, опубликованной в иркутской газете, начальник международного отдела ИГУ рассказал о международном сотрудничестве своего университета: «В настоящее время 10 студентов 2-х факультетов, физического и исторического, изучающих китайский язык под руководством преподавателей доцентов А.В. Диогенова и Н.Е. Единарховой, проходят учебную производственную практику в КНР, а мы в свою очередь с 1 сентября приняли 5 студентов и 1 преподавателя Хэйлунцзянского университета, изучающих русский язык» (ИГУ. Международные связи // Иркутский университет (г. Иркутск). 1989. № 28. 10 октября. С. 4). Первыми преподавателями стали заместитель декана факультета русского языка Хэйлунцзянского университета Чень Готин и старший преподаватель Пекинского института иностранных языков Ли Вэньфан (Дацышен, 2020b. С. 248).

В столице самого большого в Сибири региона, Красноярского края, в советское время не было китаеведения, вообще университет здесь был открыт недавно, не имел богатых традиций гуманитарной науки и образования. Однако КГУ, опираясь на потенциал самого большого города Восточной Сибири, быстро подключился к международному сотрудничеству. Впервые представители китайских вузов приехали в Красноярский государственный университет весной 1989 г., и тогда впервые был поставлен вопрос о создании здесь отделения или кафедры китаеведения. Университетская газета сообщала: «КГУ и гости обменялись опытом по учебным программам, перестройке в преподавании, научно-исследовательской работе... Обсуждали возможность обмена студентами, стажировок и чтения лекций преподавателями, а также организации отделения или в дальнейшем кафедры китайского языка в КГУ» (Дневник университетской жизни // Университетская жизнь (г. Красноярск). 1989. № 15 (470). 18 апреля. С. 1). В ходе ответного визита был подписан «Договор о сотрудничестве в области образования, науки и культуры между Хэйлунцзянским университетом и Красноярским госуниверситетом». Однако в Красноярске не спешили с открытием китайского отделения. В декабре 1990 г., сообщая об итогах очередной поездки в Китай, заместитель проректора КГУ заявил: «Через год-полтора планируется открыть на нашем факультете специализацию по изучению китайского языка. Пока наших студентов отправлять в Китай рано, надо их еще подучить» (Дневник университетской жизни // Университетская жизнь (г. Красноярск). 1990. № 25–26 (523–524). 17 декабря. С. 1). В октябре 1991 г. университетская газета сообщала: «В серьезное взаимодействие с китайской стороной пока вступил только филологический факультет... Преподаватели китайского языка и двое аспирантов к А.П. Сковородникову должны приехать... в ноябре» (Китай: экзотика и сотрудничество // Университетская жизнь (г. Красноярск). 1991. № 15/16 (541–542). 17 октября. С. 3). Корреспондент газеты «Университетская жизнь» осенью 1991 г. отмечал, что университет как центр образования науки и культуры должен приступить к комплексному изучению Китая: «Пока нужно признать, что бурно начавшееся было установление отношений переживает некоторое затишье... Надо при-

знать, что мы еще не «по-университетски» подходим к китайским отношениям и из формулы «университет – центр образования, науки и культуры» выполняем только первое – пытаемся наладить образовательный обмен студентами» (Китай: экзотика и сотрудничество // Университетская жизнь (г. Красноярск). 1991. № 15/16 (541–542). 17 октября. С. 3). Реализовать удалось лишь планы сотрудничества в части создания китаеведческого образования, уже в 1991 г. в университете для студентов факультета филологии и журналистики преподаватель из Харбина стал вести китайский язык, а со второго семестра 1991/1992 учебного года была сформирована студенческая группа китаистов.

Говоря об университетском китаеведении, следует отметить, что в Красноярском университете в конце 1980-х гг. уже работал выпускник восточного отделения НГУ В.К. Васильев. Он установил связи с китайскими коллегами во время частных поездок в Китай, а затем ездил в Харбин в составе первых университетских делегаций. Университетская газета сообщала: «Преподавателем нашего филологического факультета В.К. Васильевым подготовлен русско-китайский разговорник для широкого пользования, который будет издан в нашем издательстве» (Китай: экзотика и сотрудничество // Университетская жизнь (г. Красноярск). 1991. № 15/16 (541–542). 17 октября. С. 3). Именно он стал первым куратором китаеведческого образования в КГУ.

В столице Хакасии, городе Абакане, в советское время также не было попыток организации краеведческого образования или преподавания китайского языка. Но в 1950-е гг. преподаватель Абаканского государственного педагогического института работал в Китае, что и стало основанием для установления прямых связей абаканского вуза с китайскими партнерами.

Газета «Красноярский рабочий» развернуто информировала, что восстановлены традиционные дружеские связи между Абаканским педагогическим институтом и Северо-Восточным педагогическим университетом Китайской Народной Республики. Рассказывалось, что в 1955–1957 годах в китайском университете преподавал доцент кафедры истории Абаканского пединститута А.Н. Гладышев-

ский, подружившийся со многими преподавателями и студентами, с переводчиком Ху Дуаньвэем, ныне доцентом кафедры иностранных языков. Ректором работает Хуан Цичан, который тепло отзывался о советском преподавателе, лекции которого слушал на факультете русского языка, будучи студентом. Хуан Цичан высказал предложение: сделать Абаканский пединститут и Северо-Восточный университет побратимами (Угольников Ю. Возвращение дружбы // Красноярский рабочий (г. Красноярск). 1989. № 65. 22 марта. С. 1).

Исторический опыт сотрудничества с Китаем Забайкалья и сложившееся развитое китаеведение в Чите обусловили тот факт, что первое в истории советско-китайских отношений соглашение о межрегиональном сотрудничестве подписали между собой один из районов Восточно-Сибирского региона Читинской области и город во Внутренней Монголии. Его появление в части «технических возможностей» и в силу общей культурной составляющей оказалось возможным потому, что в Читинском государственном педагогическом институте существовало китаеведческое образование, институт выпускал из числа местного населения знатоков Китая и переводчиков, в институте работали специалисты, имевшие опыт переговоров с китайской стороной.

Таким образом, первое советско-китайское соглашение приграничного уровня было подписано в Читинской области, Новосибирск уже в середине 1980-х гг. стал привлекательным для Китая в части сотрудничества в разных сферах, но в первую очередь в сфере науки и высшего образования.

Особое геополитическое положение Сибири, особенности культуры и традиций в высшем образовании Читинской и Новосибирской, а отчасти Иркутской областей, где был накоплен опыт китаеведческого образования и имелись специалисты-китаеведы, позволили наладить и начать эффективно развивать международные научные и культурные контакты с Китаем уже на этапе нормализации советско-китайских отношений, в то время как другие сибирские регионы смогли этого достичь уже после окончания процесса нормализации.

Список источников

Аблажей Н.Н. Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество в 1990–2000-е гг. // Приграничье Азиатской России: подходы к анализу современных проблем : сборник научных статей. Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2011. С. 33–51. EDN: WWDJDP.

Азаренко Ю.А., Комиссаров С.А. Российско-китайские научные и культурные контакты последних десятилетий (взгляд из Сибири) // Пятые востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица : мат. V межд. научно-практич. конф., Барнаул, 23 апреля 2004 года. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. С. 193–199.

Базаров Б.В., Ганжуров Д.В. Российско-китайские отношения и роль регионов Восточной Сибири в их развитии (1989–1999 гг.). Иркутск : Оттиск, 2002. 131 с.

Башкуева Е.Ю. Гуманитарное сотрудничество Республики Бурятия с Монголией и Китаем: состояние и перспективы // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 2 (34). С. 227–232. DOI: 10.31554/2222-9175-2019-34-227-232. EDN: TGZNON.

Ван Вэй. Историческое исследование сотрудничества в области образования России и Китая // Глобальный научный потенциал. 2020. № 2 (107). С. 10–13. EDN: UKEWRG.

Ганьшина Е.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 88–97. EDN: TMGEBH.

Гордеев Н.В., Грибова С.Н., Жданова Н.Н., Котельников А.А. Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945–2012. 2-е изд. Чита : Экспресс-издательство, 2015. 360 с.

Горлачев В.П., Юйшина Е.А. Международная деятельность Читинского государственного педагогического института. Начало пути // Трансграничье в изменяющемся мире. 2010. № 1. С. 185–192. EDN: NBKGXB.

Дацышен В.Г. Новосибирское отделение Общества советско-китайской дружбы и политика «мягкой силы» в 1980-х гг. в региональном измерении // Шелковый путь: Историческое наследие и современное развитие : материалы научно-практической конференции Второго международного научного форума НГУ «Наследие» (31 октября – 1 ноября 2020 г., г. Новосибирск) / под ред. С.А. Комиссарова, Ю.А. Азаренко. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020а. С. 9–19. EDN: YBEDCO.

Дацышен В.Г. Восточная Сибирь в советско-китайских отношениях в 1980-е гг. // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания: материалы Международной научной конференции. Иркутск, 7–9 декабря 2020 г. / отв. ред.

References

Ablazhei N.N. (2011) Russian-Chinese interregional and border cooperation in the 1990s-2000s. *Prigranich'e Aziatskoi Rossii: podkhody k analizu sovremennykh problem: Sbornik nauchnykh statei = Borderland of Asian Russia: Approaches to the Analysis of Modern Problems: Collection of Scientific Articles*. Novosibirsk. P. 33-51. (In Russ.). EDN: WWDJDP.

Azarenko Yu.A., Komissarov S.A. (2004) Russian-Chinese scientific and cultural contacts of the last decades (a view from Siberia). *Pyatye vostokovedcheskie chteniya pamyati S.G. Livshitsa. Mat. V mezhd. nauchno-praktich. konf., Barnaul, 23 aprelya 2004 goda = Fifth Oriental Readings in Memory of S.G. Livshits. Mat. V interst. nauchno-prakticheskikh. konf. Barnaul, 23 aprelya 2004 goda*. Barnaul: BGPU. P. 193-199. (In Russ.).

Bazarov B.V., Ganzhurov D.V. (2002) Russian-Chinese relations and the role of Eastern Siberian regions in their development (1989-1999). *Irkutsk: Ottisk*. 131 p. (In Russ.).

Bashkueva E.Y. (2019) Humanitarian cooperation of the Republic of Buryatia with Mongolia and China: status and prospects. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 2 (34). P. 227-232. (In Russ.). DOI: 10.31554/2222-9175-2019-34-227-232. EDN: TGZNON.

Wang Wei. (2020) A Historical Study of Cooperation in the Field of Education in China and Russia. *Global Scientific Potential*. No. 2 (107). P. 10-13. (In Russ.). EDN: UKEWRG.

Gan'shina E.I. (2015) Russian-Chinese humanitarian cooperation in the 90s of the twentieth century. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. International Relations*. No. 1. P. 88-97. (In Russ.). EDN: TMGEBH.

Gordeev N.V., Gribova S.N., Zhdanova N.N., Kotelnikov A.A. (2015) Transbaikalia-PRC. Cross-border and interregional relations. 1945-2012. Chita: Express Publishing House. 360 p. (In Russ.).

Gorlachew W.P., Yujshina E.A. (2010) The international activity of the Chita state teacher training college. The way beginning. *Transborder in a Changing World*. No. 1. P. 185-192. (In Russ.). EDN: NBKGXB.

Datsyshen V.G. (2020a) Novosibirsk Branch of the Soviet-Chinese Friendship Society and the policy of "Soft Power" in the 1980s in the regional dimension. *Shelkovyi put': Istoricheskoe nasledie i sovremennoe razvitie: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii Vtorogo mezhdunarodnogo nauchnogo foruma NGU «Nasledie» (31 oktyabrya - 1 noyabrya 2020 g., Novosibirsk) = Silk Road: Historical Heritage and Modern Development. Materials of the Scientific and Practical Conference of the Second International Scientific Forum of NSU "Heritage" (October 31 - November 1, 2020. Novosibirsk)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. P. 9-19. (In Russ.). EDN: YBEDCO.

Datsyshen V.G. (2020b) Eastern Siberia in USSR-PRC relations in 1980s. *IV Gotlibovskie chteniya: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v kontekste transdistsiplinarnogo znaniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Irkutsk, 7-9 dekabrya 2020 g. = IV Gottlieb Readings: Oriental Studies and Regional studies of*

Е.Ф. Серебренникова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020b. С. 236–252. EDN: OGUPNL.

Дацышен В.Г. Региональные отделения общества советско-китайской дружбы на востоке России: этапы истории // Россия – Китай: история и культура : сборник статей и докладов участников XV Международной научно-практической конференции, Казань, 11–12 ноября 2022 года. Казань, 2022. С. 91–98. EDN: IYMAPB.

Дмитренко О.В. Экономическое и геополитическое значение сотрудничества Республики Бурятия и Китая // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2–1. С. 84–87. EDN: TNPWUP.

Дроботушенко Е.В. Центры русского языка в Китае как проводники политики «мягкой силы» России (из опыта работы Забайкальского государственного университета) // Россия – Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке: материалы XX Международной научно-практической конференции, Чита, 22 апреля 2022 года / отв. редактор Ц.С. Дондоков. Чита : Изд-во ЗабГУ, 2022. С. 73–78. EDN: XOGORD.

И Синьцин. Исследование сотрудничества в сфере высшего образования между Китаем и Россией // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 1–1. С. 405–413. DOI: 10.34670/AR.2022.59.42.033. EDN: FFVMPE.

Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток : Дальнаука, 2006. 424 с. EDN: VYPRLB.

Ли Пин. О путях образовательной интеграции в приграничных университетах КНР и РФ // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76–1. С. 200–202. EDN: QQZONG.

Лю Цзея. Развитие российско-китайских отношений в области образования // Образование и наука. 2013. № 10 (109). С. 91–104. EDN: RSSCJZ.

Озерникова Т.Г., Пруцких Т.А. Факторы и тенденции российско-китайского сотрудничества в сфере образования // Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность : материалы II междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Победы во Второй мировой войне: в 2 ч. (Иркутск, 21–22 сентября 2015 года). Иркутск : Изд-во Байкальского государственного университета, 2016. Ч. 1. С. 3–10. EDN: WBXPZX.

Очиров О.Р., Васильева К.К. Забайкальская школа китайского языка и культуры: история и современность // Язык и культура. 2022. № 57. С. 145–156. DOI: 10.17223/19996195/57/7. EDN: RETDOL.

the Asia-Pacific Region in the Context of Transdisciplinary Knowledge: Proceedings of the International Scientific Conference. Irkutsk, December 7-9, 2020. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 236-252. (In Russ.). EDN: OGUPNL.

Datsyshen V.G. (2022) Regional branches of the Soviet-Chinese Friendship Society in the East of Russia: stages of history. *Rossiia - Kitai: istoriya i kul'tura : sbornik statei i dokladov uchastnikov XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kazan', 11-12 noyabrya 2022 goda = Russia - China: History and Culture : a Collection of Articles and Reports by Participants of the XV International Scientific and Practical Conference. Kazan, November 11-12, 2022. Kazan. P. 91-98. (In Russ.). EDN: IYMAPB.*

Dmitrienko O.V. (2015) Economic and geopolitical importance of cooperation between the Republic of Buryatia and China. *Bulletin of the Buryat State University. No. 2-1. P. 84-87. (In Russ.). EDN: TNPWUP.*

Drobotushenko E.V. (2022) Russian Language Centers in China as a conductor of Russia's Soft Power policy (from the experience of the Transbaikalian State University). *Rossiia - Kitai: razvitie regional'nogo sotrudnichestva v XXI veke. Materialy XX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Chita, 22 aprelya 2022 goda = Russia-China: Development of Regional Cooperation in the XXI century. Materials of the XX International Scientific and Practical Conference, Chita, April, 22, 2022. Chita: Transbaikalian State University (ZabGU). P. 73-78. (In Russ.). EDN: XOGORD.*

Yi Xinqing. (2022) Study of cooperation in higher education between China and Russia. *Pedagogical Journal. Vol. 12. No. 1-1. P. 405-413. (In Russ.). DOI: 10.34670/AR.2022.59.42.033. EDN: FFVMPE.*

Larin V.L. (2006) In the shadow of the dragon awoken: the Russian-Chinese relations on the boundary of the 20th-21st centuries. *Viadvostok: Dal'nauka. 424 p. (In Russ.). EDN: VYPRLB.*

Li Ping. (2022) On the ways of educational integration in the border universities of the PRC and the Russian Federation. *Problems of Modern Pedagogical Education. No. 76-1. P. 200-202. (In Russ.). EDN: QQZONG.*

Liu Jieya. (2013) The strategic partnership between Russia and China in educational sphere. *Education and Science. No. 10 (109). P. 91-104. (In Russ.). EDN: RSSCJZ.*

Ozernikova T.G., Pruckich T.A. (2016) Factors and tendencies of the Russian-Chinese cooperation in education. *Razvitie rossiisko-kitaiskikh otnoshenii: novaya mezhdunarodnaya real'nost': materialy II mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 70-letiyu Pobedy vo Vtoroi mirovoi voine: v 2 chastyakh (Irkutsk, 21-22 sentyabrya 2015 goda) = The Development of Russian-Chinese Relations: a New International Reality. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of Victory in World War II: in 2 parts (Irkutsk, September 21-22, 2015). Irkutsk: Baikal State University. Pt. 1. P. 3-10. (In Russ.). EDN: WBXPZX.*

Ochirov O.R., Vasilyeva K.K. (2022) Trans-Baikalian Chinese language school and cultures: history and modernity. *Language and Culture. No. 57. P. 145-156. (In Russ.). DOI: 10.17223/19996195/57/7. EDN: RETDOL.*

Суржко А.В. Российско-китайские отношения в области науки и образования. Опыт Красноярского государственного университета в 1988–2006 годах // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 273–285. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-3-22. EDN: FAIBHH.

Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: ЗабГПУ, 2003. 431 с. EDN: QOWENB.

Информация об авторах

Чжан Пэйюань,

Преподаватель кафедры экономики и менеджмента, Шилингольский профессиональный колледж, 026000, г. Шилин-Хото, ул. Мин Аньту, 11, Китай, e-mail: yutu_china@163.com

Дацышен Владимир Григорьевич,

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии, Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», 660036, г. Красноярск, ул. Академгородок, 50, Россия; профессор кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, Россия, e-mail: dazishen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6471-8327>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 24 июля 2024 г.; одобрена после рецензирования 6 сентября 2024 г.; принята к публикации 16 сентября 2024 г.

Surzhko A.V. (2023) Russian-Chinese relations in the field of science and education. Experience of Krasnoyarsk State University in 1988–2006. *Historical Courier*. No. 3 (29). P. 273–285. (In Russ.). DOI: 10.31518/2618-9100-2023-3-22. EDN: FAIBHH.

Tarasov A.P. (2003) Transbaikalia and China: the experience of analyzing international relations. Chita: ZabGPU. 431 p. (In Russ.). EDN: QOWENB.

Information about the authors

Zhang Peiyuan,

Teacher of Economics and Management department, Xilin Gol Vocational College, 11, Ming'antu St., Xilinhot 026000, China, e-mail: yutu_china@163.com

Vladimir G. Datsyshen,

Dr. Sci. (History), Professor, Senior Research Fellow of the Laboratory of Historical and Socio-Economic Research of Siberia and Central Asia, Federal Research Center «Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences», 50, Akademgorodok St., Krasnoyarsk 660036, Russia; Professor of the Department of World History, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'ev, 89, A. Lebedeva St., Krasnoyarsk 660049, Russia, e-mail: dazishen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6471-8327>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 24, 2024; approved after reviewing September 6, 2024; accepted for publication September 16, 2024.

Рецензия

Рецензия
УДК 94(47).084
EDN: YWNNUK
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-179-182>

Российское православие в годы революционного перелома Рогозный П.Г. Православная Церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920. М. : Изд-во «Весь мир», 2018. 304 с.

А.С. Пученков

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В рецензии рассматривается монография петербургского историка Павла Геннадьевича Рогозного «Православная Церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920» – продуктивный результат многолетних исследовательских усилий по анализу историографии, архивных, газетных и мемуарных материалов. Автор отмечает серьезные изменения в жизни Церкви. Огромный человеческий капитал, искреннее подвижничество церковных иерархов и глубокое осознание ими миссии перед Верой и страной позволили совершиться подлинному чуду: «По сути, Церковь стала единственной официальной организацией старой России, которая институционально не развалилась после революций». Монография оценена как чрезвычайно важное, актуальное и квалифицированное исследование. Книга будет полезна и научному сообществу и интересна широкому кругу читателей.

Ключевые слова: П.Г. Рогозный, монография, Русская Православная Церковь, Революция 1917 г., большевики, научные результаты, спектр вопросов, оценка

Для цитирования: Пученков А.С. Российское православие в годы революционного перелома: рецензия на монографию П.Г. Рогозного «Православная Церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920» // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 179–182. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-179-182. EDN: YWNNUK.

Review

Review

Russian Orthodoxy in the Years of the Revolutionary Turning point Rogozny P.G. (2018) The Orthodox Church and the Russian Revolution. Essays on history. 1917-1920. Moscow: Publishing house “The Whole world”. 304 p.

Aleksandr S. Puchenkov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

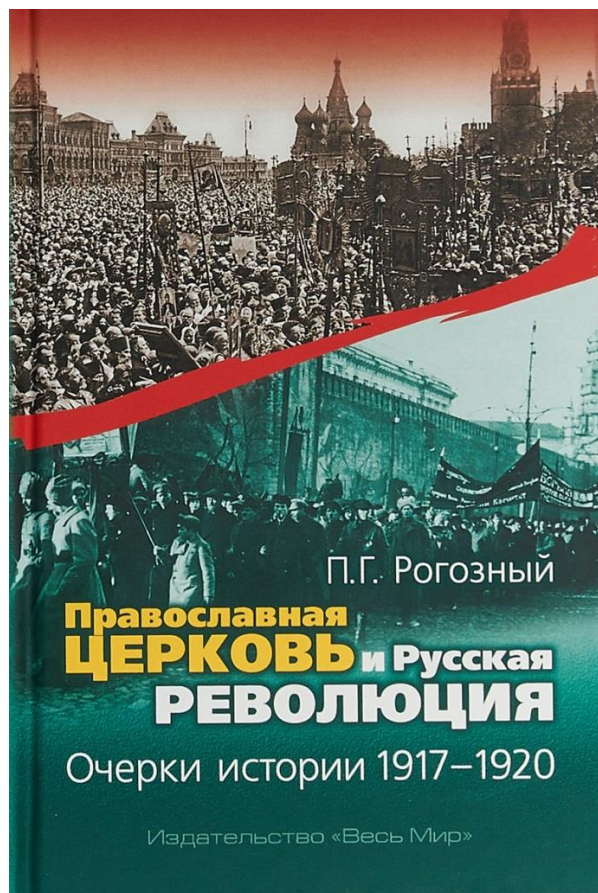
Abstract. The review examines the monograph of the St. Petersburg historian Pavel Gennadyevich Rogozny “The Orthodox Church and the Russian Revolution. Essays on history. 1917-1920”, such a productive result of many years of research efforts to analyze historiography, archival, newspaper and memoir materials. The author notes the huge changes in the life of the Church. The huge human capital, the sincere asceticism of the church hierarchs and their deep awareness of their mission to Faith and country allowed a genuine miracle to happen: “In fact, the Church became the only official organization of old Russia that did not institutionally collapse after the revolutions.” The monograph is evaluated as an extremely important, relevant and qualified study. The book will be useful to the scientific community and interesting to a wide range of readers.

Keywords: P.G. Rogozny, monograph, Russian Orthodox Church, Revolution of 1917, Bolsheviks, scientific results, range of issues, assessment

For citation: Puchenkov A.S. (2024) Russian Orthodoxy in the Years of the Revolutionary Turning point: a review of P.G. Rogozny's monograph "The Orthodox Church and the Russian Revolution. Essays on history. 1917–1920". *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 179-182. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-179-182. EDN: YWNNUK.

Петербургский историк Павел Геннадьевич Рогозный вот уже четверть века увлеченно работает над изучением истории Российской Церкви в революционный период. Результатами его исследований мог бы похвастаться каждый ученый: спустя 3 года после защиты кандидатской диссертации на тему «Февральская революция 1917 года и высшее духовенство Российской православной церкви», в 2008 году вышла его первая монография «Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции)», привлекая большой интерес. В год столетия Великой российской революции П.Г. Рогозный в Москве опубликовал замечательно-талантливую и необычную книгу «Мы живем в 1917 году», адресованную нашим самым важным и заинтересованным читателям – детям; наконец, в 2018 году московское издательство «Весь мир» выпустило данную монографию плодотворного автора, которую можно рассматривать в качестве визитной карточки талантливого историка, квинтэссенцию его упорного многолетнего труда. Так как автор этих строк недавно получил возможность ознакомиться с исследованием П.Г. Рогозного – лишь этим объясняется данная, к сожалению, столь запоздалая рецензия на нужную и чрезвычайно значимую для историографии книгу.

В процессе подготовки рецензируемого труда Павел Геннадьевич провел не один год в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Твери, Иванова; ученым обработаны подшивки множества газет того времени, в монографии активно используется мемуаристика. Кроме того, историк отличается блестящей историографической эрудицией – им глубоко и основательно изучены труды таких крупнейших специалистов по проблеме, как Г. Фриз, С.Л. Фирсов, П.Н. Зырянов. С этими учеными, помимо сугубо научных контактов, Павла Геннадьевича связывали и связывают многолетние теплые и дружественные отношения. Во многом именно усилиями П. Г. Рогозного в 2019 г. выпущена книга «Губительное благочестие», основой которой стали статьи выдающегося американского историка Грегори Фриза – крупнейшего специали-

ста по истории синодальной эпохи. Издание открывалось солидным очерком П.Г. Рогозного о биографии американского ученого, а также его же историографическим анализом трудов современных российских исследователей.

Рецензируемая книга прошла серьезную апробацию: научное сообщество всякий раз благожелательно встречало статьи П.Г. Рогозного, затрагивавшие проблемы истории Российской Православной Церкви в начале XX века. Немалая их часть в переработанном и дополненном виде вошла в монографию П.Г. Рогозного, посчитавшего необходимым подчеркнуть, что тема духовенства и Церкви совершенно периферийна для 1917 г. (С. 23).

Отмечая, что накануне Февраля Российская Церковь находилась в тяжелом организационном и идеологическом кризисе, историк приводит этому ряд объяснений, указывая, в частности, на распутищину, «совершенно беззастенчивое вмешательство императора в церковные дела», доходившее даже до нарушений петровского «Духовного регла-

мента». «Кризис “ведомства православного исповедания” был тем фактором, который объясняет, почему рядовое духовенство так приветствовало Февральскую революцию, считая, что теперь наступит счастье (С. 24). Вся предшествующая многовековая связь Церкви с монархией значительной частью духовенства уже воспринималась как обременительная. При этом те владыки, которые не успели заявить о беспрекословном повиновении Временному правительству, вынуждены были опускаться до унижительных оправданий (С. 34).

Февральская революция кардинальным образом изменила прежний уклад Церкви настолько, что современники нередко называли произошедшие изменения «церковной революцией», говоря о судьбоносном для российского православия времени с марта по август 1917 года. Об этом периоде подробно рассказывается в рецензируемой работе. Рогозный повествует, в частности, о кампании по очистке Церкви от «распутинского епископата», начатой обер-прокурором Святейшего Синода В.Н. Львовым (С. 46–50, 120).

Рогозный правомерно полагает, что одним из основных результатов «церковной революции» было повсеместное введение выборного начала, а сами альтернативные выборы были важнейшим символом революционных процессов, происходивших в 1917 г. в Церкви. Например, в Москве главой епархии после ожесточенной борьбы был избран архиепископ Тихон Виленский (Беллавин), а решающая баллотировка состоялась 21 июня 1917 г. (С. 121–130). Спустя несколько месяцев митрополит Московский и Коломенский Тихон (Беллавин) в результате жеребьевки, при огромном стечении народа все в том же храме Христа Спасителя, был избран Святейшим Патриархом, а уже 21 ноября того же года состоялась интронизация нового предстоятеля Российской Православной Церкви.

Историк отмечает, что выборы в обеих столицах носили в прямом смысле слова демократический характер, избирательные кампании отличались взаимным уважением кандидатов; а вот в провинциальных епархиях, как полагает автор, выборы носили «более политизированный характер».

Предметному анализу отношений Церкви и большевиков в первые годы Советской власти посвящена вторая часть книги П.Г. Рогозного, затро-

нувшего целый ряд сюжетов, которые прежде не были предметом специального изучения историков; вернее, они показывались почти исключительно в контексте общей проблематики истории Гражданской войны. Автор стремится к рассмотрению в первую очередь проблем именно истории Церкви, не забывая о политическом фоне, на котором происходили рассматриваемые им события.

В книге П.Г. Рогозного затрагивается необычайно широкий спектр вопросов жизни Российской Православной Церкви, актуализировавшихся после прихода к власти большевиков – вопросы брака и развода, столь остро стоявшие накануне революции и зачастую служившие причиной негативного отношения мирян к Церкви как к институту; вопросы отношений религии и еврейского вопроса в годы революции и Гражданской войны, поскольку, по правомерному заключению автора, тысячи людей «стали жертвами безумного антисемитизма, охватившего бывшую Российскую империю», но и «тысячи ни в чем не повинных людей» стали жертвами Декрета об антисемитизме, не имевшего мировых аналогов (С. 238); антиклерикальная пропаганда, которую вела советская власть... Отдельный сюжет – борьба большевиков с иконами, включавшая в себя вынос икон из учебных заведений, с заводов и фабрик. Даже не пытаясь рассуждать об этической стороне подобного рода мероприятий, отметим, что их бесполезность и вредность для дела пропаганды идеи Советской власти была очевидна для многих большевиков. Народ в массе своей активно выступал против очередной кампании, затеянной новой властью.

Программная цель Ленина – сокрушение Церкви как института, не могла быть достигнута в одночасье, как следствие, власть перешла к долгосрочной осаде: «Становилось понятно, что никакими кавалерийскими атаками Церковь не побороть. Православная Церковь становилась главным идеологическим противником советской власти, по крайней мере, на территории, контролируемой большевиками» (С. 256).

В книге П.Г. Рогозного затрагиваются и факты расстрелов священнослужителей в дни красного террора, правда, ученый оговаривает, что «их расстрел не следует рассматривать как факт гонения на церковь», поскольку священнослужители осенью 1918 г. часто становились обычными заложни-

ками, наряду с так называемыми «буржуазными элементами» (С. 258).

Подводя итог своему исследованию, П.Г.Рогозный отмечает огромные изменения в жизни Церкви, свершившиеся в незабываемом 1917-м году. Объяснения этому ученый находит не только в масштабности перемен, затронувших всю страну, но и в кадровом составе высших иерархов Церкви: «несмотря на все обвинения в распутнице, лицемерии, карьеризме, деспотизме, кажется, что ни до, ни после епископат Русской Церкви не обладал таким интеллектуальным и политическим потенциалом, как в 1917 г.» (С. 273). В немалой степени этот огромный человеческий капитал, вкупе с искренним подвижничеством иерархов

Церкви и глубоким осознанием ими своей миссии перед Верой и страной, позволил совершиться подлинному чуду, на которое обращает внимание историк: «По сути, Церковь стала единственной официальной организацией старой России, которая институционально не развалилась после революции 1917 г.» (С. 279).

На наш взгляд, Павлу Геннадьевичу Рогозному удалось подготовить чрезвычайно важное, актуальное и квалифицированное исследование, в основу которого положена серьезная документальная база, придающая выводам автора глубокую достоверность. Эта книга предназначена не только для научного сообщества, ее выводы представляют интерес для самого широкого круга читателей.

Информация об авторе

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры
Православной культуры и теологии,
Донской государственный технический университет,
344010, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, Россия,
e-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9016-3991>

Вклад автора

Пученков А.С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 19 июля 2024 г.; одобрена после рецензирования 2 августа 2024 г.; принята к публикации 12 августа 2024 г.

Information about the author

Aleksandr S. Puchenkov,
Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Orthodox
Culture and Theology,
Don State Technical University,
1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344010, Russia,
e-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9016-3991>

Contribution of the author

Puchenkov A.S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 19, 2024; approved after reviewing August 2, 2024; accepted for publication August 12, 2024.

Некролог / Obituary

О нем будет помнить не одно поколение

Николай Александрович Савельев
30.03.1946 – 04.09.2024

4 сентября ушел из жизни Николай Александрович Савельев, выдающийся российский археолог, один из основоположников иркутской школы археологии. Николай Александрович посвятил свою жизнь изучению древностей родной Сибири. С 1966 года он начал путь в науке. В 1970 г. возглавил вновь открытую Лабораторию археологии в Иркутском госуниверситете. Николай Александрович стал лидером в развитии неолитического направления. Им была создана культурно-хронологическая схема стояночного неолита Прибайкалья. Эта концепция является актуальной и рабочей сегодня. В 1989 г. Н.А. Савельев блестяще защитил диссертацию на тему историографии неолитоведения Восточной Сибири. За десятилетия, проведенные в экспедициях, им открыты и исследованы уникальные многослойные памятники Казачка, Горелый Лес, Усть-Хайта, Бугульдейка и многие другие, составившие золотой фонд иркутской археологии. Мы знали его как искреннего, обаятельного человека, прекрасного педагога, одаренного ученого и относились к Ник Санычу с восхищением и сыновьей любовью. О его вкладе в науку как педагога, организатора и исследователя будет помнить не одно поколение археологов. Светлая, светлая, светлая память о нем навсегда останется с нами.

А.В. Тетенькин,
А.В. Харинский,
Д.Е. Кичигин,
Ю.А. Емельянова,
А.М. Коростелев,
А.А. Уланов,
М.А. Портнягин

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом 6000–9000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. **Имена, отчества и фамилии авторов**: располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. **Организация и ее адрес**: располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. **Аннотация**: должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. **Благодарности**. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. **Английский перевод** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. **Раздел «Список источников»**. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например, статья в журнале:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуру-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.;

монография:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. **Раздел «References»** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. **Раздел «Информация об авторах»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

И. О. Фамилия –

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) И. О. Фамилия –

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. **Раздел «Вклад авторов».** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: **«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. **Раздел «Конфликт интересов».** Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами**: иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces. The heading "Review" accepts articles with a volume of 6000-9000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **The title**, which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.

2.3. **Names, patronymics and surnames of authors**: they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.

2.4. **The organization and its address**: are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).

If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. **Abstract** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.

2.6. **Acknowledgments**. After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

2.7. **The English translation** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.8. Section **"Список источников (List of sources)"**. It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example, a journal article:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

article in a scientific collection:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; monograph:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section «**References**» is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address (building, street, city, postal-index, country)

e-mail

2.11. **Section "Criteria of authorship"**. After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. **Section "Conflict of interest"**. It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All **tables** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to **archival** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 3 (52) 2024

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 30.09.24. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 24,25.
Тираж 500 экз. Заказ 62. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А